A·02
96 92

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ПОСЕСРОЧ 1348

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

№ 3. МАРТЪ 1901.

IX 5/14
№ 2490
Проверено 1948 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1901.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. **Законодательство:**
   А. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1
   Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 15
2. **Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ** по гражданскому вѣдомству 17
3. **Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи** 25
4. **Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи** 36
5. **Городыскій, Я. К.** Наши суды и судебные порядки по даннымъ ревизіи 1895 г. (продолженіе) 1
6. **Ширяевъ, В. Н.** Уголовное законодательство Японіи . . 60
7. **Шалландъ, Л. В.** Невшательская сессія института международнаго права 100
8. **Коробка, П. С.** Замѣтки мироваго судьи 127
9. **Хроника:**
   I. О практикѣ Правительствующаго Сената по вопросу о выдачѣ крестьянскимъ женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство. *С. Кожухова* . 158
   II. Пререканія. *І. Павловскаго* 168
   III. Отвѣтственность подстрекателя при наличности покушенія на поджогъ, предусмотрѣннаго 1 п. 1610 ст. улож. наказ. (Изъ судебной практики). *П. Ананьева* 173
   IV. Объ учрежденіи похоронной кассы для лицъ судебнаго вѣдомства. *А. Быстрицкаго* . . 178
   V. По поводу циркуляра управленія межевою частью объ отмѣнѣ вторичнаго освидѣтельствованія межевою канцеляріею дѣлъ по межеванію церковныхъ земель. *С. Р.* . . . 184

VI. Гражданская практика Омской судебной палаты (продолженіе). *А. М.* 186
VII. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ. 205
10. **Къ вопросу объ организаціи мѣстной юстиціи.** *К. П. Змирлова.* 223
11. **Дѣло А. Тальмы въ Правительствующемъ Сенатѣ.—Высочайшее повелѣніе 28 февраля 1901 г.** 253
12. **Кассаціонная практика.** Вопросы, разрѣшенные Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1900 г. (окончаніе). Составилъ *М. П. Шрамченко* 287
13. **Обзоръ иностраннаго законодательства** 297
Французскій законъ 1 декабря 1900 г. о разрѣшеніи женщинамъ, имѣющимъ дипломы лиценціата правъ, заниматься адвокатурою. *Н. Ш.*—Адвокаты и стряпчіе во французскихъ коммерческихъ судахъ. *І. Г.*
14. **Письма изъ Англіи. XXIII.** *Сесиль-Мидъ-Аллена* . . . 313
15. **Литературное обозрѣніе** 324
1) Проф. Л. Е. Владиміровъ—Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ.—*Г. Фельдштейна.* 2) П. Казанскій—Введеніе въ курсъ международнаго права.—*Л. Шалланда.* 3) П. Казанскій—Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ.—*В. Гессена.* 4) Анисимовъ—Новый уставъ о гербовомъ сборѣ.—*Г.* 5) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.
16. **Международный Союзъ Криминалистовъ.** Русская группа. 355
Протоколъ засѣданія комитета группы 24 февраля 1901 г. Приложеніе: Замѣтка по вопросу объ организаціи патроната въ Россіи. *А. В. Витте.*
17. **Письмо въ редакцію** 362
18. **Объявленія** . . . . . I—X

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1901. № 10, I, 23; № 11, I, 26; № 12, I, 28; № 13, I, 30; № 14, II, 2; № 15, II, 6; № 16, II, 9; № 17, II, 13; № 18, II, 15 № 19, II, 16; № 20, II, 20; № 21, II, 23.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. I, ч. 2. Учр. Мин. № 16, ст. 182. Имен. ук. О предоставленіи правъ командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ должности товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, учрежденной 20 апрѣля 1900 года.

Т. II. Гор. Пол. № 15, ст. 147. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи статьи 44 Городоваго Положенія. № 16, ст. 181. Имен. ук. объ отводѣ городамъ: Барнаулу, Бійску, Кузнецку и Колывани выгонныхъ земель согласно Высочайше утвержденнымъ планамъ (ст. 1).

Т. IV. Уст. Воин. Пов. № 10, ст. 85. Мн. Гос. Сов. О причисленіи Грозненской горской начальной школы для окончившихъ въ ней курсъ ученія ко второму разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности. № 16, ст. 185. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи ратникамъ ополченія, состоящимъ на государственной гражданской службѣ, въ случаѣ призыва ихъ въ учебные сборы, правъ, предоставленныхъ имъ при призывѣ на дѣйствительную военную службу.

Т. IV. Уст. Зем. Пов. № 21, ст. 279. Мн. Гос. Сов. О квартирномъ довольствіи судебныхъ слѣдователей (II).

Т. V. Уст. Прям. Налог. № 21, ст. 277. Мн. Гос. Сов. Объ отмѣнѣ взимаемой въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Царства Польскаго лановой подати.

Т. VI. Уст. Тамож. № 12, ст. 103. Выс. пов. О причисленіи охранной стражи Китайской Восточной желѣзной дороги къ отдѣльному корпусу пограничной стражи. № 15, ст. 149. Мн. Гос. Сов. О безпошлинномъ привозѣ предметовъ для надобностей Варшавскаго музея промышленности и сельскаго хозяйства. № 17, ст. 216. Мн. Гос. Сов. О принятіи на счетъ казны расходовъ по доставкѣ и содержанію ремонтныхъ лошадей отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед. № 20, ст. 247. Пол. Ком. Мин. Объ установленіи особаго нагруднаго знака для лицъ, окончившихъ курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института и Восточномъ институтѣ. № 21, ст. 278. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи положенія и штата Александровскаго техническаго училища въ городѣ Череповцѣ.

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг. № 15, ст. 148. Мн. Гос. Сов. О мѣрахъ для предупрежденія злоупотребленій въ торговлѣ гарными маслами (I) [1].

Т. XIII. Уст. Прод. № 20, ст. 242. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи ст. 253 Устава объ обезпеченіи народнаго продовольствія.

Т. XV. Уст. Наказ. № 15, от. 148. Мн. Гос. Сов. О мѣрахъ для предупрежденія злоупотребленій въ торговлѣ гарными маслами (II).

Постановлено:

II. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (Свода Зак., т. XV ч. 1, изд. 1885 г.), дополнить статьею 48^7 слѣдующаго содержанія:

Ст. 48^7. За несоблюденіе правилъ, установленныхъ для продажи искусственнаго гарнаго масла, виновные, буде не подлежатъ болѣе строгому наказанію, подвергаются, сверхъ отобранія искусственнаго гарнаго масла, денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей [2].

---

[1]) См. ниже узак. къ Уст. Наказ.

[2]) Отдѣломъ I сего закона въ измѣненіи и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено:

1) Названіе „деревянное (лампадное) масло“ присвоивается исключительно натуральному оливковому маслу, не содержащему никакихъ примѣсей.

Т. XVI, ч. 1. Учр. Суд. Уст. № 21, ст. 279. Мн. Гос. Сов. О квартирномъ довольствѣ судебныхъ слѣдователей (I).

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено:

1) Судебнымъ слѣдователямъ въ округахъ судебныхъ палатъ С.-Петербургской, Московской, за исключеніемъ Архангельской губерніи, Одесской, Казанской, Кіевской, Виленской, Саратовской, за исключеніемъ Уральской и Тургайской областей, и Харьковской, за исключеніемъ области войска Донскаго, квартирныя деньги производятся по разрядамъ мѣстностей согласно росписанію, примѣняемому для исчисленія квартирныхъ окладовъ полицейскимъ чиновникамъ (ст. 5 прил. къ ст. 557 [прим.] Уст. Служб. Прав.), въ размѣрѣ слѣдующихъ окладовъ: въ мѣстностяхъ перваго разряда—700 р., втораго разряда—600 р., третьяго разряда—500 р., четвертаго разряда—400 р. и пятаго разряда—300 р. При этомъ слѣдователямъ, камеры коихъ находятся внѣ городскихъ поселеній въ уѣздахъ: Московскомъ, С.-Петербургскомъ и Одесскомъ, квартирныя деньги производятся по окладу, установленному для мѣстностей перваго разряда, таковымъ же слѣдователямъ въ уѣздахъ: Астраханскомъ, Кишеневскомъ (Бессарабской губ.), Виленскомъ, Шуйскомъ (Владимірской губ.), Екатеринославскомъ, Кіевскомъ, Рижскомъ (Лифляндской губ.), Нижегородскомъ, Екатеринбургскомъ (Пермской губ.), Пермскомъ, Самарскомъ Петергофскомъ и Царскосельскомъ (С.-Петербургской губ.), Саратовскомъ, Царицынскомъ (Саратовской губ.), Ялтинскомъ (Таврической губ.), Тульскомъ, Харьковскомъ, Херсонскомъ, Ревельскомъ (Эстляндской губ.) и Ярославскомъ—по окладу, установленному для мѣст-

---

2) Всякія, предназначенныя для возжиганія, смѣси растительныхъ маслъ между собою или съ маслами минеральными носятъ наименованіе искусственныхъ гарныхъ маслъ.

3) Посуда и иныя помѣщенія, въ которыхъ хранится и отпускается для продажи искусственное гарное масло, должны имѣть на видныхъ мѣстахъ ясную и прочную надпись: „искусственное гарное масло“ и, кромѣ того, имя или фирму заводчика либо торговца.

4) Торговыя заведенія, занимающіяся продажею искусственнаго гарнаго масла, должны имѣть на видныхъ мѣстахъ вывѣску съ надписью, что въ нихъ производится торговля означеннымъ продуктомъ.

5) Министру Финансовъ предоставляется издавать, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, подробныя правила относительно надзора за соблюденіемъ при продажѣ искусственнаго гарнаго масла изложенныхъ въ ст. 2—4 постановленій. Означенныя правила представляются Правительствующему Сенату, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

ностей третьяго разряда, а слѣдователямъ, имѣющимъ камеры внѣ городскихъ поселеній въ прочихъ уѣздахъ,—по окладу, установленному для мѣстностей пятаго разряда. Всѣмъ судебнымъ слѣдователямъ Ставропольской губерніи квартирныя деньги производятся по окладу, установленному для мѣстностей пятаго разряда.

2) Особыхъ суммъ на наемъ камеръ, сверхъ указанныхъ квартирныхъ окладовъ (ст. 1), судебнымъ слѣдователямъ не отпускается.

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 13, ст. 124. Пол. Воен. Сов. Объ обращеніи Царевскаго резервнаго баталіона изъ пятиротнаго въ четырехротный составъ. № 13, ст. 125. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штатной суммы на наемъ помѣщенія для Уральской войсковой оружейной мастерской. № 13, ст. 128. Выс. пов. Объ увеличеніи окладовъ содержанія офицерамъ казачьихъ войскъ, получающимъ жалованье по чинамъ изъ войсковыхъ капиталовъ. № 14, ст. 136. Имен. ук. О выпускѣ, третьимъ изданіемъ, XXII, XXIII и XXIV книгъ Свода Военныхъ Постановленій 1869 года. № 15, ст. 152. Выс. пов. О подчиненіи канцеляріи военно-ученаго комитета главнаго штаба генералъ-квартирмейстеру сего штаба. № 20, ст. 237. Имен. ук. Объ отчужденіи земель для устройства подъ Брестъ-Литовскою крѣпостью артиллерійскаго полигона, стрѣльбища и лагеря для частей войскъ, располагаемыхъ у этой крѣпости. № 20, ст. 254. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи порядка снабженія мундирною одеждою нижнихъ чиновъ, командируемыхъ въ перемѣнный составъ Рижскаго учебнаго унтеръ-офицерскаго баталіона. № 30, ст. 255. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штатовъ Хабаровскаго вещеваго склада и интендантской части по денежному довольствію войскъ Забайкальской области. № 21, ст. 284. Пол. Воен. Сов. О столовыхъ деньгахъ офицерамъ, обучающимся въ академіяхъ. № 21, ст. 285. Пол. Воен. Сов. Объ исключеніи изъ смѣты Семирѣченскаго казачьяго войска расходовъ на содержаніе казачьяго отдѣла при штабѣ Сибирскаго военнаго округа. № 21, ст. 286. Пол. Воен. Сов. О вооруженіи части нижнихъ чиновъ Карсской мѣстной команды шашками и револьверами. № 21, ст. 287. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи церковныхъ причтовъ при полкахъ 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады. № 21, ст. 288. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи

штата Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. № 21, ст. 289. Пол. Воен. Сов. О введеніи въ штатъ управленій 1, 2 и 4 Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ бригадъ должностей ветеринарныхъ врачей. № 21, ст. 290. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи пособія на обмундированіе подхорунжимъ казачьихъ войскъ. № 21, ст. 291. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи числа женскихъ мѣстъ въ Самаркандскомъ военномъ госпиталѣ. № 21, ст. 292. Выс. пов. Объ установленіи формы обмундированія: а) Восточно-Сибирскихъ линейныхъ и Владивостокскаго крѣпостнаго пѣхотнаго полковъ; б) Барнаульскаго резервнаго баталіона, и в) Квантунской саперной и Южно-Уссурійской кадровой обозной ротъ. № 21, ст. 294. Выс. пов. Объ отмѣнѣ барашковыхъ шапокъ и объ установленіи парадным головнымъ уборомъ фуражки съ гербомъ для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства въ Одесскомъ, Туркестанскомъ и Кавказскомъ военныхъ округахъ. № 21, ст. 295. Выс. пов. Объ установленіи формы обмундированія Сумскаго кадетскаго корпуса. № 21, ст. 296. Выс. пов. О правилахъ ношенія чинами военнаго вѣдомства знака Краснаго Креста и знака отличія Краснаго Креста. № 21, ст. 297. Выс. пов. Объ измѣненіи цвѣта мундира (черкески) въ Терскомъ и Кубанскомъ казачьихъ войскахъ. № 21, ст. 298, Выс. пов. Объ установленіи шифровки нижнимъ чинамъ Новочеркасской пожарной команды. № 21, ст. 289. Выс. пов. Объ установленіи формы обмундированія Хабаровскаго кадетскаго корпуса. № 21, ст. 300. Выс. пов. О разрѣшеніи употреблять въ кавалеріи ремень-подтяжку для пригонки винтовки. № 21, ст. 301. Выс. пов. О введеніи кавалерійскаго конскаго снаряженія въ Генеральномъ Штабѣ и въ пѣшей артиллеріи № 21, ст. 302. Выс. пов. Объ обязательномъ ношеніи бѣлыхъ чахловъ на фуражкахъ въ установленное для сего время. № 21, ст. 303. Выс. пов. О правилахъ ношенія лѣтней одежды въ Квантунской области. № 21, ст. 304. Выс. пов. Объ установленіи а) шифровки въ Суворовскомъ кадетскомъ корпусѣ, и б) формы обмундированія Портъ-Артурскаго крѣпостнаго пѣхотнаго полка. № 21, ст. 205. Выс. пов. О присвоеніи всѣмъ оберъ-офицерамъ галунной плечевой портупеи. № 21, ст. 306. Выс. пов. О разрѣшеніи генераламъ и офицерамъ носить непромокаемые плащи-накидки въ городахъ и станицахъ. № 21, ст. 307. Выс. пов. Объ установленіи формы обмундированія вновь сформированнымъ и переформированнымъ частямъ Приамурскаго, Сибирскаго, Туркестанскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора. № 20, ст. 241. Имен. ук. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующемъ

устройствѣ Нерчинскаго округа, вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества, въ цѣляхъ упорядоченія земельно-лѣснаго хозяйства въ семъ округѣ. № 20, ст. 256. Выс. пов. Объ учрежденіи должности Смотрителя Царскосельскаго Запаснаго Дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 15, ст. 144. Мн. Гос. Сов. О раздѣленіи Канскаго уѣзда, Енисейской губерніи, на четыре стана. № 15, ст. 145. Мн. Гос. Сов. О раздѣленіи Ачинскаго уѣзда, Енисейской губерніи, на четыре стана. № 15, ст. 146. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи полиціи въ нѣкоторыхъ городахъ Лифляндской губерніи. № 16, ст. 181. Имен. ук. Объ отводѣ городамъ: Барнаулу, Бійску, Кузнецку и Колывани выгонныхъ земель согласно Высочайше утвержденнымъ планамъ. № 16, ст. 186. Пол. Ком. Мин. О включеніи въ составъ территоріи г. Орши, Могилевской губерніи, прилегающей къ нему фермы „Сосновка". № 16, ст. 187. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи городу Архангельску заключить облигаціонный заемъ. № 16, ст. 188. Пол. Ком. Мин. О включеніи селенія Нижне-Андамичъ въ составъ территоріи г. Ордубата. № 16, ст. 189. Пол. Ком. Мин. О перечисленіи деревень Крещеныхъ-Япасалъ и Каинсаръ, Больше-Кибянъ-Ковинской волости, и дер. Арпаясь-Япасадъ, Березовка тожъ, Аркатовской волости, Лаишевскаго уѣзда, въ Арскую волость, Казанскаго уѣзда. № 16, ст. 190. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи г. Тулѣ производства облигаціоннаго займа. № 17, ст. 214. Мн. Гос. Сов. О продленіи отпуска суммъ на усиленіе канцелярскихъ средствъ Полтавскаго городскаго полицейскаго управленія. № 20, ст. 238. Имен. Ук. Объ отчужденіи земельнаго участка для расширенія Замостской и Звѣринецкой улицъ города Щебрешина, Люблинской губерніи. № 20, ст. 239. Имен. Ук. Объ отчужденіи земель для проведенія дороги изъ города Усмани на городской выгонъ. № 20, ст. 240. Имен. Ук. Объ отчужденіи земельнаго участка для продолженія Еланской улицы города Томска. № 21, ст. 275. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи полицейской команды города Мелитополя.

По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. № 17, ст. 213. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи содержанія секретаря Россійско-Императорской миссіи въ Ріо-Жанейро. № 18, ст. 229. Выс. пов. Объ утвержденіи конвенцій и декларацій, подписанныхъ на конференціи мира въ Гаагѣ 17/29 іюля 1899 г. № 20, ст. 244. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи новыхъ и объ измѣненіи штатовъ нѣкоторыхъ существующихъ консульскихъ установленій на Востокѣ. № 20, ст. 245. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи вице-консульства въ Масампо.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 11, ст. 93. Пол. Ком. Мин. О продленіи срока дѣйствія закона объ ограниченіи подледной выставки аханныхъ и другихъ ставныхъ сѣтей для лова рыбы по сѣверному берегу Каспійскаго моря. № 11, ст. 100. Выс. пов. Объ измѣненіи нагруднаго знака, присвоеннаго горнымъ инженерамъ, и объ учрежденіи жетона въ память юбилея горнаго вѣдомства. № 16, ст. 184. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи суммы, отпускаемой Кавказскому горному управленію на хозяйственные расходы.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 10, ст. 81. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи предсѣдателю постоянной комиссіи народныхъ чтеній правъ государственной службы. № 10, ст. 82. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи штата канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа. № 10, ст. 83. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи штата управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края. № 10, ст. 84. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи при Московскомъ учебномъ округѣ четвертой должности окружнаго инспектора. № 11, ст. 92. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи должностей письмоводителя и эконома въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ въ городѣ Тифлисѣ. № 21, ст. 276. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи штата Томскаго технологическаго института Императора Николая II.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 11, ст. 91. Имен. ук. О выпускѣ въ 1901 году одного разряда билетовъ государственнаго казначейства за № $\frac{CDX}{410}$. № 13, ст. 127. Выс. пов. Объ учрежденіи 10 стипендій въ торговыхъ классахъ Московскаго общества распространія коммерческаго образованія и одной стипендіи въ торговой школѣ Имени Императора Николая II и объ утвержденіи правилъ о сихъ стипендіяхъ. № 17, ст. 215. Мн. Гос. Сов. О предѣльныхъ цѣнахъ вина, спирта и водочныхъ издѣлій для операціи казенной продажи питей въ 1901 и 1902 годахъ. № 16, ст. 217. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи земскому кредитному обществу губерній Царства Польскаго дальнѣйшей льготы въ отношеніи веденія переписки на польскомъ языкѣ. № 20, ст. 243. Мн. Гос. Сов. О размѣрѣ налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 1901 годъ. № 20, ст. 253. Пол. Ком. Мин. О безпошлинномъ пропускѣ изъ за границы джутовыхъ и холщевыхъ мѣшковъ, служившихъ для вывоза съ Кавказа цинковыхъ и серебросвинцовыхъ рудъ.

По вѣдомству Государственнаго Контроля. № 11, ст. 101. Выс. пов. Объ утвержденіи положенія и штата о временныхъ ревизіон-

ныхъ коммисіяхъ для повѣрки отчетности въ военныхъ расходахъ вызванныхъ событіями на дальнемъ востокѣ.

По Корпусу Жандармовъ. № 17, ст. 226. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи штата Забайкальскаго жандармскаго полицейскаго управленія Сибирской желѣзной дороги. № 21, ст. 293. Выс. пов. Объ установленіи формы обмундированія 6 полеваго жандармскаго эскадрона. № 21, ст. 308. Выс. пов. О присвоеніи фуражки съ гербомъ, въ видѣ параднаго головнаго убора, чинамъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ въ Одесскомъ, Туркестанскомъ и Кавказскомъ военныхъ округахъ.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. № 13, ст. 126. Пол. Опек. Сов. О вознагражденіи двухъ членовъ ученаго комитета при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія. № 21, ст. 272. Мн. Гос. Сов. Объ обращеніи на содержаніе Успенско-Макарьевскаго монастыря, Оренбургской епархіи, суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе Богодуховскаго монастыря той же епархіи. № 21 ст. 273. Мн. Гос. Сов. О перечисленіи Закаспійской области изъ состава Грузинской епархіи въ Туркестанскую. № 20, ст. 274. Мн. Гос. Объ увеличеніи съ 1901 г. кредита на содержаніе Великоустюжскаго духовнаго правленія Вологодской епархіи.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій. № 10, ст. 86. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Суворовскихъ каменноугольныхъ копей. № 10, ст. 87. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Ильиновскаго чугуно-литейнаго и механическаго завода. № 10, ст. 88. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Селезневскаго общества каменноугольной и заводской промышленности. № 10, ст. 89. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Маймакскаго лѣснаго товарищества. № 11, ст. 94. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Крымъ-Элійскихъ соляныхъ промысловъ. № 11, ст. 95. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Сюникъ". № 11, ст. 96. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества дрожжево-винокуреннаго завода „Братья Чоколовы". № 11, ст. 97. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава товарищества мануфактуръ Викула Морозова съ сыновьями въ мѣстечкѣ Никольскомъ. № 11, ст. 98. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи дѣйствующаго устава С.-Петербургской компаніи „Надежда" для морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго транспортированія кладей и страхованія отъ огня имуществъ. № 11, ст. 99. Пол. Ком.

Мин. Объ утвержденіи устава товарищества омнибусовъ и извозопромышленныхъ предпріятій Л. Назимовой. № 13, ст. 104. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества механическаго и чугунолитейнаго завода „Карутъ, Буковинскій и К°“ въ Сумахъ. № 13, ст. 105. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Сѣдлецкаго общества правильной охоты. № 13, ст. 106. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Ровенскаго общества правильной охоты. № 13, ст. 107. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Донецко-Юрьевскаго металлургическаго общества. № 13, ст. 108. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи товариществу производства фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій М. С. Кузнецова права выпуска облигаціоннаго займа. № 13, ст. 109. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества. № 13, ст. 110. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Зомбковицкаго стекляннаго завода. № 13, ст. 111. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики „Вальдгофъ“. № 13, ст. 112. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава товарищества бумажной и картонной фабрики М. Г. Киммеля. № 13, ст. 113. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Горбатовской писчебумажной фабрики Способина и Кротова. № 13, ст. 114. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи права дополнительнаго выпуска облигацій обществу Энзели-Тегеранской дороги. № 13, ст. 115. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи условій дѣятельности въ Россіи германскаго акціонернаго общества подъ наименованіемъ: „Новое газовое акціонерное общество“. № 13, ст. 116. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава восточнаго общества товарныхъ складовъ, страхованія и транспортированія товаровъ съ выдачею ссудъ. № 13, ст. 117. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества портландъ-цементнаго завода „Огродзенецъ“. № 13, ст. 118. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Брянскаго рельсопрокатнаго, желѣзодѣлательнаго и механическаго завода. № 13, ст. 119. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Хелмицкаго сахарнаго завода. № 13, ст. 120. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи условій дѣятельности въ Россіи учрежденнаго въ Дессау акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „Германское континентальное газовое общество“. № 13, ст. 121. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава русскаго общества полевыхъ и узкоколейныхъ путей „Паровозъ“. № 13, ст. 122. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества камвольной прядильни Генрихъ Бирнбаумъ въ городѣ Лодзи. № 13, ст. 123. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества цементо-бетоннаго производства. № 14, ст.

137. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества Московской ниточной мануфактуры А. С. Никитина. № 14, ст. 138. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества печатнаго и издательскаго дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго въ Кіевѣ. № 14, ст. 139. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Варшавскаго акціонернаго общества заводовъ искусственнаго песчаника по патенту Клебера. № 14, ст. 140. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Кѣлецкаго акціонернаго общества искусственныхъ удобреній и другихъ химическихъ продуктовъ. № 15, ст. 150. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества стекляно-хрустальнаго производства и торговли. № 15, ст. 151. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Рубежанскаго общества каменноугольныхъ копей. № 16, ст. 183. Мн. Гос. Сов. Объ отсрочкѣ открытія пароходства на озерѣ Гокча. № 16, ст. 191. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества свеклосахарнаго завода „Ченстоцице", № 16, ст. 192. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Екатериновскаго горнопромышленнаго общества. № 16, ст. 193. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Южно-Русскаго Азовскаго металлургическаго общества. № 17, ст. 218. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества конной и ружейной охоты, развитія скаковаго дѣла и конскихъ состязаній въ кавалеріи. № 17, ст. 219. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава нефтепромышленнаго общества, „И. А. Егіазаровъ и К°". № 17, ст. 220. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава русскаго товарищества торговли металлами „Износковъ, Зуккау и К°". № 17, ст. 221. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава товарищества мануфактуръ Косьмы Прохорова съ сыновьями. № 17, ст. 222. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава русскаго акціонернаго общества доменныхъ печей. № 17, ст. 223. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава русскаго товарищества для вывоза за границу чая, подъ фирмою „Караванъ". № 17 ст. 224. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Бахтъ". № 17, ст. 225. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества фабрики посеребренныхъ и позолоченныхъ металлическихъ издѣлій „Р. Плевкевичъ и К°" въ Варшавѣ. № 20, ст. 246. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи горному инженеру Войславу концессіи на устройство и эксплоатацію водопровода въ городѣ Москвѣ. № 20, ст. 247. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава страховаго товарищества „Саламандра". № 20, ст. 249. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава общества для морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія и страхованія отъ огня подъ фирмою „Волга". № 20, ст. 250. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества

Златопольской паровой мукомольной мельницы. № 20, ст. 251. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Биби-Эйбатскаго нефтянаго общества. № 20, ст. 252. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Товарищества по эксплоатаціи городскихъ и загородныхъ экипажей подъ фирмою „Авдотья Ивановна и Александръ Косьмичъ Ечкины". № 20, ст. 257. Выс. пов. О принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ званія почетнаго члена общества содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. № 20, ст. 258, Выс. пов. Объ утвержденіи устава общества взаимопомощи Полочанъ. № 20, ст. 259. Выс. пов. О предоставленіи скаковому обществу въ Царствѣ Польскомъ наименованія „Императорскаго". № 21, ст. 280. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Лодзинской ниточной мануфактуры. № 21, ст. 281. Пол. Ком. Мин. Оаъ утвержденіи устава акціонернаго общества Варшавской парфюмерной фабрики „Фридрихъ Пульсъ". № 21, ст. 282. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества Ораніенбаумскаго лѣсопильнаго завода „М. В. Волковъ и К°". № 21, ст. 283. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „Англо-русская контрактная компанія съ ограниченною отвѣтственностью".

III. Опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

№ 15, ст. 153. Объ обращеніи Илецкой Свято-Николаевской женской общины, Оренбургскаго уѣзда, въ общежительный монастырь. № 15, ст. 154. Объ обращеніи Березовскаго Камскаго подворья Уфимскаго Успенскаго монастыря въ самостоятельную мужскую обитель. № 20, ст. 260. О присвоеніи школѣ при церкви въ деревнѣ Дубровѣ, Судогодскаго уѣзда, особаго наименованія. № 20, ст. 261. Объ обращеніи Мало-Пицкой Скорбященской женской общины, Нижегородскаго уѣзда, въ женскій общежительный монастырь.

IV. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 15, ст. 177. Объ учрежденіи при мѣдноплавильныхъ заводахъ въ Зангезурскомъ уѣздѣ

должности младшаго полицейскаго пристава. № 15, ст. 178. Объ утвержденіи штата полицейской команды въ посадѣ Сочи, Черноморской губерніи. № 15, ст. 179. Объ учрежденіи на Рахмановскомъ рудникѣ, въ с. Александродаръ (Рахмановка), Херсонскаго уѣзда, должности пѣшаго полицейскаго урядника. № 15, ст. 180. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника въ имѣніи Ханскѣ, Кишиневскаго уѣзда. № 19, ст. 234. О введеніи сельскаго общественнаго управленія въ селеніяхъ Царицыно и Ново-Романовскомъ, Акмолинской области. № 19, ст. 235. О введеніи сельскаго общественнаго управленія въ селеніяхъ Ивановскомъ, Федоровскомъ и Пантелеймоновскомъ, Акмолинской области.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 15, ст. 176. Объ измѣненіи устава вспомогательной кассы рабочихъ Одесскихъ каменоломенъ. № 19, ст. 231. О включеніи нѣкоторыхъ должностей по интендантскому вѣдомству въ списокъ техническихъ должностей вѣдомства Военнаго Министерства, занятіе которыхъ даетъ лицамъ, окончившимъ учеными званіями курсъ въ Московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ, право на производство въ чины. № 19, ст. 232. О признаніи завѣдомо-нефтеносными земель, расположенныхъ въ мѣстности Майли-Сай и Кичикъ-Май, Ферганской области. № 19, ст. 233. О закрытіи для частнаго горнаго промысла земель на островѣ Сахалинѣ.

Министромъ Путей Сообщенія. № 13, ст. 130. О дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. № 13, ст. 131. Объ упраздненіи станціи Кривомузгинской на 53 верстѣ Волго-Донской вѣтви Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и объ открытіи новой станціи того же наименованія на 55 верстѣ названной вѣтви. № 13, ст. 132. О признаніи остановочныхъ платформъ Крыштоповка и Джулинка, Калиновка—Гайворонскаго подъѣзднаго пути, тарифными пунктами по пассажирскому движенію. № 13, ст. 133. Объ обращеніи разъѣздовъ Чакино, Сабурово и Кочетовка, Рязанско-Уральской желѣзной дороги, въ станціи. № 13, ст. 134. О дополненіи правилъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ въ навалку. № 13, ст. 135. О перенесеніи хлопка изъ 3-й категоріи очередныхъ грузовъ въ 4-ю. № 19, ст. 236. О правилахъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ въ ссыпную.

Министромъ Финансовъ. № 10, ст. 90. Объ измѣненіи устава Кишиневскаго городскаго кредитнаго общества. № 11, ст. 102. О включеніи препарата подъ названіемъ „Verdet Excelsior“ въ списокъ продуктовъ, подлежащихъ безпошлинному пропуску по примѣчанію

II къ ст. 112 таможеннаго тарифа. № 13, ст. 129. Объ утвержденіи устава Мозырскаго общества взаимнаго кредита. № 14, ст. 141. Объ измѣненіи устава товарищества Московскаго сахаро-рафинаднаго завода. № 14, ст. 142. Объ измѣненіи устава мануфактурной компаніи Зингеръ. № 14, ст. 143. О примѣненіи къ нѣкоторымъ провенансамъ Соединенныхъ Штатовъ повышеннаго таможеннаго тарифа. № 15, ст. 155. Объ утвержденіи устава Бакинскаго коммерческаго училища. № 15, ст. 156. О разрѣшеніи Императорскому обществу судоходства учредить отдѣленіе въ городѣ Саратовѣ. № 15, ст. 157. Объ измѣненіи устава Харьковскаго акціонернаго общества кирпично-огнеупорныхъ производствъ. № 15, ст. 158. Объ измѣненіи устава Тульскаго купеческаго общества. № 15, ст. 159. Объ измѣненіи устава Нахичеванскаго на Дону общества взаимнаго кредита. № 15, ст. 160. Объ утвержденіи устава торговой школы общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ города Одессы. № 15, ст. 161. Объ опредѣленіи размѣра преміи по акціямъ дополнительнаго выпуска Алексѣевскаго горнопромышленнаго общества. № 15, ст. 162. Объ измѣненіи устава товарищества хрустальныхъ заводовъ Антона Ге. № 15, ст. 163. Объ измѣненіи устава международнаго транспортнаго акціонернаго общества. № 15, ст. 164. О продленіи срока для взноса денегъ за паи товарищества мануфактуръ П. С. Зотова въ городѣ Богородскѣ. № 15, ст. 165. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Фирлеевскихъ промышленныхъ заводовъ. № 15, ст. 166. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи общества картонно-бумажной фабрики „Моквинъ". № 15, ст. 167. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества русскаго картоннаго и картонажнаго производствъ. № 15, ст. 168. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества соединенныхъ кирпичныхъ заводовъ „Чаплевизна и Діонизій". № 15, ст. 169. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи С.-Петербургскаго акціонернаго общества городскихъ общественныхъ экипажей въ Россіи. № 15, ст. 170. Объ измѣненіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Бакуинтъ". № 15, ст. 171. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи нефтепромышленнаго и торговаго общества И. Е. Питоева. № 15, ст. 172. Объ измѣненіи устава русско-бельгійскаго общества для производства зеркальнаго стекла, бывшая фирма О. А. Беклемишева. № 15, ст. 173. Объ измѣненіи устава русскаго общества полевыхъ и узкоколейныхъ путей „Паровозъ". № 15, ст. 174. Объ измѣненіи устава товарищества красильной фабрики Ю. Ф. Ватреме. № 15, ст. 175. О про-

дленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества для эксплоатаціи привилегированныхъ желѣзнодорожныхъ изобрѣтеній Ливчака. № 16, ст. 194. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Лодзинскаго торгово-промышленнаго общества. № 16, ст. 195. Объ измѣненіи устава общества завода металлическихъ издѣлій „Фольга". № 16, ст. 196. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи товарищества маслобойнаго завода братьевъ Пономаревыхъ въ Москвѣ. № 16, ст. 197. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Саянскаго золотопромышленнаго общества. № 16, ст. 198. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска Таганрогскаго металлургическаго общества. № 16, ст. 199. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Калужскаго лѣсопромышленнаго общества. № 16, ст. 200. Объ опредѣленіи размѣра преміи по акціямъ дополнительнаго выпуска акціонернаго Общества цементно-бетоннаго производства. № 16, ст. 201. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества камвольной прядильни Николая Михайловича Уѣдинова въ с. Адамово. № 16, ст. 202. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска водоснабженія, канализаціи и замощенія. № 16, ст. 203. О продленіи срока для оплаты капитала по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества Стрѣлковскаго свеклосахарнаго завода. № 16, ст. 204. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества „Зеленчукъ". № 16, ст. 205. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества „Кожевникъ". № 16, ст. 206. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Каспійско-Уральскаго морскаго и рѣчнаго рыбопромышленнаго общества. № 16, ст. 207. Объ измѣненіи устава товарищества Ивановской суконной фабрики С. М. Попова. № 16, ст. 208. Объ утвержденіи устава Плонскаго общества взаимнаго кредита. № 16, ст. 209. Объ опредѣленіи размѣра преміи по акціямъ дополнительнаго выпуска Екатериновскаго горнопромышленнаго общества. № 16, ст. 210. Объ измѣненіи устава русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики „Вальдгофъ". № 16, ст. 211. Объ измѣненіи устава русскаго акціонернаго общества доменныхъ печей. № 16, ст. 212. О продленіи срока для взноса денегъ за пай торгово-промышленнаго товарищества „Наслѣдники Николая Андреевича Вахрамѣева". № 17, ст. 227. Объ измѣненіи устава Одесскаго городскаго кредитнаго общества. № 17, ст. 228

О распространеніи на Приамурское генералъ-губернаторство закона о повышенномъ тарифѣ. № 19, ст. 230. О дополненіи списка сборовъ, взимаемыхъ при перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ въ ссыпную. № 20, ст. 262. Объ утвержденіи правилъ о стипендіи имени графа А. С. Апраксина въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго Общества. № 20, ст. 263. Объ утвержденіи устава артели кустарей—крестьянъ села Мордовскихъ—Найманъ Пичеурской волости, Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи. № 20, ст. 264. Объ утвержденіи устава Рижскаго коммерческаго училища. № 20, ст. 265. Объ опредѣленіи размѣра преміи по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества бумажной и картонной фабрики М. Г. Кимменя. № 20, ст. 266. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества химическаго завода для переработки ,каменноугольной смолы въ С.-Петербургѣ. № 20, ст. 267. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Екатеринославскаго трубо-желѣзо-прокатнаго завода Павла Ланге и К°. № 20, ст. 268. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска акціонернаго общества Рыбницкаго сахарнаго и рафинаднаго завода. № 20, ст. 269. Объ учрежденіи въ городѣ Читѣ, Забайкальской области, общественнаго банка. № 20, ст. 270. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска общества С.-Петербургскаго чугуно и труболитейнаго завода. № 20, ст. 271. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества чугунолитейнаго, механическаго и эмалировочнаго завода „Каменна". № 21, ст. 309. Объ утвержденіи правилъ объ обмѣнѣ гербовыхъ бумагъ и марокъ прежняго образца на новыя.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1900. № 32, XII, 24; № 36, XII, 31; № 38, I, 19 (1901 г.) (н. ст.).

№ 32. Опредѣленіе земскихъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, состоявшееся на очередномъ сеймѣ въ Гельсингфорсѣ, 6 іюня 1900.

№ 36. *Выс. объяв.* о запрещеніи ввоза въ Финляндію живаго рогатаго скота и всякаго сырья отъ этого скота изъ Германской Имперіи.—*Резол. Фин. Сен.* Объ утвержденіи устава общества страхованія скота въ Финляндіи.

№ 38. *Выс. объяв.* Объ установленіи форменной одежды для чиновъ уѣздной полиціи въ Финляндіи.—*Предп. Фин. Сен.* исправляющему должность Нюландскаго губернатора, объ установленіи форменной одежды для чиновъ уѣздной полиціи въ Финляндіи [1]).—*Резол. Фин. Сен.* а) Объ утвержденіи устава общества страхованія отъ несчастныхъ случаевъ строительныхъ рабочихъ въ Финляндіи; б) объ измѣненіи устава Абоскаго общества страхованія лошадей.

---

[1]) Предписанія по сему предмету даны также и. д. Улеаборгскаго губернатора, Куопіоскому губернскому правленію и прочимъ губернаторамъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 6, февраля 6 дня 1901 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: Старшій Предсѣдатель Иркутской Судебной Палаты, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ**—къ присутствованію въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, съ 31 января, съ увольненіемъ отъ должности Старшаго Предсѣдателя; Члены Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исполняющіе обязанности: Товарищей Оберъ-Прокуроровъ Департаментовъ Правительствующаго Сената: Гражданскаго Кассаціоннаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ фонъ-Эйденъ, Перваго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Тимофеевскій** и Гражданскаго Кассаціоннаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Викторовъ** и Старшаго Юрисконсульта означенной Консультаціи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гуссаковскій**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 31 января, съ производствомъ ихъ въ Тайные Совѣтники; Члены С.-Петербургской Судебной Палаты, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: **Кочетковъ** и баронъ **Бистромъ**, Товарищъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Цвѣтковъ** и Состоящіе за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, во Второмъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, исполняющіе обязанности: Юрисконсульта Министерства Юстиціи, Дѣйствительный

Статскій Совѣтникъ **Городыскій** и Оберъ-Секретаря того же Департамента, Статскій Совѣтникъ **Фришъ**—Товарищами Оберъ-Прокуроровъ Департаментовъ Правительствующаго Сената: первые четыре—Гражданскаго Кассаціоннаго, а послѣдній—Перваго, изъ нихъ Кочетковъ, баронъ Бистромъ и Цвѣтковъ согласно прошеніямъ; Членъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Зейфартъ**—Оберъ-Секретаремъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, согласно прошенію.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Сѣдлецкаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Зыковъ** и Товарищъ Предсѣдателя Орловскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Сытинъ**—Членами Судебныхъ Палатъ: первый—Варшавской, а второй—Виленской, изъ нихъ Сытинъ согласно прошенію; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Елецкаго, Статскій Совѣтникъ **Вериго** и Новгородскаго, Коллежскій Ассесоръ **Курегановъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Рязанскаго, по Раненбургскому уѣзду, а второй—Екатеринославскаго, по Новомосковскому уѣзду; Уѣздный Членъ Сумскаго Окружнаго Суда, по Лебединскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Лацынниковъ**, Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Кизлярскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Валединскій**, Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Варшавскаго, Статскій Совѣтникъ **Красовскій**, Плоцкаго, Коллежскій Ассесоръ **Погоржанскій** и Бакинскаго, Коллежскій Ассесоръ **Пацевичъ** и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Ловягинъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Лацынниковъ и Ловягинъ—Петроковскаго, Валединскій и Пацевичъ—Бакинскаго, Красовскій—С.-Петербургскаго и Погоржанскій—Плоцкаго, изъ нихъ первый согласно прошенію; Почетный Мировой Судья Астраханскаго городскаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Хлѣбниковъ**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей того же округа на текущее, съ 1 апрѣля 1900 г., трехлѣтіе; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 4-го участка г. Астрахани, округа Астраханскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Павловъ**, Помощникъ Мироваго Судьи Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающій Кутаисскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Тележинскій** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Одесской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ

Никольскій—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый—Астраханскаго, второй—Екатеринодарскаго, а третій—Балтскаго; Губернаторы: **Ковенскій**, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Роговичъ** и Витебскій, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чепелевскій**, Витебскій Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ баронъ **Полькенъ**, Мировые Посредники: 1-го участка Тельшевскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ де-**Лазари** и 1-го участка Дубенскаго уѣзда, Штабсъ-Капитанъ запаса **Володковскій**, Причисленные къ Министерству: Титулярный Совѣтникъ **Ждановъ** и Коллежскіе Ассесоры: **Кривицкій** и **Карповичъ** и Мировые Посредники Литинскаго уѣзда: 1-го участка, Коллежскій Совѣтникъ **Павротскій** и 2-го участка, Титулярный Совѣтникъ **Гріельскій**—Почетными Мировыми Судьями округовъ: первый—Ковенскаго, второй и третій—Витебскаго, четвертый—Тельшевскаго, пятый и шестой—Дубенскаго, а послѣдніе четыре—Литинскаго, всѣ на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Жданова, Кривицкаго и Карповича причисленными къ Министерству, всѣхъ прочихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Роговича и барона Полькена, сверхъ того, и въ придворномъ званіи; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Павловскій**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Балтскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Орѣховъ**, Добавочный Мировой Судья округа Омскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Рублевскій** и Секретарь при Прокурорѣ Саратовской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Ѳедосѣевъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Курскаго, второй—Каменецъ-Подольскаго, третій—Тобольскаго, а послѣдній—Самарскаго; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Карауловъ**—Городскимъ Судьею г. Нерехты; Вологодскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Князевъ**, Тобольскій Вице-Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Протасьевъ**, Директоры: Тобольской губернской гимназіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Пановъ** и Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Словцовъ**, Директоръ Тобольскаго Губернскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, Губернскій Секретарь **Корниловъ**, Причисленный къ Министерству, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кузовниковъ**, Старшій Врачъ Тобольской губернской больницы, Надворный Совѣтникъ **Нейбертъ**, Крестьянскій Начальникъ 1-го участка Ялуторовскаго уѣзда,

Титулярный Совѣтникъ **Тавастшерна**, Тобольскій Городской Голова, потомственный почетный гражданинъ **Жарниковъ**, Коллежскій Секретарь **Игнатовъ**, Инженеръ-Механикъ **Ивановъ**, Ученый Агрономъ **Колмаковъ**, Дѣйствительный Студентъ Императорскаго Университета **Колмогоровъ**, потомственный почетный гражданинъ **Еманаковъ** и купцы: **Балакшинъ** и **Машинскій**—Почетными Мировыми Судьями округа Тобольскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Князева, Протасьева, Панова, Словцова, Корнилова, Нейберта, Тавастшерна и Жарникова въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Кузовникова причисленнымъ къ Министерству; Енисейскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Плецъ**, Городскіе Головы: Енисейскій потомственный почетный гражданинъ **Харченко** и Минусинскій, купецъ **Лыткинъ** и купцы: **Максимовъ** и **Манташевъ**—Почетными Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: первые четыре—Красноярскаго, а послѣдній—Тифлисскаго, всѣ на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ трехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Предсѣдатель Тульскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Писаревъ**, Управляющій Челябинскимъ Отдѣленіемъ Государственнаго Банка, Статскій Совѣтникъ **Яковенко** и Челябинскій Городовой Врачъ, Коллежскій Ассесоръ **Мазинъ**—Почетными Мировыми Судьями по уѣздамъ: Писаревъ—Оренбургскому, а Яковенко и Мазинъ—Челябинскому, всѣ на текущее, съ 1 апрѣля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Переводится *на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи* Вице-Директоръ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Куницкій**—Старшимъ Юрисконсультомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной.

Перемѣщаются: Товарищи Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ: Московской, Статскій Совѣтникъ **Лузгинъ** и Харьковской, Статскій Совѣтникъ **Миндеръ**—одинъ на мѣсто другого; Члены Окружныхъ Судовъ: Якутскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Ляпустинъ** и Читинскаго, Надворный Совѣтникъ **Добросъ**—одинъ на мѣсто другого, согласно прошеніямъ; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Самарскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Микулинъ**, Каменецъ-Подольскаго, Титулярный Совѣтникъ **Тлустовскій** и Иркутскаго, Титулярный Совѣтникъ **Галиновскій**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Саратовскаго, второй—Симферопольскаго, а послѣдній—Кашинскаго; Мировые Судьи: 2-го участка Тарскаго уѣзда, Титулярный Совѣт-

никъ **Волощенко** и 4-го участка Ишимскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Арцыбышевъ**—одинъ на мѣсто другого.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Товарищъ Прокурора Нижегородскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Рудневъ** и Мировой Судья 2-го участка Верхоленскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Фибихъ**, оба по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы: согласно прошеніямъ*: Членъ Виленской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Неклюдовъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Городской Судья 1-го участка г. Оргѣева, Коллежскій Ассесоръ **Десятскій**.

Согласно прошеніямъ, по болѣзни: Судебный Слѣдователь 2-го участка Ростовскаго уѣзда, округа Ярославскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Васильевъ** и Состоящій за штатомъ Мировой Судья Наманганскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Каринскій**, оба съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Мировой Судья 1-го участка Ошскаго уѣзда, округа Ново-Маргеланскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Граменицкій**.

По тюремному управленію.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни*: Членъ Высочайше учрежденнаго Николаевскаго Комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, въ С.-Петербургѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гроздовъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ, и съ награжденіемъ его чиномъ Тайнаго Совѣтника.

№ 9, февраля 19 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Уманскаго, Статскій Совѣтникъ **Шургаевичъ** и Екатеринодарскаго, Коллежскій Ассесоръ **Урбанскій**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Уманскаго, а второй—Екатеринодарскаго; Мировой судья г. Варшавы, Статскій Совѣтникъ **Лебедевъ**—Предсѣдателемъ Съѣзда

Мировыхъ Судей 2-го округа Люблинской губерніи; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Каменецъ-Подольскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Гловацкій**—Участковымъ Мировымъ Судьею Проскуровскаго округа: Добавочный Мировой Судья округа Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Заборовскій**—Мировымъ Судьею 2-го участка Верхоленскаго уѣзда; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Магнушевскій**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа Иркутскаго Окружнаго Суда; Членъ Троицкаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Жуковскій**, Городской Судья г. Челябинска, Титулярный Совѣтникъ **Монюшко**, Статскій Совѣтникъ **Покровскій** и потомственный почетный гражданинъ **Чикинъ**—Почетными Мировыми Судьями по уѣздамъ: первый—Верхнеуральскому, а остальные три—Челябинскому, всѣ на текущее, съ 1 Апрѣля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Жуковскаго и Монюшко въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ**, Иркутскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Моллеріусъ**, Хабаровскій Городской Голова, Коллежскій Ассесоръ **Рассушинъ**, Енисейскій Вице-Губернаторъ, Статскій Совѣтникъ **Хомутовъ**, Директоръ Красноярской губернской гимназіи, Статскій Совѣтникъ **Логарь**, Исправляющій должность Енисейскаго Губернскаго Врачебнаго Инспектора, Статскій Совѣтникъ **Рачковскій**, Помощникъ Енисейскаго Губернскаго Врачебнаго Инспектора, Статскій Совѣтникъ **Куркутовъ**, Красноярскій Городской Голова, Статскій Совѣтникъ **Шепетовскій**, Коллежскій Ассесоръ Александръ **Кытмановъ**, Ветеринары: Степанъ **Востротинъ** и Петръ **Кытмановъ**, Провизоръ **Мартьяновъ**, Прапорщикъ запаса Василій **Востротинъ**, потомственные почетные граждане: **Балаединъ** и **Кузнецовъ** и купеческій сынъ **Козьминъ**—Почетными Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: первые два—Иркутскаго, третій—Владивостокскаго, а остальные тринадцать— Красноярскаго, всѣ на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловича, Моллеріуса, Рассушина, Хомутова, Логаря, Рачковскаго, Куркутова и Шепетовскаго въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Перемѣщаются: Члены Окружныхъ Судовъ: Ставропольскаго, Статскій Совѣтникъ **Сомчевскій** и Эриванскаго, Коллежскій Ассесоръ **Петровъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Екатеринодарскаго, а второй—Ставропольскаго, оба согласно прошеніямъ; Мировые Судьи 3-го округа Петроковской губерніи: г. Лодзи, Статскій Совѣтникъ

Штенгеръ и г. Ласка, Статскій Совѣтникъ **Сопоцинскій**—Мировыми Судьями: первый—г. Варшавы, а второй—г. Лодзи.

Увольняется *отъ должности согласно прошенію*, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Ставропольскаго уѣзда, округа Ставропольскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Михинъ**, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Членъ Уманскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Ждановскій** съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей 2-го округа Люблинской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Ковалевскій**.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Членъ Сѣдлецкаго Окружнаго Суда, Колежскій Совѣтникъ **Квашнинъ-Самаринъ**; Почетные Мировые Судьи округовъ: Старокопстантиновскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Плачковскій** и Венденъ-Валкскаго, Коллежскій Ассесоръ **фонъ-Фегезакъ**.

По тюремному управленію.

Назначается Младшій Врачъ С.-Петербургскихъ тюремныхъ больницъ и Консультантъ Максимиліановской лечебницы для приходящихъ, Лекарь, Коллежскій Совѣтникъ **Зильбербергъ**—Старшимъ Врачемъ тѣхъ же больницъ, съ оставленіемъ его Консультантомъ означенной лечебницы.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни*: Инспекторъ V класса Главнаго Тюремнаго Управленія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Головачъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

№ 10, февраля 20 дня 1901 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Помощникъ Оберъ-Секретаря Второго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Ассесоръ **Торопогрицкій**—Оберъ-Секретаремъ того же Департамента.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищи Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: Новгородскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Бащсковъ** и

Ревельскаго, Статскій Совѣтникъ **Тюлинъ**—Членами С.-Петербургской Судебной Палаты и Членъ Тифлисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Богаевскій**—Товарищемъ Предсѣдателя Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, всѣ три согласно прошеніямъ; Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора: Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, Штатный Преподаватель Александровской Военно-Юридической Академіи, Докторъ римскаго права, Статскій Совѣтникъ **Гриммъ**—Ординарнымъ Профессоромъ того же Училища, по каѳедрѣ римскаго права, съ 1 Января, съ оставленіемъ его въ исправляемой имъ по означенному Университету должности и Преподавателемъ названной Академіи.

№ 11, февраля 23 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Вятскаго, Надворный Совѣтникъ **Андреевъ**, Сѣдлецкаго, Надворный Совѣтникъ **Бучинскій** и Могилевскаго, Коллежскій Ассесоръ **Низяевъ** и Мировой Судья 2-го участка Омскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Люцедарскій**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Вятскаго, второй—Сѣдлецкаго, третій—Могилевскаго и послѣдній—Тобольскаго.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Членъ Тобольскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Куриатовскій**.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 4, отъ 30-го января 1901 года.

Назначаются: *по второму департаменту Министерства Юстиціи*: младшій дѣлопроизводитель, коллежскій ассесоръ **Бажановъ**—дѣлопроизводителемъ и помощникъ дѣлопроизводителя IX класса, титулярный совѣтникъ **Громеко**—младшимъ дѣлопроизводителемъ, оба—съ 1 января 1901 года.

Причисляются *къ Министерству*: старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Витебскомъ, коллежскій секретарь **Горяиновъ** и Московскомъ, титулярный совѣтникъ **Янучковъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: первый — 2 участка Лепельскаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда и послѣдній—Чернскаго уѣзда, округа Тульскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 1 участка Полоцкаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Дружиловскій** — въ 3 участокъ Витебскаго уѣзда и 2 участка Лепельскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Лыжинъ**—въ 1 участокъ Полоцкаго уѣзда.

Переименовываются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округа Великолуцкаго окружнаго суда: Новоржевскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Залескій** и 2 участка Торопецкаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Колотовъ**—командированными къ испра-

вленію должностей судебныхъ слѣдователей: первый—1 участка Новоржевскаго уѣзда и послѣдній—вновь образованнаго 2 участка того же уѣзда.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается: старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Елисаветпольскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Витковскій**—помощникомъ мироваго судьи Зенгезурскаго отдѣла, завѣдывающимъ Мигринскимъ слѣдственнымъ участкомъ округа Елисаветпольскаго окружнаго суда.

Перемѣщаются: помощникъ мироваго судьи Зенгезурскаго отдѣла, завѣдывающій Мигринскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, штабсъ-капитанъ запаса арміи **Васильевъ**—помощникомъ мироваго судьи Елисаветпольскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ Елисаветпольскимъ уѣзднымъ слѣдственнымъ участкомъ.

Переименовывается: исправляющій должность судебнаго слѣдователя 1 участка Торопецкаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Романовскій** — исправляющимъ должность судебнаго слѣдователя Торопецкаго уѣзда.

По Высочайше учрежденному Николаевскому Комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ назначается: личный почетный гражданинъ, Шлиссельбургскій 2 гильдіи купецъ Дмитрій **Тырловъ-Жданковъ**—сотрудникомъ сего комитета.

№ 5, отъ 13 февраля 1901 года.

Назначается: младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской судебной палатѣ, коллежскій секретарь баронъ **Аккурти-фонъ-Кенигсфельсъ**—помощникомъ дѣлопроизводителя IX класса втораго департамента Министерства Юстиціи, съ 1 февраля 1901 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 2 января 1901 года за № 2 отъ должности, согласно прошенію, добавочный мировой судья по Эстляндской губерніи, надворный совѣтникъ **Бѣлинскій**—съ 2 января 1901 года;

секретари при прокурорахъ окружныхъ судовъ: Житомирскаго, титулярный совѣтникъ **Бѣлецкій** и Лубенскаго коллежскій секретарь

Манжевскій, помощникъ секретаря Рязанскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Плюсковъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Варшавской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Монько** и при Тверскомъ окружномъ судѣ, титулярный совѣтникъ **Коротаевъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Бѣлецкій—3 участка Староконстантиновскаго уѣзда, округа Житомирскаго окружнаго суда, Манжевскій—Лохвицкаго уѣзда, округа Лубенскаго окружнаго суда, Плюсковъ—Ряжскаго уѣзда, округа Рязанскаго окружнаго суда, Монько—1 участка Стопницкаго уѣзда, округа Кѣлецкаго окружнаго суда и Коротаевъ—Осташковскаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: по важнѣйшимъ дѣламъ округа Витебскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Корди**—во 2 участокъ Севастопольскаго Градоначальства, округа Симферопольскаго окружнаго суда и Осташковскаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Поповъ**—въ 1 участокъ Ржевскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, губернскій секретарь **Севастьяновъ**.

Умершій *исключается изъ списковъ*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Бѣлостокскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Мрозовскій**.

По Правительствующему Сенату: опредѣляется *въ службу*: отставной губернскій секретарь **Пантюхинъ**—канцелярскимъ чиновникомъ сенатской типографіи—съ 20 января 1901 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются: *гминными судьями: по Калишской губерніи*: Клементій **Кренинъ**—III округа Турекскаго уѣзда, Левъ **Яновскій**—IV округа Велюнскаго уѣзда и Маркеллъ **Бачарели**—II округа Конинскаго уѣзда, *и по Сѣдлецкой губерніи*: Антонъ **Янишевскій**—I округа Венгровскаго уѣзда, Александръ **Глыбовскій**—I округа Гарволинскаго уѣзда, Игнатій **Дмовскій**—IV округа Луковскаго уѣзда, Александръ **Чемеревскій**—I округа Соколовскаго уѣзда, Федоръ **Мисинскій**—I округа Константиновскаго уѣзда, Николай **Юшкевичъ**—I округа и Потапъ **Потаповъ**—III округа Бѣльскаго уѣзда, Александръ **Лесевицкій**—I округа и Александръ **Грошковскій**—IV округа Влодавскаго уѣзда, отставной генералъ-маіоръ Александръ **Петровъ**—I округа Радинскаго уѣзда, отставной полковникъ Александръ **Юницкій**—II округа Влодавскаго уѣзда и

состоящій въ запасѣ армейской пѣхоты подполковникъ Федоръ **Синодскій**—II округа Радинскаго уѣзда.

Утверждаются *гминными судьями, по выборамъ: по Калишской губерніи*: Болеславъ **Гурецкій**—III округа и Францъ **Гливичъ**—IV округа Калишскаго уѣзда, Максимиліанъ **Младзяновскій**—IV округа Турекскаго уѣзда, Михаилъ **Бялецкій**—III округа и Адамъ **Пенцкій**—IV округа Сѣрадзскаго уѣзда, Юліанъ **Милковскій**—III округа Игнатій **Станковскій**—V округа Велюнскаго уѣзда, Владиславъ **Левандовскій**—III округа и Станиславъ **Шамовскій**—IV округа Кольскаго уѣзда, Францъ **Радошевскій**—V округа Ленчицкаго уѣзда, Францъ **Хржановскій**—I округа и Ѳаддей **Гостынскій**—II округа Слупецкаго уѣзда, *и по Сѣдлецкой губерніи:* Станиславъ **Вычолковскій**—V округа Венгровскаго уѣзда, Викентій **Ермоловичъ**—I округа и Болеславъ **Рошковскій**—IV округа Сѣдлецкаго уѣзда, Георгій **Павловскій**—IV округа Венгровскаго уѣзда, Станиславъ **Войдаковскій**—I округа Луковскаго уѣзда и Карлъ **Мейзнеръ**—IV округа Гарволинскаго уѣзда.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Гминный судья III округа Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, Иванъ **Бѣлицкій**.

№ 6, отъ 13-го февраля 1901 года.

Опредѣляется *въ службу*: окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени **Рокоссовскій**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ прокураторію Царства Польскаго.

Причисляются *къ Министерству*: секретарь при прокурорѣ Кіевскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Григоровичъ-Барскій**, исправляющій должность помощника секретаря Иркутскаго окружнаго суда, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра, съ дипломомъ первой степени **Яворскій** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Уманскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Доманицкій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Григоровичъ-Барскій—3 участка Черкасскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Яворскій—5 участка округа Иркутскаго окружнаго суда и Доманицкій—2 участка Звенигородскаго уѣзда, округа Уманскаго окружнаго суда;

старшій помощникъ оберъ-секретаря общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, коллежскій совѣтникъ **Савченко-Маценко**, согласно прошенію, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 2 участка Звенигородскаго уѣзда, округа Уманскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Захарьевичъ**, 3 участка Черкасскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Лашкаревъ**, 1 участка Ченстоховскаго уѣзда, округа Петроковскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Меньшиковъ** и 1 участка Маріампольскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Науманъ**—къ исправленію должностей: Захарьевичъ—старшаго нотаріуса Уманскаго окружнаго суда и судебныхъ слѣдователей: Лашкаревъ—1 участка Черкасскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Меньшиковъ—1 участка Маріампольскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда и Науманъ—1 участка Ченстоховскаго уѣзда, округа Петроковскаго окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Ушинскій**.

Умершій *исключается изъ списковъ*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 7 участка г. Москвы, статскій совѣтникъ **Будь-Добрый**.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются *гминными судьями*: *по Плоцкой губерніи*: Иванъ **Гороховскій**—II округа Плоцкаго уѣзда и Викентій **Именинскій**—IV округа Липновскаго уѣзда, *по Радомской губерніи*: Рохъ **Садовскій**—V округа Конскаго уѣзда, Станиславъ **Лещинскій**—VI округа Пржецкаго уѣзда и *по Сувалкской губерніи*: статскій совѣтникъ Владиміръ **Домарадскій**—III округа Сейнскаго уѣзда.

Утверждаются *гминными судьями по выборамъ*: *по Плоцкой губерніи*: Владиславъ **Рутковскій**—III округа и Здиславъ **Ярошевскій** IV округа Плоцкаго уѣзда, Иванъ **Турскій**—I округа Серпецкаго уѣзда, Каетанъ **Пыдынковскій**—II округа и Людовикъ **Хелмицкій**—IV округа Рыпинскаго уѣзда, Станиславъ **Рамлау**—I округа Липновскаго уѣзда, Іосифъ **Клочевскій**—II округа и Людовикъ **Дучиминскій**—III округа Праснышскаго уѣзда, Адольфъ **Вильчинскій**—II округа Цѣхановскаго уѣзда и Леопольдъ **Оссовскій**—II округа Млавскаго уѣзда, *по Радомской губерніи*: Тимофей **Каниговскій**—

I округа и Альфредъ Яблонскій—IV округа Конскаго уѣзда, Константинъ Яворницкій—III округа и Феликсъ Гродзинскій—IV округа Радомскаго уѣзда, Люціанъ Прошковскій—II округа и Владиміръ Рутковскій—III округа Илжецкаго уѣзда, Юліанъ Боскій—V округа Козеницкаго уѣзда, Владиміръ Маевскій—III округа и Чеславъ Янецкій—IV округа Опатовскаго уѣзда, Сигизмундъ Шидловскій—III округа и Титъ Велевейскій IV округа Опоченскаго уѣзда и Карлъ Голонскій—II округа Сандомирскаго уѣзда.

Умершій *исключается изъ списковъ*: гминный судья III округа Замостскаго уѣзда, Люблинской губерніи, Антонъ Прушакевичъ.

№ 7, отъ 20-го февраля 1901 года.

Назначаются: *по первому Департаменту Министерства Юстиціи*: младшій дѣлопроизводитель, надворный совѣтникъ Тарновскій—дѣлопроизводителемъ, помощникъ дѣлопроизводителя IX класса, коллежскій секретарь фонъ-Ренне—младшимъ дѣлопроизводителемъ и причисленный къ первому департаменту Министерства Юстиціи, губернскій секретарь Мазуркевичъ—помощникомъ дѣлопроизводителя IX класса, всѣ трое—съ 1 февраля 1901 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 29 января 1901 года за № 5 отъ должности, согласно прошенію, участковый мировой судья Балтскаго округа, коллежскій ассесоръ Езерскій—съ 29 января 1901 года;

старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Ярославскомъ, титулярный совѣтникъ Владиміровъ, Каменецъ-Подольскомъ, коллежскій секретарь Базюкъ, Владикавказскомъ, коллежскій секретарь Голубовъ и Екатеринодарскомъ, коллежскій секретарь Мироновичъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Владиміровъ—Мышкинскаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда, Базыкъ—2 участка Ольгопольскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, Голубовъ—1 участка Грозненскаго округа, округа Владикавказскаго окружнаго суда, и Мироновичъ—4 участка Ейскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда;

помощникъ мироваго судьи Шемахинскаго отдѣла, завѣдывающій Кюрдамирскимъ мировымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Вишневскій, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Мышкинскаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Балашевъ**, 1 участка Грозненскаго округа, округа Владикавказскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Скробецкій**, 4 участка Ейскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Камянченко**, 2 участка Глазовскаго уѣзда, округа Вятскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Моломинъ** и 2 участка Слободскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Софійскій**—къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Балашевъ—2 участка Ростовскаго уѣзда, округа Ярославскаго окружнаго суда, Скробецкій—1 участка Владикавказскаго округа, Камянченко—желѣзнодорожнаго участка, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, Моломинъ—2 участка Слободскаго уѣзда и Софійскій—2 участка Глазовскаго уѣзда.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: дѣлопроизводитель перваго департамента Министерства Юстиціи, статскій совѣтникъ **Жданко**, съ 1 февраля 1901 года, причисленные къ Министерству Юстиціи и командированные: къ исправленію должности судебнаго слѣдователя желѣзнодорожнаго участка, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Ильинъ** и для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, губернскій секретарь **Пландовскій** изъ нихъ Жданко—съ правомъ ношенія въ отставкѣ мундира, занимаемой должности присвоеннаго.

По Правительствующему Сенату: назначаются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената: коллежскій секретарь **Сегаль** и окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ второй степени **Сакрановичъ**—младшими помощниками оберъ-секретаря и канцелярскій чиновникъ того же департамента Сената, губернскій секретарь **Персиковъ**—исправляющимъ должность судебнаго пристава гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, всѣ трое—съ 1 февраля 1901 года.

Перемѣщается: канцелярскій служитель второго департамента Министерства Юстиціи **Еринъ**—канцелярскимъ служителемъ сенатской типографіи, съ 5 февраля 1901 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается: младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Варшавской судебной палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента **Пугупецъ**—помощникомъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ:* помощникъ мироваго судьи Нухинскаго отдѣла, завѣдывающій Нухинскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Вода** по болѣзни, и помощникъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени **Черлюнчакевичъ**.

№ 8, отъ 21 февраля 1901 года.

Опредѣляется *въ службу*: сынъ коллежскаго совѣтника **Зубковъ**—канцелярскимъ служителемъ перваго департамента Министерства Юстиціи, съ 29 января 1901 года.

Назначаются: помощникъ дѣлопроизводителя IX класса перваго департамента Министерства Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Кочуковъ**—младшимъ дѣлопроизводителемъ того же департамента, съ 1 февраля 1901 года и канцелярскій чиновникъ центральнаго управленія Министерства Юстиціи, коллежскій регистраторъ **Тащиловъ**—помощникомъ дѣлопроизводителя X класса втораго департамента сего Министерства, съ 1 января 1901 года.

Причисляются *къ Министерству*: старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Стародубскомъ, коллежскій секретарь **Котляровъ**, Ковенскомъ, коллежскій секретарь **Куликовъ** и Сѣдлецкомъ, губернскій секретарь **Звиногродскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Котляровъ—4 участка Ровенскаго уѣзда, округа Луцкаго окружнаго суда, Куликовъ—3 участка Вилкомирскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда и Звиногродскій—Опатовскаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Августовскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Меньшиковъ**, 4 участка Ровенскаго уѣзда, округа

Луцкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Грассевичъ**, 3 участка Вилкомирскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **фонъ-Гукъ**, Сташовскаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Кедровъ** и Опатовскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Захарченко**—къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: **Меньшиковъ**—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Радомскаго окружнаго суда, **Грассевичъ**—2 участка Суражскаго уѣзда, округа Стародубскаго окружнаго суда, **фонъ-Гукъ**—2 участка Шавельскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, **Кедровъ**—Сандомирскаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда и **Захарченко**—Сташовскаго уѣзда округа того же окружнаго суда.

Отзывается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Звенигородскаго уѣзда, округа Уманскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Губаренко**—изъ означенной командировки, съ оставленіемъ причисленнымъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: причисленные къ Министерству Юстиціи: коллежскій ассесоръ **Спиридоновъ** и командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Омскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Рамазановъ**.

По Московскому Архиву Министерства Юстиціи: утверждается: въ должности помощника старшаго дѣлопроизводителя архива исправляющій эту должность титулярный совѣтникъ **Стратонитскій**—съ 1 февраля 1900 года.

По Правительствующему Сенату: назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ **Преображенскій**—младшимъ помощникомъ оберъ-секретаря того же департамента Сената, съ 1 февраля 1901 года.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ, за болѣзнью*: состоящіе за штатомъ: бывшій помощникъ смотрителя сенатской типографіи, надворный совѣтникъ **Карповъ** и бывшій регистраторъ той же типографіи, коллежскій совѣтникъ **Троицинъ**, оба—съ 24 января 1901 года.

Увольняется *отъ должности*: гминный судья II округа Ленчицкаго уѣзда, Калишской губерніи, Вацлавъ **Одеховскій**, съ 1

февраля 1901 года по случаю назначенія нотаріусомъ при ипотечной канцеляріи мироваго судьи г. Копина.

По межевой части.

№ 2, отъ 16-го февраля 1901 года.

По Управленію Межевою частью: Причисленъ *къ Управленію*: Классный Воспитатель Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Валерьяновъ**, согласно его прошенію, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности, съ 1 февраля 1901 года.

По Межевой Канцеляріи: Назначаются: Директоръ Писцоваго Архива, Надворный Совѣтникъ князь **Мещерскій**—Младшимъ Землемѣромъ 1 разряда; Старшій Помощникъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Здановскій**—Старшимъ Землемѣрнымъ Помощникомъ, съ откомандированіемъ для занятій въ Таврическую Губернскую Чертежную, съ 18 января 1901 года.

Отчисляются *отъ межеваго вѣдомства*, причисленные къ Межевой Канцеляріи: Коллежскіе Ассессоры: **Смирновъ**, **Никифоровъ**, **Буткевичъ** и **Сусоровъ**, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Петровъ**, Титулярный Совѣтникъ **Одинцовъ-Феклистовъ**, Коллежскій Секретарь Левитскій, Губернскіе Секретари: **Критскій** и **Мещерскій** и Коллежскій Регистраторъ **Давыдовъ**.

По межевымъ учебнымъ заведеніямъ: Назначаются: Младшій Преподаватель Константиновскаго Межеваго Института, Надворный Совѣтникъ **Смирновъ**—Старшимъ Преподавателемъ того же Института и Старшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ Константинъ **Цвѣтковъ**—Классныгъ Воспитателемъ означеннаго Института; изъ нихъ послѣдній съ 1 февраля 1901 года.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Преподаватели Константиновскаго Межеваго Института: Старшій—Надворный Совѣтникъ **Шолле**—по болѣзни и Младшій—**Хвостовъ**; изъ нихъ послѣдній съ 1 января 1901 года.

По губернской межевой части: Опредѣленъ *на службу*: окончившій курсъ въ Тифлисскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Швелидзе**—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, съ 1 февраля 1901 года.

Назначаются: Уѣздный Землемѣръ Витебской губерніи, Надворный Совѣтникъ **Григорьевъ**—Помощникомъ Кіевскаго Губернскаго Землемѣра, Младшій Землемѣръ Кубанской Областной Чертежной, Титулярный Совѣтникъ **Катко**—Младшимъ Землемѣромъ при Тифлисской Судебной Палатѣ и Младшій Помощникъ Землемѣра Кубанской Областной Чертежной, неимѣющій чина **Мозолевскій**—Старшимъ Помощникомъ Землемѣра сей Чертежной; изъ нихъ послѣдній съ 18 января 1901 года.

Переведенъ: Помощникъ Черноморскаго Губернскаго Землемѣра, Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ **Невскій**—на таковую же должность въ С.-Петербургскую губернію, съ 26 января 1901 года.

Командированъ: Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Губернскій Секретарь **Минаевъ**—для занятій въ Вологодскую Губернскую Чертежную, съ 17 января 1901 года.

Уволенъ *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни*: Помощникъ Вологодскаго Губернскаго Землемѣра, Надворный Совѣтникъ **Воронковъ**, съ 15 февраля 1901 года.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ

за 1901 годъ.

III. Января 11 дня 1901 г. № 1099.

Предсѣдателямъ окружныхъ судовъ.

Въ виду имѣющихся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣній о неоднообразномъ разрѣшеніи уѣздными съѣздами вопроса о томъ, можетъ ли уѣздный членъ суда принимать участіе при вторичномъ разсмотрѣніи въ уѣздномъ съѣздѣ дѣлъ, по коимъ рѣшенія съѣзда, постановленныя въ его присутствіи, отмѣнены въ кассаціонномъ порядкѣ и дѣла обращены губернскимъ присутствіемъ для новаго разрѣшенія въ тотъ же съѣздъ (ст. 137 и 242 прав. произв. суд. дѣлъ, подвѣд. зем. нач.),—означенный вопросъ, на основаніи 259[1] ст. учр. суд. уст., былъ предложенъ мною на обсужденіе Общаго Собранія 1-го и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

Вслѣдствіе сего опредѣленіемъ Общаго Собранія Правительствующаго Сената отъ 2-го октября минувшаго года разъяснено, что передача губернскимъ присутствіемъ дѣла, по отмѣнѣ постановленнаго по оному приговора или рѣшенія, на разсмотрѣніе того же уѣзднаго съѣзда не можетъ служить основаніемъ для освобожденія уѣзднаго члена отъ вторичнаго участія въ разрѣшеніи того же дѣла.

Объ изложенномъ разъясненіи Правительствующаго Сената сообщаю Вашему Превосходительству для свѣдѣнія и поставленія въ извѣстность уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, состоящаго подъ Вашимъ предсѣдательствомъ.

НАШИ СУДЫ И СУДЕБНЫЕ ПОРЯДКИ ПО ДАННЫМЪ РЕВИЗІИ 1895 ГОДА.

Я. К. Городыскаго.

(Продолженіе) [1]).

II.

Уголовное судопроизводство.

Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія. Согласно правиламъ устава уголовнаго судопроизводства, уголовныя дѣла возникаютъ: по объявленіямъ и жалобамъ частныхъ лицъ; по сообщеніямъ полиціи, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ; по явкѣ съ повинною; по предложеніямъ чиновъ прокуратуры и по непосредственному усмотрѣнію участковаго судьи или судебнаго слѣдователя. Порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія имѣетъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ отправленія правосудія и выяснялся при ревизіи во всей подробности. При этомъ на первомъ планѣ поставленъ былъ весьма интересный вопросъ, какъ велико число дѣлъ, возникающихъ по каждому изъ указанныхъ въ законѣ поводовъ къ начатію производства. Изъ собранныхъ по этому предмету статистическихъ данныхъ усматривается,

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1901 г., Февраль, стр. 1.

что самый бо́льшій процентъ уголовныхъ дѣлъ возникаетъ по сообщеніямъ полиціи. Однако, относящіяся сюда цифры, какъ видно изъ обозрѣнія подлинныхъ дѣлъ, выражаютъ собою чисто формальную сторону регистраціи поводовъ къ возбужденію преслѣдованія. Такъ, если потерпѣвшій заявитъ о совершившемся преступленіи полиціи, и послѣдняя сообщитъ объ этомъ судебному слѣдователю, дѣло считается возбужденнымъ полиціею; если же потерпѣвшій почему-либо найдетъ нужнымъ обратиться съ своимъ заявленіемъ къ прокурору, который предложитъ слѣдователю произвести по предмету этого заявленія предварительное слѣдствіе, дѣло относится къ категоріи возбуждаемыхъ прокуратурою, и только въ томъ случаѣ, когда заявленіе поступитъ отъ потерпѣвшаго непосредственно къ судебному слѣдователю, дѣло отмѣчается, какъ возникшее по заявленію частнаго лица. Потерпѣвшія отъ преступленій лица обыкновенно обращаются съ своими жалобами и заявленіями, за исключеніемъ дѣлъ такъ называемаго частнаго обвиненія, къ ближайшей власти, каковой и являются чины полиціи, и всѣ возникающія въ этихъ случаяхъ дѣла, по усвоенной практикою регистраціи поводовъ къ начатію производства, считаются возбужденными полиціею. Если же отрѣшиться отъ формальной точки зрѣнія и признавать, что жалобы или заявленія, разъ онѣ принесены компетентной власти, во всѣхъ случаяхъ должны имѣть, какъ поводы къ возникновенію уголовныхъ дѣлъ, одинаковое значеніе, тѣмъ болѣе, что и самое обращеніе потерпѣвшаго къ тому или другому органу власти нерѣдко зависитъ отъ разныхъ случайностей, то окажется, что огромное большинство уголовныхъ дѣлъ возбуждается частными лицами. По непосредственному усмотрѣнію полиціи и другихъ правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ, равно какъ и прокуратуры, возбуждается сравнительно немного дѣлъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ, дѣла по преступленіямъ, направленнымъ противъ порядка управленія, постановленій о повинностяхъ, имущества и доходовъ казны, благоустройства и благочинія, а также во многихъ случаяхъ по преступленіямъ должности (т. III, р. 1, стр. 5).

Изложенное въ 302 ст. уст. угол. суд. постановленіе о томъ, что въ жалобѣ потерпѣвшаго должны быть означены: время и мѣсто совершенія преступнаго дѣянія, причины, по которымъ возводится на кого-либо подозрѣніе, понесенные вредъ и убытки и приблизительное исчисленіе вознагражденія, если оно требуется, на практикѣ въ точности не соблюдается, такъ какъ составленіе жалобъ въ томъ видѣ, какъ это значится въ упомянутой статьѣ, совершенно непосильно для большинства простолюдиновъ. Обыкновенно, одно лишь заявленіе о томъ, что извѣстное преступленіе совершилось, считается вполнѣ достаточнымъ для возбужденія уголовнаго дѣла. Категорическое указаніе лица, которое должно быть привлечено къ отвѣтственности, требуется лишь по дѣламъ частнаго обвиненія, а юридическая квалификація преступнаго дѣянія признается безусловно необходимою въ жалобахъ только по дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати въ виду того, что по симъ дѣламъ изъ однихъ и тѣхъ же фактическихъ данныхъ могутъ быть выводимы разныя преступленія, какъ напр., клевета и диффамація (т. III, р. 2, стр. 22).

Почти всѣ ревизіонные отчеты по общимъ судебнымъ учрежденіямъ отмѣчаютъ значительныя неудобства, вызываемыя постановленіемъ 303 ст. уст. угол. суд., по которой жалобы почитаются достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія, почему ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не могутъ отказать въ томъ лицу, потерпѣвшему отъ преступленія или проступка. Практика показываетъ, что весьма многія жалобы бываютъ совершенно неосновательны и нерѣдко заключаютъ въ себѣ ссылки на извращенные или даже измышленные факты. Производство предварительныхъ слѣдствій по такимъ жалобамъ составляетъ безполезный трудъ, увеличивая лишь число дѣлъ, прекращаемыхъ по 277 ст. уст. угол. суд., и вообще ложится тяжелымъ бременемъ на судебныхъ слѣдователей, которые вынуждены для того, чтобы установить неосновательность жалобы, допрашивать многочисленныхъ свидѣтелей и производить разныя другія слѣдственныя дѣйствія, на что требуется не мало труда и вре-

мени. Поэтому нѣкоторые слѣдователи и чины прокуратуры передаютъ поступившія къ нимъ сомнительныя жалобы полиціи для провѣрки ихъ дознаніемъ. Но такіе случаи встрѣчаются въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Согласно преобладающему въ судебныхъ установленіяхъ взгляду, постановленіе 303 ст. уст. угол. суд. безусловно требуетъ производства предварительнаго слѣдствія по всякой жалобѣ, разъ послѣдняя заключаетъ въ себѣ прямое указаніе на совершившееся преступленіе. Взглядъ этотъ проводится со всею строгостью, а нѣкоторые прокуроры признаютъ невозможнымъ прекращеніе по 309 ст. уст. угол. суд. даже и полицейскихъ дознаній, произведенныхъ по жалобамъ и заявленіямъ частныхъ лицъ, пока эти дознанія не провѣрены слѣдствіемъ, послѣ чего, само собою разумѣется, такія дѣла могутъ быть прекращаемы только въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд. (т. III, р. 2, стр. 20). Такъ какъ въ то же время безполезность производства предварительныхъ слѣдствій по неосновательнымъ жалобамъ сама собою сказывается съ очевидностью, то нѣкоторые практики находятъ желательнымъ, въ отмѣну категорическаго требованія 303 ст. уст. угол. суд., предоставить судебнымъ слѣдователямъ право передавать поступившія къ нимъ жалобы, если это окажется необходимымъ, въ полицію для производства по нимъ дознаній (т. V, стр. 107). Этимъ путемъ, несомнѣнно, были бы устранены вышеуказанныя неудобства, при чемъ къ установленію такого порядка, повидимому, не можетъ встрѣтиться какихъ-либо препятствій. Какъ было уже отмѣчено, частныя лица обращаются съ своими жалобами преимущественно къ чинамъ полиціи, которые производятъ по этимъ жалобамъ дознанія и передаютъ таковыя на распоряженіе судебной власти. Весьма многія изъ означенныхъ дознаній прекращаются по 309 ст. уст. угол. суд., и если, такимъ образомъ, не всякая жалоба, поступившая отъ потерпѣвшаго въ полицію, создаетъ необходимость въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, то, казалось бы, не можетъ быть основаній устанавливать въ этомъ отношеніи изъятіе для жалобъ, поступившихъ къ судебному слѣдователю и прокурору. Иначе, производство

предварительнаго слѣдствія, при наличности однихъ и тѣхъ же фактическихъ данныхъ, будетъ зависѣть отъ случайной подачи жалобы тому или другому óргану власти.

Полиція, равно какъ и другія правительственныя установленія и должностныя лица, возбуждаютъ уголовныя дѣла по непосредственному усмотрѣнію, въ общемъ, болѣе или менѣе основательно. Примѣненіе 309 ст. уст. угол. суд. въ послѣднее время замѣтно уменьшается. Процентное отношеніе переписокъ, направленныхъ по означенной статьѣ, къ общему числу поступившихъ къ судебнымъ слѣдователямъ дознаній въ 1894 г. колебалось въ разныхъ округахъ отъ 1 до 13, въ среднемъ же выводѣ по всѣмъ округамъ оно могло бы быть выражено цифрою 5.

Чины прокуратуры возбуждаютъ уголовныя дѣла по непосредственному усмотрѣнію, помимо жалобъ заинтересованныхъ лицъ, сравнительно рѣдко. Въ округахъ 11 окружныхъ судовъ въ 1894 г. такихъ случаевъ вовсе не было. Предложенія о производствѣ предварительнаго слѣдствія по такимъ дѣламъ обыкновенно мотивируются, но иногда безъ указанія источника, изъ котораго получены дошедшія до прокуратуры свѣдѣнія. Мотивы къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія признаются излишними въ тѣхъ случаяхъ, когда къ прокурорскому предложенію пріобщается полицейское дознаніе или иная переписка, разъясняющая обстоятельства дѣла (т. III, р. 2, стр. 32).

Явка съ повинною, какъ видно изъ выясненныхъ ревизіею данныхъ судебной практики, составляетъ одинъ изъ наименѣе надежныхъ поводовъ къ возбужденію уголовнаго дѣла. Она исходитъ, главнымъ образомъ, отъ осужденныхъ арестантовъ, которые заявляютъ о совершенныхъ ими преступленіяхъ не подъ вліяніемъ раскаянія, а по разнымъ другимъ побужденіямъ, напр., съ цѣлью отдалить время ссылки или вообще исполненія состоявшагося уже приговора, добиться перевода въ другую тюрьму и совершить побѣгъ, замедлить производство слѣдствія по другому дѣлу, отмстить соучастникамъ путемъ оговора. Иногда явка съ повинною дѣлается съ цѣлью избавить отъ отвѣтственности другое

лицо, дѣйствительно совершившее данное преступленіе. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно принимаетъ на себя вину и приноситъ повинную арестантъ, осужденный за тяжкое преступленіе къ такому уголовному наказанію, которое, при постановленіи приговора по совокупности, поглощаетъ отвѣтственность за взводимое имъ на себя новое обвиненіе. Впрочемъ, дѣлъ по явкѣ съ повинною возникаетъ весьма немного. Въ 1894 г. у судебныхъ слѣдователей десяти округовъ судебныхъ палатъ зарегистрировано было всего 390 такихъ дѣлъ. На практикѣ остается пока неразрѣшеннымъ вопросъ, слѣдуетъ ли заявленіе матери незаконнорожденнаго ребенка о своемъ внѣбрачномъ сожитіи съ неженатымъ, сдѣланное съ цѣлью полученія отъ послѣдняго, судебнымъ порядкомъ, матеріальнаго обезпеченія какъ для себя, такъ и для ребенка,—считать жалобою, или явкою съ повинной. Въ двухъ судахъ такое заявленіе признается явкою, въ семи судахъ подводится иногда подъ категорію явокъ, иногда—жалобъ, а во всѣхъ остальныхъ судахъ считается жалобою.

Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія по непосредственному усмотрѣнію судебной власти относится къ числу рѣдкихъ явленій, что̀ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ исключительности необходимыхъ для того условій (судебный слѣдователь, согласно 313 ст. уст. угол. суд., приступаетъ къ слѣдствію по собственному усмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, когда застигнетъ совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе). Какъ видно изъ статистическихъ данныхъ, въ 1894 г. было возбуждено по личному усмотрѣнію судебныхъ слѣдователей въ округахъ всѣхъ обревизованныхъ судовъ 113 дѣлъ (т. V, стр. 196). Въ округахъ 46 судовъ такихъ случаевъ за отчетный періодъ времени вовсе не встрѣчалось.

Необходимость предварительнаго разрѣшенія судомъ гражданскимъ преюдиціальнаго вопроса рѣдко бываетъ очевидною и несомнѣнною при самомъ возбужденіи уголовнаго дѣла. Въ большинствѣ случаевъ она выясняется лишь послѣ приведенія всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла въ извѣстность, и тогда начатое предварительное слѣдствіе на-

правляется въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд. Хотя, по буквальному смыслу 27 ст. уст. угол. суд., начатое въ судѣ уголовномъ дѣло, въ случаѣ необходимости разрѣшенія преюдиціальнаго вопроса, пріостанавливается, но практика не проводитъ строгаго различія между пріостановленіемъ и прекращеніемъ слѣдственнаго производства по такого рода дѣламъ, быть можетъ, потому что послѣ разрѣшенія преюдиціальнаго вопроса прекращенное производство можетъ быть возобновлено такъ же, какъ и пріостановленное (т. III, р. 2, стр. 357).

Кромѣ законнаго повода, для возбужденія уголовнаго преслѣдованія необходимо еще и достаточное основаніе (262 ст. уст. угол. суд.). Подъ основаніемъ для начатія производства по уголовному дѣлу подразумѣвается наличность извѣстныхъ фактическихъ данныхъ, которыя устанавливаютъ составъ караемаго по законамъ уголовнымъ преступнаго дѣянія и подсудность дѣла, если не мѣстную, то хотя бы матеріальную. Оцѣнка основаній для возбужденія уголовнаго преслѣдованія зависитъ, конечно, отъ познаній и опытности судьи или слѣдователя, принимающаго дѣло къ производству. Въ этомъ отношеніи ревизіею констатированы лишь единичные случаи ошибокъ со стороны молодыхъ, недостаточно опытныхъ дѣятелей (т. III, р. 1, стр. 18). Хотя въ числѣ слѣдственныхъ производствъ, направленныхъ по 277 ст. уст. угол. суд., находится довольно значительный процентъ дѣлъ, подлежащихъ прекращенію за отсутствіемъ въ событіи, которое послужило основаніемъ къ возбужденію преслѣдованія, факта преступленія, но это явленіе обусловливается не столько ошибочнымъ принятіемъ дѣлъ къ производству, сколько невѣрнымъ изложеніемъ въ жалобахъ частныхъ лицъ инкриминируемыхъ ими событій.

Полицейское дознаніе. Данныя ревизіонныхъ отчетовъ вполнѣ подтверждаютъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что полицейскія дознанія по уголовнымъ дѣламъ заставляютъ желать много лучшаго. Неудовлетворительность полицейскаго дознанія состоитъ, главнымъ образомъ, въ слабости розыска, имѣющей своимъ послѣдствіемъ прекращеніе огромнаго про-

цента уголовныхъ дѣлъ за необнаруженіемъ виновныхъ или недостаточностью уликъ противъ подозрѣваемыхъ въ совершеніи даннаго преступленія лицъ. Дознанія уѣздной полиціи, сверхъ того, страдаютъ еще и недостатками въ отношеніи исполненія установленныхъ закономъ формальностей. Становые пристава, обремененные многочисленными обязанностями, въ рѣдкихъ случаяхъ лично производятъ дознанія. Обыкновенно же дознанія производятся урядниками и сельскими властями, контингентъ которыхъ состоитъ изъ лицъ, не только несвѣдущихъ въ законахъ, но очень часто и малограмотныхъ, и потому неумѣющихъ даже изложить письменно добытыя ими свѣдѣнія. Не обладая необходимыми познаніями и опытомъ, полицейскіе урядники и сельскія власти, не говоря уже объ отступленіяхъ отъ требованій устава уголовнаго судопроизводства, осложняютъ дознанія выясненіемъ неидущихъ къ дѣлу обстоятельствъ и очень часто совершенно неосновательно привлекаютъ къ отвѣтственности и задерживаютъ заподозрѣнныхъ ими лицъ. Кромѣ того, на полицейскихъ урядниковъ иногда возлагается слишкомъ много разныхъ порученій, которыя не даютъ имъ возможности удѣлять достаточно времени для производства дознаній. Поэтому весьма часто встрѣчающаяся въ ихъ донесеніяхъ стереотипная фраза—„по самымъ тщательнымъ розыскамъ ничего не обнаружено"—едва ли не въ большинствѣ случаевъ является лишь простою отпискою. Что же касается сельскихъ властей, то, по удостовѣренію нѣкоторыхъ практиковъ, встрѣчались случаи, когда означенныя власти не принимали необходимыхъ мѣръ къ раскрытію преступленій изъ боязни мести со стороны виновныхъ или ихъ родственниковъ. На желѣзныхъ дорогахъ дознанія производятся по большей части жандармскими унтеръ-офицерами, которые въ отношеніи исполненія этой обязанности ничѣмъ не отличаются отъ полицейскихъ урядниковъ. Чины отдѣльнаго корпуса жандармовъ производятъ дознанія по общимъ преступленіямъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Дѣятельность полиціи по производству дознаній находится на требуемомъ уровнѣ лишь въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ, въ которыхъ составъ полиціи

организованъ изъ опытныхъ чиновниковъ и имѣются сыскныя отдѣленія или особые, спеціально назначенные для производства дознаній, чиновники.

Неудовлетворительность полицейскаго розыска въ нѣкоторыхъ случаяхъ заглаживается предпріимчивостью потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, которыя, не полагаясь на успѣхъ дознанія, сами принимаютъ мѣры къ обнаруженію виновныхъ и въ особенности къ розысканію похищеннаго у нихъ имущества. Мѣры эти нерѣдко бываютъ успѣшны и, несомнѣнно, способствуютъ правильному отправленію правосудія. Ближайшее ознакомленіе съ судебною практикою вполнѣ убѣждаетъ въ томъ, что обнаруженіе и изобличеніе виновныхъ по нѣкоторымъ дѣламъ всецѣло должно быть приписано энергичному содѣйствію со стороны потерпѣвшихъ лицъ.

Въ общемъ, дознанія, производимыя городскою полиціею, представляются болѣе удовлетворительными, чѣмъ дознанія полиціи уѣздной и въ особенности сельской, что̀ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что въ личномъ составѣ городской полиціи чаще, чѣмъ въ составѣ полиціи уѣздной, встрѣчаются чиновники способные и достаточно подготовленные къ своей дѣятельности, а съ другой—тѣмъ, что городская полиція въ большей мѣрѣ, чѣмъ уѣздная, располагаетъ необходимыми для розысковъ средствами.

При такихъ условіяхъ дѣятельности полиціи по производству дознаній и въ виду того, что, какъ показываетъ опытъ, дознанія, производимыя спеціально назначенными для этого чиновниками, чаще достигаютъ цѣли, чѣмъ дознанія прочихъ чиновъ полиціи, нѣкоторые практики признаютъ желательнымъ учрежденіе особой судебной полиціи исключительно для производства дознаній по преступленіямъ и проступкамъ (т. V, стр. 63). Мысль эта встрѣчаетъ, однако, немало противниковъ, по мнѣнію которыхъ организованіе обособленной судебной полиціи потребовало бы огромныхъ затратъ и въ то же время едва ли вполнѣ оправдало бы ожиданія сторонниковъ этого института. Несомнѣнно, что для разрѣшенія вопроса о цѣлесообразности учрежденія судебной полиціи необходимы дальнѣйшія указанія опыта, а осуществленіе

этого предположенія, повидимому, могло бы быть достигнуто лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Поэтому въ настоящее время пріобрѣтаютъ особое значеніе попытки къ ознакомленію лицъ, желающихъ поступить на полицейскую службу, съ истекающими изъ нея обязанностями. Въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ особыя школы для подготовленія урядниковъ и земскихъ стражниковъ. Школы эти, въ которыхъ ознакомленіе учащихся съ пріемами полицейскаго дознанія по уголовнымъ дѣламъ обыкновенно ведется подъ руководствомъ лицъ прокурорскаго надзора, по удостовѣренію практиковъ, даютъ довольно удовлетворительные результаты (т. III, р. 1, стр. 11).

Правильно организованная сыскная полиція существуетъ только въ г. С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Саратовѣ, Варшавѣ, Лодзи и Ригѣ. Дѣятельность ея по раскрытію преступленій и собиранію доказательствъ виновности привлекаемыхъ къ отвѣтственности лицъ несравненно успѣшнѣе дѣятельности чиновъ наружной полиціи и приноситъ несомнѣнную пользу. Въ г. Варшавѣ въ теченіе 1892—1894 г.г. изъ числа 13.773-хъ кражъ на общую сумму 936.707 р. сыскная полиція успѣла раскрыть слѣды преступленія въ значительномъ большинствѣ случаевъ, при чемъ было задержано 9.137 виновныхъ и розыскано похищеннаго на 617.283 р. Кромѣ того, изъ 12 случаевъ убійствъ задержаны виновные въ 9 случаяхъ, и при нанесеніи тяжкихъ ранъ и увѣчій изъ 19—въ 16 случаяхъ (т. III, р. 2, стр. 107).

Необходимость организаціи спеціальныхъ розысковъ для болѣе упѣшнаго раскрытія преступленій и обнаруженія виновныхъ ощущается не только въ большихъ городахъ, но и въ уѣздахъ. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь весьма интересный фактъ, могущій служить подтвержденіемъ сказаннаго. Въ Кутаисской губерніи во многихъ селахъ имѣются особые сыщики, такъ называемые „хевиставы“, избираемые сельскимъ обществомъ изъ мѣстныхъ жителей. Лица эти обязываются, подъ присягою, розыскивать воровъ и похищенное, по преимуществу въ случаяхъ кражи лошадей. Розыски хе-

виставовъ имѣютъ частный характеръ и бываютъ успѣшны. Сельскія власти обыкновенно составляютъ протоколы дознаній по указаніямъ этихъ сыщиковъ (т. III, р. 1, стр. 14).

Злоупотребленія чиновъ полиціи при производствѣ дознаній, создающія необходимость привлеченія ихъ къ уголовной отвѣтственности, относятся къ числу рѣдкихъ явленій. Такъ называемое „выколачиваніе" сознанія у заподозрѣнныхъ лицъ констатировано въ видѣ единичныхъ явленій, преимущественно на юго-восточныхъ окраинахъ.

Постановленіе 250 ст. уст. угол. суд., въ силу котораго о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, полиція немедленно, и никакъ не позже сутокъ по полученіи о томъ свѣдѣнія, сообщаетъ судебному слѣдователю и прокурору или его товарищу, въ большинствѣ случаевъ соблюдается, хотя нерѣдко встрѣчаются и отступленія отъ этого правила. О болѣе важныхъ преступленіяхъ полиція обыкновенно извѣщаетъ судебнаго слѣдователя въ установленный срокъ, для чего прибѣгаетъ, при возможности, къ телеграммамъ или посылаетъ увѣдомленіе съ нарочнымъ.

Полицейское дознаніе состоитъ, главнымъ образомъ, въ разспросахъ потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, свидѣтелей и подозрѣваемыхъ. Кромѣ того, предпринимаются и другія дѣйствія, а именно: обыски, осмотры и освидѣтельствованія. Производящіе дознанія чины полиціи довольно часто прибѣгаютъ къ обыскамъ собственно потому, что эти дѣйствія обыкновенно не терпятъ ни малѣйшаго отлагательства и что, съ другой стороны, отъ розыска поличнаго въ большинствѣ случаевъ зависитъ весь успѣхъ дознанія. Производимые при полицейскомъ дознаніи обыски именуются иногда въ протоколахъ „розысками", чѣмъ, повидимому, чины полиціи желаютъ отличить ихъ формально отъ обысковъ, производимыхъ въ видѣ слѣдственныхъ дѣйствій, на основаніи 258 ст. уст. угол. суд. Хотя производство полиціею обысковъ при дознаніи противорѣчитъ буквальному смыслу 254 ст. уст. угол. суд., но практика примирилась съ этимъ явленіемъ, какъ совершенно неизбѣжнымъ. Къ тому же всякій,

производящій дознаніе, чиновникъ полиціи, и въ особенности уѣздной, всегда можетъ приступить къ обыску по 258 статьѣ. Сельскія власти, съ цѣлью отысканія поличнаго, напр., похищенныхъ вещей, нерѣдко производятъ подворные обыски у всѣхъ домохозяевъ, и въ такихъ случаяхъ обыскъ не только не считается позорящимъ обстоятельствомъ, но напротивъ является какъ бы средствомъ къ устраненію возможнаго подозрѣнія. Замѣчено, что сельскія власти склонны производить дознанія гласно, въ присутствіи представителей сельскаго схода, именуемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „добросовѣстными“ (т. III, р. 1, стр. 8).

Производя дознанія не только посредствомъ розысковъ, словесныхъ распросовъ и негласнаго наблюденія, но также и путемъ разныхъ другихъ дѣйствій, полиція не встрѣчаетъ необходимости въ строгомъ соблюденіи изложеннаго въ 258 ст. уст. угол. суд. правила, по которому производящій дознаніе чиновникъ полиціи, за отсутствіемъ слѣдователя, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, можетъ предпринимать слѣдственныя дѣйствія, заступая мѣсто слѣдователя. Поэтому въ протоколахъ полицейскихъ дознаній очень рѣдко встрѣчаются указанія на упомянутую статью устава, хотя формально многія изъ предпринятыхъ полиціею дѣйствій могли бы быть допущены только на основаніи этой именно статьи. Ссылки на 258 ст. уст. угол. суд. встрѣчаются лишь въ протоколахъ дознаній тѣхъ чиновъ полиціи, которые болѣе или менѣе знакомы съ правилами судопроизводства. Ненахожденіе слѣдователя на мѣстѣ (252 ст. уст. угол. суд.) въ большинствѣ случаевъ понимается буквально, т. е. въ смыслѣ фактическаго отсутствія слѣдователя въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть произведены извѣстныя слѣдственныя дѣйствія. Иногда же оно понимается въ смыслѣ отсутствія слѣдователя въ городѣ или селеніи, гдѣ преступленіе совершено, или вообще нахожденіе его въ такомъ разстояніи отъ мѣста преступленія, что онъ не можетъ прибыть туда немедленно.

Допросъ чинами полиціи, за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя, въ порядкѣ 258 ст. уст. угол. суд., свидѣтелей подъ присягою, при условіяхъ, означенныхъ въ 442 статьѣ

того же устава, принадлежитъ къ числу совершенно исключительныхъ явленій. За послѣдніе передъ ревизіею три года такихъ случаевъ во всѣхъ обревизованныхъ округахъ было только три (въ одномъ изъ нихъ допросъ былъ произведенъ полицейскимъ урядникомъ).

Предусмотрѣнное 254 статьею уст. угол. суд. „негласное наблюденіе“ осуществляется болѣе или менѣе успѣшно только въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ организована сыскная полиція. Въ остальныхъ городахъ, и въ особенности небольшихъ, оно рѣдко достигаетъ цѣли, такъ какъ мѣстные обыватели обыкновенно знаютъ въ лицо всѣхъ чиновъ полиціи и появленіе кого-либо изъ этихъ чиновъ въ партикулярномъ платьѣ на улицѣ вызываетъ лишь сенсацію среди населенія. Вслѣдствіе этого полиція прибѣгаетъ иногда къ услугамъ частныхъ лицъ, имѣющихъ знакомства и связи въ преступной средѣ, но такой способъ вызываетъ особые расходы, на покрытіе которыхъ полиція не всегда располагаетъ необходимыми матеріальными средствами.

Производя дознаніе, полиція, согласно 256 ст. уст. угол. суд., принимаетъ въ отношеніи привлекаемыхъ къ отвѣтственности лицъ мѣры пресѣченія имъ возможности уклоненія отъ слѣдствія. При этомъ примѣняются не только личное задержаніе и отобраніе вида на жительство, но также и другія, указанныя въ 416 статьѣ устава, мѣры. Принятіе залога встрѣчается при дознаніи крайне рѣдко, а поручительство требуется иногда безъ опредѣленія суммы, съ отобраніемъ лишь подписки отъ поручителя въ томъ, что онъ, въ случаѣ побѣга подозрѣваемаго, „отвѣчаетъ по закону“.

Найденныя при обыскахъ у подозрѣваемыхъ, а также отобранныя у потерпѣвшихъ или у третьихъ лицъ вещественныя доказательства и поличное, обыкновенно пріобщаются къ дознанію и вмѣстѣ съ таковымъ препровождаются къ слѣдователю. При этомъ чины полиціи, очевидно, по своей неопытности, очень часто пріобщаютъ къ дознаніямъ и такія вещи, которыя не имѣютъ ровно никакого значенія для даннаго дѣла, что̀, конечно, затрудняетъ

слѣдователей, вынужденныхъ составлять по этому поводу особыя постановленія и возвращать вещи по принадлежности. Такъ, въ одномъ случаѣ по дѣлу о нанесеніи раны кинжаломъ къ судебному слѣдователю былъ присланъ вмѣстѣ съ дознаніемъ оказавшійся у потерпѣвшаго мѣшокъ съ арбузами (т. III, р. 2, стр. 58).

Все обнаруженное и выясненное при дознаніи обыкновенно записывается въ особый „протоколъ дознанія". Отступленія отъ этого порядка встрѣчаются сравнительно рѣдко, и въ такихъ случаяхъ полицейскіе чиновники сообщаютъ добытыя ими свѣдѣнія судебному слѣдователю въ видѣ донесеній. Такъ какъ формы протоколовъ дознаній не установлено, то изложеніе ихъ бываетъ крайне разнообразно. Иногда составляется одинъ общій протоколъ о всѣхъ дѣйствіяхъ по дознанію, иногда же о каждомъ дѣйствіи составляется отдѣльный протоколъ. Показанія допрашиваемыхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ записываются въ третьемъ лицѣ (т. е., такой-то показалъ то-то). Потерпѣвшія лица, подозрѣваемые, свидѣтели и понятые, если они грамотны, по большей части подписываютъ протоколы и тѣмъ какъ бы удостовѣряютъ правильность ихъ изложенія.

Дознанія, производимыя полицейскими урядниками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ провѣряются становыми приставами и только послѣ того препровождаются къ судебнымъ слѣдователямъ, что̀, само собою разумѣется, замедляетъ производство слѣдствія.

Сообщивъ судебному слѣдователю о совершившемся преступленіи и передавъ ему протоколъ дознанія, полиція по болѣе важнымъ дѣламъ обыкновенно продолжаетъ розыски и всѣ, вновь добытыя, данныя сообщаетъ слѣдователю дополнительно. Очень часто полиціею собираются необходимыя для разъясненія дѣла свѣдѣнія по порученію судебной власти.

Наблюденіе за дѣйствіями чиновъ полиціи по производству дознаній со стороны прокурорскаго надзора, по отзывамъ ревизоровъ, проявляется въ весьма слабой степени въ силу фактической невозможности для чиновъ прокуратуры, при наличномъ ея составѣ и при обремененности другими

занятіями, слѣдить за ходомъ такихъ дознаній (т. III, р. 2, стр. 89). На практикѣ возникаютъ иногда такія дѣла, первоначальное разслѣдованіе которыхъ путемъ полицейскаго дознанія было бы неудобно, напр., если самое разслѣдованіе требуетъ крайней осторожности или если подлежащія выясненію обстоятельства касаются лицъ, занимающихъ выдающееся служебное или общественное положеніе. Въ подобныхъ случаяхъ, правда, весьма рѣдкихъ, чины прокуратуры лично производятъ дознанія. Необходимо замѣтить, что по этому предмету существуютъ пока разномыслія, такъ какъ законъ производства дознаній лицами прокурорскаго надзора прямо не предусматриваетъ (т. III, р. 2, стр. 97).

Общая постановка предварительнаго слѣдствія. Производство предварительнаго слѣдствія, хотя и не страдаетъ тѣми недостатками, на которые указываютъ сторонники коренной реформы его на началахъ гласности и съ допущеніемъ защиты обвиняемыхъ, но въ общемъ все-таки не могло бы быть признано и вполнѣ успѣшнымъ. Собранныя по этому предмету данныя съ очевидностью доказываютъ, что встрѣчающіеся въ слѣдственной практикѣ недочеты во многомъ зависятъ отъ причинъ, стоящихъ внѣ самой системы процесса. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важное значеніе имѣетъ, какъ было уже отмѣчено выше, слабость полицейскихъ розысковъ. Несомнѣнно, что при означенномъ условіи раскрытіе преступленій и изобличеніе виновныхъ не могутъ стоять на желательномъ уровнѣ, какая бы система предварительнаго слѣдствія ни была принята. Затѣмъ многіе ревизоры указываютъ на значительную обремененность судебныхъ слѣдователей служебными занятіями, вслѣдствіе чего они не всегда успѣваютъ исполнять всѣ необходимыя дѣйствія по производству дѣла. По этому предмету надлежитъ замѣтить, что количество упадающаго на судебныхъ слѣдователей труда не можетъ быть опредѣляемо числомъ производимыхъ ими предварительныхъ слѣдствій, такъ какъ трудъ этотъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сложности каждаго даннаго дѣла. Въ уѣздныхъ участкахъ производство предварительнаго слѣдствія требуетъ едва ли не по большинству

дѣлъ выѣзда судебнаго слѣдователя на мѣсто совершенія преступленія, что̀, само собою разумѣется, замедляетъ производство, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно совершается нѣсколько преступленій въ разныхъ пунктахъ участка. Разъѣзды становятся тѣмъ обременительнѣе для судебнаго слѣдователя и тѣмъ больше отнимаютъ у него времени, чѣмъ больше территорія слѣдственнаго участка. Въ обревизованныхъ округахъ наиболѣе обширные слѣдственные участки встрѣчаются въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ участковъ судебный слѣдователь для того, чтобы прибыть на мѣсто совершенія преступленія, долженъ иногда проѣхать 250 и болѣе верстъ на обывательскихъ лошадяхъ, верхомъ или на лодкѣ, если же встрѣтится безотлагательная необходимость отправиться изъ одного крайняго пункта участка въ другой, то—до 400 верстъ. Остается прибавить, что во многихъ селахъ и деревняхъ не имѣется сколько-нибудь удобныхъ помѣщеній, такъ что судебнымъ слѣдователямъ приходится подчасъ производить допросъ и исполнять разныя другія слѣдственныя дѣйствія въ такъ называемыхъ курныхъ избахъ (т. III, р. 2, стр. 24 и 25).

Предварительное слѣдствіе производится во всемъ согласно съ требованіемъ закона. Отступленія отъ законнаго порядка составляютъ весьма рѣдкія, исключительныя явленія и объясняются или случайными ошибками или неопытностью молодыхъ дѣятелей. Какихъ-либо особыхъ процессуальныхъ затрудненій при производствѣ предварительнаго слѣдствія не встрѣчается.

Необходимыя для выясненія обстоятельствъ дѣла слѣдственныя дѣйствія въ огромномъ большинствѣ случаевъ предпринимаются по иниціативѣ судебнаго слѣдователя. Потерпѣвшій заявляетъ требованіе о производствѣ тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствій обыкновенно лишь тогда, когда онъ состоитъ по дѣлу гражданскимъ истцомъ или частнымъ обвинителемъ, въ остальныхъ же случаяхъ онъ относится къ производству предварительнаго слѣдствія совершенно индифферентно. Къ тому же на практикѣ не установилось еще

вполнѣ опредѣленнаго взгляда на роль потерпѣвшаго при предварительномъ слѣдствіи. Многіе слѣдователи находятъ, что потерпѣвшій можетъ считаться участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ и, въ качествѣ таковаго, заявлять извѣстныя требованія, присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, предлагать свидѣтелямъ вопросы и т. п., какъ и на слѣдствіи судебномъ, при разборѣ дѣла, только при томъ условіи, когда онъ является частнымъ обвинителемъ или заявитъ гражданскій искъ по дѣлу. Обвиняемые, пользующіеся нерѣдко услугами подпольныхъ адвокатовъ, чаще, чѣмъ потерпѣвшіе, заявляютъ разныя ходатайства по дѣлу, но производимыя по ихъ требованіямъ слѣдственныя дѣйствія по большей части предпринимаются лишь въ концѣ слѣдствія и, конечно, въ тѣхъ случахъ, когда заявленное о производствѣ этихъ дѣйствій ходатайство заслуживаетъ уваженія. Наблюдающія за производствомъ предварительныхъ слѣдствій лица прокурорскаго надзора, при фактической невозможности постоянно слѣдить за ходомъ слѣдствія по каждому данному дѣлу, предлагаютъ судебнымъ слѣдователямъ произвести необходимыя въ интересахъ обвиненія слѣдственныя дѣйствія въ значительномъ большинствѣ случаевъ только путемъ возвращенія слѣдствія для дополненія. Предложенія о выясненіи тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла раньше направленія слѣдствія встрѣчаются по болѣе или менѣе важнымъ дѣламъ и преимущественно при томъ условіи, когда наблюдающій за производствомъ предварительнаго слѣдствія товарищъ прокурора и судебный слѣдователь проживаютъ въ одномъ городѣ.

Предварительное слѣдствіе производится на мѣстѣ совершенія преступленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это безусловно необходимо по роду предстоящихъ слѣдственныхъ дѣйствій (судебно-медицинское вскрытіе трупа, осмотръ мѣстности, обыскъ) или по многочисленности подлежащихъ допросу лицъ. При возможности произвести слѣдствіе въ мѣстѣ своего пребыванія, въ камерѣ, судебные слѣдователи по большей части не выѣзжаютъ на мѣсто преступленія не только ради избѣжанія лишнихъ расходовъ, но, главнымъ образомъ,

въ видахъ сбереженія времени, которое затрачивается на самую поѣздку.

Приступивъ къ производству предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь прежде всего исполняетъ тѣ дѣйствія, которыми устанавливается фактъ преступленія, а затѣмъ выясняетъ обстоятельства, указывающія на виновность заподозрѣнныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ обвиняемый допрашивается лишь въ концѣ слѣдствія. Исключенія изъ этого, выработаннаго практикою, правила встрѣчаются по тѣмъ дѣламъ, по которымъ вполнѣ изобличенный полицейскимъ дознаніемъ обвиняемый задержанъ полиціею и препровожденъ къ судебному слѣдователю вмѣстѣ въ дознаніемъ, что̀ имѣетъ мѣсто обыкновенно только по дѣламъ о болѣе или менѣе важныхъ преступленіяхъ. Въ такихъ случаяхъ предварительное слѣдствіе по необходимости начинается съ допроса обвиняемаго, между прочимъ и для того, чтобы можно было принять противъ обвиняемаго соотвѣтственную мѣру пресѣченія ему возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда.

При совокупности преступленій, совершенныхъ однимъ обвиняемымъ, заводится одно дѣло о всѣхъ преступленіяхъ или же о каждомъ изъ нихъ производится отдѣльное предварительное слѣдствіе, что̀ зависитъ не только отъ наличности или отсутствія внутренней связи между этими преступленіями, но также и отъ практическихъ удобствъ совокупнаго или отдѣльнаго направленія дѣлъ. Но предварительныя слѣдствія по дѣламъ частнаго обвиненія и о бродяжествѣ всегда выдѣляются въ особыя производства (т. III, р. 2, стр. 376 и 377).

Привлекая обвиняемаго, судебный слѣдователь обыкновенно объявляетъ ему о сущности обвиненія, т. е. за какое именно преступленіе онъ подлежитъ отвѣтственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ въ общихъ чертахъ собранныя противъ него улики. Дѣлается это по большей части на словахъ, въ особенности въ отношеніи обвиняемыхъ изъ простолюдиновъ. Обвиняемые изъ интеллигентнаго класса людей требуютъ иногда прочтенія постановленія о привлеченіи ихъ къ

отвѣтственности. Такое ознакомленіе обвиняемаго, какъ съ существомъ обвиненія, такъ и съ собранными противъ него уликами, устраняетъ необходимость немедленнаго послѣ допроса прочтенія ему всѣхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, слѣдственныхъ актовъ. Исполненіе этой формальности въ большинствѣ случаевъ пріурочивается къ моменту предъявленія слѣдствія въ порядкѣ 476 ст. уст. угол. суд.

Слѣдственныя дѣйствія въ огромномъ большинствѣ случаевъ производятся въ отсутствіе обвиняемыхъ и другихъ, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Судебный слѣдователь вызываетъ по своей иниціативѣ обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ для присутствованія при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда это представляется безусловно необходимымъ по обстоятельствамъ дѣла или по свойству слѣдственныхъ дѣйствій. Въ остальныхъ случаяхъ производство слѣдственныхъ дѣйствій въ присутствіи означенныхъ лицъ зависитъ отъ желанія послѣднихъ, если притомъ къ удовлетворенію ихъ ходатайства по этому предмету не встрѣтится какихъ-либо препятствій. Такъ, напр., ходатайства содержащихся подъ стражею въ тюрьмѣ обвиняемыхъ о пересылкѣ ихъ въ уѣздъ, на мѣсто совершенія преступленія для присутствованія при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ удовлетворяются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ, потому, что такая пересылка сопряжена съ значительными затрудненіями, при чемъ замѣчено, что арестанты склонны иногда заявлять подобныя ходатайства не ради выясненія обстоятельствъ дѣла, а для того, чтобы побывать на родинѣ, повидаться съ близкими людьми или, при случаѣ, совершить въ пути побѣгъ (т. III, р. 2, стр. 324).

Смотря по ходу слѣдствія, судебный слѣдователь очень часто поручаетъ полиціи произвести дополнительное дознаніе по разнымъ обстоятельствамъ дѣла. При этомъ случается, что полиція, исполняя порученіе слѣдователя, поставлена въ необходимость произвести, примѣнительно къ 258 ст. уст. угол. суд., такія дѣйствія, которыя по буквѣ закона относятся къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, какъ напр., обыскъ. Выйти изъ этого положенія и устранить производство слѣд-

ственныхъ дѣйствій при дополнительномъ полицейскомъ дознаніи, по порученію слѣдователя, на практикѣ едва ли возможно. Легко представить себѣ случай, когда, по имѣющимся у судебнаго слѣдователя свѣдѣніямъ, похищенныя вещи находятся въ двухъ противоположныхъ пунктахъ его участка или города. Пока онъ произведетъ обыскъ въ одномъ мѣстѣ, вещи, находящіяся въ другомъ мѣстѣ, будутъ скрыты. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ, отправляясь на обыскъ въ одинъ изъ намѣченныхъ пунктовъ, судебный слѣдователь, въ интересахъ дѣла, иногда вынужденъ бываетъ поручить чиновнику полиціи безотлагательно собрать свѣдѣнія, не имѣется ли похищенныхъ вещей у извѣстнаго лица въ другомъ мѣстѣ, а собраніе такихъ свѣдѣній обыкновенно и ведетъ къ производству обыска (т. III, р. 2, стр. 123—125).

Случаи отказа со стороны присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ въ исполненіи законныхъ требованій судебныхъ слѣдователей (270 ст. уст. угол. суд.) встрѣчаются въ видѣ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ явленій и вызываются обыкновенно недоразумѣніями или неправильнымъ толкованіемъ закона.

Производство слѣдственныхъ дѣйствій, въ порядкѣ 292 ст. уст. угол. суд., судебнымъ слѣдователемъ другаго участка въ большинствѣ случаевъ замедляетъ ходъ слѣдствія, такъ какъ слѣдователь, получившій требованіе объ этомъ, не всегда имѣетъ возможность тотчасъ его исполнить, въ особенности, если онъ занятъ спѣшными дѣлами по своему участку. На практикѣ возникъ весьма интересный вопросъ, обязанъ ли судебный слѣдователь, исполняющій требованіе другаго слѣдователя, предпринять такія слѣдственныя дѣйствія, которыя прямо въ требованіи не указаны, но необходимость которыхъ сама собою вытекаетъ изъ выясненныхъ имъ обстоятельствъ дѣла, при чемъ отъ безотлагательнаго исполненія ихъ можетъ зависѣть успѣшное раскрытіе истины; напр., долженъ ли слѣдователь, допросившій, по 292 статьѣ, свидѣтеля, произвести въ своемъ участкѣ выемку похищенныхъ вещей, не ожидая новаго требованія, если нахожденіе этихъ вещей въ данномъ мѣстѣ будетъ удостовѣрено свидѣтелемъ. Вопросъ

этотъ, къ сожалѣнію, не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія и вызываетъ на практикѣ разномыслія (т. III, р. 2, стр. 142). Выѣзды судебныхъ слѣдователей въ предѣлы другихъ участковъ для производства слѣдствія, согласно 294 ст. уст. угол. суд., встрѣчаются очень рѣдко и преимущественно въ ближайшія мѣста смежныхъ участковъ, ради избѣжанія замедленія, вызываемаго посылкою требованія въ порядкѣ 292 статьи.

По установившейся практикѣ, принятіе мѣръ къ обезпеченію могущаго пасть на обвиняемаго взысканія за причиненные преступленіемъ вредъ и убытки, согласно 268 ст. уст. угол. суд., допускается лишь въ случаѣ предъявленія потерпѣвшимъ гражданскаго иска, въ порядкѣ 305 ст. того же устава, если притомъ судебный слѣдователь признаетъ ходатайство истца по этому предмету заслуживающимъ уваженія. Исключеніе составляютъ дѣла, сопряженныя съ нарушеніемъ казеннаго интереса. По этимъ дѣламъ, согласно буквальному смыслу 1159 ст. уст. угол. суд., судебный слѣдователь принимаетъ мѣры къ обезпеченію слѣдующаго въ казну взысканія, не ожидая особаго о томъ требованія со стороны казеннаго управленія. При обезпеченіи на предварительномъ слѣдствіи предъявленнаго потерпѣвшимъ гражданскаго иска, равно какъ и казеннаго взысканія, строго соблюдается установленный закономъ порядокъ, по которому судебный слѣдователь входитъ съ представленіемъ въ судъ о наложеніи запрещенія или ареста на имущество обвиняемаго. Само собою разумѣется, что обезпеченіе взысканія можетъ имѣть мѣсто, при наличности указанныхъ выше условій, лишь тогда, когда обвиняемый привлеченъ къ отвѣтственности.

Установленный 303[1] ст. уст. угол. суд. обрядъ примиренія сторонъ по дѣламъ частнаго обвиненія нерѣдко замедляетъ производство предварительнаго слѣдствія и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда частный обвинитель и обвиняемый проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ и на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. На практикѣ возникъ вопросъ, безусловно ли необходимо для того, чтобы обрядъ примиренія могъ счи-

таться выполненнымъ, личное присутствіе какъ частнаго обвинителя, такъ и обвиняемаго. Такъ какъ постановленіе 303[1] ст. уст. угол. суд. составляетъ сравнительно недавно введенную новеллу, то практикою не выработано еще единообразныхъ пріемовъ его исполненія, и означенный вопросъ разрѣшается различно. Нѣкоторые слѣдователи признаютъ возможнымъ, если личная явка частнаго обвинителя въ слѣдственную камеру, по дальности его жительства, можетъ быть для него слишкомъ затруднительна, отбирать отъ него показанія, въ порядкѣ 292 ст. уст. угол. суд., желаетъ ли онъ помириться съ обвиняемымъ и на какихъ условіяхъ. Если частный обвинитель вовсе откажется отъ примиренія, то таковое считается несостоявшимся, и дѣло получаетъ дальнѣйшее направленіе въ установленномъ порядкѣ; если же онъ предложитъ извѣстныя условія примиренія, то слѣдователь объявляетъ объ этомъ обвиняемому, и дальнѣйшій ходъ дѣла зависитъ отъ того, будутъ ли условія частнаго обвинителя приняты или отвергнуты обвиняемымъ. Другіе слѣдователи, наоборотъ, признаютъ личную явку обѣихъ сторонъ для склоненія ихъ къ миру безусловно необходимою (т. III, р. 2, стр. 150—156).

О всякомъ слѣдственномъ дѣйствіи составляется особый протоколъ, который подписывается лицами, дававшими занесенныя въ протоколъ показанія или присутствовавшими при исполненіи изложенныхъ въ немъ дѣйствій. Если лицо, долженствующее подписать протоколъ, неграмотно, то объ этомъ тутъ же дѣлается отмѣтка. Нѣкоторые слѣдователи признаютъ, однако, болѣе удобнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда протоколъ имѣетъ особенно важное для дѣла значеніе, напр., заключаетъ въ себѣ показаніе сознавшагося обвиняемаго, приглашать постороннихъ лицъ, которыя росписываются за неграмотныхъ. Подпись посторонняго лица за неграмотнаго обыкновенно требуется также при отобраніи подписки о неотлучкѣ изъ мѣста жительства (т. III, р. 2, стр. 332).

Согласно 472 ст. уст. угол. суд., судебный слѣдователь составляетъ, кромѣ случаевъ, прямо указанныхъ въ законѣ, особыя постановленія еще и тогда, когда это необходимо

для объясненія хода слѣдствія или распоряженія слѣдователя. Однако, при спѣшности работы, постановленія послѣдней категоріи не всегда составляются. Ради сокращенія письменной работы судебные слѣдователи излагаютъ иногда основанія, по которымъ предприняты тѣ или иныя слѣдственныя дѣйствія, напр., обыскъ или выемка, въ началѣ протокола объ исполненіи сихъ дѣйствій.

Требованія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о выдачѣ имъ копій съ протоколовъ и постановленій слѣдственнаго производства встрѣчаются сравнительно рѣдко, и, главнымъ образомъ, со стороны арестованныхъ обвиняемыхъ и интеллигентныхъ лицъ. Списываніе такихъ копій увеличиваетъ канцелярскую работу, при чемъ самое списываніе, въ особенности по сложнымъ дѣламъ, затягивается иногда на продолжительное время. На практикѣ бывали случаи, въ которыхъ участвующія лица просили, вмѣсто выдачи имъ копій съ слѣдственныхъ актовъ, предоставить имъ возможность прочесть дѣло въ присутствіи слѣдователя. Обвиняемымъ копіи съ протоколовъ и постановленій выдаются иногда лишь при заключеніи слѣдствія, если есть основаніе предполагать, что выдача копій во время самаго хода слѣдствія облегчитъ обвиняемому возможность, при помощи подпольныхъ адвокатовъ, мѣшать успѣшному раскрытію истины путемъ подкупа свидѣтелей или иныхъ дѣйствій, направленныхъ къ сокрытію слѣдовъ преступленія. Нельзя также умолчать и о томъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, обвиняемые, и преимущественно арестанты, требуютъ выдачи имъ копій съ слѣдственнаго производства не потому, чтобы эти копіи были имъ дѣйствительно необходимы, а только ради того, чтобы осуществить свое право на полученіе копій и, по возможности, затруднить работу слѣдователя. Были даже случаи требованія арестантами копій для того, чтобы имѣть бумагу для папиросъ (т. III, р. 2, стр. 335—342).

Практика убѣждаетъ, что возможно широкое оглашеніе, между прочимъ, путемъ печати, въ газетахъ, обстоятельствъ, при которыхъ совершено преступленіе, а также примѣтъ подозрѣваемыхъ въ этомъ преступленіи лицъ и розыскивае-

мыхъ вещей можетъ способствовать цѣлямъ правосудія. Поэтому нѣкоторые слѣдователи прибѣгали къ означенному способу розысковъ и въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ. Пока розыски черезъ публикаціи не получили еще болѣе или менѣе широкаго примѣненія и встрѣчаются въ видѣ единичныхъ попытокъ по дѣламъ о выдающихся преступленіяхъ, напр., объ убійствахъ или о похищеніи цѣнныхъ вещей или °/₀ бумагъ на значительную сумму (т. III, р. 2, стр. 347).

Направляя дѣло, въ силу 482 ст. уст. угол. суд., по надлежащей подсудности, къ мировому судьѣ или въ судебно-административныя установленія, судебный слѣдователь обыкновенно извѣщаетъ о томъ участковаго товарища прокурора, но на практикѣ не установилось единообразнаго порядка такого извѣщенія: одни судебные слѣдователи посылаютъ товарищамъ прокурора копіи съ своихъ постановленій о передачѣ дѣла, другіе увѣдомляютъ объ этомъ посредствомъ отношеній. Повидимому, и тотъ, и другой способъ извѣщенія въ одинаковой мѣрѣ достигаютъ цѣли. Что же касается направленія дѣла по 290 ст. уст. угол. суд. къ другому слѣдователю, по мѣсту совершенія преступленія, то въ нѣкоторыхъ округахъ судебные слѣдователи, за отсутствіемъ прямого указанія закона, вовсе не извѣщаютъ объ этомъ участковыхъ товарищей прокурора; въ тѣхъ же округахъ, въ которыхъ такія извѣщенія практикуются, ихъ посылаютъ обыкновенно въ томъ же порядкѣ, какого придерживаются слѣдователи въ отношеніи дѣлъ, направляемыхъ по 482 ст. уст. угол. суд.

Передача дѣла для дальнѣйшаго производства судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ зависитъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ отъ сложности дѣла, занятіе которымъ могло бы отвлекать участковаго слѣдователя отъ другихъ текущихъ дѣлъ. Иногда такая передача вызывается и особеннымъ характеромъ дѣла, обусловленнымъ обстановкою даннаго преступленія или общественнымъ положеніемъ участвующихъ лицъ. Случаи изъятія дѣла изъ производства мѣстнаго участковаго слѣдователя въ

силу особыхъ отношеній его къ участвующимъ лицамъ относятся къ чрезвычайно рѣдкимъ, исключительнымъ явленіямъ (т. III, р. 1, стр. 22).

Прекращеніе слѣдственнаго производства. Начатое судебнымъ слѣдователемъ производство по дѣлу въ случаѣ, если оно по тѣмъ или инымъ основаніямъ подлежитъ прекращенію, направляется къ лицу прокурорскаго надзора, по 277 ст. уст. угол. суд. Самый большой процентъ направленныхъ по означенной статьѣ дѣлъ прекращается по необнаруженію виновныхъ въ совершеніи даннаго преступленія лицъ, что̀, какъ было уже отмѣчено выше, обусловливается неудовлетворительностью полицейскихъ розысковъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что не всѣ дѣла этой категоріи принадлежатъ къ числу тѣхъ, по которымъ не имѣется рѣшительно никакихъ указаній, кто именно могъ бы совершить изслѣдуемое преступленіе.

По многимъ изъ сихъ дѣлъ подозрѣваемыя лица указываются, но собранныя противъ нихъ улики представляются шаткими или вообще недостаточными для привлеченія этихъ лицъ къ отвѣтственности. Въ такихъ случаяхъ судебный слѣдователь, изложивъ въ своемъ постановленіи, что виновность заподозрѣнныхъ лицъ произведеннымъ слѣдствіемъ не подтвердилась и что другихъ виновныхъ въ виду не имѣется,—направляетъ дѣло на прекращеніе такъ же, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда никакихъ слѣдовъ къ изобличенію виновныхъ не обнаружено. На практикѣ возникло сомнѣніе, можетъ ли судебный слѣдователь направлять, въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд., дѣло частнаго обвиненія, по недостаточности уликъ противъ обвиняемаго. Вопросъ этотъ разрѣшается различно и едва ли не въ большинствѣ случаевъ—въ отрицательномъ смыслѣ.

Прекращеніе слѣдственнаго производства по отсутствію въ изслѣдованномъ событіи признаковъ преступнаго дѣянія встрѣчается преимущественно по дѣламъ, возбуждаемымъ непосредственно у судебнаго слѣдователя жалобщиками. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что жалобщики очень часто возбуждаютъ ложныя или по меньшей мѣрѣ

совершенно неосновательныя обвиненія или же представляютъ инкриминируемыя ими дѣянія въ преувеличенномъ видѣ. Въ нѣкоторыхъ округахъ изъ общаго числа дѣлъ, начатыхъ непосредственно у судебнаго слѣдователя по жалобамъ потерпѣвшихъ, прекращается около 50% (т. III, р. 2, стр. 6). Изъ числа этихъ дѣлъ весьма значительный процентъ направляется по мировой подсудности, на основаніи 482 ст. уст. угол. суд. (если, напр., выяснится, что предполагавшійся вначалѣ грабежъ былъ не болѣе, какъ самоуправствомъ, или вооруженная кража—обыкновенною простою кражею на сумму не свыше 300 р.). Въ нѣкоторыхъ округахъ установилась практика, вмѣняющая судебному слѣдователю въ обязанность каждое дѣло, которое по даннымъ предварительнаго слѣдствія окажется неподсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, направлять въ окружный судъ, по 277 ст. уст. угол. суд., для прекращенія слѣдствія о предполагавшемся первоначально преступленіи (т. III, р. 2, стр. 127). Принятый въ основу такого порядка взглядъ состоитъ въ томъ, что разъ у судебнаго слѣдователя производилось предварительное слѣдствіе о подсудномъ окружному суду преступленіи, то только этотъ именно судъ и можетъ рѣшить, установлено ли это преступленіе, и, если оно будетъ имъ признано неустановленнымъ,—прекратить дальнѣйшее производство слѣдствія, и что только послѣ этого дѣло можетъ быть принято къ разсмотрѣнію низшимъ судомъ. Такая практика существуетъ, впрочемъ, въ весьма немногихъ судахъ. Въ большинствѣ округовъ постановленіе 482 ст. уст. угол. суд. толкуется въ буквальномъ смыслѣ, и судебные слѣдователи направляютъ по этой статьѣ дѣла непосредственно, по подлежащей подсудности, безъ предварительнаго прекращенія окружнымъ судомъ начатыхъ по такимъ дѣламъ слѣдствій.

Дѣла, по коимъ уголовное преслѣдованіе подлежитъ прекращенію въ виду обнаруженія слѣдствіемъ или наступленія во время слѣдствія одного изъ указанныхъ въ 16 ст. уст. угол. суд. условій законнаго погашенія уголовной отвѣтственности (смерть обвиняемаго, истеченіе давности, примиреніе обвиняемаго съ обвинителемъ по дѣлу частнаго

обвиненія и милостивый манифестъ, дарующій прощеніе), составляютъ самый меньшій процентъ общаго числа дѣлъ, направляемыхъ по 277 ст. уст. угол. суд. Дѣла этой категоріи направляются по означенной статьѣ на прекращеніе, безразлично,—привлеченъ или не привлеченъ къ отвѣтственности обвиняемый.

На практикѣ возникъ вопросъ, можетъ ли слѣдственное производство быть направлено по 277 ст. уст. угол. суд. за отсутствіемъ въ изслѣдованномъ дѣяніи признаковъ преступленія или за совершенною недостаточностью уликъ противъ обвиняемаго въ томъ случаѣ, когда обвиняемый привлеченъ уже къ отвѣтственности, т. е. былъ допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго съ принятіемъ противъ него мѣры пресѣченія возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда. Большинство судебныхъ слѣдователей придерживается того взгляда, что въ подобныхъ случаяхъ, несмотря на то, что фактическія данныя дѣла измѣнились, слѣдственное производство все-таки должно быть направлено по 478 или 479 ст. уст. угол. суд. Рѣдкіе примѣры направленія при указанномъ условіи слѣдственнаго производства по 277 статьѣ встрѣчаются, главнымъ образомъ, по дѣламъ о бродягахъ, обнаружившихъ свое званіе и водворенныхъ по мѣсту приписки.

Изъ общаго числа 85.110 дѣлъ, направленныхъ судебными слѣдователями въ 1894 г., по 277 ст. уст. угол. суд., на прекращеніе,—4.601 дѣло было возвращено прокурорскимъ надзоромъ для дослѣдованія, въ томъ числѣ 902 дѣла для привлеченія подозрѣваемыхъ лицъ къ отвѣтственности. Разногласія между судомъ и прокуроромъ относительно прекращенія дѣлъ въ порядкѣ 277 статьи встрѣчаются сравнительно рѣдко. Такихъ случаевъ въ вышеупомянутомъ году было всего 220, при чемъ по 53 дѣламъ опредѣленія окружнаго суда были отмѣнены судебною палатою (т. VI, стр. 212 и 229).

Наблюденіе прокуратуры за производствомъ предварительнаго слѣдствія. Какъ было уже отмѣчено выше, прокурорскій надзоръ, при малочисленности своего личнаго

состава, не имѣетъ возможности осуществлять наблюденіе за производствомъ предварительныхъ слѣдствій въ желательной мѣрѣ. Присутствованіе лицъ прокурорскаго надзора при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и предъявленіе, при самомъ исполненіи таковыхъ, требованія о выясненіи тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣла встрѣчаются рѣдко, по дѣламъ особенной важности. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ прокурорское наблюденіе состоитъ въ томъ, что участковые товарищи прокурора періодически посѣщаютъ камеры судебныхъ слѣдователей и тамъ обозрѣваютъ наличныя слѣдственныя производства. Въ нѣкоторыхъ округахъ у участковыхъ товарищей прокурора заводятся особыя производства по наблюденію за движеніемъ каждаго слѣдствія (т. III, р. 1, стр. 20), но такія производства, повидимому, имѣютъ чисто формальное значеніе, разъ самое наблюденіе фактически не можетъ проявляться въ надлежащей степени. Несомнѣнно, что ближайшее наблюденіе прокуратуры за ходомъ предварительнаго слѣдствія можетъ проявляться только въ томъ случаѣ, когда участковый товарищъ прокурора проживаетъ въ мѣстѣ нахожденія слѣдственной камеры, такъ какъ только при этомъ условіи товарищъ прокурора имѣетъ возможность чаще видѣться съ судебнымъ слѣдователемъ и при личныхъ объясненіяхъ съ нимъ своевременно требовать производства необходимыхъ въ интересахъ обвиненія слѣдственныхъ дѣйствій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищъ прокурора проживаетъ въ другомъ городѣ, онъ посѣщаетъ камеру судебнаго слѣдователя и просматриваетъ слѣдственныя дѣла обыкновенно лишь во время выѣзда съ сессіею окружнаго суда или для присутствованія въ засѣданіяхъ мироваго или уѣзднаго съѣзда. Еще рѣже онъ знакомится на мѣстѣ съ дѣлами тѣхъ судебныхъ слѣдователей, которые имѣютъ камеры въ безуѣздныхъ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ и селахъ. Въ такія мѣста онъ долженъ предпринимать для обозрѣнія слѣдственныхъ дѣлъ спеціальныя поѣздки, на что онъ, не говоря уже о лишнихъ расходахъ, по большей части не располагаетъ временемъ. Многими ревизіонными отчетами констатированъ тотъ

фактъ, что самый большой процентъ возвращаемыхъ судебнымъ слѣдователямъ для дополненія дѣлъ упадаетъ на слѣдственные участки, въ которыхъ наблюдающіе за производствомъ предварительныхъ слѣдствій товарищи прокурора не проживаютъ (т. III, р. 2, стр. 366). Изъятія въ этомъ отношеніи встрѣчались въ нѣкоторыхъ округахъ въ видѣ явленій исключительныхъ и, какъ кажется, могли бы служить лишь доказательствомъ того, что участковый товарищъ прокурора, обремененный многими обязанностями, не всегда располагаетъ возможностью непосредственно слѣдить за ходомъ каждаго предварительнаго слѣдствія даже и въ томъ случаѣ, когда онъ проживаетъ въ мѣстѣ нахожденія слѣдственной камеры.

Слѣдственныя производства возвращаются судебнымъ слѣдователямъ лицами прокурорскаго надзора въ значительномъ большинствѣ случаевъ для дополненія слѣдствія выясненіемъ какихъ-либо обстоятельствъ дѣла. Возвращеніе дѣлъ для измѣненія юридической квалификаціи преступнаго дѣянія, составляющаго предметъ слѣдствія, и для предъявленія къ привлеченному лицу новаго обвиненія—встрѣчается сравнительно рѣдко. Затѣмъ бываютъ случаи возвращенія дѣлъ для соблюденія слѣдователемъ извѣстныхъ, установленныхъ закономъ, формальностей, для пріобщенія къ дѣлу необходимыхъ справокъ и т. п. Ревизіонными отчетами отмѣчены единичные случаи возвращенія дѣлъ для направленія ихъ, въ порядкѣ 482 ст. уст. угол. суд., въ другія установленія (т. III, р. 2, стр. 141).

Право прокурорскаго надзора требовать освобожденія изъ подъ стражи обвиняемаго, арестованнаго по постановленію судебнаго слѣдователя, понимается на практикѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, и прокуратура осуществляетъ это право не только въ предѣлахъ 283 ст. уст. угол. суд., т. е. если обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, влекущемъ лишеніе правъ и преимуществъ, но и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію наблюдающаго за производствомъ предварительнаго слѣдствія лица прокурорскаго надзора, нѣтъ необходимости въ лишеніи

обвиняемаго свободы, хотя бы этотъ обвиняемый былъ вполнѣ уличенъ во взводимомъ на него преступленіи. Требуя освобожденія обвиняемаго изъ подъ стражи, прокуроръ или его товарищъ обыкновенно предлагаетъ судебному слѣдователю ограничиться принятіемъ менѣе строгой мѣры. Иногда же въ такомъ предложеніи указывается и самая мѣра, которая, по мнѣнію лица прокурорскаго надзора, представляется въ данномъ случаѣ наиболѣе соотвѣтственною (т. III, р. 2, стр. 135—139). Согласно собраннымъ статистическимъ даннымъ, въ 1894 г. было освобождено судебными слѣдователями по предложеніямъ лицъ прокурорскаго надзора, въ десяти обревизованныхъ судебныхъ округахъ, 2.052 заключенныхъ подъ стражу обвиняемыхъ (т. VI, стр. 212).

Заключеніе обвиняемаго подъ стражу по предложенію лица прокурорскаго надзора, въ порядкѣ 285 ст. уст. угол. суд., относится къ числу рѣдкихъ явленій. Въ 1894 г. такихъ случаевъ во всѣхъ округахъ было 146, а въ 9 случаяхъ судебные слѣдователи не исполнили прокурорскихъ предложеній о лишеніи обвиняемыхъ свободы (т. VI, стр. 213). Необходимо еще замѣтить, что постановленіе 284 ст. уст. угол. суд., въ силу которой судебный слѣдователь увѣдомляетъ прокурора или его товарища о причинахъ, обусловившихъ оставленіе на свободѣ обвиняемаго въ преступленіи, влекущемъ лишеніе правъ и преимуществъ, на практикѣ очень часто не исполняется, и это, по отзыву ревизоровъ, какихъ-либо нежелательныхъ въ интересахъ правосудія послѣдствій не вызываетъ.

Остается еще сказать, что встрѣчающіяся въ исключительныхъ случаяхъ затрудненія судебныхъ слѣдователей въ исполненіи прокурорскихъ предложеній о производствѣ тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствій или о принятіи той или иной мѣры обыкновенно устраняются путемъ личныхъ объясненій судебнаго слѣдователя съ участковымъ товарищемъ прокурора и не влекутъ за собою такихъ пререканій, которыя передавались бы на разрѣшеніе высшихъ властей. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые практики находятъ, что отсутствіе въ законѣ категорическаго указанія, какъ поступать

въ тѣхъ случаяхъ, когда между слѣдователемъ и лицомъ прокурорскаго надзора не можетъ быть достигнуто соглашенія, составляетъ существенный пробѣлъ устава уголовнаго судопроизводства (т. III, р. 2, стр. 135).

Осмотры и освидѣтельствованія при предварительномъ слѣдствіи. Осмотры и освидѣтельствованія производятся судебными слѣдователями во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для установленія или выясненія тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣла. Хотя законъ не устанавливаетъ различія между осмотромъ и освидѣтельствованіемъ по самому существу этихъ дѣйствій, и означенные термины употребляются, какъ синонимы (315—352 ст. уст. угол. суд.), но на практикѣ принято называть освидѣтельствованіями преимущественно тѣ осмотры, которые производятся съ участіемъ врачей. Затѣмъ, тѣ изъ осмотровъ, которые требуютъ исполненія какихъ-либо дѣйствій (измѣреніе, взвѣшиваніе, сличеніе) со стороны приглашеныхъ для этого свѣдущихъ людей, обладающихъ спеціальными свѣдѣніями или опытностью въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ-либо занятіи (325 ст. уст. угол. суд.), обыкновенно именуются „экспертизою“, при чемъ нерѣдко случается, что дѣйствія спеціалистовъ происходятъ отдѣльно отъ самаго осмотра подлежащихъ изслѣдованію предметовъ или документовъ, какъ напр., химико-микроскопическія изслѣдованія, провѣрка счетовъ и приходо-расходныхъ книгъ и т. п. Равнымъ образомъ экспертизою называется и такое слѣдственное дѣйствіе, при которомъ осмотра или освидѣтельствованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не происходитъ, а требуется лишь заключеніе свѣдущихъ людей, на практикѣ именуемыхъ предпочтительно экспертами.

Судебные слѣдователи приглашаютъ экспертовъ по своему усмотрѣнію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда выборъ эксперта ограниченъ самимъ закономъ (судебный врачъ, по 337 ст. уст. угол. суд.). Приглашеннымъ экспертамъ обыкновенно предлагаются вопросы, на которые они должны дать отвѣты. Если эксперты заявляютъ, что для правильнаго разрѣшенія поставленныхъ имъ вопросовъ необходимо, кромѣ

спеціальнаго изслѣдованія, ознакомленіе съ обстоятельствами дѣла, то судебный слѣдователь сообщаетъ имъ на словахъ тѣ, добытыя слѣдствіемъ, данныя, которыя могутъ имѣть значеніе для экспертизы, или же прочитываетъ нѣкоторые слѣдственные акты. Иногда, по требованію экспертовъ, предлагаются допрошеннымъ уже свидѣтелямъ или участвующимъ лицамъ дополнительные вопросы.

О каждомъ осмотрѣ или освидѣтельствованіи, какъ безъ участія, такъ и съ участіемъ экспертовъ, составляется особый протоколъ, который подписывается слѣдователемъ, понятыми и экспертами, если они приглашались, а также и другими, присутствовавшими при исполненіи этихъ дѣйствій, лицами. Въ протоколъ заносится все, найденное при осмотрѣ или освидѣтельствованіи, а если таковые произведены съ участіемъ экспертовъ, то и предложенные послѣднимъ вопросы, равно какъ и данные ими отвѣты. При судебно-медицинскомъ вскрытіи трупа, судебный слѣдователь обыкновенно ограничивается составленіемъ краткаго протокола, въ коемъ указываются время, мѣсто и обстановка вскрытія, поименовываются присутствовавшія при вскрытіи лица, описывается въ общихъ чертахъ внѣшній видъ трупа и отмѣчаются указанныя врачемъ или явственныя поврежденія. Подробное же описаніе анатомическаго строенія трупа и найденныхъ въ немъ патологическихъ измѣненій, требующее спеціальныхъ познаній по медицинѣ, съ употребленіемъ принятыхъ въ медицинской наукѣ терминовъ, излагается въ особомъ актѣ, который составляется врачемъ-экспертомъ. Въ концѣ этого акта врачъ излагаетъ и свое заключеніе, какъ результатъ вскрытія (т. III, р. 2, стр. 171).

Хотя протоколы осмотровъ и освидѣтельствованій, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя дѣйствія не могутъ быть въ будущемъ воспроизведены на судѣ, излагаются со всѣми подробностями, но тѣмъ не менѣе для того, чтобы все найденное при осмотрѣ или освидѣтельствованіи было представлено на судѣ возможно нагляднѣе, нѣкоторые слѣдователи пріобщаютъ къ протоколамъ фотографическіе снимки съ осмотрѣнныхъ предметовъ или мѣста совершенія

преступленія. Дѣлается это, конечно, по наиболѣе важнымъ дѣламъ. Къ сожалѣнію, этотъ весьма полезный способъ иллюстрированія протоколовъ можетъ примѣняться безъ особыхъ затрудненій лишь въ городахъ, гдѣ имѣются фотографы. Согласно собраннымъ по этому предмету статистическимъ даннымъ, за послѣднее предъ ревизіею трехлѣтіе судебные слѣдователи пользовались при осмотрахъ фотографіею въ 333 случаяхъ (т. VI, стр. 213).

Практикою до сихъ поръ не выработано вполнѣ установившагося взгляда по вопросу о правѣ судебнаго слѣдователя подвергать лицъ женскаго пола такому освидѣтельствованію, которое сопряжено съ обнаженіемъ скрытыхъ частей тѣла. Одни судебные слѣдователи признаютъ возможнымъ подвергать подобному освидѣтельствованію только тѣхъ изъ означенныхъ лицъ, которыя привлечены уже къ отвѣтственности, въ качествѣ обвиняемыхъ; другіе, придерживаясь буквальнаго толкованія 352 ст. уст. угол. суд., производятъ освидѣтельствованія и подозрѣваемыхъ, ранѣе привлеченія ихъ къ обвиненію. Какъ видно изъ ревизіонныхъ отчетовъ, предварительное освидѣтельствованіе подозрѣваемыхъ вызывается иногда необходимостью, такъ какъ отъ результатовъ освидѣтельствованія можетъ зависѣть и самое привлеченіе подозрѣваемыхъ къ отвѣтственности. Въ одномъ случаѣ дѣвушка, благодаря несчастному для нея стеченію обстоятельствъ или искусственно созданнымъ противъ нея уликамъ, была заподозрѣна въ оставленіи безъ помощи своего незаконнорожденнаго младенца, вслѣдствіе чего послѣдній лишился жизни, и подлежала бы отвѣтственности по 1460 ст. улож. наказ., между тѣмъ, при освидѣтельствованіи ея, оказалось, что она дѣвственна, и такимъ образомъ подозрѣніе устранилось само собою, безъ привлеченія ея къ обвиненію. Что же касается потерпѣвшихъ лицъ женскаго пола, то освидѣтельствованіе ихъ, съ ущербомъ для чувства стыдливости, предпринимается только съ ихъ на то согласія, и ревизіонными отчетами констатированы случаи прекращенія дѣлъ, по 277 ст. уст. угол. суд., именно потому, что за отказомъ потерпѣвшей отъ освидѣтельствованія (напр., по дѣлу

о растлѣніи) не могъ быть установленъ фактъ преступленія (т. III, р. 2, стр. 182).

Заключеніе свѣдущихъ людей (экспертиза) по уголовнымъ дѣламъ практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторые судебные слѣдователи приглашаютъ экспертовъ по дѣламъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ для дачи заключенія о томъ, можно ли признать обвиняемаго дѣйствовавшимъ сознательно, т. е. съ разумѣніемъ. Для этого обыкновенно вызываются врачи; по одному же дѣлу, кромѣ врача, были приглашены педагоги. Постановленіе 413 ст. уст. угол. суд., по которой возрастъ обвиняемаго, за невозможностью установленія его метрическою выписью или вообще письменною справкою, долженъ быть опредѣленъ посредствомъ освидѣтельствованія обвиняемаго черезъ врача, примѣняется въ тождественныхъ случаяхъ и къ потерпѣвшимъ, если возрастъ послѣднихъ имѣетъ существенное значеніе для опредѣленія состава преступленія, какъ напр., по дѣлу объ изнасилованіи (т. III, р. 2, стр. 184 и 241).

Освидѣтельствованіе психически-больныхъ. Освидѣтельствованіе при предварительномъ слѣдствіи психически-больныхъ производится судебными слѣдователями чрезъ приглашаемыхъ для этого врачей-экспертовъ. По установившейся практикѣ, данныя объ освидѣтельствованіи психически-больныхъ въ особое производство, за весьма рѣдкими исключеніями, не выдѣляются, что̀, по отзывамъ многихъ ревизоровъ, вызываетъ значительныя неудобства въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ о состояніи умственныхъ способностей одного изъ обвиняемыхъ поступаетъ на разсмотрѣніе окружнаго суда, а слѣдствіе объ остальныхъ обвиняемыхъ требуетъ дальнѣйшаго производства. Порядокъ, установленный 353—355 ст. уст. угол. суд., примѣняется исключительно къ обвиняемымъ. Если для удостовѣренія въ психическомъ состояніи потерпѣвшаго лица или подлежащаго допросу свидѣтеля представляется безусловно необходимымъ освидѣтельствованіе, то таковое производится въ порядкѣ 336 ст. уст. угол. суд. Ревизіею констатированъ единственный случай примѣненія постановленій 353—355 статей къ освидѣтельствованію потерпѣвшаго (т. III, р. 2, стр. 183).

Обвиняемый подвергается освидѣтельствованію всякій разъ, по каждому дѣлу, хотя бы онъ былъ уже свидѣтельствуемъ по дѣламъ о ранѣе совершенныхъ преступленіяхъ и признанъ, по опредѣленію окружнаго суда, невмѣняемымъ. Порядокъ этотъ примѣняется также и къ обвиняемымъ, которые признаны страдающими умственнымъ разстройствомъ при освидѣтельствованіи ихъ административными властями (въ губернскомъ правленіи).

Предварительно освидѣтельствованія обвиняемаго, судебный слѣдователь ознакомляетъ врачей-экспертовъ съ тѣми данными дѣла, которыя могутъ служить матеріаломъ для заключенія о психическомъ состояніи свидѣтельствуемаго какъ во время совершенія имъ преступленія, такъ и при производствѣ о немъ слѣдствія. Самые пріемы освидѣтельствованія зависятъ отъ особенностей каждаго конкретнаго случая и подробно излагаются въ составленномъ судебнымъ слѣдователемъ протоколѣ. Если допросъ обвиняемаго, по состоянію его душевной болѣзни, оказывается невозможнымъ или безцѣльнымъ, то объ этомъ составляется особый протоколъ.

Очень часто для точнаго опредѣленія формы психическаго разстройства, а также и удостовѣренія въ томъ, нѣтъ ли въ данномъ случаѣ притворства обвиняемаго, который добивается признанія его невмѣняемымъ съ цѣлью избѣжать грозящаго ему наказанія, эксперты признаютъ необходимымъ помѣстить свидѣтельствуемаго въ психіатрическую лѣчебницу. Вопросъ о томъ, по чьему распоряженію обвиняемый можетъ быть помѣщенъ въ лѣчебницу, на практикѣ разрѣшается различно (т. III, р. 2, стр. 190). Въ нѣкоторыхъ округахъ такое распоряженіе исходитъ отъ судебнаго слѣдователя, въ большинствѣ же судовъ помѣщеніе обвиняемаго въ лѣчебницу допускается лишь въ той фазѣ производства, когда таковое, на основаніи 353 ст. уст. угол. суд., поступитъ на разсмотрѣніе окружнаго суда, отъ котораго и зависитъ примѣненіе означеннаго пріема изслѣдованія, съ опредѣленіемъ и срока испытанія. Впрочемъ, послѣднее правило не всегда исполняется, быть можетъ, потому, что продолжительность необходимаго для испытанія времени на-

ходится въ зависимости отъ многихъ, по большей части, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, и такимъ образомъ—данныя, служащія для разрѣшенія вопроса о психическомъ состояніи свидѣтельствуемаго, могутъ быть выяснены ранѣе назначеннаго срока, или наоборотъ—врачи-эксперты могутъ заявить, что требующіяся данныя, несмотря на истеченіе назначеннаго срока, еще не выяснены.

На практикѣ различно разрѣшается вопросъ о томъ, какъ надлежитъ поступать въ случаѣ признанія обвиняемаго, при освидѣтельствованіи его у судебнаго слѣдователя, психически здоровымъ (т. III, р. 2, стр. 198). Въ нѣкоторыхъ округахъ установился взглядъ, по которому возникшее при производствѣ предварительнаго слѣдствія сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей обвиняемаго можетъ быть окончательно разрѣшено только судомъ, и что, поэтому, каковъ бы ни былъ результатъ изслѣдованія у судебнаго слѣдователя, дѣло во всякомъ случаѣ должно быть направлено по 353 ст. уст. угол. суд. Въ подтвержденіе основательности такого взгляда въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ приведенъ примѣръ, въ которомъ обвиняемый, признанный при освидѣтельствованіи у судебнаго слѣдователя психически-здоровымъ, былъ признанъ затѣмъ, при производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, умственно-разстроеннымъ. Въ большинствѣ округовъ установился, однако, противоположный взглядъ, по которому разсмотрѣніе окружнымъ судомъ вопроса о психическомъ состояніи обвиняемаго не можетъ имѣть мѣста, разъ этотъ вопросъ устраненъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, ибо при этомъ условіи создается такое положеніе, какое бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подобнаго вопроса вовсе не возбуждается.

Такъ какъ конечная цѣль удостовѣренія въ психическомъ состояніи обвиняемаго заключается въ разрѣшеніи вопроса о томъ, подлежитъ ли этотъ обвиняемый вмѣненію за совершенное имъ преступленіе, то многіе практики находятъ, что порядокъ, установленный 353—355 ст. уст. угол. суд., можетъ примѣняться лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ, при несомнѣнной наличности признаковъ преступленія, про-

тивъ обвиняемаго собраны достаточныя улики. Сторонники этого взгляда исходятъ изъ тѣхъ соображеній, что при иномъ толкованіи закона ко многимъ обвиняемымъ пришлось бы примѣнять 95 и 96 ст. улож. наказ., въ силу одного лишь привлеченія къ слѣдствію, а не признанія ихъ виновности доказанною (т. III, р. 2, стр. 198). Но взглядъ этотъ усвоенъ далеко не всѣми судами, и едва ли не въ большинствѣ округовъ для направленія слѣдствія по 353 ст. уст. угол. суд. вовсе не требуется полнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла (т. III, р. 2, стр. 208).

Производство объ освидѣтельствованіи обвиняемаго поступаетъ въ окружный судъ съ заключеніемъ прокурора по всѣмъ вообще дѣламъ. Рѣдкія отступленія отъ этого порядка встрѣчались по дѣламъ частнаго обвиненія, а также по дѣламъ, поступавшимъ изъ мировыхъ и судебно-административныхъ учрежденій. Производства объ освидѣтельствованіи обвиняемыхъ по дѣламъ, возникшимъ у военныхъ слѣдователей, вносятся иногда въ окружный судъ непосредственно, помимо прокурора суда.

Въ силу необходимости, освидѣтельствованіе обвиняемаго иногда производится окружнымъ судомъ по требованію другаго суда, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтельствуемый проживаетъ въ отдаленной мѣстности, и приводъ его въ мѣсто совершенія преступленія представляется лишнимъ, или когда онъ, и это бываетъ чаще всего, помѣщенъ въ спеціальную лѣчебницу, находящуюся не въ томъ округѣ, гдѣ производится слѣдствіе. По этому вопросу не установилось еще единообразной практики. Согласно усвоенному нѣкоторыми судами взгляду, передача дѣла въ другой окружный судъ для освидѣтельствованія обвиняемаго можетъ состояться не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей судебной палаты.

Освидѣтельствованіе обвиняемаго въ окружномъ судѣ въ значительномъ большинствѣ округовъ производится въ распорядительномъ засѣданіи суда. Въ остальныхъ судахъ оно происходитъ или въ закрытыхъ судебныхъ, или въ такъ называемыхъ „распорядительно-судебныхъ“ засѣданіяхъ, или,

наконецъ, въ засѣданіяхъ, которыя, не имѣя характера ни распорядительныхъ, ни судебныхъ, почитаются „особыми слѣдственными дѣйствіями“ или засѣданіями „особаго присутствія“ (т. III, р. 2, стр. 199 и 200). Производство освидѣтельствованія обвиняемаго въ судебномъ засѣданіи, хотя бы и закрытомъ, находитъ мало сторонниковъ среди нашихъ судебныхъ дѣятелей собственно потому, что обстановка такихъ засѣданій, въ которыхъ судьи, прокуроръ и другія должностныя лица обязательно должно быть въ мундирахъ, а самое разсмотрѣніе дѣла происходитъ въ особо устроенномъ для того залѣ, обыкновенно смущаетъ психически-больныхъ или приводитъ ихъ въ возбужденное состояніе и неблагопріятно отражается какъ на ихъ поведеніи во время освидѣтельствованія, такъ и на ихъ отвѣтахъ на предложенные вопросы.

Врачи, приглашаемые въ засѣданіе окружнаго суда для освидѣтельствованія обвиняемаго, въ значительномъ большинствѣ округовъ даютъ свое заключеніе въ качествѣ экспертовъ. Въ остальныхъ округахъ они участвуютъ въ засѣданіи въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ присутствія суда, при чемъ практика нѣкоторыхъ судовъ допускаетъ, сверхъ врачей съ совѣщательнымъ голосомъ, и врачей-экспертовъ (т. III, р. 2, стр. 206). Послѣ доклада дѣла и производства освидѣтельствованія, состоящаго въ предложеніи вопросовъ обвиняемому, а иногда и въ діагнозѣ, для чего врачи обыкновенно удаляются съ свидѣтельствуемымъ въ особую комнату, экспертамъ по большей части предлагаются письменные вопросы о состояніи умственныхъ способностей освидѣтельствованнаго. Заключеніе свое врачи-эксперты также излагаютъ письменно.

Опредѣленіе о прекращеніи дѣла, въ случаѣ признанія обвиняемаго умственно разстроеннымъ или совершившимъ преступленіе въ припадкѣ умопомѣшательства, по установившейся практикѣ, постановляется тѣмъ судомъ, коему подсудно данное дѣло. Отступленія отъ этого правила встрѣчались въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Если вопросъ о душевномъ разстройствѣ обвиняемаго возникнетъ послѣ преданія

его суду по опредѣленію судебной палаты, то дѣло представляется въ палату примѣнительно къ порядку, установленному на случай обнаруженія новыхъ обстоятельствъ, не бывшихъ ранѣе въ виду обвинительной камеры.

Въ практикѣ встрѣчались случаи, въ которыхъ необходимо было произвести освидѣтельствованіе лицъ, отбывающихъ наказаніе по судебному приговору, а также помѣщенныхъ по 95 или 96 ст. улож. наказ. въ домъ умалишенныхъ (освидѣтельствованіе лицъ послѣдней категоріи предпринималось для удостовѣренія въ ихъ выздоровленіи). Въ большинствѣ округовъ освидѣтельствованіе означенныхъ лицъ производится окружнымъ судомъ, въ порядкѣ 355 ст. уст. угол. суд. Нѣкоторые же суды находятъ, что осужденный, обнаружившій признаки умственнаго разстройства во время отбыванія наказанія, долженъ признаваться вновь заболѣвшимъ и потому, разъ онъ не совершилъ въ припадкѣ этого разстройства какого-либо преступленія, онъ не подлежитъ вѣдѣнію судебной власти, и что, равнымъ образомъ, удостовѣреніе въ выздоровленіи лица, признаннаго ранѣе психически-больнымъ, не относится къ обязанностямъ суда.

Обжалованіе опредѣленій окружнаго суда, постановленныхъ въ порядкѣ 355 ст. уст. угол. суд., относится къ числу рѣдкихъ явленій, при чемъ вопросъ какъ о самой возможности принесенія жалобъ на такія опредѣленія, такъ и о порядкѣ ихъ направленія, въ разныхъ округахъ разрѣшается различно (т. III, р. 2, стр. 218).

Сообщеніе административнымъ властямъ о признаніи обвиняемаго страдающимъ умственнымъ разстройствомъ для принятія мѣръ къ охранѣ его личности и имущества практикуется въ весьма немногихъ округахъ.

Обыски и выемки. Подъ обыскомъ подразумѣваютъ слѣдственное дѣйствіе, направленное къ отысканію скрытыхъ вещей, имѣющихъ значеніе поличнаго или вещественныхъ доказательствъ по дѣлу, а выемкою называютъ отобраніе такихъ вещей, найденныхъ при обыскѣ или же добровольно выдаваемыхъ лицомъ, во владѣніи котораго онѣ находятся. Такимъ образомъ, обыскъ является какъ бы средствомъ къ

достиженію намѣченной цѣли, а выемка результатомъ обыска или требованія о выдачѣ вещей. Иногда между обыскомъ и выемкою не проводятъ строгаго различія и смѣшиваютъ эти понятія. На практикѣ обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ: получивъ болѣе или менѣе достовѣрное свѣдѣніе, что вещи, необходимыя для дѣла, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, или имѣющія значеніе поличнаго, находятся въ извѣстномъ мѣстѣ, судебный слѣдователь, прибывъ туда въ сопровожденіи понятыхъ и чиновъ полиціи, а иногда и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, предлагаетъ фактическому хозяину этихъ вещей выдать ихъ добровольно. Исполненіе этого требованія само собою устраняетъ необходимость въ какихъ-либо дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ для достиженія цѣли; въ случаѣ же отказа, судебный слѣдователь приступаетъ къ понудительному отобранію вещей, если онѣ на виду, или къ обыску, если онѣ спрятаны.

Необходимо прежде всего замѣтить, что какъ обыски, такъ и выемки производятся судебными слѣдователями сравнительно рѣдко. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ обыскъ можетъ достигнуть цѣли лишь тогда, когда онъ предпринятъ по горячимъ слѣдамъ, немедленно послѣ совершенія преступленія и обнаруженія виновныхъ, пока послѣдніе не успѣли сбыть добытыя путемъ преступленія вещи. Мало того, очень часто и самое изобличеніе виновныхъ зависитъ отъ результатовъ обыска, ибо найденное поличное всегда составляетъ одну изъ весьма вѣскихъ уликъ. Поэтому, обыски производятся преимущественно при дознаніи чинами полиціи, на основаніи 258 ст. уст. угол. суд., судебнымъ же слѣдователямъ приходится иногда восполнять лишь допущенные въ этомъ отношеніи пробѣлы.

Требованіе 358 ст. уст. угол. суд., по которой обыскъ долженъ производиться въ присутствіи хозяина обыскиваемаго дома или помѣщенія, а за отлучкою хозяина—кого-либо изъ его старшихъ домашнихъ, не всегда можетъ быть въ точности исполняемо, если, напр., хозяинъ отлучился на продолжительное время, и обстоятельства дѣла не дозволяютъ отложить обыскъ до его возвращенія, а указан-

ныхъ въ 358 статьѣ домашнихъ нѣтъ. По установившейся практикѣ, въ такихъ случаяхъ для присутствованія при обыскѣ, вмѣсто хозяина, приглашается кто-либо изъ отдѣльно живущихъ родственниковъ его или изъ сосѣдей (т. III, р. 2, стр. 230). Такая практика вызывается настоятельною необходимостью, ибо иначе въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось бы или вовсе отказываться отъ обыска и тѣмъ лишаться возможности исчерпать всѣ средства къ изобличенію виновныхъ, или же откладывать обыскъ на неопредѣленное время, съ принятіемъ не всегда надежныхъ мѣръ къ охранѣ дома или помѣщенія, гдѣ долженъ быть произведенъ обыскъ. Она оправдывается еще и тѣмъ, что интересы находящагося въ отлучкѣ хозяина въ достаточной степени ограждаются присутствіемъ приглашаемыхъ къ обыску понятыхъ, а также чиновъ полиціи или мѣстныхъ сельскихъ властей.

Обыски и выемки производятся не только у обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ, но и вообще у всѣхъ тѣхъ лицъ, у которыхъ розыскиваемыя вещи могутъ находиться, разъ не послѣдуетъ добровольной выдачи этихъ вещей. Здѣсь также приходится считаться съ необходимостью тѣмъ болѣе, что, пока не выяснены всѣ обстоятельства дѣла, роль лица, у котораго производится обыскъ, не можетъ быть признана вполнѣ установленною, и иногда случается, что бывшій свидѣтель впослѣдствіи, быть можетъ, даже благодаря результатамъ обыска, является главнымъ обвиняемымъ по дѣлу. Практика убѣждаетъ, впрочемъ, что лица, непричастныя къ дѣлу и вообще незаинтересованныя въ сокрытіи истины, обыкновенно сами добровольно представляютъ находящіяся у нихъ вещественныя доказательства или случайно попавшее къ нимъ поличное (напр., пріобрѣтенная покупкою краденая вещь).

Осмотръ найденныхъ при обыскѣ вещественныхъ доказательствъ производится на мѣстѣ самаго обыска. Отступленія отъ этого правила на практикѣ допускаются въ отношеніи бумагъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для разборки и прочтенія ихъ требуется слишкомъ много времени. Тогда бумаги

опечатываются и затѣмъ разсматриваются, въ присутствіи участвующихъ лицъ, въ слѣдственной камерѣ.

Случаи отказа со стороны присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, а также присяжныхъ повѣренныхъ, въ выдачѣ, во исполненіе предъявленнаго къ нимъ, на основаніи 368 ст. уст. угол. суд., требованія судебнаго слѣдователя, находящихся у нихъ бумагъ встрѣчаются весьма рѣдко и обыкновенно объясняются недоразумѣніями. Въ 1894 г. такихъ случаевъ отказа было: 21 со стороны присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ и 1 со стороны присяжнаго повѣреннаго (т. VI, стр. 213).

Добытое путемъ преступленія движимое имущество, по его розысканіи и отобраніи у лицъ, у коихъ оно находилось, возвращается судебнымъ слѣдователемъ потерпѣвшему, на основаніи 375 ст. уст. угол. суд., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отобранныя вещи должны оставаться при дѣлѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, или когда возникаетъ споръ о принадлежности вещей потерпѣвшему. Нѣкоторыя колебанія практики по этому вопросу замѣчаются въ отношеніи вещей и, въ особенности, % бумагъ, отобранныхъ у добросовѣстныхъ ихъ пріобрѣтателей (такъ называемыхъ третьихъ лицъ). Тѣ изъ судебныхъ слѣдователей, которые почему-либо не рѣшаются выдать такія вещи или % бумаги по принадлежности, обыкновенно сдаютъ ихъ на храненіе, впредь до рѣшенія дѣла судомъ.

Привлеченіе обвиняемаго. О привлеченіи обвиняемаго судебный слѣдователь обязательно составляетъ особое постановленіе, въ которомъ излагаетъ въ общихъ чертахъ фактическія данныя дѣла, опредѣляетъ составъ изслѣдуемаго преступленія и указываетъ собранныя противъ обвиняемаго улики, какъ основаніе для привлеченія его къ отвѣтственности. Обвиняемые вызываются къ судебному слѣдователю письменными повѣстками или по словесному требованію. Послѣдній способъ практикуется обыкновенно въ селахъ и небольшихъ городахъ, когда слѣдствіе производится на мѣстѣ совершенія преступленія, и обвиняемый находится налицо, при чемъ словесное требованіе передается посланнымъ для

того разсыльнымъ или полицейскимъ служителемъ. Приводу подвергаются лишь обвиняемые въ болѣе или менѣе тяжкихъ преступленіяхъ, если при этомъ представляется вѣроятнымъ заключеніе ихъ послѣ допроса подъ стражу. Нѣкоторыми ревизіонными отчетами отмѣчено, что полиція при врученіи повѣстокъ не всегда соблюдаетъ установленныя формальности и, въ особенности, въ отношеніи исполненія требованій 382, 383 и 385 ст. уст. угол. суд. Объясняется это незнакомствомъ огромнаго большинства низшихъ полицейскихъ чиновъ и сельскихъ властей съ правилами устава уголовнаго судопроизводства.

Допросъ обвиняемыхъ производится судебными слѣдователями съ соблюденіемъ всѣхъ, установленныхъ закономъ формальностей, и ревизіею не обнаружено болѣе или менѣе замѣтныхъ неправильностей въ этомъ отношеніи. Вслѣдъ за допросомъ принимается одна изъ указанныхъ въ 416 ст. уст. угол. суд. мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія. Практика по принятію мѣръ пресѣченія будетъ изложена нами особо.

Обвиняемые, проживающіе внѣ предѣловъ участка, въ которомъ производится слѣдствіе, допрашиваются въ порядкѣ 292 ст. уст. угол. суд., чрезъ мѣстнаго участковаго слѣдователя. Отступленія отъ этого правила допускаются въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла присутствіе обвиняемаго на мѣстѣ производства слѣдствія представляется безусловно необходимымъ, напр., для предъявленія его свидѣтелямъ. Тогда судебный слѣдователь вызываетъ обвиняемаго въ свою камеру, хотя бы тотъ проживалъ не только въ другомъ участкѣ, но даже и въ значительно отдаленной мѣстности. Если обвиняемый, допрошенный въ порядкѣ 292 ст. уст. угол. суд., заключенъ подъ стражу, то онъ обыкновенно переводится для дальнѣйшаго содержанія въ тюрьму того города, въ которомъ впослѣдствіи должно разбираться его дѣло подлежащимъ судомъ.

Мѣры пресѣченія обвиняемому возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда. Постановленіе 415 ст. уст. угол. суд., по которой состоящіе подъ слѣдствіемъ не должны отлу-

чаться, безъ разрѣшенія слѣдователя, изъ того города или участка, гдѣ производится слѣдствіе, согласно выясненнымъ ревизіею даннымъ, лишено практическаго значенія, такъ какъ не только судебные слѣдователи, но и чины полиціи не имѣютъ возможности слѣдить за тѣмъ, чтобы обвиняемые въ точности исполняли это требованіе закона. Къ тому же, означенная статья не имѣетъ надлежащей законной санкціи, и судебные слѣдователи обыкновенно ограничиваются лишь объявленіемъ ея содержанія обвиняемому. Точное исполненіе этого постановленія, по отзыву практиковъ, представляется и лишнимъ въ виду того, что явка обвиняемаго къ слѣдствію обязательно обезпечивается одною изъ мѣръ, указанныхъ въ 416 ст. уст. угол. суд. Кромѣ того, буквальное толкованіе разсматриваемаго постановленія было бы крайне обременительно для тѣхъ обвиняемыхъ, которые постоянно проживаютъ внѣ слѣдственнаго участка, гдѣ производится слѣдствіе (они вынуждены были бы переселяться въ этотъ участокъ впредь до окончанія слѣдствія). Поэтому на практикѣ выработалось распространительное толкованіе 415 статьи, которая понимается въ томъ смыслѣ, что обвиняемый не имѣетъ права отлучаться безъ разрѣшенія слѣдователя изъ мѣста своего постояннаго жительства, а не изъ города или участка, гдѣ производится слѣдствіе.

Изъ мѣръ, указанныхъ въ 416 ст. уст. угол. суд., домашній арестъ и отобраніе вида на жительство примѣняются на практикѣ очень рѣдко. Первая изъ этихъ мѣръ крайне обременительна для полиціи, которая должна снаряжать изъ нижнихъ служителей особую стражу при квартирѣ обвиняемаго. Въ то же время домашній арестъ едва ли достигаетъ цѣли, ибо частная квартира не всегда можетъ быть охраняема стражею такимъ образомъ, чтобы воспрепятствовать побѣгу арестованнаго, не говоря уже о томъ, что обвиняемый, оставаясь въ кругу своихъ домашнихъ, имѣетъ полную возможность мѣшать успѣху слѣдствія. Мѣра эта иногда примѣняется къ больнымъ, состояніе здоровья которыхъ могло бы ухудшиться вслѣдствіе помѣщенія ихъ въ тюремную больницу.

Что касается отобранія вида на жительство, то рѣдкое

примѣненіе этой мѣры на практикѣ объясняется: во-1-хъ, отсутствіемъ у большинства мѣстныхъ жителей селъ и небольшихъ городовъ письменныхъ видовъ (паспорты получаются лишь на отлучку) и, во-2-хъ, крайне затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ можетъ очутиться живущій заработкомъ обвиняемый, въ случаѣ отобранія у него письменнаго вида. Вмѣсто отобраннаго и пріобщеннаго къ дѣлу письменнаго вида слѣдователь обязанъ выдать обвиняемому особый реверсъ, въ которомъ значится, что предъявитель привлеченъ къ отвѣтственности по уголовному дѣлу. Съ такимъ реверсомъ, получившимъ въ народѣ характерное названіе „волчьяго паспорта" (т. III, р. 2, стр. 246), обвиняемый не только встрѣчается съ затрудненіями при отысканіи себѣ заработка, но иногда лишенъ возможности найти даже пріютъ, и, вслѣдствіе этого, долженъ подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ.

Изъ остальныхъ, указанныхъ въ 416 статьѣ, мѣръ—отдача подъ особый надзоръ полиціи имѣетъ наиболѣе широкое примѣненіе. Но, по собраннымъ свѣдѣніямъ, мѣра эта не всегда и не вездѣ осуществляется одинаково. Такъ какъ въ законѣ не имѣется ближайшаго указанія, въ чемъ именно долженъ состоять полицейскій надзоръ, то разрѣшеніе этого вопроса въ каждомъ конкретномъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія подлежащаго полицейскаго чиновника или установленія, и потому упомянутая мѣра можетъ быть или чисто формальной, номинальной, или, наоборотъ, слишкомъ тяжелой, обременительной для обвиняемаго. По отзывамъ практиковъ, первое изъ этихъ двухъ положеній является преобладающимъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ полиція ограничивается внесеніемъ отданнаго подъ надзоръ обвиняемаго въ особый списокъ и отобраніемъ отъ него подписки въ томъ, что онъ не будетъ отлучаться изъ мѣста своего жительства безъ вѣдома властей, причемъ иногда дѣлается распоряженіе о невыдачѣ обвиняемому паспорта. При такомъ порядкѣ обвиняемый фактически остается внѣ какого-либо надзора и легко можетъ уклониться отъ слѣдствія и суда, что̀ нерѣдко и случается. Это въ особенности

легко достижимо для тѣхъ изъ поднадзорныхъ обвиняемыхъ, которые проживаютъ въ большихъ городскихъ центрахъ.— Въ видахъ установленія болѣе или менѣе дѣйствительнаго надзора нѣкоторыя полицейскія учрежденія обязываютъ отданныхъ подъ надзоръ обвиняемыхъ являться періодически, въ извѣстные дни и часы, въ полицію или поручаютъ нижнимъ полицейскимъ чинамъ навѣдываться, также періодически, на квартиру этихъ обвиняемыхъ. Хотя осуществляемый въ такомъ видѣ полицейскій надзоръ также не можетъ воспрепятствовать обвиняемому скрыться, но онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что мѣстная полицейская власть болѣе или менѣе скоро узнаетъ объ отсутствіи поднадзорнаго. За то подобный надзоръ можетъ быть и слишкомъ тяжелою мѣрою, если, напр., живущій заработкомъ обвиняемый обязанъ часто являться въ полицію, или если полицейскіе чины будутъ посѣщать его жилище во всякое время дня и ночи и производить обыски, какъ это практикуется на одной изъ окраинъ Имперіи (т. III, р. 2, стр. 256). Въ виду такихъ указаній практики едва ли не большинство судебныхъ дѣятелей высказывается за упраздненіе полицейскаго надзора, какъ мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Въ виду болѣе, чѣмъ сомнительной, цѣлесообразности полицейскаго надзора, судебные слѣдователи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ необходимости прибѣгать къ болѣе строгой мѣрѣ, склонны ограничиваться отобраніемъ отъ обвиняемаго подписки о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ изъ мѣста жительства (1 п. 416 ст), что̀ и практикуется довольно часто.

Поручительство и, въ особенности, залогъ требуются отъ обвиняемыхъ сравнительно рѣдко. Объясняется это главнымъ образомъ двумя причинами: во-1-хъ, тѣмъ, что поручительство или залогъ почти всегда сопровождаются временнымъ содержаніемъ обвиняемаго подъ стражею, впредь до пріисканія поручителя или внесенія залога (428 ст.), и, во-2-хъ, затрудненіями, создаваемыми 425 ст. уст. угол. суд., по которой сумма поручительства или залога ни въ какомъ слу-

чаѣ не можетъ быть менѣе количества вознагражденія, отыскиваемаго потерпѣвшимъ. Въ виду этой послѣдней статьи требованіе поручительства или залога, если по дѣлу предъявленъ гражданскій искъ въ значительной суммѣ, было бы равносильно безусловному содержанію обвиняемаго подъ стражею. Поэтому на практикѣ встрѣчаются иногда отступленія отъ 425 статьи устава. Такія же отступленія встрѣчаются и въ отношеніи принятія мѣръ пресѣченія по дѣламъ казенныхъ управленій. Согласно 1164 ст., по такимъ дѣламъ всѣ мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, за исключеніемъ взятія подъ стражу, замѣняются поручительствомъ или залогомъ въ суммѣ, равной денежному взысканію, къ уплатѣ коего можетъ быть приговоренъ обвиняемый. Строгое соблюденіе этого постановленія по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ казенныхъ управленій было бы однако несправедливо, и судебные слѣдователи ограничиваются иногда отобраніемъ отъ обвиняемаго подписки о неотлучкѣ или отдачею его подъ надзоръ полиціи. Нерѣдко случается, что по маловажному проступку, влекущему незначительное взысканіе, въ видѣ небольшого денежнаго штрафа, сумма всѣхъ прочихъ платежей можетъ далеко превышать средства обвиняемаго, и тогда требованіе соотвѣтственнаго этой суммѣ поручительства или залога имѣло бы своимъ послѣдствіемъ продолжительное содержаніе обвиняемаго подъ стражею, что̀ само собою составляло бы незаслуженное имъ наказаніе. Несомнѣнно, что соображенія эти раздѣляются и чинами казенныхъ управленій, со стороны которыхъ обыкновенно не бываетъ настоятельныхъ требованій объ исполненіи постановленія 1164 ст. уст. угол. суд.

Въ слѣдственной практикѣ встрѣчались случаи, когда обвиняемый не могъ представить поручительства или залога даже въ суммѣ нѣсколькихъ рублей, и тогда, конечно, для того, чтобы не содержать его подъ стражею, оставалось лишь отдать его подъ особый надзоръ полиціи.

Въ случаяхъ отдачи обвиняемаго на поручительство, обыкновенно требуется представленіе удостовѣренія полиціи или общественнаго учрежденія о томъ, что поручитель

обладаетъ соотвѣтственнымъ поручительной суммѣ имуществомъ и вообще является лицомъ благонадежнымъ. Исключенія допускаются въ тѣхъ случаяхъ, когда поручитель извѣстенъ въ данной мѣстности своею состоятельностью.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ по вопросу о поручительствѣ, какъ о мѣрѣ пресѣченія обвиняемому возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, между прочимъ, видно, что въ качествѣ поручителей являются очень часто одни и тѣ же лица, которыя создаютъ такимъ образомъ изъ поручительства особую для себя профессію и, конечно, эксплоатируютъ обвиняемыхъ, взимая съ послѣднихъ плату или пользуясь ихъ даровымъ трудомъ (т. III, р. 2, стр. 275). Затѣмъ замѣчено, что поручительство, не обезпеченное недвижимостью, представляется весьма ненадежнымъ, почему многіе слѣдователи принимаютъ поручительство только отъ лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ.

Безусловное содержаніе обвиняемыхъ подъ стражею допускается лишь по наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ. По менѣе тяжкимъ преступленіямъ мѣра эта примѣняется иногда къ рецидивистамъ и къ тѣмъ обвиняемымъ, относительно которыхъ существуетъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что, находясь на свободѣ, они могутъ мѣшать успѣху слѣдствія. Въ послѣднемъ случаѣ содержаніе подъ стражею имѣетъ значеніе мѣры временной, и, по выясненіи всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, обвиняемый обыкновенно освобождается изъ подъ стражи иногда прямо подъ надзоръ полиціи.

Согласно собраннымъ за 1894 г. статистическимъ даннымъ по принятію судебными слѣдователями мѣръ пресѣченія, изъ всѣхъ бывшихъ подъ слѣдствіемъ обвиняемыхъ: у 25.221 отобраны подписки о неотлучкѣ или виды на жительство, 37.335 отданы подъ надзоръ полиціи, 9.327 отданы на поручительство, у 1.491 взятъ залогъ, 24 подвергнуты домашнему аресту и 27.292 заключены подъ стражу (т. VI, стр. 213).

Ревизіонными отчетами отмѣчены рѣдкіе, впрочемъ, случаи, въ которыхъ противъ обвиняемыхъ вовсе не было принято мѣръ для пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія или

принятыя противъ нихъ мѣры были отмѣнены. Отмѣна принятой мѣры встрѣчается преимущественно по дѣламъ о бродяжествѣ, когда обвиняемый, въ виду обнаруженія его званія, водворяется по мѣсту приписки. Въ 1894 году такихъ случаевъ было 340 (т. VI, стр. 228).

Принимаемыя противъ обвиняемыхъ мѣры пресѣченія нерѣдко, въ теченіе производства предварительнаго слѣдствія, измѣняются судебными слѣдователями. Такъ, обвиняемый, отданный первоначально, въ виду шаткости уликъ, подъ надзоръ полиціи, иногда къ концу слѣдствія, когда виновность его вполнѣ установится, отдается на поручительство или даже заключается подъ стражу, и наоборотъ,—заключенный подъ стражу, послѣ выясненія обстоятельствъ, подрывающихъ значеніе добытыхъ въ началѣ слѣдствія уликъ, освобождается подъ надзоръ полиціи или даже съ отобраніемъ подписки о неотлучкѣ.

На практикѣ различно разрѣшается въ отношеніи принятія мѣръ пресѣченія вопросъ о томъ, какъ надлежитъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый привлеченъ къ отвѣтственности за совершеніе нѣсколькихъ преступленій, изслѣдованіе которыхъ составляетъ предметъ одного дѣла. Большинство судебныхъ слѣдователей принимаетъ по такимъ дѣламъ одну общую мѣру пресѣченія, соотвѣтственно главнѣйшему изъ преступленій или тому изъ нихъ, по которому улики представляются наиболѣе вѣскими.

Въ общемъ, принимаемыя при предварительномъ слѣдствіи мѣры пресѣченія не могли бы быть названы слишкомъ суровыми или несоотвѣтствующими обстоятельствамъ каждаго даннаго дѣла, какъ это видно уже изъ того, что отмѣна высшею инстанціею постановленій судебныхъ слѣдователей о взятіи обвиняемыхъ подъ стражу встрѣчается сравнительно рѣдко. Въ 1894 г. въ десяти округахъ судебныхъ палатъ такія постановленія отмѣнены: окружными судами въ порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія судебныхъ слѣдователей въ 76 случаяхъ и судебными палатами при преданіи обвиняемыхъ суду въ 209 случаяхъ (т. VI, стр. 228).

Хотя въ законѣ нѣтъ прямого постановленія, которое обязывало бы судебнаго слѣдователя принимать мѣры къ призрѣнію оставшихся безъ присмотра малолѣтнихъ дѣтей или къ охранѣ имущества заключеннаго подъ стражу обвиняемаго, тѣмъ не менѣе нѣкоторые слѣдователи сообщаютъ объ этомъ на распоряженіе подлежащаго сословнаго или административнаго установленія, въ особенности, если объ этомъ ходатайствуетъ обвиняемый, и такая практика, несомнѣнно, вызываетъ полнѣйшее сочувствіе (т. III, р. 2, стр. 266—269).

Вызовъ и допросъ свидѣтелей при предварительномъ слѣдствіи. Свидѣтели вызываются для допроса на предварительномъ слѣдствіи въ томъ же порядкѣ, какъ и обвиняемые (435 ст. уст. угол. суд.), т. е. повѣстками или словеснымъ требованіемъ. Послѣдній способъ вызова практикуется очень часто даже и въ большихъ городахъ, при чемъ въ экстренныхъ случаяхъ, когда свидѣтель долженъ быть допрошенъ безотлагательно, слѣдователь, если возможно, по телефону даетъ полиціи порученіе вызвать свидѣтеля (т. III, р. 2, стр. 293). Уѣздные слѣдователи, предпринимая періодическія поѣздки въ свои участки, по большей части заблаговременно сообщаютъ сельскимъ властямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ предстоитъ производство необходимыхъ слѣдственныхъ дѣйствій, о томъ, когда именно они предполагаютъ прибыть для означенной цѣли въ каждый данный пунктъ участка, поручая имъ распорядиться о вызовѣ нужныхъ для допроса свидѣтелей. Такая практика вполнѣ достигаетъ цѣли, и предваренные о пріѣздѣ слѣдователя свидѣтели обыкновенно аккуратно являются въ назначенное время. Вызовъ свидѣтелей посредствомъ словеснаго требованія въ значительной степени сокращаетъ канцелярскую работу судебнаго слѣдователя, но имѣетъ то неудобство, что за уклоненіе отъ явки свидѣтель, по установившемуся на практикѣ взгляду, не можетъ быть подвергнутъ штрафу, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ о времени и условіяхъ объявленія свидѣтелю требованія судебнаго слѣдователя о явкѣ къ нему для допроса. Вообще вопросъ о возможности оштрафованія неявившагося свидѣтеля, который былъ вызванъ къ судеб-

:ому слѣдователю словеснымъ требованіемъ, принадлежитъ къ числу спорныхъ. Согласно буквальному смыслу 438 ст. уст. угол. суд., слѣдователь, подвергая свидѣтеля штрафу, посылаетъ ему „вторичную повѣстку", изъ чего многіе заключаютъ, что штрафъ можетъ быть наложенъ только при условіи вызова повѣсткою.

При такомъ толкованіи закона, съ одной стороны, и при весьма частомъ вызовѣ свидѣтелей по словесному требованію, съ другой, наложеніе денежныхъ взысканій на свидѣтелей за неявку къ допросу на предварительномъ слѣдствіи встрѣчается сравнительно рѣдко. Несомнѣнно, здѣсь имѣетъ значеніе еще и то обстоятельство, что свидѣтели, въ особенности изъ сельскихъ обывателей, когда они допрашиваются въ мѣстѣ своего жительства, только въ исключительныхъ случаяхъ уклоняются отъ явки. Наложенный штрафъ слагается, если ходатайствующій о томъ свидѣтель сошлется на уважительныя причины неявки, при чемъ принимаются во вниманіе не только причины, указанныя въ 388 ст. уст. угол. суд., но и разныя другія обстоятельства, которыя могли затруднить явку свидѣтеля, напр., неотложныя занятія по сельскому хозяйству. Формальныхъ удостовѣреній о причинахъ неявки обыкновенно не требуется. Достаточно, если свидѣтель сошлется на такія доказательства, которыя убѣждаютъ въ справедливости его объясненій о томъ, что онъ не могъ явиться по уважительнымъ причинамъ, напр., на показанія другихъ свидѣтелей. Формальныя доказательства требуются иногда отъ лицъ, принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда объясненія, приводимыя въ подтвержденіе ходатайства о сложеніи штрафа, не внушаютъ довѣрія.

Соображаясь съ обстоятельствами каждаго даннаго дѣла, судебный слѣдователь вызываетъ къ извѣстному сроку столько свидѣтелей, сколько ихъ можетъ быть допрошено въ теченіе предназначеннаго для того времени. Поэтому, продолжительная задержка свидѣтелей въ слѣдственной камерѣ и въ особенности допросъ ихъ, спустя 12 часовъ послѣ явки (441 ст.), встрѣчаются весьма рѣдко. Это бываетъ главнымъ

образомъ тогда, когда для допроса нѣкоторыхъ свидѣтелей потребуется больше времени, чѣмъ предполагалось, или когда по ходу слѣдствія окажется необходимымъ экстренно вызвать и прежде допросить другихъ свидѣтелей, или, наконецъ, когда во время допроса къ судебному слѣдователю поступитъ новое дѣло, требующее безотлагательныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, какъ, напр., допроса и заключенія подъ стражу задержанныхъ полиціею обвиняемыхъ. Избѣгая продолжительной задержки вызванныхъ свидѣтелей, судебные слѣдователи въ указанныхъ выше случаяхъ признаютъ иногда болѣе удобнымъ отпустить свидѣтелей, если послѣдніе проживаютъ въ мѣстѣ нахожденія слѣдственной камеры или въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится допросъ, и назначаютъ имъ для явки новый срокъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели допрашиваются на мѣстѣ совершенія преступленія въ уѣздѣ, задержка ихъ въ теченіе болѣе 12 часовъ вызывается иногда неприбытіемъ судебнаго слѣдователя къ назначенному сроку, что̀ обусловливается обыкновенно непредвидѣнными остановками слѣдователя въ пути. Впрочемъ, по такимъ дѣламъ по большей части вызываются мѣстные жители, которымъ запозданіе судебнаго слѣдователя особыхъ затрудненій не причиняетъ.

Допрашивая свидѣтеля, судебный слѣдователь первоначально выслушиваетъ разсказъ его о томъ, что̀ ему извѣстно по дѣлу, а затѣмъ, по мѣрѣ необходимости, предлагаетъ ему вопросы въ разъясненіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла и предоставляетъ участвующимъ лицамъ, если показаніе дается въ ихъ присутствіи, предлагать свидѣтелю дополнительные вопросы. Въ протоколъ заносятся, въ формѣ разсказа свидѣтеля въ первомъ лицѣ, лишь тѣ, удостовѣренные имъ, факты, которые могутъ имѣть значеніе для дѣла. Если свидѣтель не можетъ или не желаетъ дать показаніе въ видѣ связнаго разсказа и лишь отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы, что̀ встрѣчается чаще всего при допросѣ малолѣтнихъ, тогда въ протоколъ заносятся предложенные вопросы и данные на нихъ отвѣты (т. III, р. 2, стр. 320).

Допросъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей подъ

присягою относится къ числу весьма рѣдкихъ явленій. Судебные слѣдователи допрашиваютъ свидѣтелей безъ присяги даже и при наличности условій, указанныхъ въ 442 ст. уст. угол. суд., за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда можно съ полною вѣроятностью допустить, что допрашиваемый на судъ не явится, напр., когда нѣтъ надежды на выздоровленіе тяжко больнаго свидѣтеля, или когда онъ совершенно выбываетъ въ отдаленную мѣстность (переселенцы). Свидѣтели приводятся на предварительномъ слѣдствіи къ присягѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ. На практикѣ было нѣсколько случаевъ привода къ присягѣ свидѣтелей иновѣрныхъ исповѣданій, за отсутствіемъ духовныхъ лицъ этихъ исповѣданій, самимъ судебнымъ слѣдователемъ, примѣнительно къ 715 ст. уст. угол. суд. (т. III, р. 2, стр. 312). Обвиняемому, частному обвинителю и гражданскому истцу, если они присутствуютъ при допросѣ приводимаго къ присягѣ свидѣтеля, предоставляется право предъявленія отвода отъ присяги, въ предѣлахъ, указанныхъ въ 707 ст. уст. угол. суд.

Устраненіе отъ свидѣтельства на предварительномъ слѣдствіи, какъ и въ судебномъ засѣданіи, имѣетъ мѣсто въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 704 ст. уст. угол. суд. При этомъ для устраненія свидѣтеля по безумію или сумасшествію вовсе не требуется, чтобы его психическое разстройство было признано формально, установленнымъ въ законѣ порядкомъ. Судебные слѣдователи очень часто устанавливаютъ фактъ ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей лица, подлежащаго допросу въ качествѣ свидѣтеля, путемъ отобранія показаній отъ его домашнихъ или посредствомъ письменныхъ сношеній съ мѣстными административными властями. Иногда, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла допросъ свидѣтеля, оказавшагося безумнымъ или сумасшедшимъ, представляется безусловно необходимымъ и могъ бы имѣть существенное значеніе, если бы свидѣтель находился въ здравомъ умѣ, судебный слѣдователь для полнаго удостовѣренія въ наличности причины къ устраненію свидѣтеля, подвергаетъ его освидѣтельствованію чрезъ врача,

въ порядкѣ 336 ст. уст. угол. суд. Въ тѣхъ случаяхъ, когда душевное разстройство свидѣтеля не проявляется съ очевидностью, и онъ даетъ болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на предлагаемые ему вопросы, судебный слѣдователь, пріобщивъ къ дѣлу всѣ собранныя о состояніи его умственныхъ способностей справки, записываетъ въ протоколъ его показаніе и тутъ же отмѣчаетъ всѣ особенности или странности въ его поведеніи, если таковыя были усмотрѣны во время допроса (т. III, р. 2, стр. 307).

Тѣми же способами, какими устанавливается безуміе или сумасшествіе свидѣтелей, обыкновенно выясняется и слабоуміе, въ виду котораго свидѣтель, согласно 3 п. 706 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть допрошенъ подъ присягою.

Постановленіе 2 п. 704 ст. уст. угол. суд., по которому не допускаются къ свидѣтельству священники въ отношеніи къ признанію, сдѣланному имъ на исповѣди, соблюдается на предварительномъ слѣдствіи со всею строгостью. Ревизіею констатированъ одинъ случай, въ которомъ священникъ самъ заявилъ о сдѣланномъ ему на исповѣди признаніи умиравшаго больнаго, во исполненіе просьбы послѣдняго, ради раскрытія истины. Кромѣ того было нѣсколько случаевъ представленія духовными лицами католическаго исповѣданія похищенныхъ вещей, переданныхъ имъ на исповѣди, однако, безъ названія исповѣдавшихся.

На практикѣ проявляется стремленіе къ распространительному толкованію 3 п. 704 ст. уст. угол. суд. Присяжные повѣренные уклоняются иногда отъ дачи свидѣтельскаго показанія не только о признаніи подсудимыхъ, сдѣланномъ имъ, какъ защитникамъ по уголовнымъ дѣламъ, но также и о такихъ обстоятельствахъ, которыя сдѣлались имъ извѣстными, какъ повѣреннымъ по дѣламъ гражданскимъ. Такіе случаи встрѣчаются, впрочемъ, очень рѣдко и особыхъ затрудненій судебнымъ слѣдователямъ не создаютъ тѣмъ болѣе, что почти всегда представляется возможнымъ выяснить обстоятельства, для подтвержденія которыхъ вызывался повѣренный, показаніями другихъ свидѣтелей. На ряду съ нѣкоторыми льготами въ пользу допрашиваемыхъ въ качествѣ свидѣтелей

повѣренныхъ по гражданскимъ дѣламъ, допускаемыми, какъ надо полагать, потому, чтобы не ставить повѣренныхъ въ неудобныя отношенія къ довѣрителямъ, возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли врачъ дать свидѣтельское показаніе о такихъ обстоятельствахъ, которыя составляютъ его профессіональную тайну. Въ слѣдственной практикѣ было нѣсколько случаевъ отказа врачей отъ свидѣтельства о томъ, отъ какой именно болѣзни они лѣчили своихъ паціентовъ, при чемъ въ одномъ случаѣ врачъ сослался на факультетскую присягу, обязывающую его сохранять тайну больнаго (т. III, р. 2, стр. 309).

Относительно примѣненія на предварительномъ слѣдствіи 705 ст. уст. угол. суд., въ силу которой мужъ или жена подсудимаго лица, родственники его по прямой линіи, восходящей и нисходящей, а также родные его братья и сестры могутъ устранить себя отъ свидѣтельства,—не установилось единообразной практики. Большинство судебныхъ слѣдователей, исходя изъ того положенія, что роль свидѣтеля, по своему существу, не должна зависѣть отъ исполненія тѣхъ или иныхъ формальностей, предоставляетъ право устраненія себя отъ свидѣтельства лицамъ, находящимся въ указанныхъ въ 705 статьѣ отношеніяхъ не только къ привлеченному уже обвиняемому, но и къ подозрѣваемому, виновность котораго лишь провѣряется путемъ выясненія обстоятельствъ дѣла. Меньшинство, наоборотъ, придерживаясь буквальнаго толкованія означенной статьи и имѣя въ виду, что подозрѣваемый не всегда становится обвиняемымъ, признаетъ примѣненіе этой статьи возможнымъ только при томъ условіи, когда обвиняемый привлеченъ къ отвѣтственности (т. III, р. 2, стр. 309).

Дознаніе чрезъ окольныхъ людей. Названное слѣдственное дѣйствіе предпринимается сравнительно рѣдко. За 1894 г. во всѣхъ судебныхъ округахъ зарегистровано 793 случая производства дознаній чрезъ окольныхъ людей (т. VI, стр. 228), что̀ приблизительно составляетъ одно дознаніе на два слѣдственныхъ участка. Такія дознанія имѣютъ мѣсто преимущественно по дѣламъ о конокрадствѣ, о занятіи покупкою

и сбытомъ завѣдомо краденаго и о пристанодержательствѣ и производятся главнымъ образомъ по предложеніямъ лицъ прокурорскаго надзора или по просьбамъ обвиняемыхъ.

По отзывамъ многихъ практиковъ цѣлесообразность производства дознаній чрезъ окольныхъ людей представляется весьма сомнительною именно потому, что окольные люди, приглашаемые для дачи показаній объ образѣ жизни и поведеніи обвиняемаго, очень часто даютъ уклончивые отвѣты на предложенные имъ по этому предмету вопросы, изъ боязни мести со стороны какъ самихъ обвиняемыхъ, такъ и ихъ родственниковъ. Кромѣ того, дознаніе чрезъ окольныхъ людей, какъ весьма сложное слѣдственное дѣйствіе, требующее исполненія разныхъ формальностей, несомнѣнно замедляетъ движеніе дѣла. Поэтому судебные слѣдователи предпочитаютъ выяснять образъ жизни и поведеніе обвиняемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо по обстоятельствамъ дѣла, путемъ допроса, въ качествѣ свидѣтелей, лицъ, близко знающихъ обвиняемыхъ, и такая практика вполнѣ достигаетъ цѣли. Она основана, главнымъ образомъ, на томъ соображеніи, что лица, близко знающія обвиняемаго, такъ или иначе могутъ охарактеризовать его жизнь и въ подтвержденіе своего о немъ отзыва сослаться на извѣстные факты, между тѣмъ какъ въ число избираемыхъ по жребію изъ домохозяевъ даннаго околотка окольныхъ людей могутъ попасть и такія лица, которыя слишкомъ мало знаютъ обвиняемаго и потому должны—или заявить, что необходимыхъ для дѣла свѣдѣній сообщить не могутъ, или дать показаніе о доходившихъ до нихъ слухахъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ. Въ виду такихъ указаній практики, нѣкоторые судебные дѣятели, признавая дознанія чрезъ окольныхъ людей не только обременительными, но и излишними, высказываются за совершенное исключеніе такихъ дознаній изъ числа слѣдственныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ для установленія доказательствъ въ уголовномъ дѣлѣ (т. V, стр. 146).

Въ обѣихъ столицахъ и вообще въ значительныхъ городахъ дознанія чрезъ окольныхъ людей вовсе не производятся, что объясняется, конечно, условіями городской жизни (при

значительной подвижности населенія и разнообразіи занятій, лица, живущія даже въ одномъ домѣ, по большей части не знаютъ другъ друга). Такимъ образомъ, дознанія, о которыхъ идетъ рѣчь, производятся лишь въ селахъ и небольшихъ городахъ, при чемъ въ послѣднихъ околоткомъ для составленія списка окольныхъ людей признается полицейскій кварталъ или улица, гдѣ проживалъ обвиняемый. Нѣкоторые слѣдователи при производствѣ дознаній чрезъ окольныхъ людей въ городахъ составляютъ списки окольныхъ людей не изъ домохозяевъ извѣстнаго околотка, а изъ лицъ, знающихъ обвиняемаго.

Постановленіе 455 ст. уст. угол. суд. исполняется въ точности, и судебные слѣдователи всегда сообщаютъ участковому товарищу прокурора и объявляютъ обвиняемому и другимъ участвующимъ лицамъ о мѣстѣ и времени производства дознанія чрезъ окольныхъ людей, но на практикѣ не установилось одинаковаго взгляда по вопросу о томъ, можетъ ли быть произведено дознаніе, если судебный слѣдователь не имѣетъ свѣдѣнія, дѣйствительно ли товарищъ прокурора, обвиняемый и участвующія лица получили посланныя имъ извѣщенія. Одни судебные слѣдователи находятъ возможнымъ производить дознаніе и при отсутствіи свѣдѣнія по этому предмету, другіе признаютъ, что наличность такого свѣдѣнія безусловно необходима для того, чтобы дознаніе могло состояться (т. III, р. 2, стр. 328). Пересылка арестованныхъ обвиняемыхъ на мѣсто производства дознанія чрезъ окольныхъ людей вызываетъ значительныя практическія затрудненія.

Заключеніе слѣдствія. Установленный 476 ст. уст. угол. суд. обрядъ предъявленія слѣдственнаго производства обвиняемому на практикѣ исполняется судебными слѣдователями или прочтеніемъ вслухъ слѣдственныхъ актовъ въ присутствіи обвиняемаго, или предоставленіемъ самому обвиняемому прочесть дѣло въ присутствіи слѣдователя, или, наконецъ, изложеніемъ на словахъ сущности дѣла и разъясненіемъ обвиняемому значенія всѣхъ добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ. Послѣдній изъ этихъ способовъ практикуется обыкновенно

въ отношеніи неграмотныхъ и малоразвитыхъ обвиняемыхъ изъ среды простолюдиновъ, для которыхъ изложенные въ письменной формѣ слѣдственные акты не всегда могутъ быть понятны. Прочтеніе дѣла самимъ обвиняемымъ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда обвиняемый принадлежитъ къ числу людей интеллигентныхъ или вообще порядочно грамотенъ.

Хотя въ 476 ст. уст. угол. суд. значится, что слѣдственное производство предъявляется обвиняемому, „если онъ о томъ проситъ будетъ", но, по установившейся практикѣ, этотъ обрядъ исполняется помимо просьбы обвиняемаго. Рѣдкія отступленія отъ этого правила встрѣчались въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый, послѣ привлеченія его къ отвѣтственности, просилъ не вызывать его для предъявленія ему слѣдственнаго производства, а также когда выясненныя обстоятельства дѣла не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что обвиняемый не можетъ быть преданъ суду. Остается еще прибавить, что обвиняемому предъявляется не только первоначальное, но и дополнительное производство, если дѣло было возвращено для дополненія.

Обжалованіе слѣдственныхъ дѣйствій. Обжалованіе слѣдственныхъ дѣйствій какъ обвиняемыми, такъ и другими участвующими въ дѣлѣ лицами, встрѣчается сравнительно рѣдко. Обвиняемые обыкновенно приносятъ жалобы на принятіе противъ нихъ слишкомъ строгой мѣры пресѣченія или на отказъ въ допросѣ выставленныхъ ими свидѣтелей; гражданскіе истцы—на непринятіе мѣръ къ обезпеченію ихъ гражданскихъ исковъ. Жалобы на неправильную квалификацію преступленія, о которомъ производится слѣдствіе, или невѣрную оцѣнку собранныхъ противъ обвиняемаго уликъ относятся къ числу явленій исключительныхъ. Едва ли не въ большинствѣ случаевъ жалобы подаются въ концѣ слѣдствія, что иногда замедляетъ дальнѣйшее движеніе дѣла, если, въ силу состоявшагося въ разрѣшеніе жалобы опредѣленія суда, направленное уже дѣло должно быть возвращено судебному слѣдователю для удовлетворенія ходатайства жалобщика.

Жалобщики, и въ особенности изъ простолюдиновъ, какъ

убѣждаетъ практика, не могутъ освоиться съ мыслью о томъ, что жалоба должна быть подана тому должностному лицу, на дѣйствія котораго приносится, и поэтому какъ обвиняемые, такъ и другія участвующія лица жалобы свои на дѣйствія судебныхъ слѣдователей подаютъ иногда прямо въ окружный судъ. Въ силу 499 ст. уст. угол. суд., такія жалобы препровождаются къ судебнымъ слѣдователямъ для представленія по нимъ объясненій, что̀, само собою разумѣется, отдаляетъ время разсмотрѣнія жалобъ. Впрочемъ, на практикѣ встрѣчаются иногда отступленія отъ означеннаго порядка, и въ тѣхъ случаяхъ, когда жалоба по своему существу, въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла, требуетъ безотлагательнаго разрѣшенія, судъ, разсмотрѣвъ ее, постановляетъ соотвѣтственное опредѣленіе и безъ предварительнаго истребованія объясненій судебнаго слѣдователя (т. III, р. 1, стр. 21).

(Продолженіе слѣдуетъ).

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЯПОНІИ.

В. Н. Ширяевъ.

Быстрый ростъ культуры Японіи за послѣднія десятилѣтія невольно обращаетъ на себя вниманіе; гигантскіе шаги, которые она сдѣлала по пути цивилизаціи, приводятъ въ изумленіе всякаго, кто слѣдитъ за жизнью этой „страны восходящаго солнца“.

Въ необыкновенно короткій періодъ времени японцы усвоили себѣ не только внѣшній обликъ европейцевъ, но и постарались перенести на свою далекую родину тотъ строй и порядки, которые до сихъ поръ составляютъ удѣлъ лишь наиболѣе культурныхъ и цивилизованныхъ странъ. Надо замѣтить при этомъ, что всѣ эти заимствованія и подражанія дѣлаются весьма умѣло; охотно устанавливая у себя европейскіе порядки, японцы въ то же время весьма бережно и осторожно относятся къ тѣмъ сторонамъ своего роднаго быта, которыя являются для нихъ твердой опорой и залогомъ дальнѣйшаго прогресса.

1 января 1882 г. въ Японіи вступило въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе [1]). До этого времени Японія не имѣла

[1]) Текстъ этого уложенія въ нѣмецкомъ переводѣ помѣщенъ въ Goltdammer's Archiv für Strafrecht, 1883, B. XXX; кромѣ того дѣйствующее уголовное право подробно изложено въ ст. Dr. Loenholm'a въ Strafgesetzgebung der Gegenwart, Bd. II, Japon, S. 353—367; въ этой же статьѣ есть указанія на работы о Японскомъ уголовномъ законодательствѣ.

систематическаго уголовнаго кодекса; дѣйствовало тамъ исключительно обычное право. Составленіе новаго кодекса представляло задачу нелегкую, такъ какъ приходилось приводить и согласовывать современныя уголовно-правовыя воззрѣнія съ своеобразными представленіями народа, уголовное право котораго находилось до сихъ поръ въ зачаточномъ періодѣ развитія. Въ обсужденіи проекта новаго уложенія принималъ, между прочимъ, большое участіе извѣстный германскій криминалистъ Berner, который весьма лестно отозвался о представленномъ на его разсмотрѣніе проектѣ уложенія. „Его карательная система"—замѣчаетъ онъ—„конструирована вполнѣ раціонально, составы преступленія опредѣлены съ достаточной ясностью, размѣры наказаній отличаются соотвѣтствіемъ и гуманностью, и вообще обращено вниманіе на опытъ цивилизованнаго міра и успѣхи европейской науки" [1]).

Введеніе новыхъ уголовныхъ законовъ не обошлось безъ серьезныхъ волненій въ Токіо, вызванныхъ, какъ тогда объясняли бунтовщики, „химерическимъ" желаніемъ правительства ввести чуждые законы въ страну, обладающую своими старинными, вѣками установленными, традиціями и обычаями. Населеніе успокоилось лишь послѣ того, какъ японское министерство юстиціи оффиціально заявило, что при разработкѣ и составленіи новыхъ кодексовъ были приняты во вниманіе всѣ наиболѣе важные изъ старинныхъ законовъ и національныхъ обычаевъ [2]).

Въ уложеніи 1882 г. замѣтно вліяніе французскаго code pénal и его исправленнаго изданія code pénal belge 1867 г., хотя это вліяніе коснулось, главнымъ образомъ, технической стороны кодекса, такъ какъ въ основѣ многихъ постановленій закона дѣйствительно лежатъ туземныя правовыя воззрѣнія. Недостатки дѣйствующаго уложенія, заключающіеся, по отзывамъ самихъ японцевъ, въ излишне формальномъ

---

[1]) Gerichtssaal, XXXIII, S. 383.

[2]) Шрейдеръ—„Японія и японцы", стр. 516.

характерѣ его, что́ видно, напр., изъ крайней сложности системы наказаній, въ ограниченности простора для судей при опредѣленіи наказанія, въ неясности опредѣленій нѣкоторыхъ составовъ преступленій, влекущей за собой непостоянство и колебанія судебной практики,—побудили правительство приступить къ пересмотру его.

Уже въ 1890 г. парламенту былъ представленъ проектъ новаго уголовнаго уложенія, составленный пользующимся въ Японіи большой извѣстностью адвокатомъ dr. K. Miyagi.

Но парламентъ былъ тогда распущенъ, а авторъ проекта вскорѣ затѣмъ умеръ. Проектъ dr. K. Miyagi носилъ на себѣ еще большія, сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ, слѣды французскаго вліянія; благодаря этому отчасти онъ не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія. Слѣдуетъ замѣтить, что французское вліяніе въ области права, бывшее въ Японіи ранѣе преобладающимъ [1]), уступило за послѣднее время мѣсто вліянію германскому и англійскому.

Въ 1893 г. для составленія проекта новаго уложенія была образована коммисія. Разосланный при „Mitteilungen der internationalen kriminalistischen Vereinigung“, B. VIII, проектъ уголовнаго уложенія въ нѣмецкомъ переводѣ представляетъ первую редакцію выработаннаго коммисіей проекта. По новѣйшимъ извѣстіямъ, проектъ этотъ будетъ предложенъ для разсмотрѣнія другой коммисіи и только уже послѣ этого будетъ внесенъ въ парламентъ.

Дальнѣйшее изложеніе посвящается выясненію основныхъ чертъ дѣйствующаго уголовнаго уложенія и тѣхъ измѣненій, которыя предполагаетъ сдѣлать въ немъ проектъ. Разсмотрѣніе проекта дастъ намъ возможность опредѣлить значеніе его не только для Японіи, но и для развитія основныхъ началъ уголовнаго права вообще. Разумѣется, здѣсь не можетъ быть рѣчи о полной и всесторонней критикѣ японскаго уголовнаго законодательства. Нравы и

---

[1]) Уголовно-процессуальный кодексъ Японіи составленъ по образцу Code d'instruction criminelle съ нѣкоторыми измѣненіями, имѣющими цѣлью смягчить нѣкоторыя суровыя стороны французскаго уголовнаго процесса.

условія японской жизни слишкомъ далеки отъ насъ и еще мало изслѣдованы, чтобы можно было судить о цѣлесообразности того или другаго уголовно-правоваго института.

I.

Дѣйствующее уголовное уложеніе Японіи содержитъ 430 art. и распадается по своему содержанію на четыре книги; въ первой книгѣ (art. 1—115) заключаются общія опредѣленія; книга 2-я (art. 116—291) содержитъ постановленія о преступленіяхъ и проступкахъ противъ благъ общихъ, книга 3-я (art. 292—424)—преступленія и проступки противъ личности и имущества, и 4-я книга (art. 425—430)—нарушенія.

Проектъ новаго уложенія значительно короче, онъ содержитъ всего 322 art. Содержаніе его распадается на двѣ части: общую (art. 1—90) и особенную, состоящую изъ 14 отдѣловъ.

При разсмотрѣніи каждаго кодекса прежде всего возникаетъ вопросъ о предѣлахъ его дѣйствія; по отношенію къ японскому уложенію этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ Японія, несмотря на свои успѣхи въ дѣлѣ цивилизаціи, до послѣднихъ лѣтъ считалась наравнѣ съ Турціей, Персіей и Китаемъ, неполноправнымъ членомъ международственнаго союза.

Пространство дѣйствія уголовнаго закона опредѣляется предѣлами реальной территоріи государства, понятіе которой, однако, суживается или расширяется въ силу началъ государственнаго права и международныхъ договоровъ.

Дѣйствующее уложеніе въ art. 4 отрицательнымъ путемъ опредѣляетъ предѣлы своего дѣйствія. „Постановленія уголовнаго закона не примѣняются къ лицамъ, подчиненнымъ законамъ военнымъ и морскимъ“. Отсутствіе болѣе точнаго опредѣленія предѣловъ дѣйствія объясняется существовавшими съ Японіей договорами о внѣземельности, въ силу которыхъ иностранцы пользовались экстерриторіальностью, т. е. за учи-

ненныя въ предѣлахъ Японіи дѣянія подлежали вѣдомству не мѣстныхъ судовъ, а судовъ своего отечества. Въ настоящее время это недовѣріе къ отправленію правосудія въ Японіи, очевидно, исчезло, такъ какъ проектъ новаго уголовнаго уложенія подробно указываетъ, въ какихъ случаяхъ дѣйствію японскихъ уголовныхъ законовъ подлежатъ иностранцы. Art. 3 содержитъ правило, общее уголовнымъ кодексамъ всѣхъ странъ: „Законы примѣняются ко всѣмъ учиненнымъ въ предѣлахъ имперіи преступнымъ дѣяніямъ, независимо отъ того, былъ ли виновникъ японецъ или иностранецъ".

Понятіе реальной территоріи расширяется, кромѣ обычныхъ случаевъ экстерриторіальности дипломатическихъ агентовъ, войска и т. п., по отношенію ко всѣмъ японскимъ подданнымъ, учинившимъ за предѣлами Японіи какое-либо преступленіе, независимо отъ личности потерпѣвшаго и объекта посягательства, а равнымъ образомъ по отношенію къ японцамъ, занимающимъ государственныя или общественныя должности, учинившимъ за границей какое-либо преступное дѣяніе по службѣ. Если къ этому мы прибавимъ, что иностранцы, учинившіе за предѣлами Японіи посягательство на имперію или на право ея подданныхъ, въ случаѣ прибытія ихъ въ Японію, подлежатъ дѣйствію японскихъ законовъ, и что приговоры, произнесенные иностранными судами, въ Японіи не обязательны, и наказаніе, отбытое за границей вполнѣ или отчасти, является лишь факультативнымъ основаніемъ для освобожденія отъ наказанія или смягченія его въ Японіи, то мы увидимъ, что расширеніе предѣловъ реальной территоріи по проекту весьма значительно, значительнѣе, чѣмъ въ кодексахъ германскомъ, французскомъ, русскомъ уложеніи и проектѣ, такъ какъ всѣ они въ большей или меньшей степени соблюдаютъ принципъ ne bis idem и, кромѣ того, допускаютъ наказуемость лишь нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ посягательствъ, учиненныхъ за границей, какъ своими, такъ и иностранными подданными; менѣе же важныя посягательства, по всѣмъ этимъ кодексамъ, остаются или совершенно безъ преслѣдованія, или преслѣдуются лишь при наличности жалобы заинтересованнаго государства или въ силу заклю-

ченнаго договора. Проектъ японскаго уголовнаго уложенія не дѣлаетъ этого различія между болѣе или менѣе важными посягательствами, учиненными за границей японцами, преслѣдуетъ ихъ одинаково, независимо отъ того, на чье право они посягали. Такимъ образомъ, постановленія проекта въ этомъ отношеніи представляются дальнѣйшимъ шагомъ къ осуществленію такъ называемой универсальной или космополитической теоріи, въ основѣ которой лежитъ представленіе заинтересованности всѣхъ государствъ въ сохраненіи правоваго порядка.

По вопросу о дѣйствіи уголовнаго закона во времени проектъ повторяетъ постановленія дѣйствующаго уложенія, въ силу котораго законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ и только болѣе мягкій новый законъ примѣняется къ дѣяніямъ, учиненнымъ до вступленія его въ силу. Впрочемъ, проектъ вноситъ одно весьма существенное добавленіе, въ силу котораго срокъ давности и порядокъ отбытія наказанія всегда опредѣляются по новому закону (art. 2).

Послѣднее опредѣленіе представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что проектъ значительно видоизмѣняетъ систему наказаній сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ.

II.

Система наказаній дѣйствующаго уложенія отличается большой сложностью и изобиліемъ родовъ и видовъ наказанія. На практикѣ эти разграниченія между отдѣльными видами наказаній въ большинствѣ случаевъ исчезли, такъ что, само собой, обнаружилась цѣлесообразность подобной дробности наказаній и необходимость упрощенія всей системы.

Слѣдуя французскому уложенію, японское уложеніе 1882 года усвоило тройное дѣленіе преступныхъ дѣяній. *Преступленіемъ* признается дѣяніе, караемое смертной казнью, каторжными работами, ссылкой, исправительнымъ домомъ (réclusion, Zuchthaus) и заточеніемъ (détention); *проступкомъ*—дѣяніе,

караемое тюрьмой и денежнымъ штрафомъ свыше 2 іенъ [1]); *нарушеніемъ*—дѣяніе, караемое арестомъ или денежнымъ штрафомъ отъ 5 сенъ до 1 іены и 95 сенъ. Такимъ образомъ, дѣйствующее японское право знаетъ слѣдующіе виды наказаній:

1. *Смертную казнь* (art. 12—16), совершаемую черезъ повѣшеніе, не публично, до 10 час. утра и не въ дни національныхъ праздниковъ; необходимымъ условіемъ для совершенія казни является спеціальное распоряженіе министра юстиціи. Женщины, въ случаѣ ихъ беременности, могутъ быть казнимы не ранѣе 100 дней со времени разрѣшенія отъ бремени.

Трупы казненныхъ отдаются родственникамъ или друзьямъ, но съ условіемъ, чтобы они хоронили ихъ безъ особой торжественности.

Проектъ сохраняетъ смертную казнь почти въ томъ же объемѣ, какъ и дѣйствующее право (всего 12 случаевъ) [2]) и устанавливаетъ тѣ же условія для ея выполненія.

2. *Каторжныя работы* (art. 17—29), назначаемыя безъ срока или на опредѣленный срокъ (12—15 л.); онѣ отбываются на особомъ островѣ, лица же женскаго пола отбываютъ этотъ родъ наказанія въ самой странѣ въ особыхъ заведеніяхъ. Приговоренные употребляются на самыя тяжкія работы, которыя облегчаются только для лицъ старше 60 лѣтъ.

3. *Ссылку* (art. 20, 21), назначаемую безъ срока или на срокъ 16—20 лѣтъ [3]); это наказаніе отбывается также на особомъ островѣ, въ спеціальныхъ тюрьмахъ, при чемъ обязательныхъ работъ нѣтъ. Послѣ 5 лѣтъ при безсрочной ссылкѣ и 3-хъ лѣтъ при срочной ссыльному можетъ быть

---

[1]) Серебр. іена номинально=4,37 германск. мар.; въ дѣйствительности по курсу=2 мар. 55 пф., іена=100 сенъ.

[2]) Смертная казнь назначается за нѣкоторые виды государственныхъ преступленій, поджога, потопленія, посягательствъ на пути сообщенія, за нѣкоторые виды нарушенія правилъ охраненія народнаго здравія, убійства и разбоя.

[3]) Въ Strafgesetzgebung der Gegenwart, Bd. II. Japan—v. Dr. L. Loenholm срокъ ссылки указанъ 12—15 лѣтъ.

предоставлено право поселиться на отведенномъ участкѣ земли.

4. *Исправительный домъ* (art. 22) (Zuchthaus, réclusion)— лишеніе свободы съ принудительной работой, назначаемое на срокъ 9—11 лѣтъ (тяжкій рабочій домъ) и 6—8 лѣтъ (легкій рабочій домъ). Кромѣ срока, разница между тяжкимъ и легкимъ рабочимъ домомъ заключается въ томъ, что при тяжкомъ рабочемъ домѣ, какъ и при тяжкомъ тюремномъ заключеніи (см. ниже), обязательныя работы могутъ быть не только внутри, но и внѣ тюремныхъ зданій. Проектъ, отмѣняя два предшествующіе вида наказанія, оставляетъ исправительный домъ съ измѣненіемъ только срока, на который онъ можетъ быть назначенъ. По проекту исправительный домъ составляетъ второе по тяжести наказаніе и можетъ быть назначенъ или безъ срока, или на срокъ отъ 1 дня до 15 лѣтъ; къ сожалѣнію, проектъ не указываетъ порядка отбытія этого вида лишенія свободы; приговореные къ заключенію въ исправителномъ домѣ занимаются обязательными работами; если срокъ заключенія не превышаетъ 6 мѣсяцевъ, наказаніе можетъ быть отбыто въ арестномъ домѣ (art. 13).

5. *Заточеніе* (art. 23) (Staatsgefängniss—Einsperrung, détention), отбываемое въ особыхъ помѣщеніяхъ и также распадающееся, въ зависимости отъ срока, на 2 вида: тяжкое (9—11 л.) и легкое (6—8 лѣтъ); этотъ видъ лишенія свободы, соотвѣтствующій нашему заключенію въ крѣпости, назначается за преступныя дѣянія, не имѣющія позорящаго характера. Въ проектѣ этому виду лишенія свободы соотвѣтствуетъ заключеніе въ тюрьмѣ безъ обязательной работы, назначаемое или безъ срока, или на срокъ отъ 1 дня до 15 лѣтъ, при чемъ, если срокъ наказанія не превышаетъ 6 мѣсяцевъ, то оно также можетъ быть отбыто въ арестномъ домѣ (art. 14).

Тюремное заключеніе назначается проектомъ или какъ единственное наказаніе, или параллельно съ заключеніемъ въ исправительный домъ или денежнымъ штрафомъ; въ послѣднемъ случаѣ выборъ наказанія зависитъ отъ характера преступнаго дѣянія, свойства мотивовъ; какъ, напр., разглашеніе профессіональной тайны врачами, акушерками, апте-

карями влечетъ за собой тюрьму или исправительный домъ, или денежный штрафъ (art. 169). Наоборотъ, дѣянія, не допускающія относительно позорности мотива никакого сомнѣнія, никогда не караются тюремнымъ заключеніемъ.

6. *Тюрьму* (art. 24), которая назначается на срокъ отъ 11 дней до 5 лѣтъ (а въ случаѣ рецидива и до 7 лѣтъ) и раздѣляется на тяжкую съ принудительнымъ трудомъ и легкую безъ труда. По мысли закона, этотъ видъ лишенія свободы преслѣдуетъ исправительныя цѣли и отбывается въ исправительныхъ заведеніяхъ (Maison de correction, Besserungsanstalt).

7. *Арестъ* (art. 28), заключающійся въ простомъ лишеніи свободы на срокъ отъ 1 до 10 дней, а по проекту отъ 1 дня до 1 мѣсяца. Срокъ наказанія лишеніемъ свободы считается со дня объявленія приговора, даже въ случаѣ обжалованія приговора, если только жалоба уважена и подсудимый былъ подвергнутъ задержанію; если же жалоба оставлена безъ послѣдствій, то срокъ считается со дня постановленія отрицательнаго рѣшенія по жалобѣ. При всѣхъ видахъ лишенія свободы, исключая ссылки, дѣйствующее уложеніе допускаетъ примѣненіе института досрочнаго условнаго освобожденія. Приговоренные за преступленія и проступки, по отбытіи $^3/_4$ срока назначеннаго наказанія, хорошимъ поведеніемъ доказавшіе свое исправленіе, по распоряженію тюремной администраціи могутъ быть условно освобождены. Приговоренные къ безсрочной каторжной работѣ могутъ воспользоваться этой льготой по истеченіи 15 лѣтъ; получивъ условное освобожденіе, они остаются жить на островѣ. Условно-освобожденному возвращается право самостоятельно управлять своимъ имуществомъ, но до момента окончательнаго освобожденія онъ подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ (полицейскій надзоръ, ограниченія въ свободѣ передвиженія и занятія промыслами, домашніе обыски, запрещеніе участія въ общественныхъ собраніяхъ). Въ случаѣ совершенія условно-освобожденнымъ преступленія или проступка, онъ немедленно подвергается задержанію, и время, проведенное имъ на свободѣ, не зачитывается въ срокъ наказанія.

Проектъ уложенія еще болѣе расширяетъ область примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія (art. 37—39). Оно можетъ быть допущено по отбытіи $^1/_3$ срочнаго наказанія и 15 лѣтъ при наказаніи безсрочномъ. Приговоренный къ наказанію арестомъ можетъ быть освобожденъ условно, независимо отъ времени пребыванія подъ арестомъ. Условное освобожденіе можетъ быть примѣнено и въ тѣхъ случаяхъ, когда арестъ служитъ замѣной денежнаго штрафа, а также при отдачѣ въ заведенія для принудительнаго воспитанія.

Институтъ условнаго досрочнаго освобожденія примѣняется, главнымъ образомъ, при долгосрочномъ лишеніи свободы, слѣдовательно, по отношенію къ лицамъ, нуждающимся въ продолжительномъ исправительномъ режимѣ. Для борьбы съ преступностью случайной наиболѣе цѣлесообразной мѣрой въ настоящее время признается условное осужденіе, способствующее значительному сокращенію случаевъ примѣненія лишенія свободы, которое при дурной, по большей части, организаціи тюремъ ничего кромѣ вреда заключенному принести не можетъ.

Отзывчивые къ новымъ теченіямъ въ области уголовнаго права составители проекта съ большимъ сочувствіемъ относятся къ условному осужденію, допуская его въ весьма широкомъ размѣрѣ. Институтъ этотъ конструируется проектомъ, какъ погасительная отсрочка наказанія. Она, по общему правилу, можетъ быть примѣнена по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ въ 1-й разъ къ заключенію въ исправительный домъ или въ тюрьму на срокъ до 6 мѣсяцевъ, а также къ лицамъ, подвергнутымъ лишенію свободы вмѣсто денежнаго штрафа. Въ случаяхъ приговора къ болѣе строгимъ наказаніямъ отсрочка наказанія можетъ быть допущена только подъ тѣмъ условіемъ, если своимъ дѣяніемъ виновный не причинилъ *непосредственнаго* вреда жизни, тѣлесной неприкосновенности или личной свободѣ, или если онъ возмѣстилъ вполнѣ причиненный имъ имущественный вредъ и въ то же время смягчилъ свое наказаніе признаніемъ. Не можетъ быть допущена

отсрочка наказанія по отношенію къ лицамъ, подвергавшимся ограниченію въ правахъ и находившимся подъ полицейскимъ надзоромъ. Постановленіе объ отсрочкѣ наказанія дѣлается судомъ по предложенію прокуратуры. Условіемъ погашенія наказанія является несовершеніе въ теченіе испытательнаго періода, продолжительность котораго равняется сроку давности, какого-либо дѣянія, караемаго свыше денежнаго штрафа (bakkin'a) [1]).

8. *Денежный штрафъ*—является преобладающимъ наказаніемъ при проступкахъ и нарушеніяхъ. Въ 1-мъ случаѣ онъ называется „bakkin" (l'amende correctionelle), minimum его 2 іены, во 2-мъ „karіo" (l'amende de police), назначаемый въ размѣрѣ 5 сенъ—до 1 іены 95 сенъ. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ денежный штрафъ замѣняется лишеніемъ свободы (art. 26, 27, 29, 30).

Проектъ оставляетъ оба вида денежнаго штрафа и назначаетъ его въ большомъ числѣ случаевъ. Относительно размѣра „bakkin'a" указанъ лишь minimum—1 іена (art. 20). „Karіo" можетъ быть назначенъ въ размѣрѣ отъ 10 сенъ до 30 іенъ. Различіе между обоими видами штрафа по дѣйствующему праву заключается въ срокѣ уплаты: „bakkin" долженъ быть уплаченъ въ теченіе мѣсяца со дня вступленія приговора въ силу и только по истеченіи этого срока замѣняется лишеніемъ свободы, „karіo" уплачивается въ теченіе 10 дней. Проектъ не опредѣляетъ сроковъ для уплаты денежныхъ штрафовъ, но устанавливаетъ между ними то различіе, что „bakkin" при несостоятельности замѣняется заключеніемъ въ исправительный домъ или тюрьму, а „karіo"—арестомъ на срокъ отъ 1 дня до 1 мѣсяца.

Проектъ допускаетъ замѣну лишеніемъ свободы не только всего, но и части денежнаго штрафа; такимъ образомъ, лицо, подвергнутое, вслѣдствіе несостоятельности, вмѣсто денежнаго штрафа, лишенію свободы, получивъ возможность уплатить требуемую сумму, можетъ немедленно получить свободу.

---

[1]) Bakkin—денежный штрафъ, minimum коего по проекту—1 іена.

Такова система главныхъ наказаній. Въ качествѣ дополнительныхъ наказаній японское право знаетъ лишеніе правъ, полицейскій надзоръ и конфискацію.

Каждый обвинительный приговоръ къ уголовному наказанію, т. е. за учиненіе преступленія, eo ipso влечетъ за собой потерю правъ политическихъ, общественныхъ должностей и права получать ихъ вновь, потерю пенсіи, дворянскаго достоинства, титуловъ и знаковъ отличія, права носить въ Японіи иностранные знаки отличія, вступать въ военную службу, быть свидѣтелемъ, принимать на себя обязанности опекуна (исключая опеки надъ своими нисходящими), управлять имуществомъ и быть учителемъ (art. 31).

Приговоръ къ тюремному заключенію за проступокъ влечетъ за собой необходимо потерю занимаемыхъ должностей; пользованіе же прочими правами во время отбытія наказанія только пріостанавливается (art. 33, 34). Кромѣ того, приговоръ къ наказанію за преступленіе пріостанавливаетъ право управленія своимъ имуществомъ на весь срокъ наказанія (art. 35). При ссылкѣ это право по истеченіи 3—5 лѣтъ возстановляется отчасти (art. 36).

Проектъ, не измѣняя объема лишенія правъ, устанавливаетъ срочность его отъ 3—15 лѣтъ, если главное наказаніе назначено на извѣстный срокъ. Лишеніе правъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ является для суда обязательнымъ (art. 15 и 16).

Дополнительной мѣрой, представляющей изъ себя ограниченіе личной свободы, является *полицейскій надзоръ*, примѣняющійся во всѣхъ случаяхъ послѣ отбытія наказанія за преступленіе и въ спеціально указанныхъ, въ силу особаго опредѣленія суда, послѣ отбытія наказанія за проступки. Въ 1-мъ случаѣ срокъ его равняется $^1/_3$ minimum'а наказанія за данное преступленіе, а въ случаѣ наказанія безсрочнаго или приговора къ смертной казни покрытой давностью—5 лѣтъ.

Состоящій подъ надзоромъ полиціи отправляется въ опредѣленное мѣсто жительства и подчиняется здѣсь тѣмъ же ограниченіямъ, что и условно освобожденный. Въ случаѣ,

если у освобожденнаго изъ заключенія нѣтъ опредѣленнаго мѣстожительства, нѣтъ лицъ, къ которымъ бы онъ могъ обратиться за помощью, или нѣтъ средствъ на поѣздку, во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ задерживается въ особыхъ отдѣленіяхъ при мѣстахъ заключенія, гдѣ занимается соотвѣтствующей работой до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ необходимыхъ средствъ (art. 37—41).

По проекту полицейскій надзоръ опредѣляется на срокъ отъ 1 года до 5 лѣтъ; срокъ этотъ самъ собой удлиняется, какъ скоро осужденный получитъ условное досрочное освобожденіе (art. 17—19).

Наконецъ, *конфискаціи* подлежатъ орудія преступленія, предметы, составляющіе, такъ сказать, „corpus delicti", и предметы, добытые преступленіемъ, какъ скоро ихъ собственникъ неизвѣстенъ.

Такова съ внѣшней стороны карательная система Японіи; таковы измѣненія, которыя предполагаетъ внести въ нее проектъ.

Отличительной чертой дѣйствующей системы является обиліе видовъ лишенія свободы. Это можно объяснить не столько стремленіемъ къ индивидуализаціи наказанія, сколько подражаніемъ своему прототипу code pénal, точно также изобилующему различными видами лишенія свободы. Проектъ значительно упрощаетъ эту систему, установляя одинъ основной видъ лишенія свободы—исправительный домъ; другой видъ—заключеніе въ тюрьму—имѣетъ, какъ выше было указано, характеръ спеціальный, онъ назначается для дѣяній, не имѣющихъ позорящаго характера. Несмотря на такое упрощеніе видовъ наказанія, проектъ достигаетъ большей индивидуализаціи наказаній сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ. Прежде всего въ большомъ количествѣ случаевъ назначается параллельно два, даже три вида наказанія (исправительный домъ, тюрьма и штрафъ); затѣмъ рамки наказаній установлены достаточно широко, такъ что судья при опредѣленіи размѣра наказанія имѣетъ возможность принять во вниманіе всѣ особенности каждаго отдѣльнаго случая и сообразно съ ними опредѣлить наказаніе.

Наконецъ, институты условнаго освобожденія и условнаго осужденія, сфера примѣненія которыхъ по проекту весьма обширна, будутъ способствовать еще большей индивидуализаціи мѣръ борьбы съ преступностью. Существенное улучшеніе сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ дѣлаетъ проектъ, разрывая связь между извѣстными видами наказаній и лишеніемъ правъ; проектъ назначаетъ это дополнительное наказаніе только въ особо указанныхъ случаяхъ, когда лицо своимъ дѣяніемъ дѣйствительно доказало свою неспособность пользоваться общественнымъ довѣріемъ; въ проектѣ поэтому встрѣчаются дѣянія, караемыя весьма тяжко, исправительнымъ домомъ на нѣсколько лѣтъ, которыя не сопровождаются лишеніемъ правъ (напр., art. 112—120) [1]), а, съ другой стороны, часто исправительный домъ срокомъ на одинъ годъ можетъ сопровождаться лишеніемъ правъ на нѣсколько лѣтъ (art. 121—123) [2]).

Весьма частымъ наказаніемъ и въ дѣйствующемъ правѣ, и въ проектѣ является денежный штрафъ. Эта карательная мѣра, имѣющая за собой большія преимущества, при неправильномъ ея построеніи можетъ вызвать замѣтное неравенство передъ закономъ.

При установленіи однихъ и тѣхъ же предѣловъ для всѣхъ нарушителей даннаго закона денежный штрафъ представится легкой расплатой для однихъ и непосильнымъ бременемъ для другихъ, неуплата котораго влечетъ за собой лишеніе свободы. Для устраненія этого неудобства предлагаются разнообразные пріемы опредѣленія размѣровъ штрафа сообразно со степенью матеріальнаго обезпеченія осужденнаго, и, кромѣ того, рекомендуется производить уплату по частямъ, а въ случаѣ несостоятельности приговореннаго замѣнять штрафъ, но только не лишеніемъ свободы, а принудительной работой. Японское право—дѣйствующее и проектъ—не знаетъ этой замѣны и, наоборотъ, допускаетъ „отсидку“ даже вмѣсто части

---

[1]) Посягательство на главу иностраннаго государства, посланника дружественной державы, оскорбленіе флага дружественной державы и т. п.

[2]) Злоупотребленія при выборахъ, покупкѣ голосовъ и т. п.

неуплаченнаго штрафа. Такой пріемъ тѣмъ болѣе непонятенъ, что введеніе принудительныхъ работъ въ Японіи, повидимому, не встрѣтило бы особыхъ затрудненій, такъ какъ въ японскихъ тюрьмахъ работы организованы очень хорошо, и даже не пріученнымъ ни къ какому ремеслу лицамъ находятъ занятіе въ видѣ работъ на рисовыхъ мельницахъ или битья камня [1]).

Наказанія въ проектѣ большею частью опредѣлены только въ максимальныхъ предѣлахъ, такъ что судьѣ предоставляется широкій просторъ и полная возможность опускаться до minimum'а—1 дня или при назначеніи денежнаго штрафа—до 1 іены („bakkin") и до 10 сенъ („karіo"). Смертная казнь, какъ единственно безусловно опредѣленное наказаніе, не допускающее замѣны, назначается только въ 4-хъ случаяхъ, въ остальныхъ случаяхъ параллельно съ ней указывается безсрочный исправительный домъ. Но такъ какъ условное освобожденіе можетъ быть примѣнено и къ безсрочному лишенію свободы по истеченіи 15 лѣтъ, то слѣдуетъ признать, что въ общемъ вся карательная система проекта построена на принципѣ цѣлесообразности карательной дѣятельности.

III.

Выше было указано, что въ дѣйствующемъ правѣ, согласно съ французскимъ образцомъ, установлено трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній. Проектъ замѣняетъ это дѣленіе двухчленнымъ и успѣшно избѣгаетъ тѣхъ техническихъ затрудненій, которыя, по мнѣнію защитниковъ трехчленнаго дѣленія, необходимо связаны съ двухчленнымъ дѣленіемъ.

Преступленіемъ по проекту признаются дѣянія, наказуемыя смертной казнью, исправительнымъ домомъ, денежнымъ штрафомъ (bakkin), тюрьмой, и влекущія за собой лишеніе правъ и полицейскій надзоръ; наказанія за проступки—арестъ и денежный штрафъ—„karіo".

---

[1]) Шрейдеръ—„Японія и японцы".

Французскій code pénal, какъ извѣстно, отличается отсутствіемъ теоретическихъ опредѣленій; японское уголовное уложеніе усвоиваетъ это же качество. Ни дѣйствующее право, ни проектъ не опредѣляютъ понятія субъективной виновности. По общему правилу, дѣяніе, учиненное неумышленно, не наказуемо, исключая тѣ весьма немногочисленные случаи, въ которыхъ законъ караетъ неосторожное учиненіе преступнаго дѣянія (art. 51).

Различные оттѣнки умысла предусматриваются въ особенной части въ самой конструкціи преступныхъ дѣяній и назначаемыхъ за нихъ наказаніяхъ (см., напр., ст. о поджогѣ, гдѣ наказаніе возвышается до смертной казни въ случаѣ, если въ поджигаемомъ помѣщеніи находились люди, и т. п.). Кромѣ того, широкія рамки наказанія позволяютъ судьѣ и безъ особыхъ указаній въ законѣ принимать во вниманіе различные оттѣнки субъективной вины. Этимъ обстоятельствомъ можетъ быть объяснено также почти полное отсутствіе спеціальнаго указанія различныхъ квалифицирующихъ преступное дѣяніе обстоятельствъ.

Изъ ступеней предварительной преступной дѣятельности дѣйствующее право и проектъ останавливаются только на покушеніи, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ оно опредѣляется объективно, какъ „начало исполненія". Предшествующія стадіи преступной дѣятельности—обнаруженіе умысла и дѣйствія—приготовительныя—въ общей части кодекса не опредѣляются, а караются въ качествѣ самостоятельныхъ дѣяній въ спеціально указанныхъ случаяхъ.

Ненаказуемо также и покушеніе, добровольно оставленное; уголовная политика рекомендуетъ не разрушать этого „goldene Brücke", по которому рѣшившійся на преступленіе субъектъ могъ бы вернуться на путь правомѣрности. Дѣйствующее право различаетъ далѣе покушеніе и неудавшееся преступленіе, но практическаго значенія это дѣленіе не имѣетъ, и въ проектѣ его уже нѣтъ. Сообразно съ принятымъ трехчленнымъ дѣленіемъ, по дѣйствующему праву, безусловно наказуемымъ является покушеніе на преступленіе, ненаказуемымъ—покушеніе на нарушеніе; покушеніе на проступокъ

наказуемо лишь въ спеціально указанныхъ случаяхъ. Наказаніе за покушеніе должно быть назначено 1 или 2 степенями ниже, чѣмъ за совершеніе. По проекту покушеніе наказуемо только въ спеціально указанныхъ случаяхъ [1]), при чемъ смягченіе наказанія необязательно, что̀ представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія индивидуализаціи наказанія.

Въ вопросѣ о соучастіи дѣйствующее право и проектъ стоятъ на почвѣ господствующей теоріи, т. е. признаютъ соучастіе особой формой преступной дѣятельности, основанной на взаимномъ соглашеніи участниковъ. Современная доктрина о соучастіи различаетъ три категоріи участниковъ: виновниковъ, подстрекателей и пособниковъ. Совиновникомъ, по опредѣленію японскаго уложенія, является лицо, которое завѣдомо, сообща съ другими принимало непосредственное участіе въ выполненіи преступнаго дѣянія. Каждый совиновникъ карается такъ, какъ если бы онъ одинъ совершилъ посягательство (art. 104). Подстрекателемъ признается лицо, которое при помощи какого-либо средства умышленно направило другаго на учиненіе преступнаго дѣянія (art. 105). Подстрекательство, оставшееся безъ результата, не наказуемо. Если физическій виновникъ учинитъ какое-либо иное дѣяніе, а не то, на которое его направлялъ подстрекатель, то послѣдній отвѣчаетъ только тогда и лишь настолько, насколько выполненное дѣяніе можетъ быть разсматриваемо, „какъ учиненное подъ вліяніемъ подстрекательства“. Наказаніе подстрекателя приравнивается наказанію физическаго виновника; однако, если послѣдній, такъ сказать, превысилъ полномочія, т. е. учинилъ дѣяніе, хотя и однородное съ тѣмъ, на которое онъ былъ направленъ, но болѣе тяжкое, то подстрекатель отвѣчаетъ только за то дѣяніе, на которое онъ подстрекалъ. Въ случаѣ совершенія физическимъ виновникомъ дѣянія болѣе легкаго, подстрекатель отвѣчаетъ только за совершенное (art. 108). Опре-

---

[1]) Art. 91, 93, 96, 107, 128, 135 и др.

дѣленіе понятія пособничества и разграниченіе пособника отъ виновника, какъ извѣстно, представляется въ литературѣ уголовнаго права очень спорнымъ. Сторонники субъективныхъ воззрѣній различаютъ виновниковъ и пособниковъ по психологическому отношенію ихъ къ преступному результату (т. интереса, формальнаго намѣренія), сторонники объективныхъ взглядовъ, напротивъ, видятъ основаніе для различія дѣятельности пособниковъ и виновниковъ или въ различіи причинныхъ отношеній ихъ дѣятельности къ преступному результату, или въ юридическомъ свойствѣ ихъ дѣйствій.

Всѣ эти попытки точно разграничить и опредѣлить понятія виновника и пособника, несмотря на ихъ остроуміе, не могутъ быть признаны удачными, такъ какъ вообще едва ли возможно съ помощью одной общей формулы опредѣлить самые разнообразные виды содѣйствія учиненію преступнаго дѣянія. Японское право стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія и не даетъ никакого опредѣленія понятію пособничества, перечисляя лишь въ art. 109 способы оказанія содѣйствія. Пособникомъ является тотъ, кто, зная объ намѣреніи учинить преступленіе или проступокъ, облегчаетъ выполненіе его подачей совѣта или указанія, доставленіемъ орудій или какихъ-либо другихъ средствъ, способствующихъ выполненію, или совершеніемъ приготовительныхъ дѣйствій. По этой обрисовкѣ пособничество возможно только до учиненія преступнаго дѣянія, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, оно возможно и во время учиненія. Пособники наказываются одной степенью мягче физическихъ виновниковъ (art. 109). Личныя свойства физическаго виновника, вліяющія на его наказуемость, на соучастниковъ не распространяются, и наоборотъ.

Проектъ устанавливаетъ новыя правила о наказуемости подстрекательства подстрекателя и пособничества ему и, такимъ образомъ, еще болѣе расширяетъ понятіе соучастія, что съ нашей точки зрѣнія не можетъ быть одобрено, такъ какъ самое соучастіе представляется намъ, какъ стеченіе въ одномъ дѣяніи нѣсколькихъ виновниковъ, изъ которыхъ каждый долженъ отвѣчать самостоятельно; такой взглядъ, обо-

снованный и развитый у насъ впервые проф. Фойницкимъ [1]), представляется естественнымъ логическимъ выводомъ изъ признанія, что предметомъ карательной дѣятельности является не преступное дѣяніе, а личность преступника. Впрочемъ, проектъ довольно часто отступаетъ отъ своего основнаго взгляда на соучастіе, предусматривая въ качествѣ delictum sui generis дѣятельность пособниковъ или подстрекателей (см., напр., ст. 266).

IV.

Субъектомъ преступнаго дѣянія можетъ быть только вмѣняемое лицо; такимъ образомъ, понятіе вмѣняемости является кардинальнымъ для уголовнаго права. Въ настоящее время наука уголовнаго права въ опредѣленіи этого понятія переживаетъ кризисъ. Прежняя вѣра въ присущую человѣку свободу воли, обладая которой человѣкъ признавался вмѣняемымъ и отвѣтственнымъ за свои проступки, безвозвратно рушилась. Новые критеріи для опредѣленія вмѣняемости подвергаются серьезному оспариванію, и человѣческая мысль стоитъ на распутьѣ, въ тщетномъ исканіи истины. Дѣйствующее уложеніе Японіи не вмѣняетъ въ вину дѣянія, какъ скоро оно было учинено въ состояніи безсознательности или болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, лишающихъ человѣка сознанія (art. 78). Такимъ образомъ, критеріемъ вмѣняемости является здѣсь нормальное состояніе интеллекта. Но такой критерій не полонъ, такъ какъ при здоровомъ состояніи интеллекта могутъ быть ненормальности въ области чувства или воли, лишающія человѣка способности отвѣчать за свои дѣйствія.

Проектъ не даетъ никакого критерія для опредѣленія вмѣняемости, признавая невмѣняемымъ каждаго душевно-

---

[1]) Хотя и раньше въ литературѣ высказывались взгляды относительно возможности различныхъ видовъ виновности, а, слѣдовательно, и самостоятельной отвѣтственности участниковъ въ одномъ преступномъ дѣяніи, напр., см. Колоколова—„О соучастіи“.

больнаго или находящагося въ безсознательномъ состояніи (art. 52). Такимъ образомъ, всѣ возможные случаи невмѣняемости проектъ сводитъ всего къ двумъ группамъ:

1) душевныя болѣзни, подъ понятіе которыхъ подойдутъ какъ благопріобрѣтенныя разстройства душевной дѣятельности, такъ и всѣ прирожденные недостатки психической жизни; 2) безсознательное состояніе, возникающее подъ вліяніемъ временныхъ, преходящихъ причинъ.

Въ постановленіяхъ о вліяніи дѣтскаго возраста на отвѣтственность уложеніе и проектъ стоятъ на общепринятой точкѣ зрѣнія, признавая необходимымъ условіемъ отвѣтственности наличность „разумѣнія". Подъ „разумѣніемъ" понимается такая степень интеллектуальнаго развитія, при которой субъектъ сознаетъ, что данное дѣяніе принадлежитъ къ числу уголовно-наказуемыхъ. Но этого, какъ было выше замѣчено, недостаточно для признанія человѣка вмѣняемымъ, ибо, кромѣ духовнаго развитія, необходима еще извѣстная степень нравственной стойкости и способности противостоять соблазнамъ. Дѣйствующее право въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе проекта, такъ какъ оно выставляетъ одинъ критерій вмѣняемости—развитое сознаніе, проектъ же отбрасываетъ этотъ критерій въ ст. 52, сохраняя его въ ст. 54.

Періодъ безусловной невмѣняемости по дѣйствующему уложенію продолжается до 12 лѣтъ (проектъ сокращаетъ его почему то до 10 лѣтъ), но уже съ 8 лѣтъ ребенокъ, по опредѣленію суда, можетъ быть помѣщенъ въ исправительныя заведенія; съ 12—16 лѣтъ (по проекту съ 10—15 л.)—періодъ условной вмѣняемости—признанный дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія отдается въ исправительныя заведенія на срокъ до 20 лѣтъ; при наличности разумѣнія виновный подвергается смягченной отвѣтственности. Возрастъ отъ 16—20 л. (по проекту отъ 15—20 лѣтъ) служитъ основаніемъ для смягченія наказанія. Изъ другихъ обстоятельствъ, устраняющихъ отвѣтственность, въ законѣ указаны глухонѣмота, непреодолимая сила (vis absoluta) и наконецъ ошибка относительно обстоятельствъ, необходимо входящихъ въ составъ дѣянія (art. 82, 75 и 77).

Проектъ упоминаетъ только о глухонѣмотѣ (art. 56), которая признается основаніемъ для освобожденія отъ отвѣтственности или для смягченія послѣдней; въ первомъ случаѣ къ глухонѣмымъ могутъ быть примѣнены мѣры принудительнаго воспитанія безъ указанія срока (дѣйствующее уложеніе допускаетъ ихъ на срокъ до 5 лѣтъ). Постановленіе о вліяніи на отвѣтственность фактической ошибки въ проектѣ отсутствуетъ, но error iuris nocet какъ по дѣйствующему праву, такъ и по проекту; постановленіе о vis absoluta включено въ общую формулу о крайней необходимости.

По дѣйствующему праву крайняя необходимость предусматривалась особо (art. 75,2). Она опредѣлялась какъ состояніе неизбѣжной опасности, грозящей самому лицу или его близкимъ, происходящей отъ высшей силы или случая. По проекту для состоянія крайней необходимости требуется вызванная обстоятельствами опасность, грозящая жизни, тѣлесной неприкосновенности, свободѣ или имуществу самого подвергшагося опасности или кого-либо третьяго. Дѣяніе, учиненное въ такомъ состояніи, не признается правомѣрнымъ; иногда оно можетъ быть даже наказуемо, хотя и мягче; не могутъ ссылаться на состояніе крайней необходимости тѣ лица, которыя, по обязанности, должны были противостоять опасности. Такимъ образомъ, опасность, создающая состояніе крайней необходимости, можетъ быть вызвана различными обстоятельствами (силы природы, воздѣйствіе другаго человѣка и т. п.); кругъ благъ, при защитѣ которыхъ допускается ссылка на крайнюю необходимость, весьма широкъ, если принять во вниманіе, что допускается при этомъ охрана не только своихъ, но и чужихъ благъ. За то и суду предоставлены весьма широкія полномочія: онъ можетъ наказать субъекта, неумѣреннаго въ защитѣ, хотя бы и чужихъ благъ, но на чужой счетъ, или, принявъ во вниманіе всю исключительность обстановки его дѣятельности, освободить отъ всякой отвѣтственности. Случаи, подводимые подъ понятіе крайней необходимости, такъ разнородны, состояніе дѣятеля и внѣшняя обстановка могутъ быть столь различны, что едва ли можно оправдать разнообразныя огра-

ниченія въ видѣ охраны только своихъ правъ и правъ близкихъ дѣятелю людей или ограниченія этой охраны лишь извѣстной категоріей благъ. Такія ограниченія тѣмъ болѣе неумѣстны, что нѣкоторыя дѣянія, учиненныя въ состояніи крайней необходимости, представляются не только не наказуемыми, а даже правомѣрными (такъ называемое Notrecht, ср., напр., 1230 ст. нашего уложенія и 157 ст. устава о нак.).

Въ конструкціи другихъ условій, устраняющихъ противоправный характеръ дѣяній, какъ-то исполненія приказа и необходимой обороны, отмѣтимъ слѣдующее: необходимая оборона, подобно франц. code pén., предусмотрѣна въ особенной части дѣйствующаго уложенія. Законъ признаетъ ее обстоятельствомъ, устраняющимъ преступный характеръ только при совершеніи убійства и тѣлеснаго поврежденія, если эти дѣянія были учинены для необходимой защиты жизни и тѣлесной неприкосновенности, или служили необходимымъ средствомъ для охраны имущества отъ поджога или насильственныхъ дѣйствій, средствомъ воспрепятствовать похищенію вещи или вернуть похищенное или, наконецъ, средствомъ удержать того, кто ночью проникъ въ жилое помѣщеніе или произвелъ взломъ дверей, воротъ, ограды и т. п. (art. 314, 315); оборона недопустима по отношенію къ восходящимъ родственникамъ. Проектъ переноситъ постановленіе о необходимой оборонѣ въ общую часть и расширяетъ понятіе обороны, допуская ссылку на нее при охранѣ всѣхъ благъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ (art. 49). Равнымъ образомъ, дѣяніе не считается преступнымъ, какъ скоро оно учинено въ исполненіе закона или приказа или является осуществленіемъ профессіональнаго долга (art. 48). По дѣйствующему праву, вмѣсто этой общей формулы, указывалась ненаказуемость одного случая—совершенія преступнаго дѣянія подчиненнымъ по приказу начальства, не выходящему изъ предѣловъ вѣдомства (art. 76). Согласіе пострадавшаго, по общему правилу, признается обстоятельствомъ, устраняющимъ преступный характеръ дѣянія. Исключеніемъ изъ этого правила является убійство съ согласія убитаго, которое во всѣхъ современныхъ кодексахъ признается преступнымъ.

Дѣйствующее уложеніе стоитъ въ этомъ вопросѣ на общей точкѣ зрѣнія и признаетъ непреступнымъ самоубійство и покушеніе на него, но подстрекательство къ самоубійству, содѣйствіе самоубійству и убійство по настоятельной просьбѣ убитаго признаются преступными и наказуемыми. Проектъ оставляетъ въ силѣ эти постановленія, назначая за нихъ наказаніе исправительнымъ домомъ или тюрьмой на срокъ до 7 лѣтъ. Такое сравнительно строгое наказаніе можетъ быть объяснено распространенностью среди японцевъ, такъ назыв., „хара-кари“ (самоубійство посредствомъ распоротія живота). Самолюбивые и крайне чуткіе къ вопросамъ личной чести японцы въ тѣхъ случаяхъ, когда оскорбленіе черезчуръ сильно или когда нѣтъ возможности смыть его кровью обидчика (несправедливая опала, обвиненіе) предпочитаютъ скорѣе покончить съ собой, чѣмъ влачить позорное существованіе, предоставляя своимъ друзьямъ и родственникамъ смыть позорное пятно со своей памяти [1]).

Опредѣленіе размѣровъ наказанія составляетъ существенный пунктъ различія между старымъ и новымъ теченіями въ наукѣ уголовнаго права. Въ то время, какъ старая наука, сливая всѣхъ преступниковъ въ одну общую массу, руководствовалась при опредѣленіи наказанія, главнымъ образомъ, внѣшними послѣдствіями дѣянія, новая школа выдвигаетъ на первый планъ личность преступника. Чѣмъ прогрессивнѣе построенъ уголовный кодексъ, тѣмъ болѣе онъ стремится къ индивидуализаціи наказаній, предоставляя судьѣ широкій просторъ при выборѣ наказанія, вводя такія мѣры, какъ условное осужденіе, различая преступниковъ случая и преступниковъ привычки, съ примѣненіемъ къ послѣднимъ болѣе суровыхъ мѣръ репрессіи.

Съ этой точки зрѣнія, японское уголовное законодательство не можетъ быть названо передовымъ, оно стоитъ на общемъ уровнѣ западно-европейскихъ кодексовъ. Проектъ новаго уложенія дѣлаетъ уже значительный шагъ впередъ, усвоивая взгляды и стремленія современной науки.

---

[1]) См. Шрейдеръ—„Японія и японцы“.

При разсмотрѣніи вопроса объ опредѣленіи размѣровъ наказанія слѣдуетъ отмѣтить прежде всего обстоятельства, вліяющія на отвѣтственность въ смыслѣ смягченія или усиленія ея. Обстоятельствомъ, смягчающимъ отвѣтственность, является *признаніе*. Признаніе виновника, послѣдовавшее до открытія его вины, необходимо вызываетъ пониженіе наказанія на 1 степень (art. 85). При имущественныхъ посягательствахъ признаніе можетъ быть сдѣлано не только должностному лицу, но и потерпѣвшему (art. 87). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавшійся преступникъ совершенно освобождается отъ наказанія и только отдается подъ надзоръ полиціи на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ (art. 193). Пониженіе наказанія на одну или двѣ степени влечетъ *возвращеніе* похищеннаго или *возмѣщеніе* причиненнаго преступнымъ дѣяніемъ имущественнаго вреда (art. 86). Кромѣ этихъ, спеціально въ законѣ указанныхъ случаевъ, судъ можетъ признать въ дѣлѣ наличность смягчающихъ обстоятельствъ и назначить наказаніе.

Проектъ признаетъ также смягчающее вліяніе за признаніемъ (art. 97) и возмѣщеніемъ вреда. Послѣднее, какъ выше было указано, является условіемъ для примѣненія погасительной отсрочки наказанія даже въ случаѣ учиненія весьма тяжкихъ посягательствъ. Наоборотъ, обстоятельствами, вліяющими на усиленіе отвѣтственности, являются совокупность преступныхъ дѣяній и рецидивъ.

Рецидивистомъ по дѣйствующему праву признается тотъ, кто учинитъ послѣ вступившаго въ силу приговора новое преступное дѣяніе, равное по тяжести или болѣе легкое; это формальное опредѣленіе, очевидно, всецѣло заимствовано изъ французскаго права, по которому нельзя признать рецидивистомъ человѣка, постепенно переходящаго отъ совершенія нарушенія къ учиненію проступка и, наконецъ, преступленія. Подобно французскому праву здѣсь для признанія рецидива не требуется отбытія наказанія, а только вступленіе приговора въ силу; нѣтъ и давности для рецидива (исключая нарушенія art. 91—93). Проектъ, оставаясь на почвѣ пониманія рецидива, вноситъ тѣмъ не менѣе въ конструк-

цію этого понятія существенныя измѣненія. Прежде всего повтореніе преступныхъ дѣяній усиливаетъ наказаніе только въ спеціально указанныхъ закономъ случаяхъ, таковы: нарушеніе правилъ о куреніи опіума (art. 178); азартныя игры и открытіе игорнаго дома (art. 238); устройство лотерей (art. 239), имущественныя посягательства (art. 315, 316). Рецидивъ имѣетъ мѣсто, если лицо, приговоренное за какое-либо изъ этихъ дѣяній къ исправительному дому, въ теченіе 10 лѣтъ со дня отбытія наказанія или освобожденія отъ него, учинитъ однородное дѣяніе. Если среди дѣяній, наказанныхъ по совокупности, было такое, которое при рецидивѣ усиливаетъ отвѣтственность, то, въ случаѣ учиненія его вновь, наказаніе усиливается, хотя бы это дѣяніе и не было тягчайшимъ среди наказанныхъ по совокупности. Наказаніе рецидивистамъ назначается въ двойномъ размѣрѣ противъ нормальнаго, такъ что они будутъ подвергаться заключенію на долгіе сроки. Сроки лишенія правъ и полицейскаго надзора при рецидивѣ не увеличиваются. Если рецидивъ преступника обнаружится уже послѣ вступленія приговора въ силу, то по судебному опредѣленію назначенное ему наказаніе можетъ быть усилено.

Это стремленіе примѣнить къ преступнику-рецидивисту болѣе продолжительное наказаніе, несмотря на состоявшійся приговоръ, и такимъ образомъ выдѣлить его изъ общей массы правонарушителей, вполнѣ цѣлесообразно, особенно тамъ, гдѣ своевременное установленіе прежней судимости сопряжено съ затрудненіями.

Въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній, т. е. учиненія однимъ лицомъ нѣсколькихъ посягательствъ до постановленія приговора хотя бы по одному изъ нихъ, примѣняется наказаніе лишь за тягчайшее преступное дѣяніе, т. е. дѣйствуетъ система поглощенія высшимъ наказаніемъ низшихъ (Absorptions Princip). Проектъ оставляетъ систему поглощенія только въ томъ случаѣ, когда однимъ изъ наказаній является смертная казнь и пожизненное лишеніе свободы, т. е. когда никакой другой системы и не можетъ быть примѣнено. Въ остальныхъ случаяхъ должно быть усилено

тягчайшее наказаніе до $1^1/_2$ maximum'а указаннаго въ законѣ за тягчайшее преступное дѣяніе, но съ соблюденіемъ того условія, чтобы размѣръ назначеннаго по совокупности наказанія не превышалъ суммы наказаній за всѣ преступныя дѣянія. Minimum наказанія, назначеннаго по совокупности преступленій, не можетъ быть менѣе minimum'а за тягчайшее преступленіе; если же за тягчайшее преступленіе minimum'а въ законѣ не указано, то не можетъ быть ниже указаннаго въ законѣ за совершенныя дѣянія; если же указано нѣсколько, то не можетъ быть ниже высшаго изъ указанныхъ minimum'овъ. При сравненіи тяжести наказаній исправительный домъ считается вдвое тяжелѣе тюремнаго заключенія.

Денежные штрафы и наказаніе арестомъ при совокупности складываются, лишеніе правъ и полицейскій надзоръ присоединяются къ назначенному наказанію въ высшемъ размѣрѣ. Конфискація соединяется со всѣми другими наказаніями (art. 60—70). Мы не будемъ останавливаться на условіяхъ, погашающихъ наказаніе,—давность, помилованіе и реабилитація, такъ какъ конструкція ихъ не представляетъ ни въ дѣйствующемъ правѣ, ни въ проектѣ никакихъ особенностей. Дѣйствующее уложеніе и проектъ знаютъ только давность наказанія; давность преслѣдованія опредѣляется процессуальными законами; сроки давности колеблются отъ 1 года до 30 лѣтъ, сообразно съ тяжестью назначеннаго наказанія, и начинаютъ течь съ момента уклоненія приговореннаго отъ наказанія.

Въ заключеніе разсмотрѣнія общей части, скажемъ нѣсколько словъ о зачетѣ въ срокъ наказанія подслѣдственнаго ареста. Подслѣдственный арестъ примѣняется къ обвиняемому въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ правосудія; никакого иного основанія, кромѣ фактической необходимости и невозможности инымъ путемъ собрать доказательства обвиненія, эта принудительная мѣра не имѣетъ. Въ томъ случаѣ, когда привлеченный къ суду, испытавъ на себѣ всѣ тяжести подслѣдственнаго ареста, выходитъ изъ суда оправданнымъ, говорятъ о необходимости вознаградить его за вынесенныя

нравственныя испытанія и за тяжелый матеріальный ущербъ, вызываемый привлеченіемъ къ суду; въ случаѣ приговора обвинительнаго—говорятъ о необходимости зачета предварительнаго ареста въ срокъ наказанія. Но такое безусловное рѣшеніе вопроса представляется неправильнымъ. Какъ не всякій оправданный можетъ претендовать на вознагражденіе, такъ и не всякій предварительный арестъ слѣдуетъ зачитывать въ срокъ наказанія. Такая обязательность зачета могла бы имѣть мѣсто, если бы самое наказаніе представляло изъ себя нѣчто равновеликое преступленію; но когда въ основѣ наказанія лежитъ не идея возмездія, а идея цѣлесообразности примѣняемой мѣры, объ обязательности зачета подслѣдственнаго ареста въ срокъ наказанія не можетъ быть и рѣчи. Этотъ зачетъ долженъ быть только факультативенъ, и примѣненіе его слѣдуетъ рекомендовать въ случаяхъ, аналогичныхъ съ примѣненіемъ условнаго осужденія, т. е. по отношенію къ преступникамъ случайнымъ, когда почему-либо не можетъ быть примѣнено условное осужденіе, но виновникъ по своимъ личнымъ качествамъ заслуживаетъ возможно снисходительнаго къ себѣ отношенія, и дальнѣйшее держаніе его въ тюрьмѣ представляется, по меньшей мѣрѣ, безполезнымъ. Въ дѣйствующемъ уложеніи нѣтъ никакого указанія на зачетъ подслѣдственнаго ареста; проектъ въ ст. 29 говоритъ о зачетѣ, какъ объ обязательной мѣрѣ, приводя даже таксу, сколько дней подслѣдственнаго задержанія равняются одному дню заключенія въ исправительномъ домѣ, тюрьмѣ и т. п. [1]).

V.

Особенная часть дѣйствующаго уложенія заключается во 2—4-й книгахъ, при чемъ 2-я книга содержитъ въ себѣ посягательства на блага общія, 3-я книга—посягательства на

---

[1]) 6 дней подслѣдственнаго задержанія равняются 1 дню заключенія въ рабочемъ домѣ; 3 дня подслѣдственнаго задержанія равняются 1 дню заключенія въ тюрьмѣ; 2 дня подслѣдственнаго задержанія=1 іенѣ штрафа.

блага частныхъ лицъ, и кн. 4-я—нарушенія. Каждая книга дѣлится на главы, посвященныя отдѣльнымъ категоріямъ посягательствъ, главы—на отдѣлы, и послѣдніе—на статьи. Таковъ внѣшній обликъ дѣйствующаго уложенія. Проектъ измѣняетъ систему его, распредѣляя весь матеріалъ на отдѣлы по образцу германскаго уложенія. Затѣмъ измѣнены, конечно, наказанія, такъ какъ система наказанія проекта, какъ выше было указано, существенно отличается отъ системы дѣйствующаго уложенія; вмѣсто нѣсколькихъ разнообразныхъ видовъ лишенія свободы проектъ назначаетъ только исправительный домъ или тюрьму, или то и другое параллельно.

Смертная казнь сохранена проектомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ назначаетъ ее и дѣйствующее уложеніе, такъ что въ этомъ отношеніи проектъ не дѣлаетъ никакихъ шаговъ впередъ.

Что же касается опредѣленія составовъ отдѣльныхъ преступленій, то проектъ въ большинствѣ случаевъ оставляетъ ихъ безъ измѣненія, ограничиваясь лишь редакціонными исправленіями.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ останавливаться лишь на болѣе характерныхъ опредѣленіяхъ дѣйствующаго права и отмѣчать наиболѣе существенныя отклоненія, внесенныя проектомъ въ опредѣленія составовъ преступныхъ дѣяній.

Въ первой книгѣ уложенія, содержащей посягательства на блага общія, на первомъ планѣ помѣщены посягательства на личность Императора и членовъ императорской фамиліи. Посягательства на личность Императора, Императрицы, принца, предполагаемаго наслѣдника престола, хотя бы оно не перешло границъ покушенія, карается смертной казнью. Различіе въ наказаніи оконченнаго преступнаго дѣянія и покушенія сдѣлано только при посягательствахъ на личность прочихъ членовъ императорской фамиліи, гдѣ оконченное дѣяніе карается смертной казнью, а покушеніе—каторгой безъ срока. Оскорбленіе, нанесенное членамъ императорской фамиліи, наказывается тяжкимъ (т. е. съ при-

нудительными работами) тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ 2 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 10—200 іенъ. Такое же наказаніе назначается и за оскорбленіе императорскихъ могилъ, признаваемыхъ у японцевъ священными.

Въ главѣ 2-й содержатся постановленія о преступленіяхъ и проступкахъ противъ внѣшней и внутренней безопасности государства; виновные въ этихъ дѣяніяхъ, смотря по степени своей вины, подвергаются наказаніямъ отъ тюремнаго заключенія до смертной казни включительно; на ряду со ссылкой здѣсь назначается заключеніе въ государственную тюрьму (крѣпость). Составленіе заговора съ цѣлью государственнаго переворота наказывается двумя степенями слабѣе.

Проектъ предусматриваетъ, въ качествѣ delictum sui generis, не только приготовленія и образованіе тайныхъ союзовъ, съ цѣлью вооруженнаго возстанія, но и оказаніе содѣйствія этимъ приготовленіямъ и союзамъ (art. 98); такимъ образомъ, тутъ выдѣляется, какъ самостоятельный деликтъ, дѣятельность пособниковъ. Въ этомъ же отдѣлѣ проекта содержится постановленіе, которое не можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія политики права. На основаніи ст. 100 лицо, донесшее о приготовленіи или тайномъ сообществѣ, о существованіи котораго еще не было извѣстно начальству, освобождается отъ отвѣтственности.

Внесеніе подобныхъ правилъ въ кодексъ, по справедливому замѣчанію г. Чубинскаго, „способствуя развитію ябеды и доноса, весьма вредно отражается на народной этикѣ, а въ будущемъ и на дѣятельности самого правосудія“. [1])

Глава III трактуетъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго спокойствія. При возстаніи вожаки и подстрекатели скопища наказываются тюрьмой тяжкой (отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ), лица принимавшія участіе въ скопищѣ—денежнымъ штрафомъ. Тяжкой тюрьмой (4 м.—4 лѣтъ) и штрафомъ (5—50 іенъ) наказывается виновный въ сопротивленіи должностнымъ лицамъ, исполнявшимъ свои обязанности. Оскорбленіе должностныхъ лицъ, при исполненіи или

---

[1]) См. Чубинскій—„Мотивъ и его значеніе въ уголовномъ правѣ“, стр. 87.

по поводу исполненія служебной обязанности, нанесенное лично, въ печати или въ публичной рѣчи, наказывается тюрьмой отъ 1 мѣсяца до 1 года или штрафомъ отъ 5—50 іенъ.

Побѣгъ изъ тюрьмы или изъ подъ стражи влечетъ за собой заключеніе въ тяжкую тюрьму (1 мѣс.—6 мѣс.), если же побѣгъ арестанта соединялся съ поврежденіемъ имущества или насильственными дѣйствіями и угрозами, то наказаніе тюрьмой возвышается до 3 м.—3 лѣтъ. Дѣятельность „прикосновенныхъ" къ преступному дѣянію лицъ законъ квалифицируетъ, какъ delictum sui generis, исключая ее изъ понятія соучастія.

Остальные отдѣлы этой главы содержатъ постановленія о самовольномъ пользованіи правами, которыхъ субъектъ былъ лишенъ, о несоблюденіи состоящимъ подъ полицейскимъ надзоромъ возложенныхъ на него обязанностей, о недозволенномъ изготовленіи и храненіи у себя оружія и взрывчатыхъ веществъ, о разрушеніи и поврежденіи печатей, о неисполненіи возложенныхъ закономъ обязанностей; виновными въ послѣднемъ дѣяніи признаются: 1) начальникъ отряда, не оказавшій по требованію подлежащаго начальства поддержки, 2) свидѣтель и эксперты, отказавшіеся безъ достаточнаго основанія давать свои показанія и заключенія, 3) врачъ или аптекари, отказавшіеся, въ виду угрожающей эпидеміи или въ случаѣ прибытія въ гавань подозрительнаго судна, принять мѣры къ опредѣленію болѣзни или отпустить средства, необходимыя для борьбы съ ней.

Въ этой же главѣ предусматривается причиненіе себѣ тѣлеснаго поврежденія, препятствующаго пріему на военную службу, а также употребленіе обмана съ цѣлью освобожденія отъ воинской повинности.

Глава IV предусматриваетъ посягательства противъ общественнаго довѣрія и прежде всего поддѣлку денежныхъ знаковъ; тутъ нѣкоторыя дѣйствія, имѣющія характеръ пособничества, какъ напр., сознательное оказаніе содѣйствія, предоставленіе помѣщенія, выдѣлены въ самостоятельные деликты.

Отличительной чертой дѣйствующаго японскаго уложенія и проекта представляется слѣдующее: преслѣдуя поддѣлку и передѣлку всѣхъ японскихъ металлическихъ и бумажныхъ денегъ безъ различія, по отношенію къ иностраннымъ денежнымъ знакамъ оно дѣлаетъ исключеніе и объявляетъ наказуемымъ лишь поддѣлку и передѣлку золотой и серебряной иностранной монеты. Такимъ образомъ, ввозъ, пріобрѣтеніе съ цѣлью выпуска въ обращеніе, а также выпускъ въ обращеніе поддѣльныхъ иностранныхъ никелевыхъ, мѣдныхъ и бумажныхъ денегъ считается ненаказуемымъ.

Убытки, приносимые этими дѣйствіями, хотя и могутъ быть меньше, тѣмъ не менѣе нельзя признать правильнымъ объявленіе подобныхъ вредоносныхъ дѣяній непреступными (ср. нашъ проектъ ст. 366, 367 и улож. наказ. ст. 558, 564, 568 и др.; Strafgesetzbuch, § 146).

Въ отличіе отъ дѣйствующаго уложенія проектъ умалчиваетъ здѣсь объ освобожденіи отъ наказанія доносчиковъ.

За поддѣлкой монетъ слѣдуетъ рядъ постановленій о различныхъ видахъ подлоговъ—печатей, знаковъ, документовъ, паспортовъ. Въ этой же главѣ предусматривается лжесвидѣтельство, постановленія о которомъ отличаются большой подробностью. Облагается наказаніемъ не нарушеніе данной присяги, но данное завѣдомо ложное показаніе. Законъ прежде всего различаетъ ложное показаніе въ уголовномъ дѣлѣ и въ гражданскомъ; въ послѣднемъ случаѣ оно наказывается довольно легко (тюрьма тяжкая 1 м.—до 1 г. и штрафъ 5—50 іенъ). Наказаніе лжесвидѣтельства въ уголовномъ дѣлѣ различается, смотря по тому, въ пользу или во вредъ подсудимому было дано показаніе. Въ случаѣ, если лжесвидѣтель показывалъ въ пользу подсудимаго, то, смотря по тому, въ чемъ послѣдній обвинялся: преступленіи, проступкѣ или нарушеніи, наказаніе за ложное показаніе видоизмѣняется отъ 1 мѣс. до 2 лѣтъ тяжкой тюрьмы, при чемъ наказаніе возвышается, если обвиняемому, благодаря ложному показанію, удалось избѣжать наказанія. Наоборотъ, если показаніе лжесвидѣтеля было направлено противъ подсудимаго,

то наказаніе значительно строже и можетъ достигнуть, въ зависимости отъ предмета обвиненія,—5 лѣтъ тюрьмы. Если же ложное показаніе было основаніемъ обвинительнаго приговора, который былъ приведенъ въ исполненіе, то лжесвидѣтель подвергается наказанію, равному съ осужденнымъ, если это наказаніе строже наказанія за лжесвидѣтельство вообще. Только по отношенію къ смертной казни уложеніе отступаетъ отъ начала таліона, назначая лжесвидѣтелю наказаніе одной степенью ниже. Но это отступленіе имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если смертный приговоръ не былъ исполненъ. Если же смертный приговоръ былъ исполненъ, и произнесеніе его было цѣлью лжесвидѣтеля, то послѣдній самъ подвергается казни.

Проектъ отступаетъ отъ этого начала таліона при наказаніи лжесвидѣтельства, назначая за него исправительный домъ до 10 лѣтъ; если же вслѣдствіе лжесвидѣтельства кто-либо былъ приговоренъ къ смерти, то наказаніе возвышается до безсрочнаго исправительнаго дома, съ обязательнымъ лишеніемъ правъ впослѣдствіи.

Въ V главѣ, предусматривающей посягательства на народное здравіе (art. 237—247), первое мѣсто занимаютъ постановленія о продажѣ и куреніи опіума. Законодатель, боясь занесенія въ страну этого гибельнаго для народнаго здравія обычая, облагаетъ суровыми наказаніями всѣ дѣйствія, связанныя съ потребленіемъ опіума. Производство, ввозъ и продажа опіума, предназначеннаго для куренія, наказывается каторгой, выставка приспособленій и аппаратовъ для куренія влечетъ за собой наказаніе исправительнымъ домомъ. Пожизненная каторга назначается таможеннымъ чиновникамъ, содѣйствующимъ провозу опіума и предметовъ, служащихъ для куренія. Равнымъ образомъ, крайне строго карается самое куреніе и подстрекательство къ куренію, держаніе у себя опіума и отдача для куренія помѣщенія.

Проектъ нѣсколько смягчаетъ наказанія за эти дѣянія, тѣмъ не менѣе и назначаемые имъ размѣры наказанія отличаются суровостью; обладаніе и пріобрѣтеніе принадлежностей для куренія опіума карается, напр., наравнѣ съ про-

изводствомъ, ввозомъ и продажей огнестрѣльнаго оружія и взрывчатаго вещества (art. 171—178).

Изъ другихъ посягательствъ на народное здравіе отмѣтимъ порчу и загрязненіе воды, продажу вредныхъ для здоровья веществъ, занятіе врачебной практикой, безъ имѣнія на то права, нарушеніе установленныхъ правилъ относительно устройства и порядка производства въ промышленныхъ заведеніяхъ. Если неисполненіе этихъ постановленій, ограждающихъ общественное здравіе, повлекло за собой смерть или разстройство здоровья, то примѣняются общія правила о лишеніи жизни и тѣлесномъ поврежденіи (art. 179—185). Глава VI предусматриваетъ посягательства на общественную нравственность (art. 258—263); въ эту группу дѣяній входятъ публичное нарушеніе благопристойности безстыднымъ поступкомъ, продажа или выставленіе безстыдныхъ сочиненій или изображеній, устройство игръ въ карты, лотерей и оскорбленіе религіи; общимъ признакомъ всѣхъ этихъ дѣяній является вызываемый публичнымъ совершеніемъ ихъ соблазнъ.

Проектъ выдѣляетъ въ особую главу постановленія объ азартныхъ играхъ, объ устройствѣ лотерей, указывая въ качествѣ квалифицирующихъ обстоятельствъ—корыстный мотивъ и обращеніе этихъ дѣяній въ привычку (art. 237—241).

Изъ религіозныхъ преступленій дѣйствующее уложеніе знаетъ только публичное осмѣяніе въ церкви, на кладбищѣ или иномъ священномъ мѣстѣ богослуженія и назначаетъ за него штрафъ 2—20 іенъ, который можетъ быть повышенъ до 10—40 іенъ, если это дѣяніе нарушило богослуженіе.

Такая слабость уголовной репрессіи можетъ быть объяснена тѣмъ ограниченнымъ значеніемъ, какое играетъ религія въ японской жизни.

Проектъ значительно усиливаетъ наказаніе за это посягательство, назначая исправительный домъ въ первомъ случаѣ до 6 мѣсяцевъ, а во второмъ до 1 года или денежный штрафъ до 50—100 іенъ, и предусматриваетъ его въ одной главѣ съ посягательствами на трупы и могилы (art. 242—246). Поврежденіе и раскрытіе могилъ, похищеніе и пору-

ганіе надъ усопшими и въ дѣйствующемъ правѣ, и въ проектѣ караются значительно строже, чѣмъ вышеупомянутыя религіозныя посягательства; дѣйствующее уложеніе (art. 264—266) назначаетъ въ этихъ случаяхъ тяжкую тюрьму и штрафъ, проектъ—исправительный домъ до трехъ лѣтъ, безъ замѣны его штрафомъ.

Глава VIII содержитъ постановленія весьма существенныя для государства съ развивающейся торговлей и промышленностью (art. 267—272). Подлежитъ наказанію всякій, кто путемъ насилія или угрозы создаетъ препятствія для продажи продуктовъ питанія или другихъ товаровъ; при этомъ наказаніе усиливается, если дѣло идетъ о необходимыхъ продуктахъ питанія, каковы рисъ, соль, чай (art. 267). Всякая задержка въ торговлѣ рисомъ для Японіи особенно опасна, такъ какъ рисъ представляетъ продуктъ общеупотребительный, и недостатокъ его можетъ вызвать голодъ. Распространеніе ложныхъ свѣдѣній съ цѣлью повліять на цѣны пищевыхъ продуктовъ наказывается штрафомъ (10—100 іенъ). Въ этой же главѣ содержатся постановленія объ охранѣ отношеній между рабочими и работодателями, при чемъ, въ противоположность нашему уложенію и проекту, положеніе тѣхъ и другихъ уравнено. Тяжкому тюремному заключенію на срокъ 1—6 мѣсяцевъ и штрафу 3—30 іенъ подлежатъ какъ рабочіе, стремящіеся путемъ насилія и угрозъ достигнуть возвышенія заработка и улучшенія условій труда, такъ и работодатели, желающіе съ помощью тѣхъ же средствъ добиться пониженія платы или ухудшенія условій работы.

Подобное уравненіе наказанія рабочихъ и работодателей представляется вполнѣ разумнымъ, такъ какъ тѣ и другіе подобными дѣйствіями одинаково нарушаютъ договоръ. Въ нашемъ уложеніи и проектѣ въ этомъ отношеніи замѣчается крупное неравенство: въ то время, какъ первые подвергаются за указанное дѣяніе лишенію свободы, вторымъ назначается только штрафъ или въ рѣдкихъ случаяхъ арестъ (см. уложеніе ст. 1358^{1-3} и 1359^{1-2}; проектъ ст. 277 и 278).

Въ главѣ IX преступленія и проступки должностныхъ лицъ распредѣлены на двѣ категоріи: противъ общихъ благъ

(art. 273—275) и противъ благъ отдѣльной личности (art. 276—288) и противъ имущества (art. 289—291). Чиновникъ, допустившій въ случаѣ какого-либо стихійнаго бѣдствія—наводненія, пожара или землетрясенія—гибель ввѣренныхъ ему заключенныхъ, карается одной степенью выше, чѣмъ за умышленное тѣлесное поврежденіе. Активный подкупъ ненаказуемъ.

Судья, постановившій завѣдомо неправильное рѣшеніе по корыстному побужденію, подвергается наказанію тюрьмой отъ 3 мѣсяцевъ—3 лѣтъ, если рѣшеніе это было благопріятно для обвиняемаго; въ противномъ случаѣ, наказаніе можетъ быть возвышено до 5 лѣтъ. Если же наказаніе неправильно приговореннаго выше этого, то судья подлежитъ отвѣтственности по началамъ таліона такъ же, какъ и лжесвидѣтель (см. выше).

Третья книга дѣйствующаго уложенія предусматриваетъ преступленія и проступки противъ личности и имущества.

Въ конструкціи видовъ убійства (art. 292—298), равно какъ и тѣлеснаго поврежденія (art. 299—308), усвоена система французскаго права. Лишеніе жизни дѣлится на предумышленное и умышленное; первое карается смертной казнью. Тяжесть тѣлеснаго поврежденія опредѣляется экономическимъ признакомъ, степенью причиненнаго матеріальнаго вреда (неспособность къ работѣ въ теченіе 20 дней или болѣе). Тѣлеснымъ поврежденіемъ признается между прочимъ обрѣзаніе или порча волосъ у женщинъ. Лишенію жизни и тѣлесному поврежденію приравнивается подача совѣта совершить какое-либо дѣйствіе, непосредственнымъ результатомъ котораго должна быть смерть или тѣлесное поврежденіе.

Привилегированнымъ видомъ убійства и тѣлеснаго поврежденія признается по дѣйствующему праву: совершеніе этихъ дѣяній мужемъ надъ женой или ея любовникомъ, застигнутыхъ en flagrant délit, если ранѣе самъ супругъ не одобрялъ распущеннаго образа жизни жены; убійство и тѣлесное поврежденіе въ дракѣ и тѣлесныя поврежденія, учиненныя въ раздраженіи или подъ вліяніемъ оскорбленія или для отраженія отъ насильственнаго проникновенія въ жи-

лище. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе смягчается на 2—3 степени.

Обычный видъ привилегированнаго убійства—дѣтоубійство—въ Японіи таковымъ не признается. Обстоятельства, устраняющія преступный характеръ дѣянія или смягчающія наказуемость при убійствѣ, тѣлесномъ поврежденіи и другихъ посягательствахъ на личность, не имѣютъ силы, когда эти дѣянія учинены по отношенію къ восходящимъ.

Это объясняется тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуются у японцевъ старшіе.

Проектъ въ конструкціи посягательствъ на личность отступаетъ значительно отъ дѣйствующаго права и усвоенной послѣднимъ системы Code pénale, приближаясь, наоборотъ, къ системѣ германскаго права. Проектъ не назначаетъ безусловно смертной казни за квалифицированные случаи убійства, на ряду съ ней онъ назначаетъ и исправительный домъ безъ срока (art. 257—262).

Неосторожное причиненіе смерти наказывается однимъ денежнымъ штрафомъ, а неосторожное тѣлесное поврежденіе объявляется наказуемымъ лишь при особенныхъ обстоятельствахъ; въ большинствѣ же случаевъ оно ненаказуемо.

Выше было указано, что самоубійство по японскому уложенію ненаказуемо, но подстрекательство и пособничество самоубійству признаются наказуемыми, особенно если подстрекатель дѣйствовалъ изъ личныхъ интересовъ или былъ наслѣдникомъ лица, покончившаго съ собой. Съ пособничествомъ самоубійству сравнено по наказуемости лишеніе жизни по требованію убитаго.

Въ послѣдующихъ отдѣлахъ этой главы предусматриваются другія посягательства на личность: лишеніе свободы, угрозы, изгнаніе плода, оставленіе въ опасности, преступленія и проступки противъ нравственности (art. 322—354). Наказанія за послѣдній видъ посягательствъ довольно низки: нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр., противоестественные пороки и кровосмѣшеніе, не предусмотрѣны вовсе. Это обстоятельство объясняется нежеланіемъ законодателя вторгаться въ интимную жизнь семьи. Прелюбодѣяніе признается на-

казуемымъ только по отношенію къ законной женѣ, для мужа соблюденіе супружеской вѣрности необязательно. Понятіе сводничества крайне ограничено, наказуемымъ признается только предоставленіе помѣщенія женщинѣ съ цѣлью тайнаго разврата и обезпеченіе возможности половаго разврата лицамъ, моложе 16 лѣтъ. Обращеніе этого занятія въ промыселъ и корыстный мотивъ не входятъ въ составъ дѣянія.

Вторая глава III книги обнимаетъ имущественныя посягательства; она распадается на 8 отдѣловъ, соотвѣтственно различнымъ видамъ посягательствъ на имущество. Наиболѣе частымъ имущественнымъ посягательствомъ является кража. Признакомъ, отличающимъ кражу отъ другихъ видовъ имущественныхъ посягательствъ, по дѣйствующему уложенію и проекту является тайность учиненія его; но этотъ признакъ понимается практикой, какъ отсутствіе при этомъ видѣ похищенія угрозы, насилія или обмана.

Подъ понятіе кражи подводится также похищеніе собственникомъ вещей, находящихся въ залогѣ, подъ арестомъ и т. д. (ср. также Strafgesetzbuch § 289; code pénal art. 106). Дѣйствующее уложеніе назначаетъ довольно высокіе размѣры наказанія за кражу; minimum'омъ является 2 мѣсяца тяжкой тюрьмы, maximum, при квалифицированныхъ видахъ,—достигаетъ 5 лѣтъ тюрьмы, а при вооруженной кражѣ, учиненной нѣсколькими лицами въ жиломъ помѣщеніи (vol avec violence, art. 385 code pénal), можетъ быть назначенъ и исправительный домъ 2-й степени. Конструкція другихъ имущественныхъ деликтовъ (банкротство, мошенничество, присвоеніе, злоупотребленіе довѣріемъ) не представляетъ въ дѣйствующемъ уложеніи никакихъ существенныхъ отклоненій отъ опредѣленій code pénal.

Наиболѣе тяжко наказуемымъ изъ имущественныхъ посягательствъ является поджогъ, за умышленное учиненіе котораго назначается смертная казнь; такое строгое отношеніе къ поджогу объясняется, конечно, опасностью, которую представляютъ пожары, благодаря преобладанію въ Японіи деревянныхъ построекъ.

Такое же наказаніе грозитъ и за умышленное причиненіе наводненія. Неосторожное учиненіе этихъ дѣяній наказывается сравнительно ничтожнымъ штрафомъ 2—20 іенъ.

Проектъ выдѣляетъ поджогъ и потопленіе изъ общей группы имущественныхъ посягательствъ, относя эти дѣянія къ посягательствамъ на общественное спокойствіе и порядокъ. Трудно признать правильной такую систему; если нельзя одобрить систему германскаго уложенія, создающую особую группу общеопасныхъ деликтовъ, то нельзя согласиться и съ подобнымъ отдѣленіемъ отъ остальныхъ видовъ поврежденія имущества—поджога и потопленія. Проектъ также назначаетъ за эти дѣянія крайне высокія наказанія—до смертной казни включительно, какъ скоро поджогъ и потопленіе соединялись съ опасностью для жизни.

Проектъ устанавливаетъ понятіе единаго посягательства на имущество, находящееся въ чужомъ владѣніи, такъ называемомъ, „Zoku-to“ (Entwendung), которое обнимаетъ собою кражу, разбой, вымогательство и мошенничество (art. 293—310).

Всѣ эти посягательства являются такимъ образомъ видами одного общаго понятія, различаясь между собой лишь способами совершенія. Опредѣленія, относящіяся ко всѣмъ видамъ имущественнаго хищенія, безъ различія выдѣлены особо; здѣсь содержатся правила о наказуемости рецидива, покушенія, о назначеніи полицейскаго надзора и лишенія правъ [1]), о вліяніи на наказуемость имущественнаго похищенія родственныхъ связей [2]), о наказуемости посягательства на собственное имущество, находящееся въ залогѣ или подъ арестомъ. Такой системой устраняется то расчлененіе общаго понятія имущественнаго хищенія на отдѣльныя родовыя группы, совершенно между собой разобщенныя, кото-

---

[1]) При наказаніи свыше 6 мѣсяцевъ исправительнаго дома лишеніе правъ и полицейскій надзоръ обязателенъ, при болѣе низкомъ наказаніи—примѣненіе этихъ мѣръ факультативно (art. 295).

[2]) Имущественныя посягательства (исключая разбоя) между восходящими и нисходящими, а также между родственниками, живущими совмѣстно, не наказуемы; между прочими родственниками наказуемы лишь по частной жалобѣ (art. 296).

рымъ отличается большая часть западно-европейскихъ кодексовъ.

Постановленія объ отдѣльныхъ видахъ имущественнаго хищенія отличаются большей краткостью, напр., проектъ содержитъ о кражѣ только одну статью 298, назначая за нее исправительный домъ на срокъ до 10 лѣтъ. Такіе широкіе предѣлы санкціи позволяютъ суду опредѣлить размѣръ наказанія сообразно съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, вслѣдствіе чего въ законѣ не выдѣлены особо ни квалифицированные, ни привилегированные виды кражи. Составъ „Zoku-to“ (Entwendung) не совпадаетъ съ понятіемъ похищенія въ общепринятомъ смыслѣ.

Такъ, напр., объектомъ разбоя, вымогательства и мошенничества можетъ быть не только движимая вещь, но и вообще всякая имущественная выгода, такъ что разбой, напр., отличается отъ вымогательства только свойствомъ примѣняемыхъ угрозъ; для разбоя требуется наличность насилія или угрозъ настоящей опасностью противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности, личной свободы и имущества потерпѣвшаго; для вымогательства—наличность другихъ угрозъ; такъ что подъ это понятіе подойдетъ шантажъ, какъ угроза разглашенія позорящихъ обстоятельствъ съ цѣлью полученія имущественной выгоды; наравнѣ съ похищеніемъ имущества и полученіемъ имущественной прибыли посредствомъ обмана поставлено корыстное пользованіе легкомысліемъ или неопытностью малолѣтняго.

Кромѣ указаннаго имущественнаго посягательства, проектъ знаетъ въ качествѣ самостоятельныхъ имущественныхъ деликтовъ присвоеніе, укрывательство и поврежденіе имущества; такимъ образомъ, разнообразные виды, такъ наз., наказуемой недобросовѣстности въ отношеніяхъ по имуществу должны быть подводимы подъ понятія „Zoku-to“, такъ какъ остальные виды имущественныхъ посягательствъ не представляютъ существенныхъ отклоненій отъ общеустановленныхъ составовъ.

Изъ различныхъ нарушеній, которыя предусмотрѣны въ послѣдней книгѣ уложенія, укажемъ на запрещеніе татуи-

ровки, на наказуемость распространенія ложныхъ извѣстій, способныхъ возбудить страхъ въ населеніи; наказуемо появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ пьяномъ видѣ, что̀, между прочимъ, встрѣчается въ Японіи очень рѣдко и считается крайне неприличнымъ. Въ качествѣ нарушенія наказуемъ также отказъ врачей и акушерокъ оказать помощь въ случаѣ опасности.

Таковы въ существенныхъ чертахъ постановленія дѣйствующаго японскаго права, таковы измѣненія, вносимыя вновь выработаннымъ проектомъ. Отличительной чертой проѐкта является простота его системы и конструкцій, благодаря чему существенно облегчается дѣло отправленія уголовнаго правосудія.

При разсмотрѣніи японскаго уголовнаго законодательства прежде всего можетъ броситься въ глаза, съ какимъ чуткимъ вниманіемъ относится законодатель къ новѣйшимъ теченіямъ научной мысли въ области уголовнаго права. Двадцать лѣтъ для кодекса возрастъ очень небольшой, но для быстро развивающейся страны выработанный кодексъ успѣлъ уже состариться, и законодатель спѣшитъ замѣнить его новымъ, болѣе совершеннымъ, вводя въ него всѣ тѣ улучшенія, цѣлесообразность которыхъ доказана практической жизнью. Такая чуткость и отзывчивость возможны лишь при тѣсной связи законодателя съ жизнью, когда между закономъ и требованіемъ жизни не простирается глубокой пропасти, когда самый законъ служитъ выразителемъ глубоко продуманныхъ и справедливыхъ требованій, выдвинутыхъ самою жизнью.

НЕВШАТЕЛЬСКАЯ СЕССІЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Л. В. Шалланда.

I.

Осенью минувшаго года, на берегу романтическаго Невшательскаго озера, въ двадцатый разъ со времени своего основанія собрался неоффиціальный международный законодатель—Институтъ международнаго права. Сессія, на этотъ разъ, оказалась довольно многолюдной, собравъ до 25 членовъ и 14 сотрудниковъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ національностямъ. Занятія ученой коллегіи, начавшіяся 4 сентября, продолжались непрерывно до 10-го; за это время Институту удалось разсмотрѣть три вопроса первостепенной важности и, въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, подвергнуть пересмотру нѣкоторыя статьи своего устава.

Главнѣйшее измѣненіе устава коснулось должностныхъ лицъ Института. Согласно дѣйствовавшимъ до сихъ поръ правиламъ, въ началѣ каждой сессіи избирались предсѣдатель и два вице-предсѣдателя [1]), которые немедленно вступали въ исполненіе своихъ обязанностей и носили это званіе до слѣдующей сессіи.

---

[1]) На Невшательской сессіи предсѣдателемъ выбранъ былъ Lardy (швейцарскій полномочный министръ въ Парижѣ), а вице-предсѣдателями профессора Harburger (Мюнхенъ) и Sacerdoti (Падуа).

На практикѣ подобный порядокъ былъ сопряженъ со многими неудобствами, главнымъ образомъ потому, что вся работа въ междусессіонное время ложилась исключительно на генеральнаго секретаря Института. Въ цѣляхъ достиженія бо̀льшей равномѣрности въ распредѣленіи работы и приданія бюро характера постоянности, рѣшено было, съ одной стороны, увеличить составъ распорядительнаго о̀ргана Института, а съ другой—удлинить срокъ полномочій образующихъ его лицъ. Согласно новой редакціи ст. 9 устава, соотвѣтствующей ст. 10 прежнихъ статутовъ, Институтъ выбираетъ изъ своей среды шесть членовъ, которые вмѣстѣ съ генеральнымъ секретаремъ составляютъ совѣтъ.

Всѣ шесть членовъ избираются на три сессіи, при чемъ при закрытіи каждой сессіи двое изъ нихъ выбываютъ изъ состава совѣта, а мѣста ихъ замѣщаются въ теченіе сессіи. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель избираются Институтомъ изъ числа членовъ совѣта, и оба эти лица, вмѣстѣ съ генеральнымъ секретаремъ, образуютъ бюро. Такимъ образомъ, начиная съ 1 января текущаго года, во главѣ Института стоятъ два учрежденія: совѣтъ и бюро. На обязанности перваго (ст. 10 пересмотрѣннаго устава) лежитъ принятіе мѣръ, касающихся научнаго развитія Института, и разсмотрѣніе наиболѣе важныхъ административныхъ дѣлъ, внесенныхъ въ него бюро или отнесенныхъ статутами къ предметамъ его вѣдѣнія. Что же касается бюро, то оно принимаетъ всѣ административныя и спѣшныя мѣры („toutes les mesures ayant un caractère d'administration ou d'urgence"), буде противное не оговорено въ уставѣ.

Во исполненіе новаго правила, занесеннаго въ ст. 9 устава, Институтъ на послѣднемъ распорядительномъ засѣданіи, состоявшемся 8 сентября, приступилъ къ выбору членовъ совѣта. Избранными оказались ф.-Баръ [1]), Ассеръ [2]), Ларди, Лордъ Рэ [3]), нашъ соотечественникъ проф. С.-Петербургскаго

---

[1]) V. Bar., проф. Геттингенскаго университета.

[2]) T.-M.-C. Asser, членъ Нидерландскаго государственнаго совѣта.

[3]) Lord D.-I. Maskay Reay, членъ англійской палаты лордовъ

университета Ф. Ф. Мартенсъ и Дежарденъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ ученому собранію пришлось разстаться съ своимъ генеральнымъ секретаремъ, неутомимымъ и талантливымъ Леромъ, занимавшимъ эту должность съ 1892 г. Семейныя обстоятельства и преклонный возрастъ побудили его покинуть свой постъ и предложить себѣ въ замѣстители извѣстнаго ратоборца идеи вѣчнаго мира, проф. Лувенскаго университета Дэканъ (Descamps), который и былъ единогласно выбранъ Институтомъ.

Остальныя измѣненія статутовъ, принятыя на Невшательской сессіи, существеннаго значенія не имѣютъ, и мы на нихъ останавливаться не будемъ. Переходимъ къ разсмотрѣнію научной дѣятельности Института, поскольку она проявила себя на засѣданіяхъ минувшей осени.

Стоящіе на очереди вопросы, какъ извѣстно, распредѣлены между 16 коммисіями. Съ возложенными на нихъ задачами къ Невшательскому съѣзду вполнѣ успѣли справиться лишь три, а именно: первая, четвертая и девятая, образованныя для изученія вопросовъ объ отсылкѣ въ частномъ международномъ правѣ, объ обязанностяхъ государствъ и ихъ подданныхъ по отношенію къ законнымъ правительствамъ, находящимся въ борьбѣ съ мятежной партіею, и, наконецъ, объ отвѣтственности (международно-правовой) государства за вредъ и убытки, понесенные иностранцами на его территоріи вслѣдствіе смутъ и междоусобныхъ войнъ. Во время засѣданій выяснилось, что существованіе пятой коммисіи, занимающейся вопросомъ о примѣнимости къ морской войнѣ началъ Женевской Конвенціи 1864 г., въ настоящее время не оправдывается болѣе необходимостью, въ виду выработанной Гаагской мирной конференціей соотвѣтствующей конвенціи. Коммисія на этомъ основаніи и была распущена, но Институтъ вмѣстѣ съ тѣмъ вотировалъ „пожеланіе“ (voeu), чтобы ст. 10 конвенціи, нынѣ отвергнутая державами, сдѣлалась современемъ дѣйствующимъ правомъ.

---

[1]) A. Desjardins, прокуроръ Парижскаго кассаціоннаго суда, членъ Institut de France.

Статья эта, какъ извѣстно, постановляла, что лица, потерпѣвшія кораблекрушеніе, раненые и больные, которые будутъ высажены въ портъ нейтральнаго государства съ согласія мѣстной власти, должны быть здѣсь интернированы такъ, чтобы не могли больше принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Это постановленіе было принято конференціей безъ всякихъ затрудненій, и лишь только, когда дѣло дошло до подписанія конвенціи, англійское правительство заявило, что оно, по соображеніямъ конституціоннаго свойства, не можетъ дать содержащагося въ немъ обѣщанія. Германія, Соединенные-Штаты и Турція послѣдовали ея примѣру; тогда, послѣ краткихъ переговоровъ между остальными державами, статья вовсе выкинута была изъ конвенціи. Объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть и можно только присоединиться къ выраженному Институтомъ пожеланію, чтобы правительства въ близкомъ будущемъ заключили дополнительный договоръ, содержащій постановленіе вычеркнутой нынѣ статьи.

По существу, дебаты Института коснулись, такимъ образомъ, только предметовъ вѣдѣнія трехъ коммисій. Къ разсмотрѣнію выработанныхъ ученой коллегіей регламентовъ и резолюцій мы теперь и перейдемъ и прежде всего остановимся на отсылкѣ.

II.

Вопросъ объ отсылкѣ въ частномъ международномъ правѣ поставленъ былъ на очередь Институтомъ на Кембриджской сессіи. Въ Копенгагенѣ (1897 г.) докладчики Буццату и Лэнэ представили предварительный докладъ, но на обсужденіе Института вопросъ былъ предложенъ только въ слѣдующемъ году въ Гаагѣ. Несмотря на продолжительныя и весьма оживленныя пренія, собраніе ни къ какому положительному результату не пришло, и докладчикамъ было поручено составить новый проектъ, сообразуясь съ высказанными во время дебатовъ взглядами. Новые тезисы, вы-

работанные Буццати и Лэнэ, и послужили матеріаломъ для обмѣна мнѣній на Невшательской сессіи.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію анализа принятой Институтомъ Résolution, мы считаемъ необходимымъ, хотя бы въ краткихъ чертахъ, ознакомить читателя съ постановкой вопроса въ современной юридической литературѣ.

Теорія отсылки (renvoi, Rückverweisung) недавняго, сравнительно, происхожденія. Всплыла она какъ-то случайно и неожиданно и сразу озадачила какъ практиковъ - судей, такъ и теоретиковъ. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ. Представимъ себѣ, что законодательство государства А опредѣляетъ дѣеспособность домицилированныхъ въ ея предѣлахъ иностранцевъ, подданныхъ государства Б, по ихъ національному закону, между тѣмъ какъ законодатель Б придерживается принципа мѣстожительства, т. е. въ данномъ случаѣ опредѣляетъ дѣеспособность своихъ подданныхъ по закону А:—какой законъ долженъ примѣнить судья государства А—свой собственный, къ которому „отсылаетъ“ законодательство Б, или иностранный (т. е. государства Б)? Другими словами и обобщая вопросъ,—долженъ ли судья принимать во вниманіе иностранныя коллизіонныя нормы или нѣтъ?

Наглядности ради мы приведемъ два конкретныхъ примѣра.

Два англійскихъ подданныхъ вступаютъ въ бракъ во Франціи; на основаніи ст. 3 Code civil, способность ихъ къ вступленію въ бракъ опредѣляется по ихъ національному праву, т. е. по англійскому; согласно же этому послѣднему, дѣеспособность зависитъ отъ lex domicilii, въ данномъ случаѣ отъ французскаго закона. На которомъ изъ этихъ двухъ законовъ долженъ остановиться французскій судья?

Въ Даніи способность составлять завѣщаніе опредѣляется закономъ мѣстожительства и наступаетъ въ 19 лѣтъ. Представимъ себѣ, что датчанинъ, домицилированный въ Италіи, гдѣ testamentifactio activa обладаютъ только лица, до-

стигшія 21 года, и гдѣ законодателемъ принятъ принципъ національности, составитъ завѣщаніе. Судья очутится передъ слѣдующей альтернативой: либо примѣнить итальянскій (матеріальный) законъ и нарушить датскую конфликтную норму,—или же сообразоваться съ этой послѣдней и стать въ противорѣчіе съ собственнымъ коллизіоннымъ закономъ.

Дѣло можетъ еще больше осложниться, если окажется, что иностранный законъ отсылаетъ не къ законодательству той страны, гдѣ дѣло разсматривается (lex fori), но къ какому-нибудь другому, напр.: пруссакъ, домицилированный въ Америкѣ, заключаетъ контрактъ во Франціи. Долженъ ли французскій судья опредѣлить дѣеспособность пруссака согласно ст. 3 Code civil по національному закону, или же принять ссылку, дѣлаемую прусскимъ ландрехтомъ на lex domicilii, т. е. на американскій законъ? [1]).

Въ этомъ случаѣ, какъ видно, мы имѣемъ дѣло съ дальнѣйшей ссылкой — ссылкой второй степени (Weiterverweisung). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и американскій законъ могъ бы въ свою очередь, отсылать къ другому, этотъ еще дальше и т. д. Мыслима поэтому отсылка въ пятой, въ шестой степени и т. д.

Изъ извѣстныхъ въ литературѣ судебныхъ рѣшеній, примѣнившихъ принципъ отсылки, первымъ по времени является рѣшеніе англійскаго суда 1841 г. Затѣмъ, аналогичная точка зрѣнія была принята англійскимъ судомъ въ 1859, 1860 и 1877 г., голландскимъ въ 1856 г., любекскимъ въ 1861 г. и т. д. [2]) Но эти рѣшенія прошли совершенно незамѣченными, и лишь возникшее въ 1878 г. во Франціи дѣло Форго поставило вопросъ ребромъ. Сущность этого знаменитаго дѣла, разсматривавшагося три раза въ

---

[1]) См. А. Н. Мандельштамъ, Гаагскія конференціи о кодификаціи частнаго международнаго права, I, 1900 стр. 230.

[2]) См. Bartin, Les conflits entre dispositions législatives de droit international privé въ Revue de droit international, 1898, p. 129 et suiv. Здѣсь же приведены всѣ судебныя рѣшенія, построенныя на началѣ отсылки.

апелляціонныхъ инстанціяхъ и три раза въ кассаціонномъ судѣ, заключается въ слѣдующемъ. Форго, незаконный сынъ баварской подданной, родившійся въ Баваріи, пяти лѣтъ попалъ во Францію, провелъ здѣсь всю свою жизнь и въ 1871 г. умеръ, не получивъ admission à domicile. Послѣ его смерти все его имущество, состоявшее изъ движимостей, перешло, какъ выморочное, къ казнѣ. Вскорѣ затѣмъ, однако, боковые родственники его матери предъявили искъ о наслѣдствѣ, ссылаясь на баварское законодательство. Дѣло дошло до кассаціоннаго суда, который призналъ, что такъ какъ покойный не пріобрѣлъ законнаго домицилія во Франціи, то наслѣдство его должно управляться баварскимъ закономъ. Руководствуясь этимъ разъясненіемъ, бордоскій судъ утвердилъ родственниковъ Форго въ правахъ наслѣдства. Управленіе государственными имуществами, однако, подало на это рѣшеніе кассаціонную жалобу, доказывая, что, согласно баварскому кодексу, движимости, оставшіяся послѣ баварскаго подданнаго въ такой странѣ, гдѣ онъ имѣлъ *постоянное пребываніе*, управляются законами этой страны. Кассаціонный судъ, соглашаясь съ доводами управленія государственными имуществами, отмѣнилъ рѣшеніе бордоскаго суда въ виду нарушенія имъ иностраннаго (баварскаго) закона и дѣло передалъ для новаго разсмотрѣнія тулузскому суду, который, въ 1880 г., признавъ начало отсылки правильнымъ, отказалъ родственникамъ Форго въ искѣ.

За этимъ рѣшеніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ, и принципъ отсылки, повидимому, твердо укоренился не только во французской, но и въ бельгійской, германской и швейцарской юриспруденціи. Усвоенъ былъ онъ и нѣкоторыми новѣйшими законодательными актами, какъ напр., венгерскимъ закономъ 1894 г. о бракахъ иностранцевъ въ Венгріи и венгерцевъ за границей и германскимъ гражданскимъ уложеніемъ, и занесенъ въ 1 протоколъ (положенія, касающіяся брака) Гаагскихъ Конференцій 1893 и 94 г. г. о кодификаціи частнаго международнаго права.

Новая теорія, однако, вскорѣ подверглась въ литературѣ весьма рѣзкой критикѣ. Огонь открыли французскіе ученые

Лаббэ [1]) и Лэнэ [2]), за ними послѣдовали Канъ [3]), Бартэнъ [4]), Буццати [5]) и др. Въ защиту же отсылки выступили, изъ наиболѣе яркихъ свѣтилъ юридическаго неба, Баръ [6]), Шнелль [7]), Нейманъ [8]) и нѣк. др. Болѣе глубокій анализъ вопроса показалъ, что онъ соприкасается со многими основными проблемами публичнаго и международнаго права. Но разномысліе отъ этого еще болѣе увеличилось [9]).

Спорной, прежде всего, оказалась сама постановка вопроса [10]). Если національное законодательство судьи спеціально не предусматриваетъ отсылки, то все дѣло сводится къ толкованію коллизіонной нормы: долженъ ли судья принять во вниманіе иностранный законъ, или нѣтъ? Какъ ему слѣдуетъ интерпретировать волю законодателя? Могутъ ли быть указаны въ этомъ отношеніи какія-нибудь общія основанія и т. д.

Съ другой стороны, возможно разсматривать вопросъ и de lege ferenda: желательно ли введеніе въ самый текстъ закона принципа отсылки, и, въ утвердительномъ случаѣ, въ какомъ объемѣ? Или, наоборотъ, не слѣдуетъ ли оговорить въ немъ, что судья не долженъ руководствоваться иностранной конфликтной нормой?

Члены-докладчики Института остановились на вопросѣ съ первой изъ упомянутыхъ точекъ зрѣнія. Представленные ими на Невшательской сессіи тезисы гласятъ слѣдующее.

1. „Когда законодатель, установляя какое-либо правило „частнаго международнаго права, объявляетъ тотъ или

---

[1]) Labbé, Du conflit entre la loi nationale du juge saisi et une loi étrangère etc., въ Journal du droit international privé, 1885, p. 5 et suiv.

[2]) Lainé, De l'application des lois étrangères etc, ibid. 1896, p. 242 et suiv.

[3]) Статьи въ Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts, 1890 u 1896 г.г.

[4]) Статья въ Revue de droit-international 1898, p. 129 et suiv.

[5]) Статья въ Böhm's Zeitschrift für intern. Privat-und Strafrecht, 1898, S. 449 ff.

[6]) Ibid. S. 177 ff.

[7]) Ibid. 1895 S. 337 ff.

[8]) Internationales Privatrecht, S. 30 ff.

[9]) Изложеніе аргументовъ pro и contra отсылки см. у А. Н. Мандельштама loc. cit, 230 и слѣд.

[10]) См. Zitelman, Internat. Privatrecht, I, 1897, S. 238 ff.

„другой иностранный гражданскій законъ непосредственно „(directement) примѣнимымъ его судами къ извѣстному „комплексу отношеній, онъ не долженъ ставить условіемъ „примѣненія этого закона то обстоятельство, чтобы по„добное примѣненіе было санкціонировано также и тѣмъ „иностраннымъ законодательствомъ, въ составъ коего вхо„дитъ означенный законъ.

2. „Конфликтный законъ, постановляющій, безъ всякихъ объясненій, что по данному комплексу отношеній при„мѣнимъ иностранный законъ, ни въ коемъ случаѣ не „долженъ быть истолкованъ судомъ, какъ отсылающій „(se référant) къ иностраннымъ коллизіоннымъ нормамъ.

3. „Принятіе Институтомъ международнаго права прин„ципа, противорѣчащаго тому, который установленъ въ „первомъ тезисѣ, не согласовалось бы съ резолюціями, „въ коихъ онъ прежде неоднократно рекомендовалъ при„мѣненіе иностранныхъ законовъ“.

Эти тезисы, содержащіе въ себѣ столь рѣзкое и категорическое отрицаніе принципа отсылки, вызвали продолжительные и горячіе споры на засѣданіяхъ Института. Побѣда осталась за докладчиками, и большинствомъ 21 голоса противъ 6, вотирована была резолюція, довольно близко подходящая къ 1 тезису Буццати и Лэнэ:

„Когда законъ какого-либо государства касается коллизіи „частно-правовыхъ нормъ, то желательно, чтобы онъ „указывалъ на ту самую норму, которая, по существу, „подлежитъ примѣненію къ данному правоотношенію, а „не на иностранное конфликтное правило“ [1]).

Противъ подобнаго разрѣшенія вопроса горячо выступили ф.-Баръ, Уэстлэкъ и Вейссъ, и завязавшійся между

---

[1]) Quand la loi d'un état règle un conflit de lois en matière de droit privé, il est désirable qu'elle désigne la disposition même qui doit être appliquée à chaque espèce et non la disposition étrangère sur le conflit dont il s'agit. Эта редакція, несомнѣнно, страдаетъ большими недостатками; едва ли даже самый смыслъ резолюціи можетъ быть правильно понятъ, если не имѣть въ виду происходившихъ въ Институтѣ преній.

представителями обоихъ направленій споръ далъ весьма наглядную картину того разномыслія, которое господствуетъ въ литературѣ по этому злополучному вопросу.

Аргументы, которые были выставлены въ пользу отсылки, сводятся, приблизительно, къ слѣдующему:

A. Если, говорятъ, иностранный законъ самъ отказывается нормировать то или другое отношеніе и предоставляетъ это закону мѣстожительства лица, то почему же государству, гдѣ вопросъ подлежитъ рѣшенію, не принять подарка? Для чего ему быть болѣе роялистомъ, чѣмъ самъ король?

B. Непринятіе отсылки ведетъ на практикѣ къ чрезвычайно нежелательнымъ послѣдствіямъ. Представимъ себѣ, напр., что французскій судъ примѣнитъ къ англичанину, вопреки принципу отсылки, не французскій законъ (lex domicilii), а англійскій (lex personalis): рѣшеніе суда въ Англіи лишено будетъ всякой силы, какъ постановленное безъ соблюденія англійской конфликтной нормы [1]).

C. Непринятіе во вниманіе иностранной коллизіонной нормы (отсылающей не къ мѣстному праву, а къ иностранному же) приводитъ къ навязыванію иностранному законодателю такой компетенціи, отъ которой онъ самъ отказался. Между тѣмъ, подобное навязываніе мыслимо только по отношенію къ подчиненному субъекту, а не по отношенію къ независимому государству.

D. Оригинальное воззрѣніе проводилось передъ Институтомъ англичаниномъ Уэстлэкомъ. Основная мысль его та, что нельзя дѣлить законодательство на внутреннее и международно-правовое и противоставлять коллизіонныя нормы матеріальнымъ. Законодатель, который установилъ бы слѣдующее правило: способными къ составленію завѣщанія признаются лица не моложе 19 лѣтъ,—и при этомъ не указалъ

---

[1]) Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что ссылка на то обстоятельство, будто иностранный судъ не даетъ экзекватуры рѣшенію, состоявшемуся безъ соблюденія иностранной конфликтной нормы, является однимъ изъ краеугольныхъ аргументовъ защитниковъ теоріи отсылки. Однако, этотъ доводъ при ближайшемъ анализѣ оказывается совершенно несостоятельнымъ. См. дальше, а также Bartin, loc. cit.

бы, *на кого* это правило распространяется, издалъ бы нежизнеспособную и непримѣнимую норму. По этому всякій законодатель, въ силу вещей, долженъ самъ опредѣлить свою компетенцію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ опредѣляетъ дѣеспособность по lex domicilii, онъ тѣмъ самымъ не признаетъ себя компетентнымъ для регулированія отношеній тѣхъ изъ туземцевъ, которыя находятся за границей. Онъ, стало быть, отказывается отъ нормированія ихъ дѣеспособности, оставляя полную свободу дѣйствія законодательству той страны, гдѣ подданный пріобрѣлъ мѣстожительство. Съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ Уэстлэкъ, непринятіе отсылки (или вѣрнѣе, отказа законодателя отъ регулированія отношеній) равносильно вторженію въ область законодательной компетенціи иностраннаго государства.

Противникамъ теоріи отсылки безъ особаго труда удалось доказать всю шаткость приведенныхъ аргументовъ. Прежде всего было указано на то, что опасность не получить экзекватуры отъ иностраннаго суда въ случаѣ постановленія рѣшенія вопреки иностранной коллизіонной нормы не говоритъ ни за, ни противъ принципа отсылки. Представимъ себѣ, напр., что 18-лѣтній датчанинъ, домицилированный во Франціи, составитъ здѣсь завѣщаніе. Такъ какъ testamentifactio activa наступаетъ во Франціи въ 18 лѣтъ, а въ Даніи въ 19 лѣтъ и регулируется въ первой изъ этихъ странъ по національному закону, а по второй—по закону мѣстожительства, то какой бы законъ ни былъ примѣненъ—датскій или французскій,—завѣщаніе всегда въ одной изъ странъ будетъ ничтожно—либо во Франціи, либо въ Даніи. На самомъ дѣлѣ, если французскій судъ примѣнитъ датскій законъ, то онъ признаетъ завѣщателя недѣеспособнымъ; если же онъ приметъ отсылку датскаго закона на французскій, то въ его глазахъ завѣщаніе будетъ дѣйствительно, но въ глазахъ датскаго суда рѣшеніе французскаго судьи будетъ ничтожно, какъ постановленное съ нарушеніемъ французской коллизіонной нормы.

Далѣе, указаніе защитниковъ отсылки на то, что законодатель не можетъ навязывать иностранному государству такую компетенцію, отъ которой это послѣднее отказывается,

само по себѣ справедливо, но вопроса отнюдь не разрѣшаетъ. Представимъ себѣ, что датчанинъ поселился въ Италіи. Датскій законъ требуетъ, чтобы дѣеспособность этого лица опредѣлялась по lex domicilii, итальянскій же законъ, напротивъ хочетъ примѣненія національнаго. Поэтому если итальянскій законодатель не можетъ навязать датскому нежелательную для этого послѣдняго компетенцію, то столь же справедливо и то, что и датскій законъ не долженъ навязывать итальянскому такой компетенціи, которой этотъ послѣдній самъ не призналъ, опредѣливъ дѣеспособность иностранца (въ данномъ случаѣ датчанина) по lex personalis. Далѣе, можетъ статься, что нѣсколько законодательствъ себѣ, въ опредѣленномъ случаѣ, приписываютъ компетенцію, напр.: итальянецъ, домицилированный въ Даніи, вступаетъ въ бракъ въ Соединенныхъ Штатахъ; итальянскій законъ опредѣляетъ бракоспособность по lex nationalis, датскій по lex domicilii, а американскій по lex loci celebrationis. Если же итальянскій судья приметъ отсылку датскаго закона и примѣнитъ свой національный законъ, то онъ этимъ самымъ отвергнетъ компетенцію американскаго законодателя, во имя некомпетентности датскаго. Такимъ образомъ, съ разбираемой точки зрѣнія выходитъ, что нашъ законъ не можетъ приписать иностранному компетенцію, которую тотъ отклоняетъ,—но за то можетъ приписать себѣ компетенцію, на которую претендуетъ иностранный законъ. Само собой разумѣется, что подобный выводъ указываетъ на полную несостоятельность самой точки зрѣнія.

Что же касается воззрѣній Уэстлэка, то они несомнѣнно покоятся на недоразумѣніи. Конечно, нельзя дѣлить законодательство на внутреннее и международное—всякій законъ составляетъ интегральную часть внутренняго права страны, и извѣстная грань можетъ быть проведена только съ точки зрѣнія мотивовъ, побудившихъ законодателя издать то или другое постановленіе. На самомъ дѣлѣ, одни законы (напр., касающіеся нейтралитета) издаются во имя международно-правовой обязанности, лежащей на государствѣ, тогда какъ другіе никакого отношенія къ междугосударственной жизни

не имѣютъ. Но эта разница не формальная, а внутренняя. Изъ этого, однако, нисколько не слѣдуетъ, чтобы конфликтныя нормы ничѣмъ не отличались отъ права матеріальнаго, и чтобы послѣднее безъ нихъ было лишено всякаго значенія. Эти нормы, какъ извѣстно, сравнительно позднѣйшаго происхожденія, римское право ихъ не знало вовсе; можно ли поэтому говорить, что безъ нормы, опредѣляющей международную компетенцію, матеріальная норма немыслима? Законодатель, вырабатывая гражданскій кодексъ, конечно не ставитъ коллизіонныхъ постановленій на первомъ планѣ; конфликты составляютъ исключеніе, а законодатель всегда руководствуется правиломъ plerumque fit.

Остается, такимъ образомъ, первый аргументъ: почему же отказываться отъ подарка, который дѣлаетъ намъ иностранный законъ, отсылая къ нашему національному? Къ такой неблагодарности должны, по мнѣнію Института, побуждать цѣлый рядъ соображеній.

Прежде всего, принятіе отсылки ведетъ, въ большинствѣ случаевъ, къ безвыходному кругу, не обезпечивая единообразія рѣшенія одного и того же дѣла въ различныхъ государствахъ. Иностранецъ, дѣеспособность коего, по національному закону (A), опредѣляется по lex domicilii, поселяется въ странѣ (B), гдѣ господствуетъ принципъ примѣненія lex nationalis. Судья (B), такимъ образомъ, отсылается національнымъ закономъ иностранца къ lex domicilii, но этотъ, въ свою очередь, отсылаетъ его къ національному закону и т. д. Наоборотъ, если судьѣ (A) приходится разсматривать дѣло, то онъ долженъ примѣнить законъ мѣстожительства, который опять таки отсылаетъ его къ закону національному и т. д. Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда законъ (A) отсылаетъ не къ закону (B), а къ законодательству другой страны (C) (такъ назыв., Weiterverweisung), то дѣло еще болѣе усложняется, и въ результатѣ получается, по выраженію Буццати, настоящій международный lawn-tennis.

Далѣе, отсылка находится въ противорѣчіи съ природой коллизіонныхъ нормъ и съ общими пріемами судебнаго толкованія законовъ. На самомъ дѣлѣ, когда законодатель до-

пускаетъ примѣненіе иностранной нормы, то онъ, слѣдуетъ предположить, (буде противное, конечно, имъ спеціально не оговорено) имѣетъ въ виду матеріальный, а не конфликтный законъ. Принимая отсылку иностраннаго права, законодатель отказывался бы отъ того рѣшенія вопроса, которое представляется ему наиболѣе цѣлесообразнымъ, и подчинялся бы рѣшенію совершенно чуждой ему правовой системы.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, элементы того спора, который возбудилъ въ Институтѣ вопросъ объ отсылкѣ.

Побѣда, какъ мы уже сказали, осталась на сторонѣ противниковъ этой теоріи, хотя 2 и 3 тезисы докладчиковъ и не были приняты собраніемъ—первый изъ нихъ потому, что имъ санкціонировался слишкомъ абсолютный принципъ, навязывающій судьѣ такое толкованіе его національнаго закона, которое, быть можетъ, отвергается этимъ послѣднимъ—второй въ виду того, что въ немъ содержался, въ сущности, лишь аргументъ въ пользу 1 тезиса. Самая же резолюція Института, редактированная скорѣе въ формѣ пожеланія, чѣмъ категорическаго требованія, даетъ какъ бы совѣтъ законодателямъ не проводить принципа отсылки. Послѣдуютъ ли государства этому совѣту,—трудно сказать. Полный свѣтъ на вопросъ до сихъ поръ еще не пролитъ; это, между прочимъ, доказали и происходившія въ средѣ Института пренія. Несмотря на то, что имъ удѣлено было продолжительное время, что въ нихъ участвовали выдающіеся спеціалисты по частному международному праву,—къ полному соглашенію, тѣмъ не менѣе, не удалось прійти. Шесть членовъ остались при прежнемъ мнѣніи и энергично отрицали до конца цѣлесообразность предложенныхъ на обсужденіе ихъ тезисовъ. При такихъ обстоятельствахъ вопросъ, конечно, не можетъ считаться исчерпаннымъ. Какая его ожидаетъ судьба,—можетъ показать только будущее.

III.

Покончивъ съ отсылкой, Институтъ приступилъ къ разсмотрѣнію правъ и обязанностей третьихъ державъ по отношенію къ государствамъ, находящимся въ борьбѣ съ мятежной партіей.

Въ случаѣ междоусобной войны, законное правительство, согласно установившемуся правилу, въ правѣ признать или не признать за повстанцами права воюющей стороны и, стало быть, примѣнять въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ не внутреннее свое право, а законы войны, т. е. право международное.

На практикѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда революціонныя партіи оказывались болѣе или менѣе многочисленными, правильно организованными, и въ особенности тогда, когда въ ихъ власти находилась какая-либо часть государственной территоріи, правительства въ признаніи обыкновенно не отказывали. Такъ, напр., Вашингтонское правительство признало въ 1860—1865 г. Южные Штаты воюющей стороной. Но за то Испанія во время послѣдняго возстанія кубинцевъ безусловно отказалась видѣть въ послѣднихъ комбатантовъ, основываясь на томъ, что у мятежниковъ не было центральной организаціи.

Признаніе или непризнаніе воюющей стороной имѣетъ громадное значеніе не только для самихъ участниковъ войны, но и для третьихъ державъ. На самомъ дѣлѣ, характеръ нейтральныхъ онѣ, строго говоря, могутъ пріобрѣсти лишь въ томъ случаѣ, если налицо имѣются два воюющихъ субъекта международнаго права. Поэтому, при простомъ бунтѣ въ какой-либо странѣ, помощь, оказанная мятежникамъ другой державой, будетъ не нарушеніемъ нейтралитета, а вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла.

Для иллюстраціи сказаннаго, я остановлюсь на любопытномъ конфликтѣ между британскимъ и французскимъ правительствомъ, возникшемъ въ самомъ концѣ 1899 г. Когда вспыхнула война съ Трансваалемъ, Англія, на первыхъ по-

рахъ, заявила, что она не признаетъ бурской республики воюющей стороной. Однако, уже 13 ноября, англійскій крейсеръ арестовалъ въ бухтѣ Делагоа, вдали отъ британскихъ территоріальныхъ водъ, французское судно Cordoba, по подозрѣнію въ подвозѣ военной контрабанды. Французское правительство немедленно протестовало, указывая на то, что если буры только бунтовщики, подлежащіе дѣйствію уголовныхъ законовъ, то не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи съ чьей бы то ни было стороны нейтралитета. Англія не возражала противъ такой постановки вопроса, но сослалась на то, что она находится въ состояніи войны съ Трансваалемъ, и что потому арестъ судна былъ законенъ [1]).

Изъ этого примѣра видно, насколько признаніе мятежной партіи стороной отражается на юридическомъ положеніи незамѣшанныхъ въ борьбѣ государствъ. Спрашивается, однако, не имѣютъ ли послѣднія какихъ-либо обязанностей по отношенію къ тому правительству, которому приходится подавлять возстаніе? Могутъ ли они, напр., признать повстанцевъ воюющей стороной? Въ утвердительномъ случаѣ, при какихъ условіяхъ? Есть ли, наконецъ, помощь, имъ оказанная, дѣяніе съ точки зрѣнія международнаго права безразличное и т. п.?

На всѣ эти вопросы какъ теорія, такъ и практика яснаго и опредѣленнаго отвѣта, къ сожалѣнію, не даютъ. Правосознанію народовъ, въ данной области, не удалось до сихъ поръ установить безусловно обязательныхъ нормъ. Право, пока, находится въ состояніи установленія, im Werden—и недаромъ испанское правительство, въ началѣ кубинскаго возстанія сильно встревожилось циркулировавшими въ публикѣ и даже въ оффиціальныхъ сферахъ слухами о томъ, что европейскія державы собираются признать за возставшими права воюющей стороны и, тѣмъ самымъ, косвенно, оказать имъ содѣйствіе [2]).

---

[1]) См. объ этомъ инцидентѣ Revue générale de droit international public, 1900, p. 278 et suiv.

[2]) Испанское правительство поручило даже извѣстному интернаціоналисту

Статья первая вотированнаго Институтомъ 8 сентября регламента налагаетъ на третьи державы, въ случаѣ возстанія или междоусобной войны, „извѣстныя обязанности“ (certaines obligations) по отношенію къ правительствамъ, борющимся съ мятежниками.

Настоящая редакція этой статьи была установлена послѣ продолжительныхъ и жаркихъ преній въ средѣ ученаго собранія. Согласно проекту, представленному коммисіей, обязанности возлагались не только на незаинтересованныя въ дѣлѣ правительства, но и на ихъ подданныхъ. Такая постановка вопроса вызвала энергичный протестъ со стороны Пьерантони, Рено, де-Сеньё и Роланъ-Жакеменса. Вполнѣ справедливо указывали они на то, что международное право регулируетъ только отношенія между государствами, какъ таковыми, и на частныхъ лицъ никакихъ обязанностей не установляетъ; что, практически, государства не имѣютъ средствъ заставить своихъ подданныхъ не помогать повстанцамъ и не участвовать въ революціонныхъ движеніяхъ: ка́къ, напр., Швейцарія удержитъ своихъ сыновъ, эмигрировавшихъ въ Южную Америку, отъ участія въ тѣхъ смутахъ и безпорядкахъ, которые тамъ составляютъ какъ бы родъ хронической болѣзни?

Подобное участіе, какъ извѣстно, всегда влечетъ за собою утрату для туземца покровительства со стороны государства—отечества: развѣ само по себѣ, это не достаточное наказаніе за вмѣшательство—часто вынужденное—во внутреннія дѣла той страны, гдѣ лицо поселилось, не говоря уже о тѣхъ опасностяхъ, которыя сопряжены съ ролью повстанца? Всѣ эти соображенія убѣдили собраніе въ неудачности предложенной коммисіей конструкціи, и слова „et à leurs ressortissants“ вычеркнуты были большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного.

Ст. 2 и 3 регламента посвящены ближайшему выясне-

маркизу д'Оливару всесторонне изучить вопросъ и составить подробную „справку“ о дѣйствующихъ международно-правовыхъ обычаяхъ. См. Revue de droit international 1896, p. 100 et suiv.

нію обязанностей незамѣшанныхъ въ революціонномъ движеніи державъ. Текстъ ихъ слѣдующій:

Ст. 2—§ 1. „Всякая третья держава, находящаяся въ „состояніи мира съ независимой націей, обязана не оказы„вать противодѣйствія тѣмъ мѣрамъ, которыя эта нація „принимаетъ для возстановленія внутренняго своего спокойствія.

„§ 2. „Она не должна доставлять инсургентамъ ни оружія, „ни огнестрѣльныхъ припасовъ, ни предметовъ войсковаго „снаряженія и обмундированія, ни (денежныхъ) субсидій.

„§ 3. „Спеціально воспрещается каждой третьей державѣ „дозволять, чтобы въ предѣлахъ ея владѣній организовались „военныя экспедиціи противъ признанныхъ и законныхъ „правительствъ (борющихся съ инсургентами).

Ст. 3. „Въ принципѣ нельзя ставить въ упрекъ госу„дарству, въ предѣлахъ котораго вспыхнуло возстаніе, то „обстоятельство, что оно, борясь съ оружіемъ въ рукахъ „противъ этого возстанія, примѣняетъ одинаковыя репрес„сивныя мѣры ко всѣмъ, принимающимъ активное участіе „въ междоусобной войнѣ, какова бы ни была ихъ націо„нальность. Изъ сего изъемлются наказанія исключительно „жестокія и очевидно превышающія необходимую мѣру ре„прессіи“.

Этими статьями, какъ видно, создается довольно своеобразное положеніе для третьихъ державъ, положеніе, которое можетъ быть характеризовано какъ *одностороннiй квази-нейтралитетъ*. На самомъ дѣлѣ, обязанность воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣйствій возлагается на державы только по отношенію къ инсургентамъ,—законному же правительству, согласно регламенту, можетъ быть оказана всякая помощь какъ самими правительствами, такъ и частными лицами. Съ другой стороны, Институтъ не рѣшился признать за неучаствующими въ борьбѣ государствами характеръ нейтральныхъ во всемъ его объемѣ, а ограничился возложеніемъ на нихъ лишь нѣкоторыхъ обязанностей, сводящихся, въ сущности, къ недоставленію предметовъ военной контрабанды и къ недопущенію организаціи въ предѣлахъ государства враждебныхъ законному правительству экспедицій.

Что же касается выраженнаго въ § 1 ст. 2 принципа—не оказывать сопротивленія принятымъ подавляющимъ возстаніе правительствомъ мѣрамъ,—то онъ настолько эластиченъ, что скорѣе долженъ быть разсмотрѣнъ какъ déclaration de principes, чѣмъ какъ юридическая норма.

Какова санкція ст. 2 и 3 регламента и, въ частности, § 2? Институтъ этого не говоритъ, но можно думать, что установленныя имъ для нейтральныхъ правительствъ обязанности должны имѣть своимъ коррелятивомъ признаніе за законнымъ правительствомъ права осмотра кораблей и права конфискаціи военной контрабанды, съ одной стороны, и закрѣпленіе за потерпѣвшимъ отъ нарушенія упомянутыхъ статей государствомъ притязаній на справедливое вознагражденіе. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что установленныя Институтомъ нормы, стѣсняя свободу дѣйствія нейтральныхъ, подлежатъ ограничительному толкованію, такъ какъ въ противномъ случаѣ легко могла бы сгладиться грань между дозволенными и недозволенными дѣйствіями.

Ст. 4—9 регламента посвящены вопросу о „присвоеніи инсургентамъ характера воюющей стороны". Признаніе воюющей стороной можетъ послѣдовать какъ со стороны законнаго правительства, такъ и со стороны третьихъ державъ. Въ первомъ случаѣ, необходимымъ послѣдствіемъ признанія является примѣненіе къ мятежникамъ законовъ войны, во второмъ—возложеніе на державъ обязанностей нейтралитета.

Условія и способъ признанія регулируются регламентомъ слѣдующимъ образомъ. Согласно § 1 ст. 4, „правительство страны, гдѣ вспыхнула междоусобная война, можетъ признать инсургентовъ воюющими либо явно, посредствомъ категорическаго заявленія, либо молчаливо—рядомъ дѣйствій, не оставляющихъ сомнѣній на счетъ его намѣреній". Однако, гласитъ § 2 той же статьи, „фактъ примѣненія къ мятежникамъ, изъ чувства человѣколюбія, нѣкоторыхъ законовъ войны, самъ по себѣ не составляетъ признанія за ними характера воюющей стороны".

Само собою разумѣется, что правительство, согласившееся на признаніе, не можетъ претендовать, если его примѣру

послѣдуютъ и другія не участвующія въ борьбѣ державы. Несмотря на всю очевидность этого положенія, Институтъ, тѣмъ не менѣе, счелъ необходимымъ, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, санкціонировать его въ 3 параграфѣ ст. 4, гласящемъ, что „le gouvernement qui a reconnu soit explicitement, soit implicitement ses nationaux révoltés comme belligérants, devient non recevable à critiquer (?) la reconnaissance qui serait opérée par une tierce puissance". Изъ буквальнаго смысла этого параграфа вытекаетъ, что признаніе со стороны третьей державы можетъ послѣдовать лишь въ томъ случаѣ, если само законное правительство вступило на этотъ путь. Но признаніе, исходящее отъ законнаго правительства, само по себѣ, конечно, не обязываетъ третьихъ державъ, и послѣднія могутъ отказать мятежникамъ въ характерѣ воюющихъ до самаго конца военныхъ дѣйствій. Это правило включено и въ регламентъ (ст. 5 § 1), и одно изъ его послѣдствій даже спеціально предусмотрѣно въ § 2 той же статьи: пока третья держава, читаемъ мы здѣсь, не признала сама „la belligérance", она не обязана не нарушать блокады, учрежденной инсургентами надъ тѣми частями побережья, которыя находятся во власти законнаго правительства. Изъ этого, въ свою очередь, вытекаетъ, что суда третьихъ державъ не могутъ подлежать осмотру въ открытомъ морѣ со стороны судовъ, принадлежащихъ мятежной партіи.

Спрашивается, однако, обязательно ли для судовъ нейтральныхъ блокада, установленная законнымъ правительствомъ? Можетъ ли, въ данномъ случаѣ, имѣть мѣсто осмотръ?

Регламентъ указаній по этому поводу не содержитъ, но изъ происходившихъ въ средѣ Института преній видно, что ученая коллегія склонялась въ пользу утвердительнаго отвѣта на первый изъ поставленныхъ вопросовъ и отрицательнаго на второй [1]). Въ оправданіе такого различія, защитниками его приводилось то соображеніе, что блокада носитъ характеръ административно-полицейской мѣры, тогда какъ осмотръ есть мѣра чисто военная. Однако, если, какъ мы выше ви-

---

[1]) См. Annuaire de l'Institut, t. XVIII, p. 212 et suiv.

дѣли, ст. 2 регламента установляетъ понятіе военной контрабанды, то единственно возможной санкціей этой статьи является осмотръ нейтральныхъ судовъ. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія, на нашъ взглядъ, отвергать осмотръ, когда дѣло идетъ о нарушеніи блокады.

Признаніе третьими державами за инсургентами характера воюющей стороны обставляется Институтомъ цѣлымъ рядомъ условій. Согласно ст. 8 регламента, признаніе *не* должно имѣть мѣста:

1) если мятежная партія не добилась извѣстнаго самостоятельнаго территоріальнаго существованія (une existence territoriale distincte) посредствомъ завладѣнія опредѣленной части государственной территоріи;

2) если ей не удалось придать себѣ извѣстную правительственную организацію, связанную съ упражненіемъ верховныхъ правъ на означенной части территоріи [1]);

3) если борьба не ведется отъ имени правительства мятежниковъ правильно организованными войсками, подчиненными воинской дисциплинѣ и соблюдающими законы и обычаи войны.

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, для законнаго правительства признаніе совершенно свободно, третьи же державы въ этомъ отношеніи связаны цѣлымъ рядомъ условій. Это, на первый взглядъ, нѣсколько странное, различіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что держава, признавшая мятежную партію, eo ipso становится нейтральною по отношенію къ *обѣимъ* сторонамъ [2]). Такимъ образомъ вся-

---

[1]) 2. S'il (le parti révolté) n'a pas réuni les éléments d'un gouvernement régulier exerçant en fait sur cette partie du territoire les droits apparents de la souveraineté.

[2]) До признанія, какъ мы видѣли, существуетъ только односторонній квазинейтралитетъ (по отношенію къ законному правительству). Нѣкоторое отступленіе отъ этого принципа, оправдываемое соображеніями гуманности и цѣлесообразности, заключается въ ст. 6 регламента. „Правительство",—говорится здѣсь,—„которое признало за мятежниками качество воюющей стороны, не можетъ ставить въ упрекъ третьей державѣ то, что оно станетъ гуманно обходиться (accueillir) со скрывшимися въ ея предѣлахъ вооруженными инсургентами, обезоруживая и интернируя ихъ до окончанія военныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе сего

кая помощь, оказываемая законному правительству, всякій подвозъ предметовъ, служащихъ для военныхъ цѣлей, всякое нарушеніе блокады, хотя бы и установленное инсургентами и т. д., становятся незаконными. Косвенно, признаніе является поддержкой для мятежной партіи, которая возводится тѣмъ самымъ на степень квази-субъекта международнаго права, квази-государства [1]). Вполнѣ понятно, что, при такихъ условіяхъ, полная свобода въ дѣлѣ признанія могла бы повести къ разнаго рода злоупотребленіямъ со стороны третьихъ державъ и поставить законное правительство въ весьма невыгодное положеніе. Эти соображенія и побудили Институтъ поставить необходимымъ условіемъ признанія государствоподобную организацію мятежной партіи и соблюденіе ею общепринятыхъ законовъ войны.

Разъ сдѣланное третьей державой признаніе можетъ быть имъ revоцировано по усмотрѣнію. Это правило санкціонируется ст. 9 регламента, и единственное поставленное Институтомъ условіе то, чтобы ревокація не имѣла обратнаго дѣйствія.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, постановленія Института, касающіяся сложнаго вопроса объ отношеніи державъ къ мятежнымъ партіямъ. Конечно, многое въ этой области осталось невыясненнымъ, и не всѣ статьи регламента обладаютъ всей желательной ясностью и опредѣленностью. Но, во всякомъ случаѣ, основныя правовыя начала найдены и форму-

---

оно не въ правѣ претендовать, если его собственные солдаты, переступившіе границу, будутъ обезоружены и интернированы. Оно, впрочемъ, обязано вознаградить третью державу только за содержаніе своихъ собственныхъ войскъ (но не войскъ инсургентовъ)".

[1]) Само собою разумѣется, что признаніе не превращаетъ мятежной партіи въ самостоятельный, съ точки зрѣнія международнаго права, политическій организмъ. Такъ, напр., признаніе Англіею буровъ воюющей стороной отнюдь не могло возвести Трансвааля на степень независимой державы—какъ это, повидимому, признавалось нѣкоторой частью нашей ежедневной печати. Въ проектѣ, представленномъ коммисіей Институту, это правило было упомянуто, но ученое собраніе, признавъ, что „воспитаніе юношества" не входитъ въ число его задачъ, совершенно правильно отказалось включить его въ окончательный текстъ регламента.

лированы, и темное царство произвола озарено первыми лучами правомѣрности. Это уже большой прогрессъ.

IV.

Имѣютъ ли иностранцы, поселившіеся въ какой-нибудь странѣ и потерпѣвшіе здѣсь убытки вслѣдствіе возстанія или междоусобной войны, право на вознагражденіе? Таковъ третій вопросъ, разсмотрѣнный Институтомъ на Невшательской сессіи.

Литература, до самаго послѣдняго времени, склонна была разрѣшать его отрицательно. Указывали на то, что правительства, обыкновенно, не вознаграждаютъ своихъ собственныхъ подданныхъ въ подобныхъ случаяхъ, и что потому признаніе принципа отвѣтственности по отношенію къ иностранцамъ создавало бы на ихъ сторонѣ ничѣмъ не оправдываемую привилегію; что иностранцы, пріобрѣтая осѣдлость въ какомъ-либо государствѣ, дѣлаютъ это на свой страхъ и рискъ; что требованіе вознагражденія нарушало бы внутреннюю самостоятельность государства; что возстаніе подходитъ подъ понятіе vis major и т. п. [1]).

На практикѣ вопросъ разрѣшается различно—въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла и политической конъюнктуры. Такъ, напр., въ 1849 г. во время смутъ и безпорядковъ, вспыхнувшихъ въ Италіи, нѣкоторые англійскіе подданные, домицилированные въ Тосканѣ, потерпѣли значительные убытки. Лондонскій кабинетъ обратился къ тосканскому правительству съ требованіемъ вознаградить потерпѣвшихъ. Въ виду отказа Тосканы, дѣло приняло довольно острый характеръ, и тогда, во избѣжаніе возможнаго конфликта, тосканское правительство обратилось къ Петербургскому кабинету съ просьбою передать вопросъ на разсмотрѣніе третейскаго суда. Нотой отъ 2 мая 1850 г. графъ Нессельроде увѣдо-

---

[1]) См. Calvo, Le droit international, 4 éd. 1888, III, p. 142 et suiv. Докладъ Brusa въ Annuaire de l'Institut de droit inter., XVII, p. 96 et suiv. Статья L. de Bar въ Revue de droit intern., 1899, p. 464 et suiv.

милъ нашего посла въ Лондонѣ, что несправедливость англійскихъ притязаній столь очевидна, что не можетъ быть и рѣчи объ арбитражѣ [1]). На ту же точку зрѣнія стали въ 1851 г. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ 1859 г. Испанія и т. д.

Однако, въ томъ же 1850 году Англіи удалось добиться вознагражденія отъ Греціи за убытки, причиненные нѣкоему британскому гражданину Пачифико Аѳинской чернью [2]). Въ послѣднее же десятилѣтіе принципъ отвѣтственности государствъ сталъ все чаще и чаще признаваться и неоднократно примѣненъ былъ по поводу тѣхъ междоусобицъ, свидѣтелемъ которыхъ пришлось сдѣлаться южно-американскому континенту. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало наблюдаться и иное отношеніе къ вопросу въ научной литературѣ.

При такихъ условіяхъ вмѣшательство, такъ сказать, въ споръ Института международнаго права было вполнѣ умѣстно и своевременно. На очередь вопросъ былъ поставленъ уже въ 1899 году, но въ виду возникшаго въ коммисіи разногласія разсмотрѣніе его было отложено до Невшательской сессіи, на коей Бруза и Баромъ былъ представленъ Институту весьма обстоятельный проектъ регламента.

Основная мысль докладчиковъ, красной нитью проходящая черезъ весь проектъ, та, что право на вознагражденіе иностранцевъ, понесшихъ убытки отъ мятежа или междоусобной войны, существуетъ только тогда, когда государство *не исполнило* своихъ *международно-правовыхъ обязанностей*. Государство не гарантируетъ иностранцамъ бо́льшей безопасности, чѣмъ своимъ собственнымъ гражданамъ; но, принимая ихъ и позволяя имъ селиться въ предѣлахъ своей территоріи, оно eo ipso обезпечиваетъ имъ неменьшую. Поэтому, когда насильственныя дѣйствія направлены *противъ иностранцевъ, какъ таковыхъ* или какъ *представителей* (подданныхъ) *той или другой націи*, для территоріальнаго государства возникаетъ обязанность вознаградить потерпѣвшихъ за вредъ и убытки.

---

[1]) Calvo, loc. cit.

[2]) Ф. Мартенсъ, Междунар. право, II, 465 (изд. 1888 г.).

Это основное начало и санкціонировано ст. 1 регламента, единогласно принятой Институтомъ. Редактирована она слѣдующимъ образомъ:

„Независимо отъ тѣхъ случаевъ, когда иностранцы должны „быть вознаграждены на основаніи общихъ законовъ страны, „они еще имѣютъ право на вознагражденіе за причиненные „имъ лично или ихъ имуществу вредъ и убытки во время „бунта, возстанія или междоусобной войны:

a) „когда дѣйствія (насильственныя), отъ которыхъ они „понесли убытокъ, были направлены противъ иностранцевъ, „какъ таковыхъ или какъ представителей какого-либо опре„дѣленнаго государства, или

b) „когда эти дѣйствія заключались въ закрытіи порта „безъ предварительной своевременной нотификаціи или въ „задержаніи иностранныхъ кораблей въ портахъ, или

c) „когда убытки произошли отъ противозаконныхъ дѣй„ствій должностнаго лица, или

d) „когда обязанность вознаградить потерпѣвшаго вытекаетъ изъ общихъ началъ права войны“.

Нѣкоторыя сомнѣнія, на нашъ взглядъ, возбуждаетъ пунктъ c), сакціонирующій международную отвѣтственность государства за противозаконныя дѣйствія его должностныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что и во внутреннемъ правѣ это начало признано далеко не повсюду и едва ли проводится гдѣ-либо въ такой абсолютной формѣ; въ теоріи же оно и по сіе время признается, до извѣстной степени, спорнымъ. Поэтому, принятое Институтомъ правило, какъ бы опережая правосознаніе народовъ, на практикѣ въ большинствѣ случаевъ создастъ своего рода privilegium odiosum для туземцевъ. Съ этой точки зрѣнія, включеніе пункта c) въ регламентъ представляется нѣсколько преждевременнымъ, и осторожнѣе было принять мнѣніе многихъ изъ членовъ Института, совѣтовавшихъ оставить пока вопросъ открытымъ.

Остальныя статьи Невшательскаго регламента представляютъ изъ себя, въ сущности, лишь дальнѣйшее развитіе общаго принципа, выраженнаго въ первой его статьѣ. Мы поэтому долго на нихъ останавливаться не станемъ и по-

зволимъ себѣ лишь вкратцѣ передать ихъ содержаніе. Вредъ и убытки могутъ быть причинены иностранцу и на территоріи, занятой правительствомъ мятежниковъ, и исходить либо отъ самого правительства, либо отъ одного изъ его агентовъ. Отвѣтственность, согласно ст. 2 регламента, ложится и въ этомъ случаѣ на законное правительство, если только налицо имѣется одно изъ условій, перечисленныхъ въ 1 статьѣ. Мятежное правительство только тогда можетъ быть вынуждено возмѣстить убытки, когда оно было признано воюющей стороной государствомъ отечествомъ потерпѣвшаго.

Само собою разумѣется, что лицо, вызвавшее насильственныя дѣйствія своимъ собственнымъ поведеніемъ, ни на какое вознагражденіе претендовать не можетъ. На самомъ дѣлѣ, было бы несправедливо возмѣщать такіе убытки, которые составляютъ вполнѣ заслуженное наказаніе за вызывающій и оскорбительный для національнаго самолюбія народныхъ массъ образъ дѣйствія. Не бо́льшее право на вознагражденіе долженъ имѣть иностранецъ, вернувшійся въ страну несмотря на то, что былъ изъ нея выселенъ, равно какъ и тотъ, который, зная о происходящихъ въ странѣ революціонныхъ движеніяхъ, тѣмъ не менѣе поселится въ ней на свой страхъ и рискъ. Volenti non fit injuria.

Къ такимъ лицамъ Институтъ, въ отношеніи вознагражденія, приравниваетъ и тѣхъ безстрашныхъ піонеровъ, которые рѣшаются селиться въ областяхъ, обитаемыхъ дикими племенами—развѣ только мѣстное правительство гарантировало бы имъ безопасность (ст. 3).

Нѣсколько осложняется вопросъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возстаніе или междоусобная война вспыхнули въ союзномъ государствѣ. Кто является отвѣтственнымъ лицомъ? Федеральное правительство или власти того государства, гдѣ иностранецъ понесъ убытки? Какъ устранить отрицательный конфликтъ компетенціи? Регламентъ Института, ставъ на ту совершенно правильную точку зрѣнія, что субъектомъ международно-правовыхъ правъ и обязанностей является союзное государство какъ таковое, а не входящіе въ его со-

ставъ политическіе организмы, возлагаетъ отвѣтственность на центральное правительство, которое не можетъ отказываться отъ вознагражденія потерпѣвшаго даже и въ томъ случаѣ, если конституція не предоставляетъ ему ни права контролировать дѣйствія отдѣльныхъ государствъ, ни возможности принудить ихъ къ исполненію тѣхъ или иныхъ обязанностей (ст. 4).

Въ заключеніе Институтомъ выражено было особое пожеланіе (voeu), чтобы государство, въ случаѣ конфликта по поводу понесенныхъ иностранцами во время внутреннихъ смутъ или междоусобныхъ войнъ убытковъ, обращалось, для разрѣшенія спора, къ международнымъ слѣдственнымъ комисіямъ и международнымъ судамъ.

ЗАМѢТКИ МИРОВАГО СУДЬИ.

П. С. Коробка.

О сокращенныхъ способахъ разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ.—Карательные приказы и разбирательство въ порядкѣ неотложности.

Отчеты мировыхъ и городскихъ судей показываютъ, что огромное большинство дѣлъ относится къ маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ, производство которыхъ чрезвычайно сложно и имѣетъ много излишнихъ формальностей, на которыя обратила вниманіе Коммисія по пересмотру судебныхъ уставовъ. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что если улучшенія, которыя обсуждались въ этой Коммисіи, получатъ законодательное утвержденіе, то трудъ единоличныхъ судей въ этомъ отношеніи, безъ ущерба для существа дѣла, будетъ сокращенъ почти на половину. Жаль только, что не всѣ мѣры, которыя обсуждались въ Коммисіи въ этомъ отношеніи, были приняты большинствомъ членовъ ея. Изъ двухъ способовъ упрощенія дѣлопроизводства маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ, предложенныхъ на обсужденіе Коммисіи, послѣднею были приняты одни судебные приказы. Чтобы убѣдиться въ пользѣ предлагаемыхъ способовъ, нужно разсмотрѣть ихъ не только теоретически, но и съ практической стороны.

Коммисія, какъ сказано раньше, обсуждала два сокращенныхъ способа производства маловажныхъ дѣлъ: судебные приказы и разбирательство въ порядкѣ неотложности. Первый способъ состоитъ въ постановленіи приговоровъ безъ вызова обвиняемаго; второй состоитъ въ томъ, чтобы допущено было разбирательство дѣлъ вслѣдъ за совершеніемъ проступка съ приводомъ обвиняемаго, если къ этому не встрѣчается затрудненія и если по существу дѣла это возможно. Принятъ только первый способъ. Второй способъ былъ отклоненъ: изъ 26 членовъ за него высказались только 8 членовъ.

Въ 1896 году пишущій эти строки, вслѣдствіе предложенія предсѣдателя третьяго отдѣла Коммисіи сенатора Н. С. Таганцева, напечатаннаго въ № 8 за 1895 годъ Журнала Министерства Юстиціи, представилъ въ Коммисію отвѣты на вопросы, предложенные отъ III отдѣла ея, и напечаталъ ихъ въ Журналѣ Юридическаго Общества за 1896 годъ въ № 1. Въ числѣ этихъ отвѣтовъ было указано и на способы, которые слѣдуетъ принять у насъ при разрѣшеніи маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ. Мнѣніе наше по обсуждаемому вопросу, въ общихъ чертахъ, напечатано въ 4 томѣ объяснительной записки коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части. Считая неизлишнимъ снова вернуться въ вопросу объ упомянутыхъ способахъ производства маловажныхъ дѣлъ, мы постараемся выяснить въ подробностяхъ тѣ соображенія, которыя побуждаютъ насъ признать раціональность этихъ способовъ и желательность примѣненія ихъ въ нашей жизни.

Желательно установить такой порядокъ производства маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ, чтобы виновный не избѣгалъ слѣдуемаго наказанія, которое должно налагаться на него вслѣдъ за совершеніемъ проступка, соразмѣрно его винѣ, а не спустя значительное время, когда всѣ забыли объ этомъ проступкѣ. При этомъ необходимо, чтобы порядокъ этотъ не причинялъ непріятностей лицамъ невиновнымъ — свидѣтелямъ и не былъ напрасною тягостью для обвиняемаго, безцѣльно усугубляя его положеніе. Чтобы увидѣть, въ какой степени существующій порядокъ соотвѣтствуетъ своему на-

значенію, нужно разсмотрѣть, какъ на практикѣ возникаютъ подобныя уголовныя дѣла и какъ происходитъ ихъ разрѣшеніе на основаніи существующаго закона.

Законодательства западной Европы уже давно практикуютъ для такихъ дѣлъ сокращенный порядокъ въ указанныхъ двухъ видахъ.

Такіе порядки законодательствами западной Европы приняты въ виду того, чтобы избѣжать излишней, неоправдываемой необходимостью существа дѣлъ, затраты судебнаго труда и обусловить примѣненіе процессуальныхъ формъ и обрядовъ наличностью только такихъ интересовъ частныхъ и публичныхъ, которые инымъ путемъ не могли быть охранены. Въ Германіи примѣняются въ большомъ размѣрѣ карательные приказы, высшій размѣръ наказуемости которыхъ не превышаетъ шестинедѣльнаго лишенія свободы и штрафа въ размѣрѣ 150 марокъ. Такой порядокъ въ Германіи, по словамъ извѣстнаго профессора Гнейста, составляетъ „*истинное благодѣяніе для населенія*“. Мы не намѣрены описывать указанные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ законодательствъ западной Европы, съ указаніемъ разныхъ индивидуальныхъ особенностей этихъ порядковъ, а указали на нихъ лишь вскользь для объясненія, что существованіе такихъ порядковъ не считается стѣсненіемъ личности обвиняемаго. Личность и свобода человѣка, почти во всѣхъ государствахъ западной Европы, какъ всѣмъ извѣстно, охраняется не менѣе, чѣмъ въ Россіи, а потому не слѣдуетъ намъ пугаться этихъ порядковъ, предполагая, что этимъ затрудняется защита обвиняемаго и устанавливаются для него разныя стѣсненія.

Для каждаго государства нужно установить такой порядокъ въ этомъ отношеніи, который соотвѣтствуетъ условіямъ жизни страны. Къ описанію этихъ условій возникновенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ у насъ мы теперь и переходимъ.

Наибольшее число уголовныхъ дѣлъ въ городахъ относится къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ 29, 38, 31, 42 и 61 ст. уст. наказ., почему мы изложимъ порядокъ возни-

кновенія и производства именно этихъ дѣлъ, предварительно указавши, что эти проступки преобладаютъ въ уголовной практикѣ единоличныхъ судей.

Изъ отчета с.-петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда за 1899 годъ (стр. 30) видно, что изъ общаго числа подсудимыхъ 76188 мужчинъ и 12131 женщинъ, по дѣламъ, бывшимъ въ производствѣ всѣхъ участковыхъ столичныхъ мировыхъ судей въ 1899 году, они распредѣляются по проступкамъ такъ: 1) по 31 ст. уст. наказ. 2926 муж. и 354 жен., 2) по 29—34 ст. 9075 муж. и 1378 жен., 3) по 35—51 ст. 36179 муж. и 4244 жен., 4) по 58—64 ст. 3806 муж. и 633 жен. и 5) по 52—57 ст. и 65—130 ст. 6465 муж. и 633 жен. Изъ этого видно, что къ маловажнымъ проступкамъ, если даже не считать послѣдней рубрики, относится значительно больше половины всѣхъ дѣлъ, находившихся въ производствѣ с.-петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей. Отсюда само собою понятно, что сокращеніе ненужной формальности въ производствѣ этого рода дѣлъ уменьшитъ трудъ с.-петербургскихъ столичныхъ участковыхъ судей не менѣе, какъ на половину.

Дѣла по обвиненію въ появленіи пьянымъ въ публичномъ мѣстѣ (42 ст. уст. наказ.), а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дракѣ въ такомъ видѣ (38 ст. уст. наказ.) начинаются обыкновенно такъ: обвиняемый по распоряженію городоваго или околоточнаго надзирателя препровождается дворниками въ участокъ для вытрезвленія, потому что такія лица иногда находятся въ безчувственномъ состояніи. При доставленіи ихъ въ участокъ, они находятся часто въ такомъ видѣ, что невозможно установить въ то время ихъ личность, а потому, при передачѣ этихъ лицъ въ полицейскій домъ, записываются только лица, доставившія обвиняемаго, которыя впослѣдствіи бываютъ и свидѣтелями по этому дѣлу. По вытрезвленіи обвиняемаго, что обыкновенно бываетъ на другой день, онъ препровождается въ участокъ, и составляется протоколъ или пишется сообщеніе на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ полицейскомъ домѣ при доставленіи обвиняемаго. Если личность обвиняемаго мѣст-

ной полиціи неизвѣстна, то этому предшествуетъ удостовѣреніе его личности, для чего это лицо посылается въ мѣсто его жительства или передается въ другой участокъ для удостовѣренія личности. На достиженіе этой цѣли въ Петербургѣ уходятъ сутки, а иногда и болѣе, въ теченіе которыхъ обвиняемый нерѣдко находится подъ арестомъ. Если онъ имѣетъ паспортъ, то его отпускаютъ, а паспортъ отъ него отбирается для представленія мировому судьѣ. Иногда паспортъ и не отбирается, а ограничиваются удостовѣреніемъ личности обвиняемаго, если послѣдній имѣетъ опредѣленное мѣстожительство. Если паспорта обвиняемый не имѣетъ и не можетъ указать опредѣленнаго мѣстожительства, то онъ вмѣстѣ съ протоколомъ лично передается мировому судьѣ.

На основаніи 51 ст. уст. угол. суд. обвиняемый можетъ быть приводимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда застигнутый при совершеніи проступка неизвѣстенъ полиціи и не представитъ удостовѣренія о своемъ имени, фамиліи и мѣстѣ жительства, и 2) когда по дѣламъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыя въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое, есть поводъ опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожитъ слѣды преступнаго дѣйствія.

Въ большинствѣ описанныхъ случаевъ обвиняемые извѣстное время бываютъ лишены свободы, при чемъ иногда время, проведенное обвиняемымъ подъ арестомъ, почти равняется наказанію, слѣдуемому ему за совершенный проступокъ. По составленіи протокола или сообщенія въ полиціи, дѣло поступаетъ къ мировому судьѣ, который вслѣдъ за полученіемъ протокола или сообщенія назначаетъ дѣло къ разбору, вызываются обвиняемый и свидѣтели. Въ провинціи эти послѣдніе вызываются изъ селъ, не получая за это никакого вознагражденія, что̀ весьма тягостно для свидѣтелей вообще, а въ особенности въ рабочее время. Хотя по закону свидѣтель можетъ получать вознагражденіе, но порядокъ взысканія этого вознагражденія требуетъ столько времени, что оно сто́итъ больше, чѣмъ вознагражденіе, назначаемое свидѣтелю за отвлеченіе отъ занятій. Подобные проступки со-

вершаютъ большею частью рабочіе, которые въ большихъ городахъ часто мѣняютъ квартиры, такъ что посланныя повѣстки имъ иногда и не вручаются. Между тѣмъ свидѣтели, имѣющіе опредѣленное мѣстожительство или занятіе, большею частью дворники или городовые, являются своевременно. При невручении повѣстки обвиняемому, свидѣтелей, по правиламъ уголовнаго судопроизводства, нельзя спрашивать; судья постановляетъ о розыскѣ обвиняемаго, и свидѣтели вызываются вторично. Такой вызовъ свидѣтелей бываетъ по нѣскольку разъ. Въ осеннее время, послѣ окончанія срока работъ въ городахъ, рабочіе часто, вслѣдъ за совершеніемъ подобныхъ проступковъ, отправляются на родину, въ села, такъ что приходится розыскивать ихъ не только въ мѣстѣ совершенія проступка, но и въ провинціи. Дѣлопроизводство С.-Петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей показываетъ, что подобныхъ дѣлъ находится много въ розыскѣ, что по такимъ дѣламъ приходится имѣть переписку съ волостными правленіями, приходится задерживать на мѣстѣ паспортъ обвиняемаго, и что разрѣшеніе многихъ подобныхъ дѣлъ происходитъ иногда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ возникновенія, при чемъ дѣла эти получаютъ значительный объемъ, благодаря розыскамъ и перепискѣ съ разными учрежденіями. Несмотря на эту сложную процедуру, дѣло иногда оканчивается оправдательнымъ приговоромъ, хотя наличность проступка существуетъ. Такой результатъ происходитъ отъ того, что всѣ подобныя дѣла имѣютъ одну и ту же обстановку, а свидѣтели забываютъ о совершенномъ проступкѣ, потому что подобныхъ проступковъ въ городахъ бываетъ много, а свидѣтели—или дворники, или городовые, которые видѣли обвиняемаго въ позднее время, а личности его удостовѣрить не могутъ, фамиліи его не знали; имъ часто приходится быть свидѣтелями подобныхъ проступковъ, такъ что установить соотношеніе разбираемаго дѣла къ личности обвиняемаго бываетъ невозможно, если, получивши повѣстку, онъ не явится или, явившись послѣ долгихъ розысковъ, не признаетъ себя виновнымъ. Такимъ образомъ, исписывается много бумаги, тратится не мало труда и времени и отъ судьи, и отъ свидѣтелей, и

отъ разныхъ учрежденій, а въ результатѣ иногда получается оправдательный приговоръ. Очевидна ненормальность такого порядка, который настоятельно нуждается въ измѣненіи.

Что касается порядка возникновенія другихъ маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ, то проступки, предусмотрѣнные 31 ст. уст. наказ., т. е. оскорбленіе городовыхъ и околоточныхъ надзирателей словомъ и дѣйствіемъ, рѣдко возникаютъ самостоятельно, а большею частью совмѣстно съ проступками по 42 и 38 ст. того же устава. Дѣло происходитъ обыкновенно такъ: пьяные начинаютъ ссору; посылаютъ за городовымъ или околоточнымъ надзирателемъ, которые принимаютъ мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, а въ это время буяны наносятъ оскорбленіе словами или дѣйствіемъ представителю полиціи. Слѣдовательно, все, что̀ сказано нами относительно проступковъ, предусмотрѣнныхъ 42 и 38 ст. уст. наказ., примѣнимо и къ дѣламъ этого рода.

По дѣламъ, возникающимъ за неисполненіе законныхъ требованій полиціи и другихъ властей (29 ст. уст. наказ.), также происходитъ длинная процедура, а между тѣмъ дѣла эти требуютъ иногда весьма спѣшнаго разрѣшенія, если, кромѣ преслѣдованія по 29 ст. уст. наказ. предъявляется еще требованіе объ исполненіи того, за что обвиняемый привлекается къ отвѣтственности по 29 ст. уст. наказ., напримѣръ, очистки снѣга или нечистотъ и т. п. Вслѣдствіе медленности разрѣшенія подобныхъ дѣлъ происходятъ слѣдующія несообразности: полиція посылаетъ требованіе объ очисткѣ снѣга, которое не исполняется, тогда предъявляется обвиненіе по 29 ст. уст. наказ. съ обязанностью убрать снѣгъ или очистить дворъ отъ нечистотъ или относительно очистки отхожихъ мѣстъ. Пока дѣло окончательно получитъ разрѣшеніе во всѣхъ инстанціяхъ, наступаетъ другое время тода, когда снѣгъ уже давно растаялъ. Конечно, полиція принимаетъ надлежащія мѣры для своевременной уборки снѣга или очистки отхожихъ мѣстъ, такъ что разбирательство судебное въ извѣстной части въ этомъ отношеніи обращается въ совершенно ненужную формальность.

Весьма интересенъ порядокъ возникновенія уголовныхъ дѣлъ

въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 29 ст. уст. наказ., возбуждаемыхъ с.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ за нарушеніе правилъ о торговлѣ. Въ Петербургѣ существуетъ множество мелкихъ торговцевъ, которые торгуютъ въ разносъ разными продуктами. Эти лица должны производить торговлю по извѣстнымъ правиламъ, которыя они часто нарушаютъ. Одно изъ такихъ нарушеній состоитъ въ томъ, что вопреки запрещенію производить торговлю останавливаясь на опредѣленномъ мѣстѣ, они торгуютъ такимъ образомъ, и притомъ въ многолюдныхъ мѣстахъ, мѣшая движенію проходящихъ. За наблюденіемъ торговли существуютъ отъ с.-петербургской городской управы торговые смотрители, которые составляютъ множество протоколовъ, весьма обстоятельно указывающихъ какъ на характеръ нарушенія, такъ и на доказательства этого нарушенія. Такой протоколъ поступаетъ въ торговую депутацію, откуда препровождается въ с.-петербургскую управу и, по постановленію послѣдней, впослѣдствіи, передается мировому судьѣ по мѣсту совершенія проступка. На всѣ эти мытарства употребляется обыкновенно отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Лица, занимающіяся этой торговлей, совершенно бѣдный людъ, жители угловъ, которые занимаются торговлей этой временно, въ такое время года, когда трудно подыскать въ селѣ другую работу. По прошествіи даже 2-хъ мѣсяцевъ со времени возникновенія этого проступка, такія лица успѣли перемѣнить уже нѣсколько квартиръ, а многія уже уѣхали на родину. При полученіи изъ городской управы подобнаго дѣла, почти всегда, при первомъ разборѣ, повѣстка обвиняемому оказывается неврученною, а свидѣтелямъ и торговымъ смотрителямъ, которые всегда являются поддерживать обвиненіе, приходится терять напрасно время на явку въ судъ. Розыскъ обвиняемаго по такимъ дѣламъ составляетъ общее правило. По такимъ дѣламъ принято назначать наказаніе отъ 1 до 3 рублей, а труда и времени, затраченныхъ на производство ихъ, очень много. Само собою понятно, что передача такихъ дѣлъ мировому судьѣ торговыми смотрителями немедленно послѣ составленія протокола и разсмотрѣніе этихъ дѣлъ безъ вызова обвиняемыхъ, или же съ доставкою обвиняемаго вслѣдъ

за совершеніемъ проступка, не нарушая интересовъ правосудія, принесло бы много пользы во многихъ отношеніяхъ.

Все сказанное относительно перечисленныхъ проступковъ можно примѣнить и къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ 37—48, 61, 121, 123 ст. уст. наказ. и многимъ другимъ.

Нельзя не указать на особенные случаи возникновенія нѣкоторыхъ болѣе важныхъ дѣлъ—кражъ. Въ числѣ кражъ встрѣчаются такія, во время совершенія которыхъ виновный застигнутъ на мѣстѣ преступленія; похищенное отъ него отобрано, или онъ его добровольно возвратилъ. Послѣ удостовѣренія личности обвиняемаго, послѣдній обыкновенно лично доставляется судьѣ, въ виду несомнѣнности совершеннаго проступка. Обвиняемый, при допросѣ его судьею, признается въ совершеніи указаннаго проступка; потерпѣвшій не заявляетъ о гражданскомъ искѣ, да такого иска и быть не можетъ, потому что совершеннымъ проступкомъ не нанесено матеріальнаго вреда. Понятно, что производить судебное слѣдствіе, т. е. вызывать свидѣтелей, не представляется надобности, но нужно ли вызывать потерпѣвшаго, который отказался отъ гражданскаго иска? Въ какомъ порядкѣ разбирать эти дѣла? Не отнести ли ихъ къ такъ называемому порядку неотложности?

Описанные случаи возникновенія уголовныхъ дѣлъ показываютъ, что есть два рода такихъ дѣлъ: по однимъ существуетъ взятіе подъ арестъ обвиняемыхъ, захваченныхъ на мѣстѣ совершенія проступка, такъ какъ это иногда необходимо нужно сдѣлать по свойству самаго дѣла и это допускается закономъ; по другимъ дѣламъ этого не должно быть потому, что арестъ обвиняемаго былъ бы въ такихъ случаяхъ противозаконнымъ и не оправдывался бы существомъ дѣла. Для каждаго рода дѣлъ долженъ существовать и особый порядокъ производства. Изъ описанія порядка возникновенія нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ мы видѣли, что необходимость заставляетъ безчувственно пьяныхъ отправлять въ участокъ для вытрезвленія, слѣдовательно подвергать ихъ и предварительному аресту. Это необходимо, потому что отъ безчувственно пьянаго нельзя узнать о его личности, и притомъ такихъ пьяныхъ нельзя оставлять на улицѣ на произволъ разныхъ случайностей. Драка въ пу-

бличномъ мѣстѣ большею частью бываетъ какъ послѣдствіе опьянѣнія; она происходитъ почти всегда вечеромъ, въ позднее время. Лицъ, участвующихъ въ дракѣ, полиція не можетъ знать. Такія драки часто происходятъ и не въ мѣстѣ жительства обвиняемыхъ, а потому нарушителей порядка и спокойствія, а также и оскорбившихъ чиновъ полиціи, приходится иногда задержать нѣкоторое время при полиціи,— до утра. Съ пьяными людьми нельзя ночью ходить по городу для удостовѣренія личности. На другой день, препроводивъ задержанныхъ изъ полицейскаго дома въ полицейскій участокъ для составленія сообщенія, не слѣдуетъ этихъ задержанныхъ лицъ (обвиняемыхъ) посылать для удостовѣренія личности, а слѣдуетъ доставлять по составленіи письменнаго сообщенія тому судьѣ, который ближе къ мѣсту задержанія обвиняемаго. Если у этого судьи нѣтъ засѣданія, то къ очередному или сосѣднему, согласно сдѣланному росписанію, которое заблаговременно сообщается полиціи, чтобы она знала, какому судьѣ должны быть доставляемы эти обвиняемые. Одно задержаніе послѣднихъ, а часто и внѣшніе слѣды на ихъ лицѣ и платьѣ, указываютъ на ихъ виновность, которую они и сами почти всегда признаютъ. Если приходится въ такомъ случаѣ выяснять что-либо, то только степень вины для опредѣленія размѣра наказанія. Всѣ подобныя дѣла почти всегда настолько несложны, что одинъ разсказъ обвиняемаго, вмѣстѣ съ свѣдѣніями, помѣщенными въ сообщеніи полиціи, достаточно разъясняютъ существо дѣла, и въ допросѣ свидѣтелей не представляется надобности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно справедливо разрѣшить дѣло на основаніи вышеуказанныхъ данныхъ. Приговоръ немедленно объявляется обвиняемому, и если онъ изъявляетъ удовольствіе, то вслѣдъ за этимъ приводится въ исполненіе. Исполнительный листъ тогда же вмѣстѣ съ обвиняемымъ препровождается мѣстному участковому приставу при слѣдующемъ отношеніи: „Препровождая „при семъ лично NN .... и исполнительный листъ отъ „.... за № 2003, прошу изложенный въ ономъ приговоръ „привести въ исполненіе, если вы приговоромъ этимъ до-

„вольны. Въ противномъ случаѣ исполнительный листъ „возвратить мнѣ, а NN водворить на жительство, удосто-„вѣривъ его званіе и личность“.

Слѣдовало бы установить, чтобы при доставленіи такихъ обвиняемыхъ вмѣстѣ съ ними со стороны полиціи посылался и уполномоченный для поддержанія обвиненія.

Нѣкоторые судьи, какъ мы увидимъ ниже, разбираютъ подобныя дѣла немедленно по доставленіи обвиняемыхъ; это и составляетъ разбирательство въ порядкѣ неотложности. При такомъ порядкѣ нѣтъ надобности предварительно водить обвиняемаго съ городовымъ продолжительное время для удостовѣренія личности. Это надлежитъ дѣлать послѣ объявленія приговора, и то лишь въ томъ случаѣ, если обвиняемый остался приговоромъ недоволенъ, что̀ бываетъ очень рѣдко. Судьѣ доставлено лицо, совершившее извѣстный проступокъ, слѣдовательно и наказаніе будетъ исполнено надъ лицомъ, совершившимъ этотъ проступокъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если допустимъ, что кто-нибудь отбудетъ наказаніе, назвавшись Петровымъ, а онъ на самомъ дѣлѣ Ивановъ, то отъ этого никакихъ дурныхъ послѣдствій быть не можетъ, потому что наказанъ будетъ виновный.

Къ такого рода дѣламъ должны быть отнесены и другія болѣе важныя уголовныя дѣла, при возбужденіи которыхъ встрѣтится необходимость въ личномъ задержаніи обвиняемаго, а также и такія дѣла о кражѣ, о которыхъ сказано было раньше, если судья найдетъ, что они могутъ быть разрѣшены по одному объясненію обвиняемаго и даннымъ, указаннымъ въ протоколѣ полиціи.

Пишущій эти строки, по соглашенію съ мѣстной полиціей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ практикуетъ этотъ порядокъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ были задержаны обвиняемые, если представлялась возможность разбирать ихъ безъ ущерба для существа дѣла. Въ первое время мало было доставляемо обвиняемыхъ, потому что полиція привыкла практиковать общепринятый способъ, т. е. составлять протоколы и водить обвиняемыхъ для удостовѣренія личности, а потомъ отпускать, отобравши паспортъ. Въ 1899 году

такимъ порядкомъ разобрано слѣдующее количество дѣлъ въ 7 участкѣ г. Петербурга: январь—7, февраль—8, мартъ—2, апрѣль—7, іюнь—5, августъ—4, сентябрь—4, октябрь—26, ноябрь—41 и декабрь—34. Въ 1900 году такимъ порядкомъ разобрано гораздо болѣе такихъ дѣлъ, потому что полиція наглядно убѣдилась въ цѣлесообразности и практичности этого порядка, а именно: январь—40, февраль—28, мартъ—42, апрѣль—37, май—48, іюнь—42, іюль—35, августъ—31 и сентябрь—17 человѣкъ. Всего за 9 мѣсяцевъ—315. Эти свѣдѣнія показаны по участку, въ которомъ нѣтъ мѣстъ, гдѣ происходитъ большое скопленіе рабочихъ, а слѣдовательно и дѣлъ такихъ должно быть въ другомъ участкѣ гораздо больше.

Преимущества предлагаемаго измѣненія въ сравненіи съ нынѣ существующимъ порядкомъ очевидны и состоятъ въ слѣдующемъ:

Облегченіе участи обвиняемаго, который будетъ меньше находиться подъ предварительнымъ арестомъ, и сокращеніе времени на производство дѣла и исполненіе приговора. При задержаніи обвиняемаго полиціей, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, для привода его къ мировому судьѣ не требуется уже много времени, а слѣдовательно обвиняемый выигрываетъ время, въ теченіе котораго онъ долженъ быть лишенъ свободы. Обыкновенно составленіе сообщенія бываетъ на другой день послѣ задержанія обвиняемаго, слѣдовательно онъ будетъ уже въ трезвомъ видѣ, и приводъ его къ мировому судьѣ для разрѣшенія дѣла только сократитъ время, употребляемое безцѣльно на удостовѣреніе личности, а тѣмъ болѣе отобраніе вида на жительство, которое для рабочаго имѣетъ весьма тягостное послѣдствіе. При изъявленіи удовольствія, приговоръ немедленно обращается къ исполненію указаннымъ выше порядкомъ. При такомъ порядкѣ выигрываетъ время и судья, и его канцелярія, потому что не нужно писать повѣстки обвиняемому и не нужно вызывать напрасно свидѣтелей, если обвиняемые признаютъ свою вину. Такимъ образомъ, не будетъ розысковъ по такимъ дѣламъ, что составляетъ большую тягость для канцеляріи мироваго

судьи. Вызовъ свидѣтелей будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. когда обвиняемые не признали себя виновными, такъ что свидѣтели не будутъ вызываться напрасно.

Внезапное разбирательство нѣсколькихъ подобныхъ дѣлъ, которыя весьма не сложны и не потребуютъ отъ судьи много времени, можно устранить тѣмъ, что ежедневно, на случай привода такихъ обвиняемыхъ, слѣдуетъ назначать извѣстный часъ только для такихъ дѣлъ, увѣдомивъ объ этомъ времени полицію. При такомъ распредѣленіи времени, подобныя дѣла не могутъ нарушать общаго порядка разбора дѣлъ. Въ общемъ, для разбора такихъ дѣлъ судья будетъ затрачивать меньше времени, и въ итогѣ получится экономія времени для его служебныхъ занятій въ этомъ отношеніи.

Такой порядокъ не отнимаетъ отъ обвиняемаго права просить отложить разборъ дѣла и допросить его свидѣтелей, слѣдовательно обвиняемый имѣетъ полную гарантію для своей защиты. Нужно только установить для предупрежденія напрасной волокиты, что освобожденный изъ подъ ареста обвиняемый, не явившись въ засѣданіе въ назначенное судьею время, не можетъ разсчитывать на заочный приговоръ, который въ такомъ случаѣ не долженъ считаться заочнымъ и, смотря по назначенному наказанію, можетъ дать право только на обжалованіе въ надлежащую высшую инстанцію, но не болѣе. При этомъ срокъ обжалованія долженъ быть сокращенъ до 3-хъ дней. Во всякомъ случаѣ надлежитъ немедленно исполнять то, что̀ признано судомъ какъ послѣдствіе извѣстнаго нарушенія, т. е. очистку снѣга, двора и т. п.

Приглашеніе со стороны полиціи свидѣтелей при разборѣ такихъ дѣлъ можетъ быть предоставлено полиціи, но не нужно этого ставить въ какую-либо зависимость отъ судьи, съ возложеніемъ на него обязанностей подвергать штрафу свидѣтелей, приглашенныхъ полиціей, въ случаѣ ихъ неявки. Въ установленіи подобнаго правила не представляется надобности, и оно можетъ имѣть непріятныя послѣдствія. Полиція можетъ приводить своихъ свидѣтелей и безъ существованія этого правила, какъ всякая сторона въ

процессѣ, но допросъ этихъ свидѣтелей зависитъ отъ усмотрѣнія судьи на основаніи общихъ правилъ. Приглашеніе этихъ свидѣтелей непосредственно полиціей, помимо всякаго участія судьи, можетъ быть весьма удобно, потому что этими свидѣтелями въ такихъ дѣлахъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ или городовые, или дворники, которыхъ полиція можетъ удобно приглашать и безъ повѣстокъ. Будетъ извѣстно, что всѣ задержанные обвиняемые на другой день въ извѣстный часъ будутъ доставлены судьѣ (на основаніи предварительнаго росписанія), а потому отъ полиціи вполнѣ зависитъ принять мѣры къ тому, чтобы свидѣтели (дворники, городовые и околоточные надзиратели), бывшіе при подобныхъ случаяхъ, являлись въ камеру судьи въ указанное выше время. Установленіе этого правила въ законѣ не составляетъ необходимости, потому что такое право принадлежитъ каждой сторонѣ въ процессѣ, которая можетъ приводить по дѣламъ своихъ свидѣтелей. Мы упомянули объ этомъ вторично лишь для того, чтобы указать, въ какой формѣ можетъ быть допущено приглашеніе свидѣтелей со стороны полиціи.

Сообщеніе полиціи мировому судьѣ по дѣламъ сего рода удобнѣе дѣлать письменно съ указаніемъ, гдѣ совершенъ проступокъ, когда, кто совершилъ проступокъ, какой и какія существуютъ доказательства (одинъ или два свидѣтеля), мѣстожительства всѣхъ этихъ лицъ, ихъ званія, имени, отчества, фамиліи и за подписью участковаго пристава или лица, его замѣняющаго. Въ дѣлахъ подобнаго рода нѣтъ надобности составлять протоколъ, который по существу требуетъ подписи всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ протоколѣ. Эти послѣдніе должны быть составляемы по такимъ дѣламъ, по которымъ нѣтъ надобности подвергать обвиняемыхъ предварительному аресту.

Несмотря на значительныя удобства этого порядка въ извѣстнаго рода дѣлахъ, онъ не былъ принятъ Коммисіей по пересмотру законоположеній по судебной части, а потому мы сопоставимъ преимущества этого порядка съ замѣчаніями, которыми руководились члены Коммисіи, признавшіе нецѣлесообразность его. Замѣчанія эти слѣдующія:

1) (стр. 211, т. IV-й объясн. записки къ проекту уст. угол. суд.). Отягощеніе участи обвиняемаго, который долженъ слѣдовать въ камеру судьи въ сопровожденіи полицейской стражи по такимъ дѣламъ, по которымъ онъ можетъ быть подвергнутъ денежному штрафу или кратковременному аресту; тѣмъ болѣе, что приводъ въ камеру судьи не освобождаетъ задержанныхъ отъ предварительнаго препровожденія въ полицейскій участокъ для удостовѣренія личности. Притомъ большинство проступковъ, на которые предполагается распространить этотъ порядокъ, происходитъ въ праздничные дни—днемъ, а въ остальные дни—вечеромъ и ночью, когда нѣтъ засѣданія въ камерѣ, почему обвиняемому пришлось бы долго находиться подъ арестомъ, ожидая засѣданія;

2) расширеніе полномочій полиціи задерживать обвиняемыхъ откроетъ обширное поле для злоупотребленія;

3) стѣсненіе свидѣтелей, которые принуждены будутъ по приглашенію полиціи слѣдовать въ камеру судьи и тѣмъ лишены будутъ возможности позаботиться о своихъ личныхъ неотложныхъ дѣлахъ;

4) немедленное разбирательство такихъ дѣлъ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ безпорядокъ въ разборѣ дѣлъ и несправедливую трату времени тѣхъ лицъ, которыя раньше были приглашены судьею, и вообще задержку въ разборѣ дѣлъ;

5) такой порядокъ можетъ имѣть послѣдствіемъ ускореніе производства дѣлъ, а не немедленное наложеніе взысканія за нарушенный порядокъ, и

6) противъ такого порядка высказались съѣзды большихъ городовъ, какъ напр., Москвы и Варшавы, возраженія которыхъ будутъ приведены при разборѣ этихъ возраженій вмѣстѣ съ другими.

Въ отдѣльномъ мнѣніи по сему поводу сенаторъ М. Ф. Люце находитъ, что какъ скоро установлены судебные приказы, то нѣтъ надобности установлять еще другой порядокъ. Предлагаемый порядокъ требуетъ разбирательства внѣ очереди, безъ предварительнаго увѣдомленія объ этомъ судьи о времени разбирательства. Кромѣ сего, полиціи предоставляется приглашать не только обвиняемыхъ, но и свидѣтелей. Поря-

докъ этотъ непрактиченъ и стѣснителенъ какъ для обвиняемаго, такъ и для свидѣтелей. Эти стѣсненія не оправдываются потребностями правосудія и могутъ имѣть вредное послѣдствіе; свидѣтели будутъ скрываться при задержаніи обвиняемаго, чтобы не подвергаться лишенію свободы въ самое неудобное для себя время, а это повлечетъ къ безнаказанности проступка.

Разсматривая эти недостатки, мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ они только кажущіеся. На основаніи 51 ст. уст. угол. суд., полиція въ указанныхъ выше случаяхъ можетъ приводить обвиняемыхъ къ мировому судьѣ. Это же правило сохранено и въ новомъ проектѣ уст. угол. суд. На основаніи 1052 ст. проекта уст. угол. суд., полиція можетъ подвергнуть задержанію и приводу къ судьѣ лицо, задержанное въ совершеніи преступнаго дѣянія, въ случаяхъ, указанныхъ 117 ст. сего устава, а также, когда застигнутый при совершеніи преступнаго дѣянія неизвѣстенъ полиціи и не представитъ удостовѣренія о своемъ имени, фамиліи и мѣстожительствѣ. Ст. 117 проекта говоритъ, что полиція можетъ принимать мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда подозрѣваемый навлекъ на себя достаточное подозрѣніе; 2) когда есть поводъ опасаться, что онъ скроется или уничтожитъ слѣды преступленія, и 3) когда онъ не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости. Полиція можетъ принимать мѣры пресѣченія, лишь указанныя въ п. 1 и 6 ст. 335 проекта. Эти пункты ст. 335 слѣдующіе: 1) обязаніе подпискою о неотлучкѣ съ своего послѣдняго жительства и 6) взятіе подъ стражу.

Выше было указано, что предлагаемый порядокъ удобенъ для обвиняемаго и наилучше достигаетъ цѣли правосудія.

На основаніи уст. угол. суд. (ст. 51), а также и по проекту новой редакціи этого устава, полиція не лишена права приводить въ извѣстныхъ случаяхъ обвиняемыхъ, слѣдовательно, нужно только узаконить, что при задержаніи обвиняемаго онъ долженъ быть доставленъ въ камеру судьи не позже опредѣленнаго времени, чтобы исполненіе сего не

зависѣло отъ произвола полиціи. Большинство подобныхъ проступковъ происходитъ вечеромъ. Эти проступки совершаются преимущественно въ пьяномъ видѣ. Если нарушителей порядка немедленно водить по городу для удостовѣренія личности, то это значитъ дать поводъ совершить еще нѣсколько подобныхъ проступковъ. Необходимость заставляетъ такихъ нарушителей на нѣкоторое время, въ большинствѣ случаевъ, подвергать предварительному аресту (для вытрезвленія). Мы не говоримъ, чтобы по всѣмъ такимъ дѣламъ непремѣнно всѣхъ арестовывать, а настаиваемъ только на томъ, чтобы къ судьѣ были доставляемы всѣ обвиняемые, подвергнутые полиціей предварительному аресту, если проступокъ совершенъ въ селѣ или городѣ, въ мѣстѣ нахожденія камеры судьи, для разбора въ порядкѣ неотложности. Чтобы обвиняемые не могли долго находиться подъ предварительнымъ арестомъ, легко установить правилами наказа каждаго судебнаго мѣста. Въ провинціи подобныя дѣла возникаютъ въ торговые дни, а потому можно установить, что въ эти дни, т. е. въ извѣстные часы этихъ дней, одинъ изъ судей долженъ быть въ камерѣ.

Подобный порядокъ не расширяетъ права полиціи, а скорѣе сокращаетъ, если будетъ установлено время, когда обвиняемый долженъ быть безотлагательно доставленъ къ судьѣ. Безъ установленія точнаго правила въ этомъ отношеніи многіе обвиняемые могутъ находиться подъ арестомъ продолжительное время не по винѣ судьи.

Возраженіе относительно стѣсненія свидѣтелей не имѣетъ значенія, если принять его въ той формѣ, какъ мы предлагаемъ.

Указанное нами распредѣленіе времени при разборѣ дѣлъ судьею въ камерѣ, что̀ уже нами практиковалось много лѣтъ, не можетъ нарушить порядка и задерживать другихъ лицъ, вызванныхъ раньше по другимъ дѣламъ.

Такой порядокъ, какъ показалъ опытъ 7-го с.-петербургскаго столичнаго мироваго участка, имѣлъ послѣдствіемъ не только ускореніе производства дѣлъ, но и немедленное наложеніе взысканія на нарушителей порядка. Такіе обвиняемые,

какъ показываетъ статистика такихъ дѣлъ, въ большинствѣ случаевъ остаются приговорами довольны, и не болѣе 1% требуютъ нѣкоторое время для законной отсрочки наказанія (2 недѣли) или для принесенія жалобы въ съѣздъ.

Столичный московскій съѣздъ и съѣздъ г. Варшавы возражаютъ противъ такого порядка, указывая на слѣдующее: 1) установленіе такого порядка узаконитъ вторженіе совершенно чуждой полицейской власти въ приготовительныя распоряженія чисто судебнаго характера; такой порядокъ поставитъ судью какъ бы въ подчиненныя отношенія къ полиціи, если чины полиціи будутъ имѣть право приглашать въ камеру мироваго судьи лицъ, застигнутыхъ при совершеніи проступковъ, и свидѣтелей и назначать имъ время явки въ камеру, съ выдачею приглашеннымъ особыхъ повѣстокъ; 2) такой порядокъ внесетъ полнѣйшій безпорядокъ при разборѣ дѣлъ, ибо внезапная явка сторонъ и свидѣтелей, хотя бы по двумъ или тремъ новымъ дѣламъ, когда уже и безъ того назначено около 30 дѣлъ, ставило бы судью въ необходимость иногда откладывать нѣкоторыя дѣла; 3) такой порядокъ возбудитъ справедливый ропотъ публики, явившейся къ разбору по дѣламъ, назначеннымъ ранѣе, такъ какъ предпочтеніе, явно оказываемое судомъ дѣламъ полицейскимъ, должно вселять нѣкоторое недовольство и раздраженіе въ лицахъ, вызванныхъ ранѣе, ожидающихъ часто нѣсколько часовъ своей очереди. Такое предпочтеніе весьма маловажнымъ дѣламъ предъ другими представляется вообще несправедливымъ. Самое появленіе въ камерѣ лицъ, застигнутыхъ при совершеніи проступка, нерѣдко находящихся въ нетрезвомъ или безобразномъ видѣ и продолжающихъ свое буйное поведеніе въ самой камерѣ суда, превратитъ мѣсто судебныхъ засѣданій въ арестную при полицейскомъ участкѣ, подорветъ должное уваженіе къ суду и вызоветъ брезгливое отношеніе находящейся въ камерѣ публики къ пьянымъ и буйнымъ нарушителямъ тишины и спокойствія, пользующимся, однако, особыми преимуществами предъ мирными гражданами. При такомъ порядкѣ самая цѣль правосудія едва ли будетъ достигнута, ибо возстановить въ истинномъ видѣ происшествіе, послужившее

предметомъ возникшаго дѣла, посредствомъ допроса лицъ въ ненормальномъ состояніи—задача не легкая.

Варшавскій мировой съѣздъ находитъ излишнимъ устанавливать новый упрощенный порядокъ производства въ виду того, что при значительномъ количествѣ дѣлъ (около 4 тысячъ дѣлъ на участокъ), находящихся въ разборѣ у мировыхъ судей г. Варшавы, судья, вслѣдствіе привода къ нему нѣсколькихъ обвиняемыхъ, долженъ будетъ отложить назначенныя имъ дѣла на другіе сроки, что̀, понятно, крайне неудобно какъ для судьи, такъ и для сторонъ, а для канцеляріи вызоветъ много непроизводительной траты труда и времени.

Въ доказательство того, что возраженія Московскаго столичнаго мироваго съѣзда не заключаютъ возраженій по существу, мы разберемъ ихъ по пунктамъ, хотя бы пришлось сдѣлать нѣкоторое повтореніе по этому поводу. Предлагая сокращенный порядокъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, мы имѣли въ виду извѣстное упорядоченіе разбора этихъ дѣлъ, экономію времени какъ для судьи и его канцеляріи, такъ и для свидѣтелей, уничтоженіе излишней переписки и ненужной тягости, въ которую безъ нужды для существа дѣла бываютъ поставлены обвиняемые. Въ настоящемъ вопросѣ имѣется въ виду наилучшее достиженіе цѣли правосудія, чтобы обвиняемый не уклонился отъ суда и своевременно понесъ должное наказаніе, а не привилегированное положеніе извѣстнаго рода обвиняемыхъ; точно также не имѣется въ виду преимущество одной власти и стѣсненіе другой. Обращаясь къ детальному разсмотрѣнію доводовъ вышеозначенныхъ съѣздовъ, мы сами находимъ неудобнымъ приглашеніе свидѣтелей со стороны полиціи повѣстками къ разбору дѣлъ у мироваго судьи, безъ вѣдома судьи. Что же касается привода обвиняемыхъ и приглашенія свидѣтелей, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, самою полиціею, вслѣдъ за совершеніемъ проступка, то, конечно, это могло бы быть тогда, если бы всѣ участвовавшія въ дѣлѣ лица находились въ трезвомъ видѣ. Понятно, что пьяныхъ не допускаютъ даже входить въ камеру судьи, а потому всѣ сообра-

женія Московскаго съѣзда, изложенныя въ 3 п. его заключенія, не имѣютъ значенія. Приводъ обвиняемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда это удобно и возможно и когда это требуется въ интересахъ правосудія, не можетъ нарушить разбора въ камерѣ; въ общемъ же сократитъ работу какъ судьи, такъ и его канцеляріи. Упрощенный и быстрый разборъ такихъ дѣлъ имѣетъ въ виду интересы правосудія, а не удобство полиціи, хотя такія дѣла называются полицейскими. При теперешнемъ порядкѣ, какъ мы говорили раньше, многіе обвиняемые совершенно избѣгаютъ заслуженнаго наказанія, а самая процедура разбора этихъ дѣлъ требуетъ иногда напраснаго отвлеченія отъ занятій многихъ постороннихъ лицъ—свидѣтелей. Да и для самихъ обвиняемыхъ теперешній порядокъ представляетъ много ненужныхъ стѣсненій, а именно: многія изъ лицъ крестьянскаго сословія смотрятъ на судью какъ на начальника, а въ присланныхъ повѣсткахъ видятъ приказъ начальства, а потому считаютъ своею обязанностью являться въ судъ иногда изъ далекихъ мѣстъ. Въ Петербургъ, по обвиненію по 38 и 42 ст. уст. наказ., иногда являются люди за нѣсколько сотъ верстъ, между тѣмъ дѣло оканчивается ничтожнымъ денежнымъ штрафомъ. Въ провинціальныхъ городахъ, обыкновенно, во время торговыхъ дней, происходитъ совершеніе разныхъ проступковъ (38, 42 ст. и т. п.), въ которыхъ часто участвуютъ лица, пріѣзжающія изъ деревень, такъ что призывъ ихъ къ суду дѣлается изъ мѣстъ, находящихся, сравнительно, на далекомъ разстояніи отъ города. Когда привлекаются къ отвѣтственности рабочіе-поденщики, которые, по свойству ихъ работы, часто перемѣняютъ квартиры, повѣстки имъ иногда своевременно не вручаются. Приходится дѣлать розыскъ такихъ лицъ и сообщать на родину о задержаніи паспорта или ихъ вида на жительство, что̀ крайне стѣсняетъ такихъ лицъ. Между тѣмъ безъ сей послѣдней мѣры нельзя въ настоящее время рѣшить нѣкоторыхъ этого рода дѣлъ. Всѣ эти недостатки устранились бы при приводѣ обвиняемыхъ въ судъ. Общее количество дѣлъ, вслѣдствіе привода обвиняемыхъ къ суду, не увеличится, а работа кан-

целяріи суда по дѣламъ о розыскахъ сократится значительно. Нѣсколько усиленныя занятія судьи въ рѣдкихъ случаяхъ вознаградятся лучшимъ достиженіемъ цѣли правосудія по дѣламъ этого рода. Стѣсненіе публики, о которомъ говорятъ Московскій и Варшавскій съѣзды, не можетъ имѣть особенно непріятныхъ результатовъ, потому что дѣла о мелкихъ проступкахъ не требуютъ много времени отъ судьи, а посему внезапныя занятія нѣсколькими этими дѣлами при указанномъ распредѣленіи времени, въ исключительныхъ притомъ случаяхъ, не потребуютъ отъ судьи много времени.

Остается еще сказать относительно отдѣльнаго мнѣнія по сему вопросу сенатора М. Ф. Люце. Въ виду всего нами сказаннаго, при разсмотрѣніи этого отдѣльнаго мнѣнія слѣдуетъ остановиться лишь на указаніи, что при установленіи судебныхъ приказовъ нѣтъ надобности въ другомъ порядкѣ.

Порядокъ неотложности устанавливается при задержаніи обвиняемаго. Вслѣдъ за этимъ можетъ быть рѣшено дѣло по существу, и приговоръ приведенъ въ исполненіе. При судебныхъ же приказахъ непремѣнно будетъ хожденіе городовыхъ съ обвиняемыми по всѣмъ такимъ дѣламъ для удостовѣренія личности. Постановленный судебный приказъ препровождается обвиняемому, чего (т. е. этой лишней работы) не будетъ при порядкѣ неотложности. Нужно назначить обвиняемому извѣстный срокъ для заявленія о неудовольствіи. Если обвиняемый имѣетъ жительство, далеко отстоящее отъ мѣстонахожденія камеры судьи, то этотъ срокъ будетъ болѣе продолжительный, потому что его нужно считать со времени врученія судебнаго приказа. Въ это время обвиняемый успѣетъ уже перемѣнить мѣстожительство, что часто случается съ рабочими въ большихъ городахъ, особенно въ осеннее время, когда оканчиваются сроки работъ въ городѣ и рабочіе отправляются на родину. Послѣдствіемъ сего явится опять розыскъ обвиняемыхъ въ провинціи и разная процедура, которая безполезно усложняетъ эти дѣла. Всѣ эти недостатки устраняются съ принятіемъ порядка

неотложности, посредствомъ котораго можетъ быть разобрано много подобныхъ дѣлъ, особенно въ городахъ. Эти соображенія вполнѣ убѣждаютъ, что порядокъ неотложности долженъ быть установленъ независимо отъ судебныхъ приказовъ.

Относительно судебныхъ приказовъ не представляется надобности говорить много, потому что этотъ порядокъ принятъ Коммисіей по пересмотру законоположеній по судебной части. Съ такимъ нововведеніемъ не согласились только два члена Коммисіи. Отъ многихъ судей намъ приходилось слышать несочувственные отзывы относительно установленія судебныхъ приказовъ. Такое же несочувствіе по этому поводу высказалъ и С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ, а потому мы считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ возраженіяхъ.

Судебные приказы состоятъ въ наложеніи судьею взысканія на обвиняемаго, безъ вызова послѣдняго, на основаніи письменнаго протокола полиціи или иной власти, который можно разсматривать, какъ предустановленное доказательство. Эти приказы, какъ говоритъ Коммисія по пересмотру законоположеній по судебной части, вызываются тѣмъ, что степень сложности и продолжительности суда по такимъ дѣламъ должна соразмѣряться со степенью важности дѣла и его общественнымъ и личнымъ значеніемъ. Иначе судъ обращается въ бремя для населенія въ той именно сферѣ своей, которая захватываетъ мелкіе и ежедневные, но весьма существенные, житейскіе интересы. Такой важный доводъ, удостовѣряющій несомнѣнную цѣлесообразность предлагаемаго порядка, находитъ какъ бы возраженіе въ основныхъ главныхъ положеніяхъ правильнаго уголовнаго суда, которыя указываются лицами, враждебно относящимися ко всякаго рода нововведеніямъ. Эти лица говорятъ слѣдующее: 1) судъ долженъ быть устный или непосредственный, т. е. судья долженъ лично видѣть и слышать судящихся, а не судить по однѣмъ бумагамъ; 2) судъ долженъ быть гласный, т. е. общество должно знать, что̀ дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе, и 3) судъ долженъ быть состяза-

тельный, т. е. обвинитель и обвиняемый должны быть противопоставлены другъ другу для того, чтобы изъ ихъ противоположныхъ утвержденій выяснилась истина во всей ея полнотѣ.

Руководствуясь этими положеніями, вотъ что̀ говоритъ по этому поводу С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ: „предложеніе разбирать дѣла и постановлять приговоры безъ вызова обвиняемыхъ положительно ничѣмъ не оправдывается. Трудно представить себѣ, для чего это необходимо. Если изъ опасенія, чтобы даромъ не потревожить обвиняемаго, не отвлекать его отъ занятій, такъ вѣдь онъ и теперь можетъ не являться, получивши повѣстку; а чтобы обвиняемый по недоразумѣнію не считалъ своей явки въ судъ по повѣсткѣ обязательной, для этого достаточно написать на повѣсткѣ выдающимся шрифтомъ, что явка въ судъ необязательна. Гораздо хуже, если человѣкъ безъ всякаго извѣщенія, внезапно получитъ копію съ состоявшагося приговора, можетъ быть, не зная за собою никакой вины. Полученіе такого приговора человѣкомъ, находящимся въ зависимости отъ другихъ лицъ, можетъ имѣть для него весьма непріятныя послѣдствія. Положимъ, такой приговоръ будетъ отмѣненъ, но для этого обвиняемый долженъ ходатайствовать объ отмѣнѣ, соблюдать сроки, а въ случаѣ несоблюденія, подвергаться, можетъ быть, совершенно напрасному наказанію. Наконецъ, едва ли возможно при существованіи 119 ст. уст. угол. суд. постановить какой-нибудь приговоръ безъ вызова обвиняемаго только на основаніи полицейскаго протокола. Нельзя считать принятыми во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, если обвиняемый даже не знаетъ, что дѣянія его обсуждаются. Какъ можно что-либо сказать о дѣяніи человѣка, не выслушавши его?“

„При существующемъ заочномъ производствѣ неявка вызваннаго обвиняемаго имѣетъ тотъ смыслъ, что обвиняемый не имѣетъ или не желаетъ ничего объяснить суду, потому и не является; и судъ имѣетъ полное право обсуждать дѣло на основаніи имѣющихся данныхъ. При упрощенномъ производствѣ подобнаго объясненія неявки обвиняемаго, очевидно, допустить нельзя“.

Разбирая это мнѣніе, мы прежде всего должны сказать, что никакія общія положенія нельзя разсматривать абстрактно, а примѣняясь къ дѣйствительнымъ условіямъ жизни. Не условія дѣйствительной жизни нужно подгонять подъ установленныя начала, а эти начала выводить изъ условій дѣйствительной жизни. Общее начало, что судья долженъ видѣть и слышать обвиняемаго, относится къ болѣе серьезнымъ преступленіямъ, а не къ проступкамъ о разнаго рода мелкихъ нарушеніяхъ, въ которыхъ это правило не можетъ имѣть значенія. Посему въ законѣ существуетъ безусловное правило, что въ преступленіяхъ, влекущихъ заключеніе въ тюрьму, обвиняемый непремѣнно долженъ быть на судѣ, и правило сіе не распространяется на маловажные проступки, которые допускаютъ заочные приговоры. Да оно и понятно, если привести нѣсколько примѣровъ. Напримѣръ: для чего находиться на судѣ обвиняемому по 29 ст. уст. наказ., привлекаемому къ отвѣтственности за то, что онъ не исправляетъ около своего дома мостовой, получивъ повѣстку, въ которой это требованіе изложено весьма ясно и назначенъ опредѣленный срокъ, который уже истекъ. Свидѣтели, подписавшіе протоколъ, заключеніе эксперта и вышесказанная повѣстка вполнѣ опредѣленно удостовѣряютъ неисполненіе этого требованія, а со стороны обвиняемаго на протоколѣ не сдѣлано никакого объясненія. Или другой примѣръ: извозчики Ивановъ и Петровъ привлекаются за то, что на улицѣ ударили другъ друга; этотъ фактъ удостовѣренъ свидѣтелями, которые подписали протоколъ, подписанный также и обвиняемыми. Для чего еще нужно вызывать ихъ въ судъ, если отъ нихъ не заявлено возраженія по сему поводу? Совершенно другое представляютъ преступленія, влекущія заключеніе въ тюрьму. Поэтому законодательство устанавливаетъ разное положеніе обвиняемыхъ по преступленіямъ и по разнымъ мелкимъ нарушеніямъ. Итакъ, первое положеніе не относится ко всѣмъ нарушеніямъ установленныхъ правилъ, а относится, главнымъ образомъ, къ преступленіямъ, влекущимъ наказаніе не ниже заключенія въ тюрьму. Мы говоримъ „главнымъ образомъ“ потому, что могутъ встрѣтиться такіе мелкіе проступки, для

разрѣшенія которыхъ судья найдетъ необходимымъ отложить дѣло и вызвать обвиняемаго, не говоря о тѣхъ случаяхъ, когда этого пожелаетъ самъ обвиняемый.

Разбирательство дѣлъ въ публичныхъ засѣданіяхъ будетъ служить доказательствомъ, что извѣстные проступки подвергаются заслуженному наказанію. Право обвиняемаго сдѣлать свое замѣчаніе на протоколѣ будетъ служить гарантіей, что судьей будутъ приняты въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла. Приговоръ можетъ состояться по дѣлу, которое извѣстно обвиняемому, и лишь въ томъ случаѣ, если будетъ достаточно данныхъ для обвиненія. Протоколы, составляемые полиціею, должны отличаться возможною полнотою, съ указаніемъ на положеніе обвиняемаго въ обществѣ, его семейное положеніе и его средства къ жизни, чтобы у судьи было достаточно основаній для опредѣленнаго размѣра наказанія. Протоколъ долженъ представлять собою рядъ печатныхъ вопросовъ, на которые составители должны отвѣчать со словъ лицъ, представляющихъ объясненія; протоколъ подписывается всѣми лицами, указанными въ протоколѣ, составителемъ и двумя понятыми, которые должны удостовѣрить подлинность происходившаго. Указаніе на злоупотребленія, которыя могутъ быть при неправильномъ составленіи протокола, не представляется само по себѣ существеннымъ возраженіемъ, потому что злоупотребленія могутъ быть во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ. Обнаруженныя злоупотребленія по сему поводу получатъ должное наказаніе, и это будетъ урокомъ для будущаго.

Право обвиняемаго разсмотрѣть дѣло при немъ, въ его личномъ присутствіи, съ допросомъ его свидѣтелей, будетъ служить полной гарантіей для защиты его интересовъ, а потому судебные приказы слѣдуетъ допустить по всѣмъ дѣламъ, которыя могутъ быть разрѣшаемы теперь въ порядкѣ заочнаго разбирательства. Изъятіе изъ этого должно быть допущено по слѣдующимъ дѣламъ: 1) о личныхъ оскорбленіяхъ, 2) о нарушеніи строительнаго устава, если при этомъ соединено уничтоженіе или исправленіе постройки, и 3) по дѣламъ, по которымъ предъявляются иски потерпѣвшими. Первые два

рода дѣлъ не отличаются такою простотою, какъ всѣ остальныя. Также не могутъ подлежать подобному разсмотрѣнію гражданскіе иски, вытекающіе изъ проступка, безъ провѣрки и требованій потерпѣвшаго на судѣ, если имѣть въ виду, что заочнымъ рѣшеніемъ присуждаются требованія, только доказанныя.

Судебные приказы въ настоящее время неизвѣстны нашему законодательству.

Кромѣ карательныхъ взысканій, налагаемыхъ административною властью по положенію 14 августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, безъ права разбора такихъ дѣлъ въ судебномъ порядкѣ, карательные приказы существуютъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: по нарушенію паспортнаго устава, путей сообщенія, акцизныхъ сборовъ и устава лѣснаго. Въ дѣлахъ этого рода установленъ порядокъ возбужденія судебнаго преслѣдованія лишь въ томъ случаѣ, если обвиняемый въ опредѣленный срокъ не внесетъ наложеннаго на него денежнаго взысканія.

Изъ таблицы, напечатанной на 202 стр. объяснительной записки къ проекту новой редакціи уст. угол. суд. т. 4, за 9 лѣтъ (съ 1887 по 1895 г. включительно по нарушенію акцизнаго устава), видно, что значительное количество лицъ подчинилось наложенному на нихъ денежному взысканію и внесло деньги безъ судебнаго разбирательства. Нѣтъ основанія предполагать, что къ приказамъ судебнымъ общество отнесется съ меньшимъ довѣріемъ, а потому съ полною увѣренностью можно утверждать, что при введеніи этого порядка и при внимательномъ отношеніи къ нему судей и полиціи, порядокъ этотъ будетъ имѣть весьма важное практическое значеніе, способствуя наилучшему достиженію правосудія.

При обсужденіи этого порядка въ Коммисіи указывалось на необходимость сообщенія копіи судебнаго приказа прокурору. Предложеніе это было отвергнуто Коммисіей. Дѣйствительно, это не могло имѣть существеннаго значенія и имѣло бы своимъ послѣдствіемъ излишнюю переписку, принося мало пользы. У насъ принято, что каждое вѣдомство

защищаетъ свои интересы на судѣ. Только обжалованіе судебныхъ приговоровъ со стороны полиціи поставлено въ зависимость отъ прокурора, чрезъ котораго полиція можетъ приносить апелляціонную жалобу. Нынѣ существующій порядокъ не указываетъ на недостатки, а потому онъ можетъ быть оставленъ безъ измѣненія.

Часто приходится слышать, что назначеніе взысканія административною властью непосредственно вызывается излишнею формальностью, которою обставленъ разборъ дѣлъ этого рода у судей. Желательно, чтобы всѣ нарушенія уголовныя подлежали вѣдѣнію суда, а не администраціи. Чтобы такое желаніе осуществилось, нужно устроить возможно простой и скорый разборъ этого рода дѣлъ. Для скорѣйшаго осуществленія такого желанія было бы чрезвычайно полезно для правосудія, чтобы упрощенные способы разбора маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ были внесены на разсмотрѣніе законодательной власти прежде разсмотрѣнія всего проекта уст. угол. суд., такъ какъ эти правила имѣютъ самостоятельное значеніе и мало касаются другихъ законоположеній устава уголовнаго судопроизводства.

Эти правила могли бы быть изложены такъ:

О сокращенномъ порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ

А. О производствѣ въ порядкѣ неотложности.

1) Кромѣ общаго порядка производства уголовныхъ дѣлъ у судей, устанавливаются еще два сокращенныхъ: порядокъ неотложности и судебные приказы.

2) Если, при совершеніи преступнаго дѣянія, полиціей будетъ застигнуто лицо вблизи мѣстонахожденія судьи и подвергнуто предварительному аресту, то оно послѣ составленія сообщенія или протокола объ обстоятельствахъ, послужившихъ основаніемъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, должно быть доставлено къ судьѣ для разсмотрѣнія сего дѣла въ порядкѣ неотложности.

3) Лица, задержанныя полиціей, должны быть доставлены къ судьѣ не позже 24 часовъ послѣ ихъ задержанія.

4) По преступленіямъ, влекущимъ заключеніе въ тюрьму, долженъ быть составленъ протоколъ за подписью всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, съ поясненіемъ, имѣется ли гражданскій искъ и удостовѣрена ли личность обвиняемаго; по остальнымъ дѣламъ меньшей важности должно быть составлено сообщеніе, съ указаніемъ времени и мѣста совершенія проступка, обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ къ преслѣдованію (составъ проступка) обвиняемаго, и двухъ свидѣтелей, званія, имени, фамиліи и мѣстожительства всѣхъ этихъ лицъ.

5) При доставленіи судьѣ этихъ сообщеній и протоколовъ, вмѣстѣ съ обвиняемыми полиція посылаетъ и уполномоченнаго для поддержанія обвиненія. Неявка послѣдняго не считается препятствіемъ къ разрѣшенію дѣла по существу.

6) При доставленіи обвиняемыхъ какъ полиція, такъ и обвиняемый могутъ приводить свидѣтелей на общемъ основаніи.

7) Дѣла эти разсматриваются внѣ очереди, на основаніи впередъ опредѣленнаго порядка, установленнаго наказомъ судебныхъ мѣстъ.

8) Обвиняемые доставляются къ ближайшему судьѣ по мѣсту задержанія обвиняемаго, согласно порядку, опредѣленному наказомъ судебныхъ мѣстъ.

9) Если судья усмотритъ, что дѣло не требуетъ разъясненія, то разрѣшаетъ его по существу; въ противномъ случаѣ отлагаетъ разсмотрѣніе дѣла и даетъ ему направленіе въ общемъ порядкѣ. Подсудность дѣла для дальнѣйшаго производства опредѣляется первоначальнымъ допросомъ обвиняемаго у того судьи, къ которому онъ былъ доставленъ.

10) Мѣстожительство обвиняемаго и другихъ лицъ, указанныхъ въ сообщеніи или протоколѣ, опредѣляется по первоначально указанному адресу. Если не было заявлено судьѣ о перемѣнѣ мѣстожительства этихъ лицъ, то повѣстки остаются въ канцеляріи судьи и считаются доставленными, хотя бы эти лица оказались выбывшими или вовсе тамъ не проживали [1]).

---

[1]) Объ этомъ объявляется сторонамъ при постановленіи о допросѣ свидѣтелей и должно быть напечатано во всѣхъ повѣсткахъ.

11) Объ отказѣ въ допросѣ свидѣтелей, представленныхъ или указанныхъ сторонами, судья долженъ объявить въ формѣ постановленія, съ указаніемъ основаній для такого отказа.

12) Неявка обвиняемаго къ сроку, назначенному судьею, не служитъ препятствіемъ къ разрѣшенію дѣла по существу, и постановленный приговоръ не считается заочнымъ.

13) Въ случаѣ изъявленія обвиняемымъ, вслѣдъ за объявленіемъ резолюціи, удовольствія на приговоръ, послѣдній обращается къ исполненію, если согласенъ на это находящійся на судѣ представитель обвинительной власти. Послѣдній теряетъ право на обжалованіе, если не находился у судьи при разборѣ дѣла.

14) Для обжалованія приговора, указаннаго въ ст. 13, полагается трое сутокъ со дня объявленія резолюціи.

Б. О судебныхъ приказахъ.

15) По дѣламъ о проступкахъ, влекущихъ наказаніе не свыше ареста, судья, усмотрѣвъ изъ поступившаго къ нему протокола полиціи или иной власти достаточныя, не возбуждающія сомнѣнія, доказательства обвиненія, предъявленнаго къ лицу, учинившему проступокъ, можетъ приговорить обвиняемаго, безъ вызова послѣдняго и свидѣтелей, къ соотвѣтствующему наказанію въ формѣ судебнаго приказа.

16) Судебные приказы постановляются въ публичномъ засѣданіи послѣ доклада дѣла, о которомъ, предъ началомъ засѣданія, должно быть объявлено вмѣстѣ съ другими дѣлами, назначенными къ разсмотрѣнію на это число.

17) Дѣла по судебнымъ приказамъ назначаются въ судебное засѣданіе черезъ сутки послѣ ихъ поступленія, чтобы дать возможность обвиняемому безъ вызова явиться въ засѣданіе, если онъ того пожелаетъ.

18) Обвиняемый, явившійся ко времени разбора дѣла безъ вызова судьи, допускается къ объясненію на общемъ основаніи; такимъ же порядкомъ допрашиваются и свидѣтели, если они будутъ доставлены обвиняемымъ или обвинителемъ.

19) Судебные приказы не могутъ быть постановлены по слѣдующимъ дѣламъ: 1) о личныхъ оскорбленіяхъ, 2) о нарушеніи устава строительнаго, если съ этимъ соединено уничтоженіе или исправленіе какой-либо постройки, и 3) когда вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ за проступокъ предъявляется искъ объ убыткахъ, причиненныхъ преступнымъ дѣяніемъ.

20) По всѣмъ дѣламъ этого рода, въ составляемомъ полиціей или иной властью протоколѣ, означается: годъ, мѣсяцъ и число составленія протокола; время и мѣсто совершенія проступка и составъ его; званіе, имя, отчество и фамилія и мѣстожительство обвиняемаго, свидѣтелей и понятыхъ; положеніе обвиняемаго въ обществѣ, средства къ жизни и семейное положеніе; обстоятельства, сопровождавшія этотъ проступокъ; доказательства обвиненія—краткое показаніе свидѣтелей и другія доказательства; подпись всѣхъ этихъ лицъ, а также двухъ понятыхъ, удостовѣряющихъ содержаніе протокола, и подпись лица, составлявшаго протоколъ. Объясненіе обвиняемаго допускается въ концѣ протокола, если онъ этого желаетъ. Если кто-либо изъ участвующихъ въ протоколѣ не пожелаетъ подписаться, то означается объясненіе этого обстоятельства.

21) Судебный приказъ долженъ быть составленъ по правиламъ, указаннымъ для составленія резолюціи съ объясненіемъ срока, въ теченіе котораго можно просить о разсмотрѣніи дѣла, и съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ приказъ вступаетъ въ законную силу.

22) Судебный приказъ въ копіи немедленно препровождается обвиняемому и власти, возбудившей это дѣло.

23) Власть, возбудившая дѣло, въ отношеніи обжалованія судебнаго приказа въ высшую инстанцію пользуется тѣмъ же правомъ, какъ и обвиняемый.

24) Судебный приказъ имѣетъ силу судебнаго приговора.

25) При вторичномъ разборѣ дѣлъ судья поступаетъ согласно ст. 10, 11 и 12 сихъ правилъ.

26) При вторичномъ разборѣ дѣлъ судья постановляетъ

приговоръ, не стѣсняясь постановленнымъ судебнымъ приказомъ, который послѣ вторичнаго приговора теряетъ силу.

27) При вторичномъ разборѣ дѣла, въ случаѣ неявки обвинителя или обвиняемаго, судья долженъ допросить явившихся только свидѣтелей и постановить приговоръ, согласно 26 ст. сихъ правилъ.

28) На обжалованіе сего приговора полагается три дня.

29) Обвиняемый, получивши судебный приказъ, не прося о новомъ разсмотрѣніи дѣла, можетъ подать апелляціонную или кассаціонную жалобу въ трое сутокъ; срокъ этотъ считается со дня полученія судебнаго приказа. Жалобы сіи подаются судьѣ и разсматриваются на общемъ основаніи.

ХРОНИКА.

I.

О ПРАКТИКѢ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ПО ВОПРОСУ О ВЫДАЧѢ КРЕСТЬЯНСКИМЪ ЖЕНАМЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ВИДОВЪ НА ЖИТЕЛЬСТВО.

Въ №№ 295 и 330 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1900 г. появились статьи подъ громкими заглавіями: „Мѣра, содѣйствующая распаденію крестьянской семьи“, и „Сенатское рѣшеніе, отмѣняющее законъ“. Статьи эти направлены къ опороченію практики Правительствующаго Сената по вопросу о выдачѣ крестьянскимъ женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство. „Недавно сдѣлалось извѣстнымъ“—говорится въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“—„разъясненіе Сената по предмету выдачи отдѣльныхъ видовъ на жительство крестьянскимъ женамъ. Правительствующій Сенатъ, по дѣлу крестьянки Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда, Акулины Г., разъяснилъ, что крестьянскія учрежденія *обязаны* выдавать отдѣльные виды на жительство женамъ крестьянъ, *безъ согласія мужей*, разъ будетъ доказано жестокое обращеніе съ ними мужей, отказъ отъ содержанія женъ и т. п.“. „Означенное разъясненіе становится въ трудно-отрицаемое противорѣчіе со смысломъ основнаго закона, который гласитъ, что паспортъ замужней женщинѣ можетъ быть выданъ *только съ согласія мужа ея* (ст. 103 и 106 т. X ч. 1 зак. гражд.)“. „Основной законъ всѣми силами пытается удержать семью отъ распаденія. . . . Сенатъ же послѣднимъ разъясненіемъ парализуетъ дѣйствіе этого закона и дѣлаетъ

попытку внести въ крестьянскую семью то распаденіе, отъ котораго тщательно предохраняется семья во всѣхъ прочихъ слояхъ нашего народа". „Что̀ разумѣть подъ жестокимъ обращеніемъ? Понятіе о немъ весьма растяжимо, и что̀ признается, напримѣръ въ интеллигентной семьѣ жестокимъ, то въ крестьянской средѣ самими же крестьянами считается обыденнымъ". „Сенатъ, обязанный не измѣнять ни единой буквы закона (и тѣмъ подавать хорошій примѣръ подчиненнымъ ему мѣстамъ), не имѣющій права допускать „обманчиваго непостоянства самопроизвольнаго толкованія" и обязанный въ своихъ опредѣленіяхъ ссылаться на законъ, по поводу жалобы, принесенной ему крестьянкою, не получающею вида безъ согласія мужа, могъ бы только установить, что ни для какой крестьянки законъ не дѣлаетъ изъятія, и просительница не получитъ вида безъ согласія мужа до тѣхъ поръ, пока установленная судебная инстанція не признаетъ его виновнымъ въ истязаніи своей жены и не лишитъ его правъ состоянія". „Съ тѣмъ вмѣстѣ не можетъ служить основаніемъ къ выдачѣ замужней крестьянкѣ отдѣльнаго вида на жительство и неполученіе ею отъ мужа содержанія, ибо „отъ жены зависитъ съ искомъ по сему предмету обратиться, согласно ст. 106 т. X ч. 1 зак. гражд., въ волостной судъ". „Разъясненіе Сената понимается многими въ томъ смыслѣ, что расторженіе семьи и разводъ мужа съ женою можетъ отнынѣ дѣлаться по желанію каждой крестьянки, заявившей, что мужъ жестоко съ нею обращается, и поддержанной волостнымъ писаремъ, старшиною и иными сельскими властями, что̀ на практикѣ достигается иногда цѣною одного или нѣсколькихъ рублей". Въ заключеніе „Московскія Вѣдомости" взываютъ къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, требуя привлеченія Сената къ отвѣту за допущенное имъ нарушеніе закона.

Посмотримъ, однако, правильны ли указанныя сѣтованія на Правительствующій Сенатъ.

Прежде всего мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что разъясненія Сената по затрогиваемому нынѣ „Московскими Вѣдомостями" вопросу далеко не новы. Еще въ 1888 г. состоялось, вслѣдствіе жалобы крестьянки Вятскаго уѣзда, Якимовагинской волости, Наталіи В., по предмету невыдачи ей волостнымъ правленіемъ отдѣльнаго отъ мужа паспорта, опредѣленіе Перваго Общаго Сената Собранія. Въ этомъ опредѣленіи впервые проведенъ тотъ взглядъ, что дѣла о выдачѣ увольнительныхъ билетовъ и паспортовъ, от-

носясь къ числу дѣлъ распорядительныхъ, подлежатъ разсмотрѣнію губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій по существу, вслѣдствіе чего означенныя присутствія по каждому такому дѣлу обязаны входить въ обсужденіе существа причинъ, по коимъ мужъ отказываетъ въ согласіи на выдачу женѣ отдѣльнаго вида на жительство, равно какъ и основаній, по коимъ жены требуютъ себѣ отдѣльныхъ паспортовъ. Другими словами, Сенатъ установилъ, что крестьянскія учрежденія не должны относиться формально къ домогательствамъ крестьянскихъ женъ о выдачѣ имъ отдѣльныхъ видовъ на жительство и обязаны дѣлать въ исключительныхъ случаяхъ распоряженія объ удовлетвореніи сего рода ходатайствъ даже при отсутствіи на то согласія мужа просительницы.

Опредѣленіе по дѣлу В. служитъ неизмѣнно прототипомъ для разрѣшенія другихъ подобныхъ дѣлъ, и въ частности на это опредѣленіе сдѣлана ссылка и въ опредѣленіи Сената по дѣлу крестьянки Г., столь смутившему „Московскія Вѣдомости".

Къ сему необходимо добавить, что установившаяся съ 1888 г. практика Сената по разсматриваемому вопросу не только не встрѣчала донынѣ протеста со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, наиболѣе заинтересованнаго въ правильномъ разрѣшеніи правоотношеній между крестьянами, но, напротивъ того, нѣкоторыя изъ опредѣленій Сената, тождественныя по сущности со всѣми остальными опредѣленіями по тому же вопросу, какъ, напримѣръ, опредѣленія по дѣламъ крестьянки О. (опредѣленіе 2-го Департамента Правительствующаго Сената отъ 8 февраля 1891 г.), крестьянки С. (опредѣленіе того же Департамента отъ 20 октября 1898 г.) и крестьянки Г. (опредѣленіе того же Департамента отъ 19 мая 1900 г.), состоялись при участіи законнаго представителя названнаго министерства.

Засимъ необходимо указать и на то, что Правительствующій Сенатъ, устанавливая извѣстныя положенія по вопросу о правѣ крестьянскихъ женъ на полученіе, въ исключительныхъ случаяхъ, отдѣльныхъ видовъ на жительство и помимо согласія мужей, никогда циркулярныхъ разъясненій по сему предмету не преподавалъ, а высказывался всегда лишь по конкретнымъ случаямъ, сообразуясь съ обстоятельствами даннаго дѣла. Поэтому, для правильнаго уразумѣнія и безошибочной оцѣнки постановленныхъ Сенатомъ по дѣламъ сего рода опредѣленій, представляется существенно необходимымъ ознакомленіе съ обстоятельствами каждаго дѣла въ отдѣльности.

Къ этому мы теперь и приступимъ, при чемъ сошлемся, въ видѣ примѣра, на упомянутыя выше дѣла по жалобамъ В., О. и Г.

I. Крестьянка Наталія В. въ прошеніи Вятскому уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію ходатайствовала о выдачѣ ей паспорта, объясняя, что она нѣсколько разъ обращалась съ этой просьбою въ Якимовагинское волостное правленіе, но послѣднее въ означенномъ ходатайствѣ ей отказало; между тѣмъ мѣстная полиція имѣетъ право во всякое время выслать ее въ селеніе ея мужа, гдѣ у него нѣтъ ни дома, ни хозяйственнаго обзаведенія, и который не только не доставляетъ ей средствъ къ жизни, но наноситъ ей побои и оскорбленія, въ подтвержденіе чего и представила копіи рѣшеній мировыхъ судьи и съѣзда, коими В. признанъ виновнымъ въ нанесеніи побоевъ женѣ и приговоренъ къ аресту на 2 мѣсяца. На требованіе уѣзднаго присутствія Якимовагинскій волостной старшина объяснилъ, что по полученіи имъ просьбы крестьянки В. о выдачѣ ей паспорта онъ истребовалъ отъ мужа ея отзывъ о согласіи или несогласіи на увольненіе жены. В. согласія на выдачу женѣ своей письменнаго вида для отдѣльнаго проживанія не изъявилъ. По разсмотрѣніи изложеннаго, Вятское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе распоряженіе волостнаго правленія о невыдачѣ просительницѣ В. паспорта признало правильнымъ. Оставшись недовольною означеннымъ постановленіемъ, крестьянка Наталія В. подала въ Вятское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе жалобу, въ которой, къ объясненіямъ, даннымъ ею ранѣе, добавила, что мужъ ея постоянно проживаетъ по паспортамъ въ услуженіи у разныхъ лицъ и въ разныхъ мѣстахъ, отдѣльно отъ нея, просительницы, и нынѣ находится въ г. Казани, сама же она, съ своей стороны, со времени выхода ея въ замужество, постоянно живетъ отъ мужа отдѣльно, вслѣдствіе недоставленія ей мужемъ средствъ къ пропитанію и безпорядочнаго образа его жизни. При такихъ условіяхъ, несогласіе мужа на выдачу ей паспорта не можетъ служить препятствіемъ къ удовлетворенію ея ходатайства по сему предмету тѣмъ болѣе, что отказъ въ означенной просьбѣ можетъ лишить ее всякихъ средствъ къ существованію и поставить въ совершенно безвыходное положеніе. Губернское присутствіе, принявъ во вниманіе, что на основаніи ст. 103 т. X. ч. I. зак. гражд. супруги обязаны жить вмѣстѣ, и доколѣ самый бракъ, по предусмотрѣннымъ въ законѣ причинамъ,

подлежащею властью не расторгнутъ, жена слѣдуетъ за мужемъ, жалобу В. оставило безъ послѣдствій. Въ жалобѣ Правительствующему Сенату В., между прочимъ, указала, что приведенная губернскимъ присутствіемъ ст. 103 т. X ч. I зак. гражд. къ настоящему дѣлу не примѣнима въ виду того, что мужъ ея опредѣленнаго мѣста жительства не имѣетъ и проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ; къ тому же для исполненія ею требованія означенной статьи ей уже необходимъ паспортъ. При невыдачѣ же ей паспорта она должна будетъ оставаться въ мѣстѣ приписки мужа, гдѣ она въ буквальномъ смыслѣ окажется „подъ елкою“ и обречена будетъ на голодную смерть.

Правительствующій Сенатъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ сего дѣла, принялъ въ соображеніе, что всѣ вышеуказанныя заявленія просительницы оставлены губернскимъ присутствіемъ вовсе безъ обсужденія, тогда какъ заявленія эти, если бы по провѣркѣ оныхъ оказались справедливыми, имѣли бы весьма существенное значеніе, ибо, при описанныхъ просительницею условіяхъ, отказъ въ выдачѣ В. паспорта имѣлъ бы послѣдствіемъ не высылку ея, для совмѣстнаго съ мужемъ жительства, въ г. Казань, гдѣ она, какъ и въ настоящемъ мѣстѣ ея жительства, не въ правѣ проживать безъ особаго паспорта или безъ вписанія ея въ паспортъ мужа, а высылку ея въ ту деревню Вятской губерніи, гдѣ мужъ ея проживалъ, но гдѣ онъ жительства и осѣдлости, по увѣренію просительницы, не имѣетъ. Между тѣмъ, ст. 103 т. X ч. I зак. гражд. даетъ мужу право требовать жену къ себѣ, для совмѣстнаго жительства, но не даетъ права требовать высылки жены въ деревню, гдѣ онъ не живетъ и осѣдлости не имѣетъ. Признавъ вслѣдствіе сего жалобу заслуживающею уваженія, а постановленіе губернскаго присутствія состоявшимся безъ обсужденія и выясненія всѣхъ необходимыхъ для правильнаго рѣшенія дѣла обстоятельствъ, Правительствующій Сенатъ, по Первому Общему Собранію, означенное постановленіе отмѣнилъ, поручивъ Вятскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію постановить по дѣлу новое, не стѣсняясь прежнимъ, опредѣленіе (опред. $\frac{\text{29 января}}{\text{28 октября}}$ 1888 г.).

II. Одесскій полиціймейстеръ, вслѣдствіе ходатайства крестьянки с. Забродья, Ковельскаго уѣзда, Евфросиніи О., обратился къ Горникскому волостному правленію съ требованіемъ о высылкѣ просительницѣ паспорта. На это волостное правленіе увѣдомило,

что паспортъ не можетъ быть выданъ, такъ какъ мужъ ея не изъявилъ на сіе согласія и требуетъ водворенія ея по мѣсту его жительства въ с. Забродьѣ. Засимъ крестьянка О. въ прошеніи, переданномъ одесскимъ полиціймейстеромъ на распоряженіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, возобновила ходатайство о выдачѣ ей отдѣльнаго паспорта, сославшись на то, что она уже 16 лѣтъ не живетъ съ мужемъ, съ которымъ разсталась изъ за жестокаго съ нею обращенія, при чемъ волостное правленіе за все это время безпрепятственно выдавало ей паспортъ отдѣльно отъ мужа. Губернское присутствіе, указавъ на то, что паспорты замужнимъ крестьянкамъ могутъ быть выдаваемы лишь съ согласія ихъ мужей, не усмотрѣло неправильностей въ дѣйствіяхъ волостнаго правленія тѣмъ болѣе, что изъ доставленныхъ мировымъ посредникомъ свѣдѣній оказалось, что крестьянинъ О. вторично заявилъ требованіе о водвореніи жены въ село Забродье. Въ жалобѣ Правительствующему Сенату Евфросинія О., между прочимъ, объяснила, что мужъ ея за выдачу паспорта требуетъ 100 руб., которыхъ уплатить она не въ состояніи.

Правительствующій Сенатъ, по Второму Департаменту, принявъ во вниманіе, что жалобы по предмету невыдачи крестьянкамъ паспортовъ подлежатъ разсмотрѣнію губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій по существу, между тѣмъ всѣ вышеприведенные доводы остались безъ обсужденія, обжалованное просительницею постановленіе Волынскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отмѣнилъ, предписавъ сему присутствію разсмотрѣть дѣло по существу (опред. 8 февраля 1891 г.).

III. Крестьянка с. Гребенокъ, Васильковскаго уѣзда, Акулина Г. дважды подавала въ Кіевское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и губернатору прошенія по предмету выдачи ей отдѣльнаго паспорта. На это ей было объявлено, что ходатайство о выдачѣ ей паспорта безъ согласія мужа не можетъ быть удовлетворено, если же мужъ не даетъ ей средствъ къ жизни, то съ жалобою на него она должна обратиться въ подлежащій судъ. Въ поданной Правительствующему Сенату жалобѣ Акулина Г. объяснила, что 12 лѣтъ тому назадъ она вступила въ бракъ съ крестьяниномъ Михаиломъ Г., который, съ первыхъ же дней ихъ союза, возненавидѣлъ ее и послѣ многихъ истязаній выгналъ со двора. Съ тѣхъ поръ она служитъ въ с. Гребенкахъ у разныхъ лицъ и тѣмъ добываетъ себѣ средства къ жизни, а мужъ ея принялъ въ сожительницы австрійскую подданную Евдокію, продол-

жаетъ съ нею жить и прижилъ отъ нея дочь. Не разъ, въ теченіе 12 лѣтъ, просительница пыталась сойтись съ мужемъ и водвориться въ домъ, какъ подобаетъ женѣ, но мужъ бьетъ ее и гонитъ со двора. Чтобы избавиться какъ отъ физическихъ, такъ и отъ нравственныхъ мученій, она, желая отправиться на службу внѣ своего селенія, обращалась за полученіемъ паспорта въ Гребенское волостное правленіе, но старшина, пригласивъ ея мужа и не получивъ отъ него согласія на выдачу просимаго паспорта, въ означенномъ ходатайствѣ ей отказалъ. Такой же отказъ, за несогласіемъ мужа, получила она какъ отъ мироваго посредника, такъ и отъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Правительствующій Сенатъ, по Второму Департаменту, сославшись на опредѣленіе Перваго Общаго Собранія отъ $\frac{\text{29 января}}{\text{28 октября}}$ 1888 г. по дѣлу крестьянки В. и принявъ во вниманіе, что крестьянскія учрежденія обязаны дѣла по жалобамъ женъ крестьянъ на невыдачу имъ паспортовъ безъ согласія мужа обсуждать по существу, и въ случаѣ, если бы заявленія крестьянокъ о жестокомъ съ ними обращеніи мужей или отказѣ въ выдачѣ женамъ содержанія подтвердились,—должны дѣлать распоряженія о выдачѣ такимъ крестьянкамъ паспортовъ и помимо согласія на то ихъ мужей; что, между тѣмъ, Кіевское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе никакого разслѣдованія по прошеніямъ крестьянки Г. не произвело,—поручилъ сему губернскому присутствію разсмотрѣть жалобу Г. по существу (опред. 30 ноября 1899 г.).

Ознакомившись съ обстоятельствами приведенныхъ примѣрныхъ дѣлъ, можно ли утверждать, что Правительствующій Сенатъ въ вопросѣ о выдачѣ крестьянскимъ женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство отмѣняетъ законъ и своими разъясненіями по этому предмету содѣйствуетъ распаденію семьи?

Полагаемъ, что нѣтъ.

По закону супруги обязаны жить вмѣстѣ. Посему: 1) строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ; 2) при переселеніи, при поступленіи на службу или при иной перемѣнѣ постояннаго жительства мужа, жена должна слѣдовать за нимъ (ст. 103 т. X ч. 1 зак. гражд.). Мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и

облегчать ея немощи. Онъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей (ст. 106 тѣхъ же законовъ). Въ соотвѣтствіе съ симъ, ст. 9 т. XIV полож. о видахъ на жительство, изд. 1895 г., гласитъ, что жена вносится въ видъ на жительство мужа, если она находится при немъ, а въ ст. 11 того же законоположенія постановлено, что замужнія женщины, независимо отъ ихъ возраста, могутъ получать отдѣльные виды на жительство не иначе, какъ съ согласія ихъ мужей.

Истинный разумъ означенныхъ узаконеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что отъ мужа, имѣющаго право требовать, чтобы жена *жила при немъ, и дѣйствительно удерживающаго жену при себѣ*, зависитъ не согласиться на выдачу ей отдѣльнаго паспорта, предоставляющаго ей возможность проживать отдѣльно отъ него. Возьмемъ, однако, обратный случай: мужъ не только не хочетъ, чтобы жена отъ него не отлучалась, но, напротивъ того, гонитъ ее изъ своего дома, обзаводится любовницею и создаетъ для жены необходимость проживать отъ него отдѣльно, не давая ей притомъ средствъ къ существованію. Неужели въ виды законодателя входило и при такихъ условіяхъ ставить полученіе покинутою женою отдѣльнаго паспорта въ непремѣнную зависимость отъ согласія на то мужа? Едва ли, ибо въ указанномъ случаѣ упорство мужа сводилось бы къ самодурству, къ ничѣмъ не оправдываемому произволу, къ мести и подчасъ предоставляло бы мужу широкое поле для вымогательства, въ чемъ мы изъ вышеизложенныхъ примѣровъ въ дѣйствительности и убѣждаемся. Поэтому надлежитъ признать, что Правительствующій Сенатъ, устанавливая возможность полученія покинутыми крестьянскими женами, въ исключительныхъ случаяхъ, отдѣльныхъ видовъ на жительство безъ согласія на то мужей, закона не измѣняетъ, а лишь разумно примѣняетъ его къ жизни.

Не менѣе странно утвержденіе, что такого рода разъясненіями Сенатъ, будто бы, содѣйствуетъ распаденію крестьянской семьи. Нельзя содѣйствовать тому, что̀ уже свершилось: если жена покинута мужемъ, то выдачею ей отдѣльнаго паспорта предоставляется ей только возможность закономѣрнымъ путемъ добывать себѣ кусокъ хлѣба.

Критики указанной сенатской практики совѣтуютъ крестьянскимъ женамъ добиваться развода для полученія отдѣльныхъ видовъ на жительство. Добивайся признанія судомъ мужа виновнымъ въ *истязаніи* своей жены и лишенія его правъ со-

стоянія,—продолжаютъ тѣ же совѣтчики—или же требуй съ мужа алиментовъ, если онъ не даетъ средствъ къ пропитанію.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вообще представляется желательнымъ навязывать крестьянской средѣ идею о разводѣ, мы рѣшительно отказываемся понять, почему предлагаемая мѣра менѣе содѣйствовала бы распаденію семьи, чѣмъ пользованіе крестьянкою отдѣльнымъ видомъ на жительство. Разводъ прекращаетъ бракъ навсегда, между тѣмъ временныя недоразумѣнія между супругами могутъ уладиться, покинутая крестьянка, по особымъ условіямъ крестьянскаго быта, въ большинствѣ случаевъ не злоблива, охотно прощаетъ мужу его вину и нерѣдко готова вернуться къ нему по первому его призыву, забывая физическія и нравственныя страданія и униженія. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ вида, что допускаемыя закономъ причины развода далеко не объемлютъ всѣхъ случаевъ, въ которыхъ покинутая мужемъ крестьянка можетъ оказаться нуждающеюся въ отдѣльномъ видѣ на жительство. Крестьянка В., напримѣръ, не указывала на прелюбодѣяніе мужа своего, на неспособность его къ брачному сожитію, на лишеніе его по суду всѣхъ правъ состоянія; она объясняла только, что мужъ, не желая жить съ нею вмѣстѣ и отказывая въ согласіи на полученіе ею отдѣльнаго паспорта, тѣмъ самымъ требуетъ высылки ея въ мѣсто его приписки, гдѣ у него не имѣется ни кола, ни двора. Разводъ при такихъ условіяхъ немыслимъ, немедленная же помощь покинутой крестьянской женѣ, въ видѣ выдачи ей отдѣльнаго паспорта, спасающаго ее отъ голодной смерти, представляется обязательною.

Едва ли болѣе цѣлесообразнымъ можетъ быть признанъ и совѣтъ о привлеченіи мужа къ законной отвѣтственности за истязанія. При замѣчаемой въ крестьянской средѣ склонности къ сутяжничеству вообще, такой совѣтъ представляется, прежде всего, по меньшей мѣрѣ страннымъ. Засимъ самое понятіе объ „истязаніи“ является слишкомъ крупнымъ мѣриломъ долготерпѣнія бѣдной женщины-страдалицы. Крестьянка Г. объясняетъ, что мужъ билъ ее и выгналъ отъ себя, обзаведясь любовницею. На дурное обращеніе съ нею мужа Г. ссылается какъ на побочное обстоятельство, поясняющее лишь ходъ супружескихъ отношеній, въ основу же ходатайства своего о выдачѣ ей отдѣльнаго паспорта полагаетъ фактъ лишенія ея мужемъ пристанища и пропитанія. Она не желаетъ мстить мужу за нанесенное ей оскорбленіе, не

желаетъ добиться наказанія виновнаго, она ему все прощаетъ, готова перенести физическую боль и униженіе, умоляетъ мужа пріютить ее въ избѣ, несмотря на то, что въ той же избѣ проживаетъ ея разлучница, и только при безуспѣшности означенныхъ попытокъ прибѣгаетъ къ крайнему средству—проситъ подлежащія учрежденія о выдачѣ ей отдѣльнаго паспорта, чтобы имѣть возможность выбраться изъ села, поступить въ услуженіе къ постороннимъ лицамъ, для снисканія себѣ средствъ къ пропитанію, и хотя бы временно отдѣлаться отъ насмѣшекъ односельчанъ.

Почему же эта женщина не пользуется своимъ правомъ, не требуетъ съ мужа алиментовъ?—удивляются ревнители закона. Отвѣтимъ на это словами „Московскихъ Вѣдомостей“: „крестьяне не чиновники, получающіе жалованье двадцатаго числа каждаго мѣсяца. Занимаясь землепашествомъ, они добываютъ себѣ только необходимое для существованія..... Никакого содержанія, поэтому, не можетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ дать крестьянинъ своей женѣ...“. Спрашивается, къ чему же хлопотать о полученіи на мужа исполнительнаго листа, по которому ничего получить нельзя?

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу высказываемыхъ „Московскими Вѣдомостями“ опасеній о томъ, что отнынѣ выдача женѣ отдѣльнаго отъ мужа вида можетъ происходить по желанію каждой крестьянки, *заявившей* претензію на мужа и „поддержанной волостнымъ писаремъ, старшиною и иными сельскими властями, что̀ на практикѣ достигается иногда цѣною одного или нѣсколькихъ рублей“.

Эти опасенія совершенно неосновательны. Никакимъ „заявленіямъ“ крестьянокъ, хотя бы и поддержаннымъ отзывами постороннихъ лицъ, Правительствующій Сенатъ рѣшающаго значенія не придаетъ. Означенныя заявленія принимаются Сенатомъ лишь въ качествѣ матеріала, подлежащаго обсужденію по существу и могущаго дать поводъ къ производству соотвѣтствующаго *разслѣдованія*, каковое разслѣдованіе и возлагается Правительствующимъ Сенатомъ на крестьянскія учрежденія, предоставляя имъ, само собою разумѣется, полный просторъ въ строгой оцѣнкѣ добытыхъ разслѣдованіемъ данныхъ и предъявленныхъ стороною доказательствъ. Слѣдовательно, учрежденія сіи, наиболѣе знакомыя съ крестьянскимъ бытомъ и недостатками сельскаго административнаго устройства, вовсе не обязаны слѣпо довѣрять всякому показанію писаря и въ правѣ по внутреннему убѣжденію вы-

вести заключеніе даже прямо противоположное показанію свидѣтелей. Не слѣдуетъ забывать и того, что мужъ крестьянки, добивающейся полученія отдѣльнаго паспорта помимо его согласія, имѣетъ возможность и съ своей стороны, представить доказательства несостоятельности домогательства жены, и его доводы, конечно, не будутъ оставлены безъ вниманія.

С. Кожуховъ.

II.

ПРЕРЕКАНІЯ.

Пререканія о подсудности, т. е. споры между судебными установленіями или между судебными и правительственными установленіями о подвѣдомственности дѣлъ, обусловливаются частью не вполнѣ ясною обрисовкою признаковъ извѣстныхъ преступныхъ дѣяній въ матеріальномъ правѣ, частью неясностью процессуальнаго права.

Нельзя не согласиться, что пререканія о подсудности являются лишь неизбѣжнымъ зломъ въ ущербъ прямымъ задачамъ суда, такъ какъ въ данномъ случаѣ происходитъ и разрѣшается споръ не по существу дѣла, а исключительно о томъ, кому должно быть передано дѣло для разсмотрѣнія.

Благодаря этому, пререканія о подсудности влекутъ за собою совершенно лишнее и крайне нежелательное замедленіе въ ходѣ дѣлъ и непроизводительный трудъ для лицъ и установленій, возбуждающихъ и разрѣшающихъ вопросы о подсудности.

Пререканія о подсудности предусмотрѣны 37—40 и 231—245 ст. уст. угол. суд., а для Варшавскаго судебнаго округа еще 1300 ст. уст. угол. суд. (пререканія о подсудности между судебнымъ слѣдователемъ и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей). Ни въ одной изъ указанныхъ статей не предусмотрѣны пререканія о подслѣдственности между судебными слѣдователями; на практикѣ же подобнаго рода споры часто возникаютъ между судебными слѣдователями, которые, примѣняясь къ 39 ст. уст. угол. суд., возбуждаютъ пререканія о подслѣдственности въ окружныхъ судахъ, при которыхъ состоятъ, если разномысліе возникло между судебными слѣдователями одного и того же суда; въ противномъ случаѣ, т. е. при возникновеніи пререканія между судебными слѣдо-

вателями различныхъ окружныхъ судовъ, оно рѣшается тѣмъ судомъ, въ округѣ котораго первоначально возникло дѣло.

Если споры о подсудности вредятъ вообще дѣлу, замедляя разсмотрѣніе его по существу, то споры о подслѣдственности могутъ иногда повлечь за собою непоправимое зло для хода и результатовъ слѣдствій; при чемъ бываютъ случаи, что лица, неправильно задержанныя полиціею, содержатся подъ стражей до разсмотрѣнія судомъ пререканій, которыя обыкновенно рѣшаются по истеченіи недѣли, а иногда гораздо позже. Кромѣ того, слѣды преступленій за это время могутъ исчезнуть, подозрѣваемые, оставшіеся на свободѣ, скрыться, свидѣтели разъѣхаться и т. п.

Споры о подслѣдственности происходятъ, по большей части, вслѣдствіе недоразумѣній относительно территоріальныхъ границъ участковъ, а иногда вслѣдствіе разнорѣчивыхъ толкованій вопросовъ о томъ, гдѣ считать мѣсто совершенія преступленія или обнаруженія его.

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что на практикѣ очень часто возбуждаются неосновательные споры о подсудности и подслѣдственности, такъ какъ вопросы матеріальнаго и процессуальнаго права, являющіеся поводомъ пререканій, либо вполнѣ ясно опредѣлены самимъ закономъ, либо точно и опредѣленно установлены уже судебной практикой. Таковы споры по вопросамъ: о кражѣ со взломомъ, кражѣ въ пути, домашней кражѣ, повтореніи кражъ и т. п. Такого рода пререканія можно объяснить лишь недостаточною опытностью сторонъ, возбуждающихъ споры о подсудности.

Однимъ изъ вопросовъ, нерѣдко возбуждающихъ пререканія между судебными слѣдователями о подслѣдственности, является, какъ упомянуто выше, разномысліе относительно толкованія понятія о мѣстѣ обнаруженія преступленія. На основаніи 2 п. 289 ст. уст. угол. суд. судебный слѣдователь по законнымъ поводамъ приступаетъ къ производству слѣдствія, когда „преступное дѣяніе совершено въ иномъ мѣстѣ, но обнаружилось въ его участкѣ“; между тѣмъ уставъ уголовнаго судопроизводства не опредѣляетъ, какъ слѣдуетъ толковать понятіе *обнаруженія* преступленія.

На практикѣ по большей части подъ обнаруженіемъ преступленія понимаютъ усмотрѣніе совершеннаго преступленія. На этомъ основаніи, при неизвѣстности, гдѣ, напримѣръ, совершена кража, мѣстомъ *обнаруженія* таковой считаютъ то мѣсто,

гдѣ потерпѣвшій усмотрѣлъ фактъ пропажи имущества, гдѣ онъ узналъ о совершившейся кражѣ. При неизвѣстности мѣста совершенія растраты (а мѣсто совершенія растраты въ большинствѣ случаевъ неизвѣстно), обнаруженіе растраты признаютъ: или въ томъ мѣстѣ, гдѣ потерпѣвшій узналъ о совершенной растратѣ, или то мѣсто, гдѣ потерпѣвшимъ были ввѣрены деньги лицу, совершившему растрату, или, наконецъ, мѣсто, куда лицо, получившее отъ потерпѣвшаго деньги, должно было поставить опредѣленныя вещи и т. п. При такомъ толкованіи понятія обнаруженія преступленія, кража, мошенничество и пр. будутъ считаться обнаруженными тамъ, гдѣ потерпѣвшій увидѣлъ, усмотрѣлъ или вообще узналъ, что у него пропали вещи, что онъ обманутъ и т. п., и этимъ случайнымъ мѣстомъ нахожденія потерпѣвшаго въ моментъ усмотрѣнія преступленія обусловливается подслѣдственность дѣла. Такимъ образомъ, если кто-нибудь, пріѣхавъ, напримѣръ, изъ Петербурга въ Варшаву, обнаружилъ пропажу бумажника, находясь въ театрѣ, и не можетъ точно опредѣлить, гдѣ именно и когда похищенъ бумажникъ, то, при указанномъ выше толкованіи понятія обнаруженія преступленія, данная кража будетъ считаться обнаруженной въ варшавскомъ театрѣ, и дѣло будетъ подслѣдственно тому судебному слѣдователю, въ участкѣ котораго расположено зданіе театра. Опредѣленіе подслѣдственности дѣлъ о растратахъ, неизвѣстно гдѣ совершенныхъ, мѣстомъ передачи потерпѣвшимъ опредѣленныхъ вещей или имущества кому-нибудь для извѣстнаго употребленія представляется совершенно неправильнымъ, такъ какъ фактъ передачи имущества не заключаетъ въ себѣ признаковъ преступленія, а слѣдовательно и мѣсто, гдѣ происходитъ такая передача, не можетъ считаться ни мѣстомъ совершенія растраты, ни мѣстомъ ея обнаруженія. Равнымъ образомъ представляется неправильнымъ опредѣленіе подслѣдственности дѣлъ о растратахъ мѣстомъ, куда должны быть поставлены опредѣленныя вещи лицомъ, получившимъ отъ потерпѣвшаго деньги, такъ какъ самъ по себѣ фактъ недоставленія вещей въ опредѣленное мѣсто не входитъ въ составъ признаковъ растраты и можетъ служить лишь основаніемъ гражданскаго иска. Такимъ образомъ опредѣленіе подслѣдственности дѣлъ о растратахъ мѣстомъ обнаруженія преступленія, по большей части, тоже обусловливаютъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ потерпѣвшій, находясь случайно, узналъ о совершенной растратѣ.

Приведенное толкованіе понятія обнаруженія преступленія пред-

ставляется юридически неправильнымъ и произвольнымъ. *Обнаруженіе* преступленія слѣдуетъ признать терминомъ юридическимъ и, хотя въ уставѣ уголовнаго судопроизводства нѣтъ опредѣленія этого термина, но мы находимъ опредѣленіе понятія обнаруженія преступленія въ 158 ст. улож. наказ., говорящей объ отмѣнѣ наказаній за давностью. Въ статьѣ этой сказано, между прочимъ, что, по истеченіи извѣстныхъ сроковъ давности, наказанія отмѣняются, „когда во все время давностнаго срока преступленіе не сдѣлалось гласнымъ, т. е. когда по оному не было никакого дѣлопроизводства или слѣдствія ниже донесенія или жалобы, извѣта или иного показанія. . . "—Согласно этому законному толкованію понятія обнаруженія преступленія, преступленіе должно считаться обнаруженнымъ не тамъ, гдѣ потерпѣвшимъ усмотрѣны признаки преступленія, а тамъ, гдѣ преступленіе оглашено, т. е. доведено о преступленіи до свѣдѣнія подлежащей власти. Изъ этого опредѣленія закона ясно видно, что одно усмотрѣніе потерпѣвшимъ признаковъ преступленія является юридически безразличнымъ въ смыслѣ начала и продолженія уголовной давности, пока преступленіе не будетъ обнаружено путемъ заявленія о немъ подлежащей власти. Никто не станетъ оспаривать такого толкованія понятія обнаруженія преступленія въ отношеніи уголовной давности, а потому юридически правильно и даже обязательно такимъ же точно образомъ толковать упомянутый терминъ и въ отношеніи другихъ институтовъ права, въ томъ числѣ въ отношеніи подслѣдственности. Подобное толкованіе понятія мѣста обнаруженія преступленія, кромѣ юридической, законной правильности, внесло бы съ собою по вопросу о подслѣдственности практическія удобства, цѣлесообразность и единство, исключающія совершенно случайныя обстоятельства, обусловливающія подслѣдственность дѣлъ мѣстомъ нахожденія потерпѣвшаго въ моментъ усмотрѣнія имъ признаковъ преступленія. Обращаясь къ выше приведенному примѣру кражи, неизвѣстно гдѣ совершенной, у лица, пріѣхавшаго изъ Петербурга въ Варшаву и усмотрѣвшаго пропажу бумажника въ театрѣ, слѣдуетъ признать, при отождествленіи обнаруженія преступленія съ фактомъ усмотрѣнія таковаго, что слѣдствіе по дѣлу должно быть произведено тѣмъ судебнымъ слѣдователемъ, въ участкѣ котораго расположено зданіе театра, хотя, кромѣ этого, совершенно случайнаго и не имѣющаго рѣшительно никакого значенія обстоятельства, нѣтъ другихъ данныхъ, обусловливающихъ въ практическомъ или юридическомъ отношеніяхъ необходимость производ-

ства слѣдствія тѣмъ именно судебнымъ слѣдователемъ, въ участкѣ котораго усмотрѣна была пропажа бумажника. Потерпѣвшій и другія лица (напримѣръ, ѣхавшія съ нимъ вмѣстѣ), подлежащія допросу, могутъ проживать не въ томъ слѣдственномъ участкѣ, гдѣ расположено зданіе театра; дознаніе по заявленію потерпѣвшаго, сдѣланному полиціи въ мѣстѣ его временнаго или постояннаго жительства, будетъ произведено въ полицейскомъ участкѣ или вообще полицейскою властью, входящею въ раіонъ другаго слѣдственнаго участка и т. п. Между тѣмъ, если слѣдствіе будетъ произведено судебнымъ слѣдователемъ, въ участкѣ котораго упомянутая кража была обнаружена путемъ заявленія полицейской или иной власти, то судебный слѣдователь получаетъ дознаніе отъ той именно власти, которая дѣйствуетъ въ его участкѣ; показанія потерпѣвшаго и другихъ лицъ, опрошенныхъ на дознаніи и затѣмъ выбывшихъ, напримѣръ, въ безвѣстную отлучку, могутъ быть легко и скоро воспроизведены при слѣдствіи путемъ допроса подлежащихъ должностныхъ лицъ, производившихъ дознаніе; всякія вообще распоряженія по производству дополнительныхъ дознаній и негласныхъ розысковъ также могутъ быть скорѣе сдѣланы тѣмъ судебнымъ слѣдователемъ, въ участкѣ котораго преступленіе обнаружено, нежели тѣмъ, въ участкѣ котораго потерпѣвшій, находясь случайно, усмотрѣлъ признаки преступленія.

Споры о подслѣдственности, особенно въ большихъ городахъ, раздѣленныхъ на нѣсколько слѣдственныхъ участковъ, происходятъ главнымъ образомъ изъ за приведеннаго выше разногласія по вопросу о толкованіи понятія обнаруженія преступленія. Въ виду этого было бы желательно точное опредѣленіе юридическаго термина „обнаруженіе преступленія“ въ самомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства. Такое опредѣленіе обнаруженія преступленія въ смыслѣ заявленія о преступленіи подлежащей власти могло бы быть внесено въ редакцію 2 п. 289 ст. уст. угол. суд. слѣдующимъ образомъ: „судебный слѣдователь по законнымъ поводамъ приступаетъ къ слѣдствію, когда преступное дѣяніе совершено въ иномъ мѣстѣ, но обнаружилось въ его участкѣ путемъ жалобы, заявленія и т. п.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во избѣжаніе сомнѣній и недоразумѣній относительно способа разрѣшенія пререканій между судебными слѣдователями, надлежало бы упомянуть въ соотвѣтственной статьѣ уст. угол. суд. о томъ, что пререканія о подслѣдственности между судебными слѣдователями разрѣшаются тѣмъ окружнымъ судомъ, въ округѣ котораго дѣло первоначально возникло.

Наконецъ, въ видахъ возможнаго уменьшенія случаевъ основательныхъ, особенно же неосновательныхъ, пререканій о подсудности и подслѣдственности, было бы весьма цѣлесообразно печатать для свѣдѣнія въ мѣстныхъ газетахъ или въ спеціальныхъ юридическихъ органахъ въ формѣ краткихъ тезисовъ опредѣленія подлежащихъ судебныхъ установленій, разрѣшающихъ пререканія о подсудности.

І. Павловскій.

III.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ ПРИ НАЛИЧНОСТИ ПОКУШЕНІЯ НА ПОДЖОГЪ, ПРЕДУСМОТРѢННАГО 1 ПУН. 1610 СТ. УЛОЖ. НАКАЗ.

(Изъ судебной практики).

На рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей по дѣлу супруговъ И*., преданныхъ суду по обвиненію въ томъ, что въ ночь на 17 февраля 1900 г. въ г. К*., по предварительному согласію, съ цѣлью полученія страховой преміи за обезпеченное въ С.-Петербургскомъ обществѣ страхованій принадлежащее имъ движимое имущество, находившееся въ квартирѣ ихъ, расположенной въ жиломъ домѣ, первая изъ нихъ (жена), по подстрекательству втораго (мужа), умышленно подожгла означенное имущество, при чемъ начавшійся пожаръ былъ пожарною командою прекращенъ при самомъ началѣ безъ всякаго участія обвиняемой, которая ничѣмъ не доказала своего раскаянія въ совершенномъ преступленіи (по 3 ч. 1610, 2 ч. 1612 и 13 ст. улож. наказ.), были поставлены судомъ слѣдующіе вопросы: 1) доказано ли, что въ г. К*., въ обитаемомъ домѣ № 64 по Ж*. улицѣ, въ ночь съ 16 на 17 февраля 1900 года, въ квартирѣ мѣщанина Ш. И. былъ совершенъ, съ цѣлью полученія страховой преміи за обезпеченное въ С.-Петербургскомъ обществѣ страхованій принадлежащее указанному И. движимое имущество, поджогъ означеннаго имущества по взаимному предварительному соглашенію двухъ лицъ, изъ которыхъ одно лицо склонило другое путемъ просьбы, убѣжденія или обѣщанія выгодъ совершить поджогъ, что̀ и было исполнено послѣднимъ, но начавшійся пожаръ былъ прекращенъ при самомъ началѣ прибывшею пожарною

командою, безъ всякаго участія лица, совершившаго поджогъ и ничѣмъ не доказавшаго своего раскаянія въ совершенномъ преступленіи; 2) если событіе, описанное въ первомъ вопросѣ, доказано, то виновенъ ли Ш. И. въ томъ, что, съ цѣлью полученія страховой преміи и т. д. (какъ въ 1 вопросѣ), онъ склонилъ другое лицо просьбами, убѣжденіями или обѣщаніемъ выгодъ поджечь означенное имущество, что̀ тѣмъ лицомъ и было исполнено въ ночь на 17 февраля 1900 г., при чемъ начавшійся пожаръ былъ прекращенъ прибывшею пожарною командою, и 3) если событіе, описанное въ 1 вопросѣ, доказано, то виновна ли Р. И. въ томъ, что въ ночь на 17 февраля, по предварительному соглашенію и т. д. На первый вопросъ они отвѣтили: „да, доказано, но лицо, совершившее поджогъ, принимало участіе въ прекращеніи пожара", на второй:—„да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія", и на третій: „нѣтъ, не виновна". Окружный судъ, усматривая въ событіи, доказанность котораго признана присяжными засѣдателями, признаки преступленія, предусмотрѣннаго 1 п. 1610 ст. улож., т. е. покушенія на поджогъ, когда начавшійся отъ него пожаръ прекращенъ стараніемъ самого поджигателя, призналъ, что подстрекатель при наличности такого покушенія долженъ подлежать отвѣтственности за совершеніе именно этого преступленія и понести наказаніе, въ этомъ первомъ пунктѣ 1610 ст. улож. установленное, но, согласно 120 ст. улож., въ высшей его мѣрѣ.

Поэтому, избравъ наказаніе по 2 ст. 36 и понизивъ его, въ виду даннаго подсудимому снисхожденія, на одну степень, на основаніи 150 ст. улож., судъ назначилъ наказаніе по 2 ст. 38 ст. улож. въ высшей мѣрѣ, т. е. заключеніе въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ.

Приговоръ этотъ останавливаетъ на себѣ вниманіе потому, что имъ затрогивается и разрѣшается общій вопросъ о томъ, какому наказанію долженъ быть подвергнутъ подстрекатель, когда преступленіе, къ которому онъ подговаривалъ, не осуществилось вполнѣ, а совершено такое дѣяніе, которое закономъ выдѣлено въ особый видъ преступленія, и за которое установлена и своя особенная градація наказаній, какъ это въ данномъ случаѣ имѣется на лицо въ постановленіяхъ 1610 ст. улож. наказ., внѣ зависимости отъ общаго правила объ отвѣтственности виновниковъ въ покушеніи по 9, 114 и 115 ст. улож.

Безусловное, по первому взгляду, правило начала 120 ст. улож.,

по которому подговорщики или подстрекатели, даже когда они не были въ числѣ зачинщиковъ, приговариваются къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе, къ которому они подговаривали или подстрекали, находитъ себѣ ограниченіе въ дальнѣйшемъ содержаніи этой статьи, правда, по соображеніямъ субъективнаго свойства, такъ какъ для тѣхъ подстрекателей, которые впослѣдствіи старались остановить приведеніе преступнаго умысла „въ дѣйство", наказаніе назначается одною степенью ниже. Но болѣе существенное ограниченіе этого правила читается между строкъ этой статьи и логически вытекаетъ изъ общихъ правилъ нашего уложенія о соучастіи въ преступленіи и отвѣтственности участниковъ за преступленіе, учиненное нѣсколькими лицами по предварительному на то между ними соглашенію; его можно выразить кратко въ словахъ „подстрекатели приговариваются къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе, къ коему они подговаривали или подстрекали, *если въ дѣйствительности совершено именно то преступное дѣяніе, къ коему они подговаривали*". Безъ этого послѣдняго ограниченія правило статьи 120 улож. было бы такимъ драконовымъ закономъ, жестокость котораго нарушала бы коренной принципъ уголовнаго правосудія: „каждому по заслугамъ" и не находила бы себѣ оправданія ни въ буквѣ закона, ни въ задачахъ уголовной юстиціи, ни, тѣмъ менѣе, въ требованіяхъ общечеловѣческой справедливости.

Что это такъ, что высказанное выше положеніе не есть произвольная уступка мягкосердечію и не заключаетъ въ себѣ грубой ошибки, тому служитъ подтвержденіемъ установившаяся судебная практика, нашедшая себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Уголовнаго Касс. Деп. Сената, начиная съ 1868 г. и по 1899 годъ включительно, когда Сенатъ въ рѣшеніи № 1 подвелъ итогъ всѣмъ своимъ разъясненіямъ 13 ст. улож. и установилъ условія отвѣтственности подстрекателя.

По правиламъ ст. 13 улож., подговорщики или подстрекатели являются участниками преступленія, совершеннаго двумя или нѣсколькими лицами по взаимному соглашенію, и раздѣляютъ участь остальныхъ соучастниковъ, неся наравнѣ съ ними отвѣтственность за дѣйствительно совершенное преступное дѣяніе, въ которомъ ихъ преступный умыселъ нашелъ также дѣйствительное осуществленіе. Разъясняя точный смыслъ ст. 13 и ст. 120 улож., Сенатъ постоянно проводилъ въ своихъ рѣшеніяхъ то основное

положеніе, по которому *отвѣтственность подстрекателя обусловливается лишь преступностью совершеннаго* физическимъ виновникомъ *дѣянія* и *именно того*, къ которому подстрекатель подговаривалъ, при чемъ всегда ставились Сенатомъ на счетъ подстрекателя и тѣ отягчающія обстоятельства, которыя органически были связаны съ совершеннымъ въ дѣйствительности преступленіемъ. Такъ, въ рѣшеніи 1868 г. № 567 разъяснено, что подстрекатель отвѣчаетъ за тѣ послѣдствія, происшедшія, при исполненіи его подговора, какія онъ могъ предвидѣть, а въ рѣшеніи 1876 г. № 217, что онъ отвѣчаетъ и за тѣ отягчающія послѣдствія своего подговора, какія относятся къ обстоятельствамъ совершенія преступленія, какъ, наприм., совершеніе преступленія ночью. Отсюда надо и обратно заключить, держась того же метода разсужденія, что отвѣтственность подстрекателя понижается, если въ совершенномъ дѣяніи физическаго виновника заключаются обстоятельства, уменьшающія вину, или физическимъ виновникомъ совершено дѣяніе менѣе тяжкое, чѣмъ то, къ которому подговаривалъ подстрекатель. Такой выводъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи и съ разъясненіями Сената въ его рѣшеніяхъ за 1873 г., № 445, и 1876 г. № 97, въ которыхъ Сенатъ считаетъ необходимымъ для признанія кого-либо подстрекателемъ, чтобы имъ былъ склоненъ къ преступленію физическій виновникъ, и чтобы послѣдній совершилъ именно то преступленіе, къ которому онъ его склонялъ, а равно и съ рѣшеніями за 1875 г. № 289, и 1871 г. № 1309, по которымъ невмѣненіе главному виновнику совершеннаго имъ дѣйствія само по себѣ не освобождаетъ отъ отвѣтственности подстрекателя за совершеніе физическимъ виновникомъ преступленія, какъ не освобождаетъ его и самая смерть физическаго виновника (рѣш. 1875 г. № 438, и 1876 г. № 107). „Такимъ образомъ“, говорится въ рѣшеніи 1899 г. № 1, „изъ совокупнаго разсмотрѣнія преподанныхъ уже Правительствующимъ Сенатомъ разъясненій ст. 13 улож. наказ., явствуетъ, что *отвѣтственность* подстрекателей не стоитъ въ зависимости отъ наказуемости совершителей преступленія, а *обусловливается лишь преступностью совершеннаго физическими виновниками дѣянія, къ которому подстрекатель подговаривалъ, или сдѣланною попыткою выполненія его*“.

Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ нашему вопросу, нельзя не признать, что, при наличности покушенія на поджогъ, предусмотрѣннаго 1 п. 1610 ст. улож. и признаннаго доказан-

нымъ въ отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей на первый вопросъ, ибо они, сдѣлавъ оговорку о томъ, что лицо, совершившее поджогъ, принимало участіе въ прекращеніи пожара, установили всѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго именно 1 пун. 1610 ст. улож. наказ.,—отвѣтственность подстрекателя должна обусловливаться *преступностью совершеннаго* физическимъ виновникомъ *дѣянія*, т. е. покушенія на поджогъ, за который физическій виновникъ подлежитъ наказанію или по 2 ст. 36, или по 2 ст. 38 ст. улож., но *не преступностью того дѣянія, къ которому онъ подговаривалъ*, ибо *то дѣяніе въ дѣйствительности мѣста не имѣло.*

И, въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы диссонансомъ звучалъ приговоръ, если бы, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ дѣла, физическій виновникъ понесъ наивысшее наказаніе—заключеніе въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца съ ограниченіемъ правъ, а подстрекатель за то же дѣяніе былъ бы сосланъ въ каторжныя работы на восемь лѣтъ (по 120 и 1606 ст. улож.) съ лишеніемъ всѣхъ правъ, когда ему присяжными засѣдателями дано снисхожденіе. Развѣ такой приговоръ отвѣчалъ бы и требованію закона, и преступности совершеннаго дѣянія, и чувству справедливости?

Вотъ, почему мы и начали съ того, что требованіе или правило 120 ст. улож. не есть безусловное. Законъ не мертвая буква, а живое слово правды, воздающее каждому по его заслугамъ и карающее только дѣйствительно учиненное зло, въ предѣлахъ осуществленія злаго умысла, а не за самый злой умыселъ, который, не успѣвъ родиться, тутъ же и умеръ.

Такое примѣненіе 120 ст. улож. и вышеприведенное ея толкованіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ теоретическомъ ученіи о соучастіи въ преступленіи.

Не вдаваясь въ подробности, не соотвѣтствующія предѣламъ нашей замѣтки, позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь выписку изъ лекціи по уголовному праву проф. Таганцева (часть общая, выпускъ II, 1888 г.). „Дѣйствіе, учиненное исполнителемъ (преступленія), или сумма его дѣйствій, по общему правилу, опредѣляютъ юридическій характеръ всего совершеннаго соучастниками; въ этомъ отношеніи исполнители представляютъ центральный пунктъ соучастія. Такимъ образомъ, степень осуществленія преступнаго намѣренія исполнителями опредѣляетъ, въ этомъ отношеніи, вмѣненіе учиненнаго прочимъ соучастникамъ. Если исполнитель остановился

на приготовленіи или на покушеніи, то можно говорить только о подстрекательствѣ на покушеніе, о пособничествѣ къ приготовленію“ и т. д. (стр. 891). „Подстрекатель, какъ и всякій соучастникъ, долженъ быть виновникомъ и „совиновникомъ“ (стр. 902). „Во всякомъ случаѣ, для отвѣтственности за подстрекательство необходимо, чтобы выполненіе стояло въ причинномъ соотношеніи съ подговоромъ“ (стр. 915). „Подстрекатель, какъ и пособникъ, выполняетъ дѣяніе черезъ другаго; поэтому и для него, какъ было указано выше, центральнымъ пунктомъ является учиненное исполнителемъ. Подговоръ есть тотъ актъ, благодаря которому подстрекатель вкладывается въ соучастіе, но отвѣчаетъ онъ, какъ соучастникъ, не за этотъ подговоръ, а за то, что̀ было выполнено исполнителемъ, въ силу этого подговора“ (стр. 915—916).

Приведенными соображеніями можно бы признать исчерпаннымъ разсматриваемый нами вопросъ, если бы въ нашемъ случаѣ не возникало сомнѣнія о правильности вывода изъ отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей на предложенные ихъ разрѣшенію вопросы о виновности подстрекателя И. въ подстрекательствѣ на покушеніе на поджогъ, предусмотрѣнный 1 пун. 1610 ст. улож. Но сомнѣніе это должно само собою исчезнуть, если остановиться на той внутренной связи втораго вопроса съ первымъ, которая ихъ объединяетъ общими признаками событія преступленія, почему и оговорка присяжныхъ засѣдателей, сдѣланная въ первомъ вопросѣ, и указывающая существенный признакъ преступленія, всецѣло относится и къ дѣянію подстрекателя, виновность котораго и заключается въ подстрекательствѣ на покушеніе на поджогъ, когда пожаръ прекращенъ стараніями лица, совершившаго поджогъ, т. е. на преступленіе, предусмотрѣнное 1 пун. 1610 ст. улож. наказ.

П. Ананьевъ.

IV.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПОХОРОННОЙ КАССЫ ДЛЯ ЛИЦЪ СУДЕБНАГО ВѢДОМСТВА.

Наше судебное вѣдомство давно уже пережило періодъ, когда члены его могли считаться хорошо обезпеченными; давно уже въ юридической литературѣ поднятъ вопросъ о необходимости улучше-

нія матеріальнаго положенія лицъ судебнаго вѣдомства; давно уже направлены къ этому же дѣятельныя заботы Министерства Юстиціи [1]), и, какъ кажется, недостаточная матеріальная обезпеченность судебнаго вѣдомства въ настоящее время можетъ быть признана явленіемъ, не нуждающимся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Уже одно быстрое развитіе дѣйствій не столь давно возникшаго, но уже процвѣтающаго, какъ видно изъ его отчетовъ за 1897—1899 годы, Благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства, помощь со стороны котораго нуждающимся замѣтно усиливается съ каждымъ годомъ, показываетъ, до какой степени назрѣла у насъ потребность въ такихъ обществахъ, и какъ велика нужда, которую они призваны облегчать. Стòитъ только бѣгло просмотрѣть въ вышеупомянутыхъ отчетахъ перечень лицъ, обращавшихся за пособіями, чтобы убѣдиться, что въ помощи нуждаются далеко не одни низшіе канцелярскіе чиновники, судебные разсыльные, кандидаты на судебныя должности и т. п. лица, о ничтожности заработка которыхъ и говорить нечего, но сплошь и рядомъ, въ очень многихъ случаяхъ,—семьи судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора, городскихъ судей, членовъ окружныхъ судовъ, а иногда и лицъ, еще выше стоящихъ въ судебной іерархіи. Стоитъ при этомъ вспомнить, какъ тяжело вообще просить о пособіи кого бы то ни было, не исключая, конечно, даже и столь близкаго своему вѣдомству общества, чтобы вполнѣ легко себѣ представить, что, очевидно, далеко еще не всѣ нуждающіеся идутъ за этою помощью, что просятъ о ней только люди, доведенные до крайности, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже и при сильной нуждѣ, вѣроятно, многіе избѣгаютъ обращаться къ услугамъ благотворительности, несмотря на то, что въ отчетахъ общества не публикуются имена просителей. Число нуждающихся, внѣ всякаго сомнѣнія, въ дѣйствительности значительно больше, не-

---

[1]) Однимъ изъ существенныхъ выраженій этихъ заботъ явилось проведеніе законовъ объ увеличеніи окладовъ всѣмъ членамъ окружныхъ судовъ Имперіи до 2.700 руб., въ С.-Петербургѣ и Москвѣ до 2.800 руб., въ Туркестанскомъ Краѣ, Сибири и Степныхъ Областяхъ до 3.000 руб., въ г. Портъ-Артурѣ до 4.000 руб., а также закона о предоставленіи семействамъ судебныхъ чиновъ нѣкоторыхъ существенныхъ льготъ по назначенію эмеритальныхъ пенсій. Нельзя не указать также, что на выдачу служащимъ по вѣдомству Министерства Юстиціи денежныхъ наградъ и пособій ежегодно назначается до 76.000 руб., изъ каковой суммы отчисляется 14.000 руб. на выдачу пособій на погребеніе лицъ умершихъ на службѣ. *Прим. ред.*

жели то, о которомъ можно составить понятіе по вышеупомянутымъ отчетамъ. Чтобы идти на встрѣчу этой нуждѣ, нельзя не пожелать не только успѣха уже существующему Благотворительному обществу судебнаго вѣдомства, но и возникновенія другихъ учрежденій съ подобными задачами. Вслѣдствіе этого, намъ кажется, будетъ нелишнимъ познакомить читателей Журнала Министерства Юстиціи, какъ наиболѣе распространеннаго изъ юридическихъ журналовъ среди лицъ судебнаго вѣдомства, съ однимъ видомъ взаимопомощи, существующимъ въ нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствахъ, и по мѣрѣ силъ, такъ сказать, пропагандировать пересадку его на нашу почву.

Въ началѣ минувшаго года у врачей возникло въ высшей степени симпатичное учрежденіе,—которое полезно было бы позаимствовать и юристамъ,—подъ наименованіемъ „Похоронная касса для врачей всѣхъ вѣдомствъ". Уставъ этой кассы у насъ подъ руками, и существенныя черты его заключаются въ слѣдующемъ. Касса эта учреждается, какъ гласитъ § 1 устава, съ цѣлью выдачи единовременныхъ денежныхъ пособій на погребеніе умершихъ членовъ ея, при чемъ средства членовъ кассы не принимаются во вниманіе при выдачѣ пособія. Это же пособіе можетъ быть выдано и до смерти члена кассы, если онъ сдѣлается неспособнымъ къ труду вслѣдствіе старческаго маразма, паралича, увѣчья, сумасшествія, потери зрѣнія, туберкулеза въ послѣдней степени и т. п. болѣзненныхъ состояній. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. при выдачѣ пособія при жизни участника, должны быть исполнены нѣкоторыя формальности, указанныя въ § 22 (эти формальности имѣютъ цѣлью констатировать, подходитъ ли болѣзнь участника кассы къ перечисленнымъ въ § 1), и если выдано пособіе, то членъ, получившій пособіе при жизни, не состоитъ болѣе въ числѣ членовъ, и послѣ смерти его пособіе уже болѣе выдано быть не можетъ (§ 1). Возрастъ членовъ кассы ограничивается вообще 50 годами, но принимаются и лица въ возрастѣ отъ 50—60 лѣтъ съ двумя, однако, условіями, а именно: 1) число послѣднихъ не должно превышать 25% общаго числа участниковъ кассы, и 2) за каждый лишній сверхъ нормы годъ эти лица прибавляютъ къ своему вступительному взносу по 2 руб.; первое условіе не относится лишь къ членамъ-учредителямъ, но второе распространяется и на нихъ (§ 2). Дѣйствіе кассы открывается не менѣе какъ при 100 членахъ, а общее число членовъ кассы ограничено 600-ми (§§ 32 и 8). Каждый участникъ кассы

до 50-ти лѣтняго возраста при вступленіи въ кассу вноситъ вступительный взносъ въ 5 руб. (для лицъ отъ 50—60 лѣтъ этотъ взносъ, какъ упомянуто выше, увеличенъ), 5 р. 25 к.—за первый смертный случай и 10% съ взноса за смертный случай (§ 3). Дальнѣйшіе взносы дѣлаются въ размѣрѣ 5 р. 25 к. и 10% съ этой суммы лишь въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ кассы или въ случаѣ какой-нибудь тяжкой болѣзни участника кассы, сдѣлавшей его неспособнымъ къ труду (§ 4). На внесеніе слѣдуемыхъ платежей назначается двухнедѣльный срокъ для живущихъ въ С.-Петербургѣ и мѣсячный—для живущихъ внѣ С.-Петербурга, считая со дня полученія увѣдомленія, и, если въ теченіе этого срока не послѣдуетъ уплаты, посылается вторичное заявленіе, но уже въ заказномъ письмѣ, при чемъ членъ кассы, не уплатившій слѣдуемаго взноса, подвергается штрафу въ 1 р., а если и послѣ вторичнаго увѣдомленія онъ не уплатитъ въ теченіе мѣсяца слѣдуемаго взноса, но уже со штрафомъ въ 3 руб., то неисправный плательщикъ исключается изъ числа членовъ (§ 12), а взносы, поступившіе въ кассу, ни въ какомъ случаѣ ему не возвращаются (§ 11). Сумма, которая должна быть выдана послѣ смерти участника кассы, исчисляется по числу наличныхъ членовъ кассы въ то время, увеличенному въ четыре раза; такъ, если число участниковъ 250, выдаваемая сумма 1000 р., но изъ нея удерживается 5% въ пользу кассы (§ 6). Каждый участникъ кассы заявляетъ, кому именно, въ случаѣ его смерти, причитающаяся ему сумма должна быть выдана. Эти заявленія могутъ быть измѣняемы. Въ полученіи такого заявленія выдается росписка съ обозначеніемъ на ней лица, которому будетъ сдѣлана выдача (§ 5). Средства кассы состоятъ изъ капиталовъ: 1) оборотнаго, 2) запаснаго и 3) для выдачи пособій. Оборотный капиталъ составляется изъ поступающихъ платежей за каждый смертный случай, при чемъ въ него поступаютъ не всѣ 5 р. 25 к., вносимыхъ при смерти одного изъ участниковъ, а только 4 р., подлежащіе выдачѣ. Запасный капиталъ составляется изъ вступительныхъ взносовъ, и туда же поступаютъ отъ каждаго взноса за смертный случай 1 р. 25 к. Капиталъ для пособій составляется изъ вносимыхъ 10% съ каждаго смертнаго случая и удерживаемыхъ 5% съ каждой выдачи; кромѣ того, сюда же зачисляются и штрафныя деньги. Назначеніе запаснаго капитала—регулировать сумму выдачи пособій на случай возможнаго уменьшенія числа членовъ. Назначеніе капитала для пособій предполагается для взноса срочныхъ платежей за членовъ,

которые не могутъ уплатить въ силу какихъ-либо крайне неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, а также и для пособій членамъ, впавшимъ въ нужду (§ 13). Вотъ и всѣ существенныя особенности этого учрежденія. Мы не будемъ излагать организацію его управленія, такъ какъ она не отличается отъ таковой же вообще юридическихъ лицъ, но нельзя не упомянуть еще объ одномъ требованіи устава, заключающемся въ томъ, что выдачи изъ кассы производятся исключительно участникамъ ея или преемникамъ ихъ правъ, но ни въ какомъ случаѣ не по денежнымъ взысканіямъ съ участниковъ кассы (§ 7).

Изъ этого обзора устава похоронной кассы врачей всякій можетъ видѣть, что это учрежденіе лишь съ внѣшней стороны можетъ, пожалуй, напоминать благотворительное, именно тѣмъ, что оно приходитъ на помощь въ столь тяжелые моменты, каковы смерть или тяжкая болѣзнь, и еще тѣмъ, что совершенно чуждо всякихъ коммерческихъ цѣлей. По существу же своему оно болѣе приближается къ обществамъ по страхованію жизни, одной изъ функцій которыхъ является и страхованіе похоронныхъ денегъ, но рѣзко отличается отъ этихъ обществъ тѣмъ же самымъ, только что упомянутымъ, своимъ некоммерческимъ характеромъ. Являясь не больше какъ видомъ товарищеской взаимопомощи, способомъ взаимнаго страхованія жизни товарищей по извѣстному вѣдомству, учрежденіе похоронной кассы лишено нѣкоторыхъ невыгодныхъ сторонъ, свойственныхъ какъ всякому благотворительному обществу, такъ и всевозможнымъ страховымъ обществамъ. Не легко прибѣгать къ милосердію своихъ ближнихъ, но не столь тяжело такую же помощь въ трудныя минуты жизни получить на основаніи своего законнаго права; не легко, обращаясь къ благотворительности, встрѣтить нерѣдкій отказъ, когда отдается понятное преимущество еще сильнѣе нуждающимся, но похоронная касса отказовъ этихъ не знаетъ, такъ какъ средства членовъ кассы, какъ выше сказано, во вниманіе при выдачѣ пособія не принимаются. Отсутствіе же всякаго коммерческаго интереса въ дѣятельности такой кассы ведетъ къ тому, что, чуждая цѣлей наживы, она взимаетъ съ своихъ участниковъ, если не считать вступительнаго взноса, опредѣленную независимо отъ ихъ возраста сумму въ 5 р. 25 к. лишь по числу дѣйствительныхъ смертныхъ случаевъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ обществахъ страхованія жизни страховая премія сильно измѣняется по возрастамъ страхователей и вообще, конечно, сравнительно должна быть выше,

чѣмъ сумма, платимая за то же время участниками похоронной кассы. Возьмемъ похоронную кассу при наличномъ ея составѣ въ 600 участниковъ. При вступленіи въ кассу каждый изъ нихъ вноситъ 10 р. 78 к. (5 р.+5 р. 25 к.+53 к.). Въ случаѣ смерти участника кассы семья его получаетъ 2280 руб. (2400 р.—120 р.), Беремъ для сравненія тарифы страховаго общества „Россія" по страхованію жизни. Чтобы застраховать свою жизнь въ 2000 р., необходимо ежегодно платить страхователю въ возрастѣ отъ 30 лѣтъ—46 р. 80 к., отъ 35 лѣтъ—54 р. 40 к., отъ 40 лѣтъ—63 р. 80 к., отъ 45 лѣтъ—76 р. 20 к., отъ 50 лѣтъ—92 р. 40 к.—совершенно независимо отъ числа дѣйствительныхъ смертныхъ случаевъ. Спеціальный же тарифъ страхованія похоронныхъ денегъ еще выше этого. Между тѣмъ участнику похоронной кассы иной годъ не придется и ничего заплатить, если никто не умретъ изъ столь небольшаго числа членовъ кассы, иной годъ придется въ разное время сдѣлать нѣсколько взносовъ по 5 р. 25 коп. и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ—столько же, сколько пришлось бы уплатить преміи страховому обществу въ тотъ же годъ. (Для лицъ старше 50 лѣтъ страховая премія въ обществахъ страхованія жизни, разумѣется, еще крупнѣе: по означенному выше тарифу страхователь, напр., отъ 55 лѣтъ платитъ ежегодно страховую премію въ 113 р. 80 к., а отъ 60 лѣтъ—уже въ 142 р. 40 к., въ похоронной же кассѣ для этихъ лицъ увеличивается только вступительный взносъ). Если, не прибѣгая къ утомительнымъ статистическимъ изысканіямъ по таблицамъ смертности, припомнить только, сколько у насъ, особенно въ большихъ городахъ, въ теченіе года случается прощальныхъ и юбилейныхъ обѣдовъ, подношеній альбомовъ и иныхъ подарковъ по случаю перевода сослуживцевъ, то нельзя не признать, что по сравненію съ этими непроизводительными затратами, отъ которыхъ, однако, считается неудобнымъ уклоняться, помощь товарищу въ виду его старости или неизлечимой болѣзни или его семьѣ, по случаю его перехода въ лучшій міръ, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ гораздо большаго сочувствія, да и обходится дешевле. Вѣдь, внося каждый разъ въ похоронную кассу 5 р. 25 коп., нужно помнить, что 4 р. идутъ на похороны или леченіе одного изъ своихъ же товарищей, а 1 р. 25 к.—на поддержаніе кассы, которая въ свое время окажетъ эту помощь и семьѣ плательщика или ему самому.

Такія кассы имѣются уже не у однихъ врачей, но и въ другихъ вѣдомствахъ (если не ошибаемся, въ нѣкоторыхъ земствахъ,

у литераторовъ и ученыхъ и т. д.); нельзя не пожелать учрежденія такой кассы и у насъ, юристовъ. Судебное вѣдомство могло бы имѣть и не одну похоронную кассу, такъ какъ учрежденіе ихъ было бы легко пріурочить къ округамъ судебныхъ палатъ, подобно окружнымъ правленіямъ Благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства, и тѣмъ болѣе легко организовать управленіе ими.

А. Быстрицкій.

V.

ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА УПРАВЛЕНІЯ МЕЖЕВОЮ ЧАСТЬЮ ОБЪ ОТМѢНѢ ВТОРИЧНАГО ОСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЯ МЕЖЕВОЮ КАНЦЕЛЯРІЕЮ ДѢЛЪ ПО ОТМЕЖЕВАНІЮ ЦЕРКОВНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Въ примѣчаніи къ 365 ст. меж. зак. содержится требованіе, чтобы, по отмежеваніи церковной земли уѣзднымъ землемѣромъ и нанесеніи ея на копію генеральнаго плана, эта копія была отослана въ межевую канцелярію для нанесенія границъ церковной земли на хранящійся въ архивѣ канцеляріи подлинный генеральный планъ. Мысль этого закона вполнѣ ясна: онъ имѣетъ въ виду постоянное согласованіе оригиналовъ генеральныхъ плановъ съ копіями. Точно также ясенъ и размѣръ участія въ этомъ дѣлѣ межевой канцеляріи, которой надлежитъ только распорядиться наложеніемъ границъ церковной земли на подлинный планъ и возвратить затѣмъ копію въ губернскую чертежную. Но въ дѣйствительности вышло иное. Въ межевую канцелярію отправлялись изъ губернскихъ чертежныхъ не только копіи плановъ, а и самыя производства землемѣровъ; межевая же канцелярія стала подвергать эти производства вторичному освидѣтельствованію по существу. Циркуляръ Управленія межевою частью отъ 8 января текущаго года № 67 [1]) положилъ этому конецъ, предписавъ точно исполнять прим. къ 365 ст. меж. зак., т. е. отсылать въ межевую канцелярію только копіи плановъ, и устранивъ межевую канцелярію отъ непринадлежащей ей оцѣнки самыхъ дѣйствій уѣздныхъ землемѣровъ по нарѣзкѣ церковныхъ земель.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Февраль 1901, стр. 32.

Такимъ образомъ, разсматриваемый циркуляръ является новымъ звеномъ въ непрерывающейся цѣпи мѣръ, которыя межевое управленіе неуклонно принимаетъ за послѣдніе годы къ водворенію правильнаго порядка въ производствѣ межевыхъ дѣлъ вообще, въ особенности же къ устраненію возникшаго случайно и не опирающагося на законъ широкаго участія въ нихъ межевой канцеляріи. Представляя новое и довольно яркое подтвержденіе того, до какой степени дошла узурпація межевою канцеляріею неприсвоенной ей власти, циркуляръ имѣетъ и серьезное практическое значеніе. Имъ прекращена напрасная медленность въ движеніи довольно большаго числа дѣлъ по нарѣзкѣ церковныхъ земель. Такихъ дѣлъ въ межевыхъ учрежденіяхъ ежегодно возникаетъ до 70, и въ скорѣйшемъ окончаніи ихъ заинтересованы какъ причты, такъ и владѣльцы. Извѣстны, напримѣръ, случаи, когда крестьяне, уступивъ къ церкви землю, не могутъ исключить ее, до окончанія дѣла, изъ своего податнаго оклада, а потому и не допускаютъ причтъ къ владѣнію уже нарѣзаннымъ въ натурѣ церковнымъ участкомъ. Между тѣмъ, направленіе этихъ дѣлъ на вторичное освидѣтельствованіе въ межевую канцелярію, при практикуемомъ ею вездѣ и всюду пріемѣ провѣрки, соблюдены ли въ точности правила и формы генеральнаго межеванія, нерѣдко вызываетъ такъ называемыя ремарки, для исправленія коихъ дѣло возвращается вновь въ губернскую чертежную, затѣмъ, по исправленіи, опять поступаетъ въ межевую канцелярію и заканчивается лишь спустя нѣсколько лѣтъ.

Не менѣе существенна и другая цѣль, косвенно достигаемая новымъ циркуляромъ. Послѣ изданнаго въ 1899 году циркуляра о возобновленіи межъ, которымъ изъято изъ вѣдѣнія межевой канцеляріи огромное количество производившихся въ ней, также безъ законнаго основанія, дѣлъ этого рода, онъ составляетъ новый шагъ на пути освобожденія ея значительнаго техническаго состава отъ такихъ безполезныхъ занятій, какъ вторичное переосвидѣтельствованіе дѣлъ, уже однажды освидѣтельствованныхъ въ губернской чертежной,—разъ оно не требуется закономъ,—открывая тѣмъ возможность командированія техниковъ межевой канцеляріи въ губерніи для исполненія межевыхъ работъ, надобность въ которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Съ другой стороны, изъятіе изъ вѣдѣнія межевой канцеляріи всего, что̀ ею исполняется лишь въ силу обычая, постепенно сведетъ ея занятія къ крайне ограниченному кругу дѣлъ, возложенныхъ на нее

закономъ, и тѣмъ облегчитъ окончательную ихъ ликвидацію. Сомнѣваться же въ томъ, что при приступѣ къ преобразованію межевой части упраздненіе межевой канцеляріи будетъ поставлено въ первую очередь,—едва ли возможно. По крайней мѣрѣ, всѣ составлявшіеся до сихъ поръ проекты межеваго преобразованія, существенно расходясь во взглядахъ на его цѣли, сходились въ необходимости прекратить дальнѣйшее существованіе этого почтеннаго, но уже свершившаго свою задачу учрежденія.

С. Р.

VI.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАКТИКА ОМСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

(*Продолженіе*) [1]).

1) Иски о недѣйствительности завѣщательныхъ актовъ подсудны въ Сибири только окружнымъ судамъ.

Исковымъ прошеніемъ, поданнымъ мировому судьѣ, мѣщане Василій, Дмитрій и Григорій Васильевы П. ходатайствовали о признаніи недѣйствительнымъ составленнаго умершимъ отцомъ ихъ Василіемъ Семеновымъ П. завѣщанія, какъ незасвидѣтельствованнаго уполномоченнымъ на то присутственнымъ мѣстомъ; при чемъ въ качествѣ отвѣтчика по этому иску привлекли сына покойнаго, мѣщанина Якова Васильева П., въ пользу коего совершено завѣщаніе. Мировой судья отказалъ П. въ искѣ, а окружный судъ, на разсмотрѣніе коего поступило это дѣло по жалобѣ истцовъ, означенное рѣшеніе мироваго судьи утвердилъ. Въ кассаціонной жалобѣ своей истцы ходатайствуютъ объ отмѣнѣ рѣшенія окружнаго суда, по нарушенію имъ ст. 1060, 1063, 1065 и ст. 20 прил. къ ст. 708 т. X ч. 1 Свод. зак.

Выслушавъ заключеніе товарища прокурора, судебная палата находитъ, что въ предлежащемъ случаѣ окружнымъ судомъ разрѣшено, въ качествѣ мироваго съѣзда, дѣло, мировымъ установленіямъ, по роду своему, неподсудное. Согласно ст. 24 временныхъ правилъ о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири, мировымъ судьямъ въ этомъ краѣ подвѣ-

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1900 г., № 5.

домственны лишь иски, указанные въ ст. 1462 уст. гражд. суд.; всѣ же прочіе, за силою ст. 202 уст., не отмѣненной для Сибири упомянутыми правилами, подлежатъ вѣдомству окружныхъ судовъ (кромѣ, разумѣется, исковъ, которые, въ силу спеціальныхъ узаконеній, вѣдаются судами особаго рода). Но изъ содержанія ст. 1462 не усматривается, чтобы иски о недѣйствительности завѣщательныхъ актовъ отнесены были къ вѣдомству мировыхъ судей, а потому и на основаніи ст. 202 споры этого рода (которые не слѣдуетъ отождествлять со спорами о правѣ наслѣдованія по закону) должны быть признаны подсудными въ Сибири окружнымъ судамъ, въ качествѣ общихъ судебныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе сего настоящее дѣло не подлежало разрѣшенію по существу ни мироваго судьи, ни окружнаго суда, въ качествѣ мироваго съѣзда. Получивъ это дѣло, окружный судъ, по силѣ ст. 584 п. 1 уст. гражд. суд. и согласно разъясненію Правительствующаго Сената, преподанному въ рѣшеніи Гражд. Кас. Деп. 1874 г. № 567, обязанъ былъ самъ, безъ отвода тяжущихся, возбудить вопросъ о подсудности таковаго мировымъ установленіямъ и, признавъ его неподсуднымъ, отмѣнить рѣшеніе мироваго судьи. Не возбудивъ означеннаго вопроса, а разрѣшивъ настоящее дѣло по существу, окружный судъ тѣмъ самымъ нарушилъ ст. 584 п. 1 уст. гражд. суд. А потому и руководствуясь рѣшеніями Гражд. Кас. Деп. 1868 г. №№ 291 и 434, по смыслу коихъ кассаціонная инстанція, усмотрѣвъ, что мировыя установленія разсматривали неподсудное имъ дѣло, можетъ отмѣнить постановленное съѣздомъ рѣшеніе, хотя бы во время производства дѣла никто не указывалъ на неподсудность его,—судебная палата 22 декабря 1899 г. опредѣлила: рѣшеніе окружнаго суда, по нарушенію ст. 584 п. 1 уст. гражд. суд., отмѣнить и дѣло возвратить въ тотъ же судъ для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

2) Наслѣдникъ, которому въ охранительномъ порядкѣ отказано въ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, не лишенъ права домогаться исковымъ порядкомъ признанія за нимъ наслѣдственныхъ правъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, судебная палата находитъ, что окружный судъ оставилъ исковое прошеніе мѣщанъ Константина и Михаила П. о признаніи ихъ наслѣдниками къ имуществу, оставшемуся послѣ смерти мѣщанина Николая П., безъ разсмотрѣнія на томъ основаніи, что требованіе просителей не заключается въ

просьбѣ о возстановленіи права, уже нарушеннаго, и о разрѣшеніи спора, уже существующаго, ибо истцы не указываютъ на какое-либо нарушеніе ихъ правъ со стороны опеки надъ имуществомъ Николая П., а предъявляютъ искъ только потому, что въ охранительномъ порядкѣ имъ не удалось доказать свои права на означенное имущество. Въ жалобѣ повѣренный Константина и Михаила П., присяжный повѣренный С., проситъ отмѣнить опредѣленіе окружнаго суда, какъ неправильное, и признать исковое требованіе его довѣрителей подлежащимъ разсмотрѣнію по существу. Опекунъ же надъ имуществомъ Николая П. въ объясненіи доказываетъ, что обжалованное опредѣленіе правильно.

Принимая во вниманіе: 1) что, хотя по общему правилу искъ предъявляется съ цѣлью устраненія спора и возстановленія нарушеннаго права, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается закономъ исковое производство и для признанія такого права, которое никѣмъ не нарушалось; 2) что примѣры такихъ случаевъ можно видѣть въ ст. 1065 и 1066, а также въ ст. 1066[11] т. X ч. 1, по смыслу которыхъ отказъ суда въ утвержденіи духовнаго завѣщанія въ охранительномъ порядкѣ къ исполненію не лишаетъ наслѣдника по завѣщанію или душеприказчика права просить исковымъ порядкомъ объ утвержденіи завѣщанія, между тѣмъ какъ въ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о нарушеніи, напримѣръ, опекуномъ надъ завѣщаннымъ имуществомъ правъ такого наслѣдника, и 3) что какъ опредѣленіе суда, постановленное въ охранительномъ порядкѣ, коимъ отказано въ утвержденіи духовнаго завѣщанія къ исполненію, такъ и опредѣленіе суда, которымъ отказывается въ охранительномъ порядкѣ въ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, не вступаютъ въ законную силу, и потому охранительное производство не препятствуетъ предъявленію иска объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства (рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1880 г. № 124, 1893 г. № 4 и др.),—судебная палата приходитъ по изложеннымъ соображеніямъ къ заключенію, что обжалованное опредѣленіе окружнаго суда неправильно. На этомъ основаніи судебная палата 15 іюня 1900 г. опредѣлила: опредѣленіе окружнаго суда отъ 18 января 1900 г. отмѣнить и предписать суду войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу.

3) Желающій предъявить къ желѣзной дорогѣ искъ объ убыткахъ за несвоевременную отправку груза не въ правѣ требовать посредствомъ особаго иска предъявленія ему правле-

ніемъ желѣзной дороги очередныхъ, по отправкѣ грузовъ, книгъ, для извлеченія изъ нихъ доказательствъ будущаго своего иска.

Выслушавъ заключеніе товарища прокурора, полагавшаго жалобу М. оставить безъ уваженія, и разсмотрѣвъ настоящее дѣло, судебная палата усматриваетъ, что окружный судъ оставилъ безъ разсмотрѣнія искъ М. на томъ основаніи, что требованія истца, обращенныя имъ къ желѣзной дорогѣ, не составляютъ спора о правѣ гражданскомъ, не имѣютъ непосредственною цѣлью возстановленіе нарушеннаго права, а направлены только къ установленію наличности доказательствъ для будущаго иска объ убыткахъ. Это соображеніе суда вполнѣ раздѣляетъ и судебная палата, какъ совершенно правильное. Истецъ просилъ судъ обязать отвѣтчика предъявить ему, истцу, очередныя, по отправкѣ грузовъ, книги, для извлеченія справокъ. По правиламъ устава гражданскаго судопроизводства, такое требованіе можетъ быть заявлено въ судѣ не иначе, какъ въ порядкѣ 442 ст. уст., когда по предъявленному уже спору о правѣ гражданскомъ тяжущійся ссылается на находящіеся у его противника документы, служащіе къ подтвержденію спорныхъ обстоятельствъ. Въ семъ только случаѣ такое требованіе подлежитъ обсужденію суда, но не какъ самостоятельное исковое требованіе. Въ виду этого всѣ разсужденія М. въ его жалобѣ о значеніи общаго устава желѣзныхъ дорогъ вообще и въ частности отдѣльныхъ правилъ сего устава, а также инструкціи объ очереди грузовъ, лишены всякаго значенія при разрѣшеніи вопроса о томъ, можетъ ли требованіе о предъявленіи книгъ грузоотправителю быть самостоятельнымъ предметомъ иска. Изъ того, что желѣзная дорога нарушаетъ очередь при отправкѣ грузовъ вопреки вышеуказаннымъ правиламъ, возможно только заключить, что грузоотправитель имѣетъ право иска о вознагражденіи за нарушеніе очереди, а не иска о предъявленіи книгъ, какъ это видно изъ приводимыхъ просителемъ 51 и 101 ст. уст. жел. дор. Столь же неосновательны разсужденія жалобщика о томъ, что, отказавъ ему въ искѣ, судъ лишилъ его права судебной защиты. Закономъ предусмотрѣнъ случай невозможности для истца представить при исковомъ прошеніи нѣкоторые документы, долженствующіе служить доказательствомъ иска (п. 4 ст. 264 уст.), и потому указаны пути для полученія этихъ документовъ (439—465 ст.). Но нѣтъ правила, которое предоставляло бы истцу путемъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ исковъ

собирать доказательства, необходимыя для подтвержденія будущаго требованія о вознагражденіи за убытки. Палата поэтому приходитъ къ заключенію, что жалоба М. явно неосновательна, и что дѣлаемые имъ окружному суду упреки въ непониманіи законовъ, въ неуясненіи себѣ истиннаго смысла требованій его, просителя, основаны на превратномъ и, очевидно, неправильномъ толкованіи сихъ законовъ самимъ жалобщикомъ. Въ виду вышеизложеннаго, судебная палата 20 іюля 1900 года опредѣлила: частную жалобу мѣщанина М. оставить безъ послѣдствій.

4) Бывшіе въ губернскомъ судѣ повѣренными по дѣламъ, переданнымъ въ окружный судъ для дальнѣйшаго производства, не могутъ быть допущены окружнымъ судомъ къ веденію этихъ дѣлъ, если по правиламъ учр. суд. уст. и уст. гражд. суд. не могутъ быть повѣренными въ окружномъ судѣ по чужимъ дѣламъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, судебная палата находитъ, что по содержанію его разрѣшенію палаты подлежитъ, во-1-хъ, вопросъ о томъ, могутъ ли быть допущены по дѣламъ, поступившимъ изъ бывшихъ губернскихъ судовъ, прежніе повѣренные сторонъ, если они не состоятъ въ числѣ присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ при новыхъ окружныхъ судахъ, и, во-2-хъ, вопросъ о томъ, правильно ли былъ допущенъ окружнымъ судомъ, въ качествѣ повѣреннаго отвѣтчицы П., статскій совѣтникъ И., какъ не состоящій ни присяжнымъ, ни частнымъ повѣреннымъ при окружномъ судѣ? Относительно перваго вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе, что, согласно съ IX пунктомъ Высочайше утвержд. правилъ отъ 13 мая 1896 года (Собр. узак. 1896 г., № 61, ст. 732), новыя судебныя установленія въ губерніяхъ и областяхъ Сибири открыты на точномъ основаніи, между прочимъ, правилъ 10 марта 1869 г. о порядкѣ окончанія дѣлъ судебныхъ мѣстъ прежняго устройства. По ст. 25 этихъ правилъ, нерѣшенныя дѣла, производящіяся въ палатахъ (въ Сибири—въ губернскихъ судахъ) въ качествѣ первой инстанціи, передаются въ окружные суды для производства согласно уст. гражд. суд., съ соблюденіемъ притомъ нижеслѣдующихъ правилъ (ст. 26—31); но въ этихъ правилахъ не содержится никакихъ изъятій изъ правилъ устава гражд. судопроизводства о повѣренныхъ. Слѣдовательно, данный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ согласно съ уст. гражд. суд. Повѣренные по ст. 245 сего устава могутъ быть избираемы только изъ

присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ или лицъ, указанныхъ въ ст. 389 учр. суд. уст., именно: родителей, супруговъ, дѣтей и лицъ, имѣющихъ одну общую съ довѣрителемъ тяжбу, или завѣдывающихъ по довѣренностямъ имѣніями или дѣлами тѣхъ тяжущихся. Отставной чиновникъ В. не подходитъ подъ категорію упомянутыхъ лицъ, а поэтому и не можетъ быть повѣреннымъ К. въ ея дѣлѣ съ П., производящемся въ окружномъ судѣ; слѣдовательно, отъ веденія этого дѣла В. устраненъ окружнымъ судомъ правильно. Переходя, затѣмъ, ко второму вопросу, нельзя не признать, что окружный судъ, допустивъ И. къ веденію дѣла П., поступилъ правильно, такъ какъ И. предъявилъ довѣренность о завѣдываніи всѣми дѣлами П., слѣдовательно, согласно ст. 389 учр. суд. уст., имѣетъ право ходатайства по ея дѣлу.

На основаніи всего вышеизложеннаго, судебная палата, признавая частную жалобу В. не подлежащею удовлетворенію, 20 іюля 1900 года опредѣлила: частную жалобу В. оставить безъ послѣдствій.

5) Дѣлопроизводитель уѣзднаго отдѣленія общества попечительства о тюрьмахъ не считается должностнымъ лицомъ этого общества, почему и не можетъ вести въ судѣ дѣла общества по уполномочію послѣдняго.

Выслушавъ заключеніе товарища прокурора, полагавшаго рѣшеніе окружнаго суда отмѣнить и дѣлопроизводствомъ прекратить, и принимая во вниманіе: 1) что настоящій искъ о взысканіи съ имущества умершаго эконома при И. тюрьмѣ, П., 245 руб. 53 ¼ коп. убытковъ предъявленъ былъ въ окружномъ судѣ повѣреннымъ И. попечительнаго о тюрьмахъ отдѣленія дѣлопроизводителемъ сего отдѣленія Павломъ Ивановымъ П.; 2) что хотя казенныя управленія, по смыслу ст. 1285 уст. гражд. суд., и могутъ уполномочивать должностныхъ лицъ своего вѣдомства на веденіе судебныхъ дѣлъ, но П. не можетъ считаться должностнымъ лицомъ общества попечительства о тюрьмахъ, такъ какъ по ст. 89 уст. о сод. подъ стр. (т. XIV, изд. 1890 г.) въ уѣздныхъ попечительныхъ о тюрьмахъ отдѣленіяхъ производство дѣлъ, храненіе суммъ, пріемъ и выдача ихъ съ надлежащею отчетностью возлагаются на директоровъ тѣхъ отдѣленій, особой же должности дѣлопроизводителя не установлено; 3) что такимъ образомъ П., какъ дѣлопроизводитель И. попечительнаго о тюрьмахъ отдѣленія, не имѣетъ права ходатайствовать въ окружномъ судѣ по дѣлу

сего отдѣленія; 4) что и помимо того П., по смыслу ст. 246 п. 10 уст. гражд. суд., вовсе не имѣетъ права быть повѣреннымъ, потому что, какъ видно изъ приложеннаго опекуншею при апелляціонной жалобѣ удостовѣренія И. мѣщанскаго старосты отъ 27 января 1899 г. за № 19,—каковое удостовѣреніе сообщено было въ копіи вмѣстѣ съ копіей жалобы П. и имъ оставлено безъ всякаго возраженія,—онъ лишенъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и 5) что судъ во всякомъ положеніи дѣла, независимо отъ отводовъ со стороны тяжущихся, можетъ возбудить вопросъ о правѣ повѣреннаго ходатайствовать и обязанъ не принимать дѣла, возбужденнаго повѣреннымъ, къ своему разсмотрѣнію, а начатое уже дѣло прекратить, если окажется, что повѣренный не имѣетъ права ходатайствовать на судѣ (ст. 584 уст. гражд. суд.),—судебная палата находитъ, что окружный судъ, упустивъ изъ виду это правило и постановивъ рѣшеніе по иску, предъявленному Павломъ Ивановымъ П., какъ повѣреннымъ И. попечительнаго о тюрьмахъ отдѣленія, поступилъ неправильно. На этомъ основаніи судебная палата 15 іюня 1900 г. опредѣлила: рѣшеніе окружнаго суда отъ 17 августа 1899 г. отмѣнить и дальнѣйшее производство дѣла прекратить.

6) Правило статьи 1285 уст. гражд. суд., по которому казенныя управленія ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ не иначе, какъ въ лицѣ особыхъ уполномоченныхъ, не примѣняется къ случаю обращенія казеннаго управленія къ суду о вызовѣ казеннаго должника для заявленія о средствахъ къ удовлетворенію числящагося на немъ казеннаго взысканія.

Опредѣленіемъ, состоявшимся 8 іюня 1899 года, окружный судъ оставилъ безъ разсмотрѣнія изложенное въ сообщеніи казенной палаты отъ 11 мая того же года требованіе о вызовѣ Ѳедора Матвѣева С. для заявленія о средствахъ къ удовлетворенію числящагося на немъ долга казнѣ въ суммѣ 3 руб. 75 коп., руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что по буквальному смыслу ст. 1285 уст. гражд. суд. казенныя управленія ходатайствуютъ на судѣ не иначе, какъ въ лицѣ особыхъ уполномоченныхъ, а не путемъ сношеній присутственныхъ мѣстъ съ судомъ въ видѣ переписки.

Въ принесенной судебной палатѣ частной жалобѣ казенная палата, ссылаясь на Высочайше утвержденныя 29 декабря 1897 года правила о розыскѣ имущества казенныхъ должниковъ, про-

ситъ означенное выше опредѣленіе окружнаго суда отмѣнить, предписавъ ему удовлетворить требованіе казенной палаты о вызовѣ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, судебная палата находитъ: 1) что согласно ст. 1222[15] уст. гражд. суд. (по закону 29 декабря 1897 года) обращаемыя къ суду требованія казенныхъ управленій о вызовѣ казенныхъ должниковъ для заявленія о средствахъ къ удовлетворенію числящихся на нихъ казенныхъ взысканій излагаются въ сообщеніяхъ на имя подлежащихъ судебныхъ органовъ; 2) что правило это составляетъ изъятіе изъ ст. 1285 уст., которая поэтому къ данному случаю не примѣнима; 3) что вслѣдствіе сего основанное на этой статьѣ закона опредѣленіе суда объ оставленіи упомянутаго выше сообщенія казенной палаты безъ разсмотрѣнія представляется неправильнымъ и подлежитъ отмѣнѣ и 4) что такъ какъ со стороны суда, не разсматривавшаго настоящаго дѣла по существу, не послѣдовало еще отказа въ удовлетвореніи ходатайства казенной палаты, которое оставлено лишь безъ обсужденія, то нѣтъ пока и основанія для предписанія суду о вызовѣ должника, каковой вызовъ можетъ быть учиненъ лишь въ томъ случаѣ если при разсмотрѣніи дѣла не встрѣтится къ тому какихъ-либо законныхъ препятствій. А потому судебная палата 9 декабря 1899 г. опредѣлила: обжалованное опредѣленіе окружнаго суда отмѣнить.

7) Исковое прошеніе о признаніи безспорною претензіи истца къ несостоятельному должнику, отнесенной конкурснымъ управленіемъ къ спорнымъ, не подлежитъ оцѣнкѣ и потому не можетъ быть возвращено по 4 п. 266 ст. уст. гражд. суд.

Повѣреннымъ купца Николая Дмитріева С., присяжнымъ повѣреннымъ А., подано было въ окружный судъ исковое прошеніе, въ коемъ онъ ходатайствовалъ: 1) объ обязаніи конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника Ивана К. представить въ судъ торговыя книги сего несостоятельнаго и 2) о признаніи претензіи С. по векселю въ 3000 руб. безспорной, съ отнесеніемъ ея къ первому роду втораго разряда по удовлетворенію изъ конкурсной массы должника и съ отмѣною состоявшагося по сему предмету опредѣленія конкурснаго управленія. По распоряженію товарища предсѣдателя упомянутаго суда, прошеніе это было подателю его возвращено за силою ст. 266 п. 4 уст. гражд. суд.

На это распоряженіе повѣренный С. принесъ судебной палатѣ въ установленный срокъ частную жалобу, въ коей онъ, доказывая

невозможность оцѣнки исковыхъ требованій своего вѣрителя, проситъ о предписаніи предсѣдателю окружнаго суда принять къ производству возвращенное ему, жалобщику, прошеніе.

Обсудивъ изложенное, судебная палата находитъ, что пунктомъ 4 статьи 266 уст. гражд. суд., на основаніи коего товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда сдѣлано распоряженіе о возвращеніи повѣренному С. поданнаго имъ исковаго прошенія, предписывается возвращать исковыя прошенія, когда не означена цѣна иска, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ее невозможно опредѣлить. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ, по существу заключающихся въ немъ требованій, не подлежитъ оцѣнкѣ, исковое прошеніе не можетъ быть по закону возвращено просителю за неозначеніемъ цѣны иска. Разсмотрѣніе прошенія повѣреннаго С. показываетъ, что искъ его не подлежитъ оцѣнкѣ, такъ какъ предметъ его: предъявленіе торговыхъ книгъ и признаніе безспорности долговаго требованія, съ отнесеніемъ его къ подлежащему роду и разряду,—въ смыслѣ экономическомъ цѣны не имѣетъ; спеціальныхъ же правилъ для оцѣнки такого рода исковъ въ законѣ не содержится. Въ виду сего неозначеніе просителемъ цѣны своего иска не могло, по закону, служить основаніемъ къ возвращенію ему исковаго прошенія, почему распоряженіе о семъ товарища предсѣдателя суда представляется неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ. Но такъ какъ къ принятію этого прошенія могутъ встрѣтиться другія законныя препятствія, то судебная палата полагаетъ ограничиться отмѣною обжалованнаго распоряженія, не предписывая вмѣстѣ съ тѣмъ о принятіи прошенія, а потому 9 сентября 1899 г. опредѣлила: обжалованное А. распоряженіе товарища предсѣдателя окружнаго суда о возвращеніи А. исковаго прошенія отмѣнить.

8) Въ повѣсткѣ о вызовѣ должника въ судъ, для указанія средствъ на удовлетвореніе взысканія, не требуется, чтобы текстъ статей, опредѣляющихъ послѣдствія неявки, былъ непремѣнно прописанъ.

Окружный судъ, какъ видно изъ его производства, по просьбѣ взыскателя Д., вызывалъ должника Р. повѣсткою въ судебное засѣданіе суда для указанія имъ, Р., средствъ на удовлетвореніе обращеннаго къ нему, Д., по исполнительному листу, взысканія; когда же вызываемый въ назначенный повѣсткою день въ засѣданіе не явился, окружный судъ опредѣленіемъ, состоявшимся 30

іюня 1899 года, постановилъ доставить его въ судъ посредствомъ привода. Это опредѣленіе суда Р., въ частной жалобѣ своей, находитъ неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ на томъ основаніи, что по силѣ ст. 1222[8] уст. гражд. суд. должникъ вызывается въ присутствіе суда, для указанія своихъ средствъ, съ соблюденіемъ ст. 275—292 уст., т. е. съ означеніемъ въ повѣсткѣ послѣдствій для него неявки въ судебное засѣданіе; окружный же судъ этого требованія закона, по мнѣнію жалобщика, не исполнилъ, а ограничился лишь проставленіемъ въ своей повѣсткѣ нумеровъ статей, опредѣляющихъ таковыя послѣдствія. Обсудивъ изложенное, судебная палата находитъ жалобу Р. неосновательною по слѣдующимъ соображеніямъ. Свѣдѣнія, которыя должны быть помѣщены въ повѣсткѣ о вызовѣ должника въ присутствіе суда, указаны въ ст. 276 уст. гражд. суд. Изъ разсмотрѣнія ея оказывается, что въ повѣсткѣ, между прочимъ, означаются статьи закона, въ коихъ опредѣляются послѣдствія неявки (п. 6). Но для означенія статьи закона не требуется непремѣнно прописаніе ея текста, а достаточно указанія нумера, подъ которымъ она значится въ подлежащемъ мѣстѣ Свода законовъ. Въ повѣсткѣ же окружнаго суда, врученной жалобщику, имѣется ссылка на статью, опредѣляющую послѣдствіе неявки, безъ уважительныхъ причинъ, вызваннаго въ судъ, для указанія средствъ должника (1222[9] уст.), чего не отрицаетъ и самъ жалобщикъ. Хотя прописаніе въ повѣсткѣ самаго текста статей, опредѣляющихъ сказанныя послѣдствія, и представляется желательнымъ, однако, по разъясненію Правительствующаго Сената, даже неуказаніе въ ней вовсе этихъ статей не составляетъ, само по себѣ, существеннаго нарушенія порядка судопроизводства (рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1867 г. № 42). Посему судебная палата 12 августа 1899 года опредѣлила: жалобу Р. оставить безъ послѣдствій.

9) Правило ст. 41 врем. прав. 13 мая 1896 г., предоставляющее тяжущимся просить судъ объ извѣщеніи ихъ о времени разбирательства дѣла, не касается дѣлъ, производящихся въ судебной палатѣ.

Разрѣшая ходатайство повѣреннаго управленія желѣзной дороги, присяжнаго повѣреннаго А., объ извѣщеніи его по мѣсту жительства въ г. Томскѣ о времени назначенія въ засѣданіе палаты дѣла по его апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе суда по иску К., судебная палата не можетъ удовлетворить просьбу А. Статья 41

закона 13 мая 1896 г., на которую проситель ссылается, предоставляющая тяжущимся просить судъ объ извѣщеніи ихъ о времени разбирательства дѣла, какъ видно изъ содержанія ея и слѣдующей 42 ст., относится только до производства дѣла въ окружномъ судѣ, такъ какъ говоритъ о такихъ сношеніяхъ суда съ тяжущимися (сообщеніе копій состязательныхъ бумагъ, представленіе отвѣтовъ, обжалованія рѣшеній окружнаго суда), которыя къ производству дѣла въ судебной палатѣ никакого отношенія не имѣютъ. Изъ сего слѣдуетъ, что для производства палаты остается въ силѣ общее правило, установленное 763 ст. уст. гражд. суд., т. е. что тяжущійся, который желаетъ получить извѣщеніе о времени разсмотрѣнія его дѣла въ палатѣ, обязанъ заявить въ канцеляріи послѣдней объ избранномъ имъ мѣстѣ пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится палата, и представить деньги за врученіе повѣстки. На основаніи вышеизложеннаго судебная палата, согласно съ заключеніемъ товарища прокурора, 17 февраля 1900 г. опредѣлила: прошеніе повѣреннаго управленія желѣзной дороги, присяжнаго повѣреннаго А., оставить безъ послѣдствій.

10) Если жалобщикъ пользовался правомъ сообщенія ему бумагъ, копіи рѣшенія и т. п. по мѣсту пребыванія, то срокъ на обжалованіе, исчисляя начало его со дня врученія копіи, не считается пропущеннымъ, если въ послѣдній день срока съ поверстнымъ жалоба получена по почтѣ въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, въ который она адресована.

Разсмотрѣвъ частную жалобу Б., судебная палата усматриваетъ, что Б. признаетъ неправильнымъ возвращеніе ему апелляціонной его жалобы на рѣшеніе окружнаго суда. Онъ именно полагаетъ, что такъ какъ объявленіе суда объ оставленіи безъ движенія поданной имъ суду апелляціонной жалобы съ предоставленіемъ семидневнаго съ поверстнымъ срока на исполненіе требованій суда относительно представленія копіи съ апелляціонной жалобы и денегъ одного рубля вручено было ему 15 февраля сего года въ г. Саратовѣ, отстоящемъ отъ г. Томска на 3812 верстъ, то, подавъ пакетъ съ копіей и деньгами въ г. Саратовѣ на почтѣ 5 марта, онъ, Б., срока не пропустилъ, воспользовавшись семидневнымъ срокомъ со дня врученія объявленія, а изъ 13 дней поверстнаго срока, считая по 300 верстъ въ сутки, онъ воспользовался лишь 11 днями. Но такой разсчетъ Б. нельзя признать правильнымъ. По правиламъ устава гражданскаго судопроизводства (ст. 828),

при поступленіи бумаги отъ лица отсутствующаго, въ разсчетъ принимается тотъ день, когда бумага получена на почтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ судъ находится. По правиламъ же о примѣненіи уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири вышеуказанный законъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что если въ послѣдній день срока на обжалованіе рѣшеній и дѣйствій судебныхъ мѣстъ жалоба будетъ сдана просителемъ въ подлежащее установленіе для отправленія по почтѣ, то срокъ не считается пропущеннымъ. Оба эти правила имѣютъ въ виду тѣ случаи, когда проситель не извѣщается судомъ особо о томъ или другомъ дѣйствіи или распоряженіи судебнаго установленія по дѣйствительному мѣстожительству просителя, если послѣдній проживаетъ внѣ того города, гдѣ находится судъ. Это послѣднее заключеніе свое судебная палата основываетъ на томъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ началомъ срока считается время дѣйствительнаго врученія просителю объявленія суда, законъ предоставляетъ такому лицу еще и поверстный срокъ, принимая въ разсчетъ какъ пространство между мѣстомъ врученія и мѣстомъ нахожденія суда, такъ и время, необходимое на пересылку бумаги въ судъ по разсчету 50 верстъ въ сутки по обыкновеннымъ дорогамъ и 300 верстъ въ сутки по линіямъ желѣзныхъ дорогъ (ст. 270, 300 и 728 уст. гражд. суд.). Такое же значеніе имѣютъ и ст. 41 и 42 правилъ примѣн. Суд. Уст. къ губерніямъ Сибири. По этимъ правиламъ для лица, получившаго особое извѣщеніе суда въ дѣйствительномъ, указанномъ этимъ лицомъ, мѣстѣ своего пребыванія, началомъ установленныхъ закономъ сроковъ на представленіе отвѣтовъ и на обжалованіе рѣшеній считается день врученія сего извѣщенія, а затѣмъ къ этому сроку причисляется поверстный, необходимый на пересылку бумаги въ судъ, а потому въ послѣдній день срока поверстнаго пакетъ долженъ быть полученъ въ городѣ, гдѣ находится судъ. Если же признать правильнымъ разсчетъ Б., полагающаго, что онъ имѣлъ право подать свой пакетъ въ послѣдній день 13 дневнаго поверстнаго срока въ г. Саратовѣ, то окажется, что онъ имѣетъ право на двойной поверстный срокъ, чего допустить нельзя. Въ виду вышеизложеннаго, судебная палата находитъ, что такъ какъ пакетъ отъ Б. изъ Саратова полученъ въ Томскѣ уже по истеченіи всего поверстнаго срока, т. е. послѣ 7 марта, то апелляціонная жалоба правильно возвращена Б., а посему 23 сентября 1899 г. опредѣлила: частную жалобу мѣщанина Б. оставить безъ послѣдствій.

11) Время врученія тяжущемуся, по мѣсту жительства, окружнымъ судомъ, въ качествѣ мироваго съѣзда, копіи рѣшенія считается началомъ срока на обжалованіе рѣшенія только при томъ условіи, если просьба о высылкѣ копіи вступила въ судъ, хотя бы и послѣ разрѣшенія дѣла, но не позже двухмѣсячнаго срока со дня постановленія рѣшенія.

Выслушавъ заключеніе товарища прокурора, полагавшаго жалобу повѣренныхъ сельскаго общества села Б. оставить безъ послѣдствій, и принимая во вниманіе: 1) что по общему правилу просьба о кассаціи рѣшенія, постановленнаго окружнымъ судомъ, въ качествѣ мироваго съѣзда, должна быть подана не въ четырехмѣсячный срокъ, какъ это неосновательно полагаютъ просители, а въ двухмѣсячный (ст. 191 уст. гражд. суд. по прод. 1895 г.); 2) что срокъ этотъ просителями пропущенъ, такъ какъ рѣшеніе окружнаго суда состоялось 28 сентября 1899 года, а кассаціонная жалоба, полученная въ окружномъ судѣ 17 апрѣля сего года, отправлена ими, просителями, по ихъ словамъ, 22 марта; 3) что подача просителями въ судъ просьбы о высылкѣ копіи рѣшенія не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого значенія, потому что, по смыслу ст. 35 и 36 врем. прав. 13 мая 1896 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири, время врученія тяжущемуся высланной ему судомъ по мѣстожительству его копіи рѣшенія считается началомъ срока на обжалованіе рѣшенія только при томъ условіи, если просьба о высылкѣ копіи рѣшенія вступила въ судъ хотя бы и послѣ разрѣшенія дѣла, но не позже двухмѣсячнаго срока со дня постановленія рѣшенія, такъ какъ съ истеченіемъ сего срока право обжалованія погашается (ст. 192 п. 1 уст. гражд. суд.) и не можетъ быть возстановлено подачею просьбы о высылкѣ копіи рѣшенія,—судебная палата, признавая распоряженіе окружнаго суда о возвращеніи просителямъ кассаціонной жалобы за пропускомъ срока правильнымъ, 15 іюня 1900 г. опредѣлила жалобу повѣренныхъ С. и Г. оставить безъ послѣдствій.

12) Срокъ на обжалованіе опредѣленія конкурснаго управленія, постановленнаго по претензіи кредитора, исчисляется со дня выдачи ему копіи опредѣленія, хотя бы содержаніе опредѣленія было ему извѣстно съ момента постановленія таковаго.

Конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника К., въ составѣ предсѣдателя М. и кураторовъ В. и К., постано-

вило 17 ноября 1899 г. опредѣленіе по претензіи купца Л., заключивъ объявить это опредѣленіе повѣренному М. по мѣсту жительства съ выдачею ему, на основаніи 590 ст. уст. о торг. несост., копіи опредѣленія. Копія опредѣленія вручена кураторомъ повѣренному М. 15 января 1900 г. 30 января М. подана частная жалоба, представленная конкурснымъ управленіемъ въ окружный судъ. Судъ оставилъ эту жалобу по опредѣленію 10 марта, какъ поданную послѣ срока, безъ разсмотрѣнія на томъ основаніи, что содержаніе обжалованнаго опредѣленія сдѣлалось извѣстнымъ М. 17 ноября 1899 г., такъ какъ опредѣленіе это состоялось при участіи его, какъ предсѣдателя конкурснаго управленія, и онъ состоялъ уже въ то время повѣреннымъ Л.; слѣдовательно, срокъ обжалованія долженъ считаться для него съ 17 ноября 1899 года.

Въ жалобѣ на это опредѣленіе окружнаго суда повѣренный главноуправляющаго дѣлами умершаго коммерціи совѣтника Л., присяжный повѣренный Н., объясняетъ, что М. два раза лишался права вести это дѣло: первый разъ за истеченіемъ срока довѣренности, выданной лишь на 1897 годъ, а второй—за смертью Л.; если же М. имѣлъ довѣренность отъ главноуправляющаго, но не представлялъ ее къ дѣлу, то это не давало суду права вмѣнять довѣрителю въ обязанность считать теченіе срока съ того момента, когда М. было извѣстно содержаніе опредѣленія конкурснаго управленія. На основаніи 785 ст. уст. гражд. суд., теченіе срока начинается со дня объявленія конкурснымъ управленіемъ своего опредѣленія. Поэтому присяжный повѣренный Н. проситъ, уваживъ его жалобу, причислить долгъ наслѣдниковъ Л. къ первому роду и первому разряду по удовлетворенію.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, судебная палата находитъ, что на основаніи ст. 17 прилож. къ ст. 1400 (прим.) уст. гражд. суд. дѣла по жалобамъ на опредѣленія конкурснаго управленія производятся по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 784—791 сего устава. Въ одной изъ этихъ статей, именно въ 785, постановлено, что частныя жалобы подаются въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія опредѣленія. Постановляемыя конкурснымъ управленіемъ по претензіямъ кредиторовъ опредѣленія объявляются, какъ это видно изъ смысла ст. 590 и 594 уст. суд. торг., посредствомъ выдачи кредиторамъ скрѣпленной копіи опредѣленія, и срокъ обжалованія исчисляется именно со дня выдачи копіи. Это общее правило объявленія этого рода опредѣленій конкурснаго управленія и исчисленія срока обжалованія распространяет-

ся и на тотъ случай, когда опредѣленіе могло сдѣлаться извѣстнымъ кредитору и ранѣе полученія имъ копіи, точно такъ же, какъ и правило ст. 714 уст. гражд. суд., по силѣ котораго опредѣленія по частнымъ вопросамъ, возникающимъ во время производства исковаго дѣла, считаются объявленными въ день, назначенный тяжущимся для прочтенія опредѣленія, объемлетъ и тотъ случай, когда опредѣленіе сдѣлалось въ дѣйствительности извѣстнымъ тяжущемуся ранѣе или позже дня прочтенія. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу, нельзя не признать, что срокъ обжалованія опредѣленія конкурснаго управленія по претензіи умершаго Л. долженъ считаться со дня врученія копіи повѣренному главноуправляющему по дѣламъ Л., т. е. съ 15 января 1900 г., хотя опредѣленіе это было извѣстно М. съ момента постановленія, т. е. съ 17 ноября 1899 г. Поэтому обжалованное опредѣленіе окружнаго суда должно быть признано неправильнымъ. По изложеннымъ соображеніямъ, судебная палата, не входя въ обсужденіе жалобы повѣреннаго главноуправляющаго по дѣламъ умершаго Л. по существу опредѣленія конкурснаго управленія, какъ не разсмотрѣнной еще по существу окружнымъ судомъ (ст. 12 уст. гражд. суд.),—15 іюня 1900 г. опредѣлила: опредѣленіе окружнаго суда 10 марта сего года отмѣнить, предписавъ суду разсмотрѣть жалобу повѣреннаго М.

13) При подачѣ просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей примѣняется порядокъ, установленный для подачи просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній вторыхъ инстанцій.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, судебная палата находитъ, что по распоряженію окружнаго суда мировой судья возвратилъ А. кассаціонную его жалобу на рѣшеніе судьи по иску о взысканіи съ В. 37 руб. 85 коп., такъ какъ жалобщикъ не представилъ судьѣ копіи жалобы для отвѣтчика въ назначенный срокъ. Въ настоящей жалобѣ, поданной въ судебную палату, А. проситъ отмѣнить упомянутое распоряженіе окружнаго суда на томъ основаніи, что представленіе копій кассаціонныхъ жалобъ и приложеній требуется, какъ видно изъ 2 ч. 189 ст. уст. гражд. суд., лишь при обжалованіи рѣшеній съѣзда мировыхъ судей.

Принимая во вниманіе, что при подачѣ просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей слѣдуетъ руководствоваться, какъ это признано Гражданскимъ Кассаціоннымъ Депар-

таментомъ (рѣш. 1870 г. № 1871), тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ въ ст. 189 и 801 уст. гражд. суд. для подачи просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній вторыхъ инстанцій,—судебная палата признаетъ обжалованное распоряженіе окружнаго суда правильнымъ, а жалобу А. незаслуживающею уваженія. На этомъ основаніи судебная палата 20 апрѣля 1900 г. опредѣлила: жалобу А. оставить безъ послѣдствій.

14) Постановленіе старшаго нотаріуса, которымъ объявлено лишь о необходимости устраненія встрѣченныхъ къ утвержденію акта препятствій, не подлежитъ обжалованію.

Изъ дѣла сего видно, что исполн. об. старшаго нотаріуса отказалъ мѣщанкѣ Ульянѣ П. въ утвержденіи выписи купчей крѣпости, по которой она продала Ильѣ П. $^1/_7$ ч. недвижимаго имущества, а относительно представленной Ильей П. выписи купчей крѣпости о продажѣ имъ Ульянѣ П. $^6/_7$ частей недвижимаго имущества объявилъ П. о необходимости представить доказательства перехода сего имущества къ просителю. Затѣмъ Ульяной П. подана въ окружный судъ жалоба на неутвержденіе обоихъ вышеуказанныхъ актовъ, но судъ не вошелъ въ разсмотрѣніе сей жалобы на томъ единственно основаніи, что по каждому изъ означенныхъ дѣлъ надлежало подать особую жалобу. Жалуясь на это постановленіе суда, П. проситъ судебную палату таковое отмѣнить, при чемъ объясняетъ, что отказъ старшаго нотаріуса послѣдовалъ только по одному дѣлу о покупкѣ ею $^6/_7$ частей имущества у П., по другому же дѣлу объ $^1/_7$ части отказано не было, и потому она могла жаловаться только по первому дѣлу, а о другомъ она только упомянула въ своей жалобѣ суду. Хотя эти объясненія П. фактически невѣрны, какъ видно изъ вышеизложеннаго, но, несмотря на это, палата не можетъ признать правильнымъ обжалуемое опредѣленіе суда. По правиламъ полож. нотар. старшій нотаріусъ объявляетъ предъявившему выпись о встрѣчаемыхъ къ утвержденію акта законныхъ препятствіяхъ, для принятія надлежащихъ мѣръ къ устраненію этихъ препятствій (ст. 173). О причинахъ отказа въ утвержденіи записывается въ журналъ, и проситель имѣетъ право требовать выписку изъ журнала объ отказѣ (ст. 174 и 175). Недовольнымъ предоставляется, съ предъявленіемъ этой выписки, обратиться въ судъ съ жалобой. Буквальное содержаніе этихъ статей показываетъ, что жалоба можетъ быть подана не на объявленіе старшаго нотаріуса о необ-

ходимости устранить встрѣченныя имъ препятствія, а только на отказъ въ утвержденіи акта. Сообразно съ симъ, окружному суду надлежало устранить отъ своего разсмотрѣнія только ту часть жалобы П., которая относилась до акта Ильи П. о $^6/_7$ частяхъ и, именно, на томъ основаніи, что отказа въ утвержденіи сего акта не было, и законнаго повода къ жалобѣ не имѣется; а затѣмъ войти въ разсмотрѣніе только жалобы Ульяны П. на неутвержденіе акта о продажѣ ею $^1/_7$ части недвижимаго имущества, такъ какъ только въ отношеніи этого акта и послѣдовалъ отказъ, на который допускалась жалоба. Что касается просьбы, обращенной П. въ палату, объ утвержденіи акта отъ 30 сентября 1898 г., то таковая не можетъ быть удовлетворена, такъ какъ въ настоящемъ положеніи дѣла, когда еще и отказа со стороны старшаго нотаріуса не послѣдовало, палата не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе этого предмета.

По изложеннымъ соображеніямъ, судебная палата находитъ, что по тѣмъ основаніямъ, которыя приведены въ опредѣленіи суда, судъ не имѣлъ законнаго повода уклониться отъ разсмотрѣнія жалобы П., а посему 9 декабря 1899 г. опредѣлила: обжалованное опредѣленіе окружнаго суда отмѣнить.

15) Предположеніе о равенствѣ участія совладѣльцевъ общей собственности, доли которыхъ въ актѣ не указаны, не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда общая собственность возникла изъ наслѣдованія по закону.

По выслушаніи заключенія товарища прокурора и разсмотрѣніи настоящаго дѣла, судебная палата находитъ, что Сергѣй и Александра К. ходатайствовали о вводѣ ихъ во владѣніе наслѣдственною недвижимостью въ $^1/_3$ части каждаго; но окружный судъ отказалъ имъ въ этомъ ходатайствѣ, утвердивъ рѣшеніе мироваго судьи, по тому основанію, что представленный просителями для ввода раздѣльный актъ не доказываетъ правъ собственности ихъ на $^2/_3$ недвижимости, во владѣніе коею они желаютъ ввестись, такъ какъ доли ихъ въ этомъ актѣ не опредѣлены. Жалуясь на это опредѣленіе, повѣренный К. объясняетъ, что отказомъ его вѣрителю во вводѣ судъ нарушилъ ст. 543, 1315, 1332, 1337 и п. п. 18 и 139 прил. къ ст. 708 т. X ч. 1 Свод. зак., а также ст. 1424 и 1425 уст. гражд. суд., такъ какъ 1) по разъясненію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1879 г. № 37 и 1892 г. № 123, законъ не требуетъ, чтобы актъ, устанавливаю-

щій общую собственность, содержалъ въ себѣ непремѣнно указаніе долей каждаго изъ соучастниковъ, и, если такого указанія нѣтъ, то общее право считается принадлежащимъ каждому изъ соучастниковъ въ равной долѣ, вслѣдствіе чего окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія отказать К. въ ходатайствѣ подъ предлогомъ неозначенія въ раздѣльномъ актѣ долей наслѣдниковъ; и 2) при разрѣшеніи въ охранительномъ порядкѣ ходатайства о вводѣ во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ судъ провѣряетъ лишь самый порядокъ или обрядъ совершенія представленнаго для ввода акта и не въ правѣ входить въ обсужденіе законности самаго содержанія акта; раздѣльный же актъ, представленный къ настоящему дѣлу, совершенъ былъ по правиламъ, до введенія въ этомъ краѣ судебной реформы, для актовъ сего рода, установленнымъ. Съ доводами этими судебная палата не считаетъ возможнымъ согласиться. Въ отношеніи права, принадлежащаго нѣсколькимъ лицамъ въ совокупности, безъ опредѣленія долей, существуетъ предположеніе о равенствѣ права, но лишь въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мѣста для противнаго тому предположенію. Такъ, напримѣръ, если имущество куплено нѣсколькими лицами сообща безъ опредѣленія принадлежащихъ имъ въ имуществѣ долей, то послѣднія предполагаются равными между собою; или, если имущество унаслѣдовано нѣсколькими лицами по завѣщанію, въ коемъ не означено, въ какихъ доляхъ оно имъ завѣщается, доли въ немъ также предполагаются одинаковыми, потому что нѣтъ основанія допускать обратное предположеніе. Изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, какъ они установлены судомъ, видно, что недвижимость, ввестись во владѣніе которою желаетъ Сергѣй К., принадлежитъ къ наслѣдству, оставшемуся послѣ смерти Николая Дмитріева К., и была выдѣлена брату Сергѣя К., Николаю, въ правахъ котораго онъ состоитъ, а также Павлу и Александрѣ К. другими наслѣдниками умершаго изъ состава наслѣдственнаго имущества. Слѣдовательно, размѣръ въ ней доли Сергѣя К. будетъ зависѣть отъ размѣровъ долей его, Павла и Александры К. въ упомянутомъ имуществѣ; а такъ какъ дѣйствующіе гражданскіе законы не даютъ основанія предполагать, что доли эти непремѣнно равны, а, напротивъ, допускаютъ возможность обратнаго сему предположенія, то доля въ недвижимости Сергѣя К. можетъ быть и болѣе, и менѣе одной трети, слѣдовательно, нѣтъ основанія предполагать, что она равна именно этой величинѣ. Сенатскія рѣшенія, на которыя ссылается кас-

саторъ, не противорѣчатъ изложеннымъ соображеніямъ судебной палаты, касаясь случаевъ, въ коихъ, подобно приведеннымъ выше примѣрамъ, не было основаній къ предположенію о неравенствѣ долей общихъ собственниковъ: именно, рѣшеніе 1892 г. № 123 касается соучастія въ недвижимости, пріобрѣтенной по купчей крѣпости, а рѣшеніе 1879 г. № 37—соучастія въ недвижимости, унаслѣдованной по завѣщанію,—безъ опредѣленія, въ томъ и другомъ актѣ, размѣра долей соучастниковъ. По дѣлу же, аналогичному съ настоящимъ, гдѣ рѣчь шла о выдѣлѣ имѣнія нѣсколькимъ нисходящимъ въ общую собственность, безъ указанія долей каждаго, Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что въ такомъ случаѣ предполагается, что каждому принадлежитъ часть, причитающаяся ему по закону,—а не поровну всѣмъ (рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1878 г. № 14). Что же касается указанія кассатора на то, что судъ не имѣлъ права входить въ обсужденіе законности содержанія представленнаго для ввода раздѣльнаго акта, то оно лишено значенія потому, что судъ, хотя и коснулся въ своемъ рѣшеніи того обстоятельства, что актъ этотъ учиненъ былъ между совершеннолѣтними и несовершеннолѣтними наслѣдниками безъ участія опекуновъ и представителей сихъ послѣднихъ, и безъ утвержденія проекта акта опекунскимъ управленіемъ, но отказъ К. во вводѣ основалъ не на этомъ обстоятельствѣ, а, какъ сказано выше, на томъ, что раздѣльнымъ актомъ не доказано право ихъ на $^2/_3$ недвижимости, каковое соображеніе, при обстоятельствахъ настоящаго дѣла, не противорѣчитъ указаннымъ со стороны кассатора рѣшеніямъ Правительствующаго Сената. Не усматривая, въ виду изложеннаго, въ обжалованномъ рѣшеніи суда тѣхъ нарушеній закона, на которыя ссылается повѣренный Сергѣя К., судебная палата 16 марта 1900 г. опредѣлила: кассаціонную жалобу повѣреннаго Сергѣя К. оставить безъ послѣдствій.

А. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

VII.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

Гражданское отдѣленіе закончило въ засѣданіи 25-го января, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ сен. І. И. Карницкаго, обсужденіе общей части V книги проекта гражданскаго уложенія, посвященной обязательственному праву. Обсуждались положенія о просрочкѣ должника и вѣрителя и объ уступкѣ требованій третьимъ лицамъ. Референтъ М. М. Винаверъ высказался за желательность приданія просрочкѣ значенія момента, съ котораго договоръ eo ipso считается нарушеннымъ. Система проекта, вводящаго придатокъ дополнительнаго срока, признана референтомъ нецѣлесообразной. Эти соображенія докладчика вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе: І. И. Карницкій, А. Ф. Поворинскій, А. И. Лыкошинъ, Б. В. Никольскій и М. Б. Горенбергъ. Оппонентами было указано, что рекомендуемый докладчикомъ ригоризмъ закона о договорахъ не оправдывается требованіями практической жизни, въ которой разрушеніе договора на основаніи первой же просрочки поведетъ къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Стòитъ лишь вспомнить договоры, хотя бы и словесные, при наймѣ квартиры, заказы платья, мебели... Проектъ умышленно всталъ на эту точку зрѣнія, не считая возможнымъ, въ видѣ общаго правила, допустить рекомендуемую нынѣ докладчикомъ систему. По вопросу же объ уступкѣ требованій собраніе согласилось съ докладчикомъ о необходимости внесенія въ проектъ указаній, опредѣляющихъ случай недопущенія передачи и объемъ права возраженій должника по отношенію къ контрагентамъ передачи (*Россія*).

---

28 января состоялось годовое собраніе общества подъ предсѣдательствомъ сенатора Э. Я. Фукса. Изъ представленнаго собранію годоваго отчета о дѣятельности и о состояніи суммъ общества въ 1900 г. видно, что въ составѣ общества къ началу текущаго года считалось 9 почетныхъ, 362 дѣйствительныхъ членовъ и 97 членовъ-сотрудниковъ, всего 488 членовъ. Капиталы

общества возросли до 20.192 р.; неприкосновенный капиталъ къ 1 декабря истекшаго года простирался до 9.400 р.; расходъ за отчетный годъ составилъ 3.198 р., а приходъ—3.684 р. Научная дѣятельность общества выразилась главнымъ образомъ въ разсмотрѣніи и обсужденіи гражданскаго уложенія, устава гражданскаго судопроизводства и устава уголовнаго судопроизводства,—этихъ столь важныхъ законодательныхъ проектовъ послѣдняго времени. Состоящая при уголовномъ отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго пенитенціарная коммисія закончила въ отчетномъ году свои работы; коммисія эта, какъ извѣстно, работала надъ подготовленіемъ рефератовъ къ IV международному пенитенціарному конгрессу, которые были напечатаны въ „Bulletin de la Commission pénitentiaire internationale". Въ качествѣ представителей общества на конгрессѣ выступили Д. А. Дриль, М. М. Боровитиновъ и А. А. Жижиленко. Согласно пожеланію, выраженному центральнымъ комитетомъ международнаго союза криминалистовъ, ближайшій международный съѣздъ криминалистовъ созывается въ Россіи, на созывъ котораго уже и получено Высочайшее соизволеніе; надъ организаціей, между прочимъ, этого съѣзда общество не мало положило въ отчетномъ году труда. Обсужденіе проекта новой редакціи „Учрежденія судебныхъ установленій" совѣтъ общества поручилъ административному отдѣленію.

Засѣданіе общества закончилось рѣчью В. М. Гессена на тему: „Главные моменты юридическаго развитія Россіи въ XIX вѣкѣ". Эпоха Александра I, стремившагося устранить произволъ и провести идею законности, освѣтилась по словамъ оратора, для Россіи блескомъ весенней зари: вмѣсто крайней централизаціи создается планъ децентрализаціи и самоуправленія. Стремясь къ слишкомъ возвышеннымъ идеаламъ, эпоха эта не оставила важныхъ слѣдовъ. Указавъ далѣе на печальное положеніе Россіи въ тридцатые и сороковые годы, когда суда собственно совсѣмъ не было, В. М. Гессенъ перешелъ къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, которые являются главнѣйшимъ моментомъ въ юридической жизни нашего отечества. „Изведеніе русскаго народа изъ юридической неволи" служитъ основой всѣхъ коренныхъ преобразованій того времени. Впрочемъ, всѣ реформы въ области законодательства въ эту эпоху создаются самимъ временемъ. Наконецъ, эпоха послѣднихъ десятилѣтій во всѣхъ областяхъ характеризуется, по мнѣнію оратора, упадкомъ творчества и вдохновенія и чужда всякой идеализаціи. Положительные результаты дѣятельности послѣдней эпохи

сводятся главнымъ образомъ къ передѣлкѣ ранѣе уже сдѣланнаго. Что же касается новаго, двадцатаго столѣтія, то оно еще не успѣло внести въ область законодательства новыхъ вѣяній (*Торгово-Промышленная Газета*).

Прочитанные въ засѣданіи административнаго отдѣленія 22 января доклады В. Д. Кузьмина-Караваева и М. И. Свѣшникова объ организаціи мѣстной юстиціи (главныя положенія этихъ докладовъ сообщены въ февральской книгѣ Журнала Министерства Юстиціи, стр. 214), послужили предметомъ продолжительныхъ и оживленныхъ преній въ двухъ засѣданіяхъ того же отдѣленія— 31 января и 14 февраля. Изъ весьма пространнаго отчета объ этихъ засѣданіяхъ, напечатаннаго въ газетѣ „Право" (№№ 7 и 9) заимствуемъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ доводахъ, развитыхъ участниками преній.

Въ засѣданіи 31 января детальныя замѣчанія по поводу названныхъ докладовъ сдѣланы были Н. И. Цухановымъ и К. П. Змирловымъ.

Н. И. Цухановъ, присоединяясь въ окончательныхъ своихъ выводахъ къ положеніямъ докладчиковъ, разобралъ проектъ предполагаемаго судоустройства съ точки зрѣнія функцій гражданскаго судьи и нашелъ, что проектируемая организація нежелательна, нераціональна и что даже допускаемое Кузьминымъ-Караваевымъ расширеніе предѣловъ вѣдомства суда единоличнаго за счетъ коллегіальнаго въ области гражданской подсудности представляется нецѣлесообразнымъ.

Коммисія поставила одной изъ своихъ главныхъ цѣлей приближеніе суда къ населенію. Задача эта не новая: во имя ея введенъ былъ у насъ выборный мировой институтъ, ею же руководилась реформа 1889 г., создавая въ лицѣ земскихъ начальниковъ судебныхъ дѣятелей, назначаемыхъ также изъ мѣстныхъ жителей. Коммисія необходимости такого предварительнаго знакомства судьи съ населеніемъ не признаетъ и предполагаетъ, что оно такъ же, какъ и самое приближеніе суда къ населенію можетъ быть достигнуто другими путями. Такъ, коммисія прежде всего указываетъ для этого на необходимость соединенія судебныхъ и слѣдственныхъ функцій въ лицѣ участковаго судьи. Послѣдній, производя въ качествѣ слѣдователя слѣдствія въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе частыхъ, по мнѣнію коммисіи, разъѣздовъ

знакомится съ населеніемъ, становится къ нему ближе, доступнѣе. Но эти разъѣзды судьи-слѣдователя, по мнѣнію самой же коммисіи и по ея разсчетамъ, должны носить совершенно случайный характеръ: предполагается, что дѣлъ слѣдственныхъ у участковаго судьи ежемѣсячно не должно быть болѣе 3—5 и даже менѣе. Откуда при такихъ обстоятельствахъ явится скоро знакомство судьи съ населеніемъ? А что эти разъѣзды судьи, хотя бы и случайные, будутъ приносить несомнѣнный вредъ при исполненіи судьею своей прямой обязанности — разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ,—это ясно; такія дѣйствія судьи, какъ вновь возлагаемыя на него проектомъ—по претензіямъ на *всякую* сумму, обезпеченіе исковъ, обезпеченіе доказательствъ, производства дѣлъ понудительными порядками и охрана всякаго наслѣдства,—не терпятъ отлагательства и требуютъ постояннаго пребыванія судьи въ мѣстѣ его осѣдлости. Первые опыты совмѣщенія функцій слѣдователя и судьи оказались у насъ неудачными: въ округѣ Тифлисской судебной палаты, гдѣ опытъ этотъ былъ произведенъ, по отзывамъ участвовавшихъ въ совѣщаніи 1894 г. прокурора и предсѣдателя Тифлисской судебной палаты, уже на второй годъ послѣ введенія его установилось фактически раздѣленіе этихъ функцій, при чемъ слѣдственными дѣлами, совершенно самостоятельно, обыкновенно завѣдываетъ помощникъ мироваго судьи, имѣющій и самостоятельный слѣдственный участокъ, не совпадающій съ судебнымъ. Ссылаются защитники проекта на отзывъ лица, ревизовавшаго мировыя учрежденія Архангельской губ., гдѣ въ весьма недавнее время тоже допущено совмѣщеніе этихъ функцій: ревизоръ нашелъ, что это совмѣщеніе не вызываетъ неудобствъ и является цѣлесообразнымъ для населенія. Но если разсмотрѣть, почему это нововведеніе оказывается, по мнѣнію ревизора, цѣлесообразнымъ для мѣстнаго населенія, то окажется, что причины этого лежатъ исключительно въ особенныхъ мѣстныхъ условіяхъ Архангельской губ., которыхъ въ другихъ частяхъ нашего отечества въ наличности не имѣется.

Вторая мѣра, проектируемая коммисіей для приближенія суда къ населенію, это расширеніе компетенціи единоличнаго судьи включеніемъ въ кругъ принадлежащей ему подсудности дѣлъ всякаго рода въ суммѣ между 500—1000 руб. Прежде всего могутъ замѣтить, что среди сельскихъ жителей, для которыхъ приближеніе суда является наиболѣе важнымъ, такихъ дѣлъ очень мало, и противоположное мнѣніе коммисіи не подкрѣплено доста-

точно убѣдительными данными. Защитники проекта указываютъ, что скорое, возможное единоличному судьѣ разрѣшеніе крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ и дѣлъ увѣчныхъ (о вознагражденіи за увѣчья, получаемыя на работѣ на фабрикахъ, заводахъ и др. промышленныхъ заведеніяхъ), имѣетъ громадное значеніе для неимущей крестьянской и рабочей массы. Относительно дѣлъ земельныхъ ссылаются на большее число ихъ въ губерніяхъ Западнаго края: но нельзя же забывать, что въ Западномъ краѣ крестьянское хозяйство основано на принципѣ подворнаго владѣнія, вызывающемъ цѣлый рядъ безконечныхъ споровъ о совмѣстномъ пользованіи, а потому и не можетъ служить критеріемъ для губерній внутреннихъ, въ которыхъ подворнаго владѣнія не существуетъ. Да и для западныхъ губерній нововведеніе едва ли желательно: возникающія тамъ земельныя дѣла чрезвычайно сложны, требуютъ внимательнаго разбора, и крайне важно, чтобы судъ выработалъ при рѣшеніи ихъ извѣстную устойчивую практику— все это для судьи единоличнаго невозможно. Если населеніе даже и выиграетъ въ скорости рѣшенія, то потеряетъ въ качествѣ ихъ, что̀ гораздо хуже. Столь же мало оправдывается распространеніе компетенціи ссылкой на дѣла увѣчныя. Прежде всего цѣна исковъ по дѣламъ за убитаго или потерю трудоспособности, исчисляемая по 10-лѣтней сложности получаемаго потерпѣвшимъ содержанія, въ рѣдкихъ случаяхъ меньше 1000 руб., слѣдовательно и число исковъ, подсудныхъ участковому судьѣ, будетъ весьма незначительно. Да и вообще передача разсмотрѣнія увѣчныхъ дѣлъ участковымъ судьямъ введетъ несомнѣнное ухудшеніе: всякій практикъ-судья знаетъ, какъ трудно и коллегіи судей разобраться въ дѣлахъ увѣчныхъ, когда приходится для установленія факта вины выслушивать противорѣчивыя показанія лицъ, или подчиненныхъ фабриканту или злобствующихъ на него. Разобраться среди такихъ свидѣтелей не подъ силу будетъ молодому судьѣ, не имѣющему не только судейскаго, но и обще-житейскаго опыта. Въ защиту расширенія компетенціи участковыхъ судей приводятъ еще тотъ фактъ, что нынѣ окружные суды завалены работой, что эта обремененность достигла такихъ размѣровъ, что она уже парализируетъ правильную дѣятельность ихъ. На это нужно замѣтить, что при проектированіи реформы нельзя исходить изъ точки зрѣнія доставленія удобствъ судебному персоналу. А затѣмъ можно быть увѣреннымъ, что проектируемое расширеніе компетенціи не принесетъ окружнымъ судамъ избавленія отъ работы,

такъ какъ послѣдуетъ уменьшеніе штатовъ существующихъ окружныхъ судовъ.

Третьимъ средствомъ для приближенія суда къ населенію коммисія считаетъ незначительность раіона участка единоличнаго судьи. Противъ этого нельзя и возражать, но возникаетъ вопросъ объ осуществимости его при современныхъ условіяхъ. Чѣмъ меньше участокъ по протяженію, тѣмъ болѣе понадобится судей, тѣмъ болѣе потребуется расходовъ на содержаніе ихъ изъ средствъ государственнаго казначейства. А при современномъ положеніи направленіи нашего бюджета, заранѣе можно сказать, что средства для этого не найдутся.

Въ заключеніе своего возраженія Н. И. Цухановъ остановился подробно на вопросѣ, насколько качества судебныхъ дѣятелей, которымъ предстоитъ исполненіе столь сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, будутъ соотвѣтствовать возложеннымъ на нихъ задачамъ. Участковый судья по проекту долженъ жить въ уѣздѣ, онъ въ значительной степени лишенъ гарантій, преимуществъ и независимости, присвоенныхъ судьямъ; какъ исполняющій обязанности слѣдователя, онъ даже подчиненъ прокурорскому надзору. Опытные юристы, старые практики, на такія мѣста не пойдутъ. Проектъ это понимаетъ, и потому требованія его весьма скромны; для занятія должности участковаго судьи нужно прослужить въ качествѣ кандидата всего 2 года. Должность эта такимъ образомъ явится первой въ судебной іерархіи. И тѣ молодые люди, которые будутъ занимать ее, будутъ такъ и смотрѣть на нее, какъ на переходную къ лучшимъ болѣе удобнымъ должностямъ. Способные люди не будутъ засиживаться на такихъ мѣстахъ, и персоналъ судей постоянно будетъ мѣняться, чѣмъ приближеніе суда къ населенію едва ли будетъ достигнуто.

Затѣмъ *К. П. Змирловъ* представилъ подробныя возраженія противъ докладовъ В. Д. Кузьмина-Караваева и М. И. Свѣшникова (замѣчанія эти изложены въ напечатанной ниже статьѣ г. Змирлова „Къ вопросу о реорганизаціи мѣстнаго суда").

Въ засѣданіи 14 февраля *Н. И. Цухановъ* въ дополненіе своего доклада остановился на соображеніяхъ коммисіи о томъ, что измѣненіе экономическихъ условій и пониженіе цѣнности денегъ въ Россіи вполнѣ оправдываютъ расширеніе компетенціи единоличныхъ судей въ дѣлахъ гражданскихъ. Это соображеніе могло бы, по мнѣнію Н. И. Цуханова, имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы вліяніе этихъ условій на увеличеніе числа дѣлъ опре-

дѣленной категоріи было констатировано статистически. Но и то нужно принять во вниманіе, что со времени введенія судебной реформы измѣненію подверглись не только экономическія условія, но и пути сообщенія: развитіе желѣзно-дорожной сѣти необычайно ускорило передвиженіе, а слѣдовательно и территоріально приблизило судъ къ населенію. Примѣры мѣстностей, далеко отстоящихъ отъ мѣстонахожденія окружнаго суда, взяты коммисіей или на окраинахъ, или же представляютъ исключенія изъ общаго порядка и ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться типичными. Указываетъ коммисія также, что расширеніе компетенціи участковыхъ судей сдѣлаетъ судъ доступнѣе. Это сомнительно: большинство дѣлъ отъ 500—1000 руб. возникаетъ не между сельскими жителями, живущими въ одномъ участкѣ. Чаще всего истецъ проживаетъ внѣ раіона участка, и для такого истца условія поѣздки, пребыванія, отысканіе повѣреннаго, когда участковый судья будетъ жить въ глуши, будутъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ при нынѣшнемъ порядкѣ, когда окружные суды сосредоточены въ губернскихъ городахъ. Вообще, по мнѣнію Н. И. Цуханова, необходимость расширенія компетенціи участковыхъ судей въ дѣлахъ гражданскихъ до 1000 руб. ничѣмъ не доказана коммисіей даже для тѣхъ цѣлей приближенія и доступности суда, которыя поставлены во главѣ угла. Невольно является предположеніе о томъ, что уменьшеніе подсудности окружныхъ судовъ вызывается совсѣмъ не требованіями жизни, а желаніемъ ввести институтъ участковыхъ судей и предоставить въ его вѣдѣніе достаточное количество дѣлъ.

А. К. Вульфертъ, присоединяясь вполнѣ къ выводамъ В. Д. Кузьмина-Караваева, съ той лишь оговоркой, что расширеніе компетенціи участковыхъ судей недопустимо и въ дѣлахъ гражданскихъ, подвергъ весьма подробному критическому разбору соображенія и доводы коммисіи и защитниковъ ея по вопросу о совмѣщеніи судейскихъ и слѣдственныхъ функцій въ одномъ лицѣ: но предварительно А. К. Вульфертъ сдѣлалъ нѣсколько принципіальныхъ замѣчаній по поводу проектируемаго расширенія компетенціи единоличныхъ судей. Прежде всего неправильны ссылки на западно-европейскія законодательства: во всѣхъ западныхъ странахъ подсудность единоличнаго судьи по гражданскимъ дѣламъ меньшая, чѣмъ предлагаемая проектомъ. Англія, правда, имѣетъ единоличный судъ съ обширной компетенціей, но при немъ состоятъ присяжные засѣдатели. Неправильны также утвер-

жденія защитниковъ проекта (К. П. Змирлова), будто бы по принципіальному вопросу о преимуществахъ коллегіальнаго суда надъ единоличнымъ въ наукѣ можно найти опору для признанія послѣдняго нормальнымъ типомъ суда. Напротивъ, всѣ блестящіе процессуалисты и юристы, начиная съ Монтескье, Фейербаха, кончая Іерингомъ, Каррара, Манчини, Цезарини, единогласно высказываются, что правильное отправленіе правосудія требуетъ коллегіальнаго устройства суда.

Обращаясь, далѣе, къ разсмотрѣнію вопроса о совмѣщеніи судейскихъ и слѣдовательскихъ функцій, А. К. Вульфертъ прежде всего указалъ, что всѣ доводы, приведенные коммисіей въ защиту этого совмѣщенія, носятъ характеръ отрицательный. Для улучшенія слѣдственной части, по мнѣнію коммисіи, необходимо или увеличить число судебныхъ слѣдователей, или же возложить на участковыхъ судей функціи судебныхъ слѣдоватей. Число судебныхъ слѣдователей увеличить *нельзя*, по мнѣнію коммисіи, поэтому необходимо употребить второе средство. Въ чемъ достоинства, какіе *положительные* доводы въ пользу совмѣщенія, коммисія не указываетъ, напротивъ, она сейчасъ же какъ бы забѣгаетъ впередъ и начинаетъ доказывать, что затрудненія и недостатки, которые будутъ находить въ совмѣщеніи противники проектовъ, не имѣютъ никакого значенія. По мнѣнію коммисіи, „отсутствіе спеціализаціи не будетъ отзываться вредно“ на дѣятельности судей-слѣдователей. Прежде всего трудно понять, какое значеніе имѣетъ терминъ „спеціализація“, который имѣетъ смыслъ лишь по отношенію къ раздѣленію дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Но коммиссія, повидимому, употребляетъ его для обозначенія различія судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей, и отсутствіе вреда отъ совмѣщенія ихъ прежде всего доказываетъ тѣмъ, что и слѣдователь, и судья при изслѣдованіи дѣла употребляютъ одинъ и тотъ же методъ мышленія. Этотъ доводъ съ равнымъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ для доказательства положенія, что защита и обвиненіе могутъ быть сосредоточены въ одномъ лицѣ, ибо и прокуроръ, и защитникъ несомнѣнно пользуются однимъ методомъ мышленія. Сущность различія функцій слѣдователя и судьи не въ методахъ мышленія, а въ *цѣляхъ* изслѣдованія, а съ этой точки зрѣнія совершенно ясна важность и глубина различія.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, вполнѣ присоединяясь къ соображеніямъ о совмѣщеніи слѣдовательскихъ и судейскихъ функцій, высказаннымъ А. К. Вульфертомъ, указалъ, что единственный

положительный доводъ, приведенный комиссіей въ пользу этого совмѣщенія,—ознакомленіе съ населеніемъ; но отъ знакомства съ мѣстными интересами до проникновенія ими—одинъ шагъ, а такое проникновеніе сама коммисія признаетъ нежелательнымъ. Далѣе, слѣдователь, по общему мнѣнію публики, считается какъ бы подчиненнымъ товарищу прокурора, неужели нужно, чтобы и судья очутился въ такомъ зависимомъ положеніи, неизбѣжномъ, если тотъ же слѣдователь будетъ единовременно и судьею.

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ болѣе подробно развивалъ основной тезисъ своего доклада, что задачи, поставленныя коммисіей, совершенно недостижимы при сохраненіи судебной власти земскихъ начальниковъ. Даже принципъ правительственнаго значенія суда, къ которому стремится коммисія, нарушается существеннымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, коммисія подъ правительственнымъ началомъ суда понимаетъ: 1) назначеніе судей высшей правительственной властью изъ лицъ, получившихъ спеціальное образованіе, 2) независимость отъ мѣстныхъ вліяній и лицъ, 3) подчиненность единоличныхъ судей въ порядкѣ инстанціи высшему суду, а не коллегіи товарищей. Всѣ эти условія не соблюдены при организаціи земскихъ начальниковъ: 1) они избираются предводителемъ дворянства, а правительство ихъ только утверждаетъ, 2) высшаго юридическаго образованія они не имѣютъ, 3) независимость ихъ отъ мѣстныхъ вліяній невозможна по ихъ служебному положенію и порядку назначенія, 4) отъ общихъ судебныхъ учрежденій они болѣе еще обособлены, чѣмъ мировой институтъ. Итакъ, даже принимая безъ всякой критики требованія, какія ставитъ судьямъ сама коммисія, она должна была остановиться на основномъ вопросѣ, возможно ли сохранить судьями земскихъ начальниковъ.

Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній М. И. Свѣшникова, К. П. Змирлова и А. К. Вульферта, предсѣдательствовавшій К. К. Арсеньевъ объявилъ пренія законченными и перешелъ къ резюме.

Указавъ, что пренія коснулись не только непосредственныхъ темъ представленныхъ докладовъ, но и многихъ другихъ вопросовъ реформы, по которымъ представлены будутъ самостоятельные доклады, К. К. Арсеньевъ отмѣтилъ неправильность метода, при помощи котораго подвергается критикѣ мировой институтъ.

Составители судебныхъ уставовъ при организаціи его не опирались лишь на тѣ или иныя ученія теоретической мысли XVIII в., они весьма подробно мотировали устройство его потребностями русской

жизни, которыя требовали такого устройства, и на эти именно мотивы Суд. Уст. 1864 г. надлежало обратить вниманіе критикамъ.

Обращаясь къ рассмотрѣнію основной темы представленныхъ докладовъ, К. К. Арсеньевъ выразилъ опасеніе, что ему трудно будетъ сохранить предсѣдательское безпристрастіе, такъ какъ онъ вполнѣ и всецѣло присоединяется къ положенію, что никакая судебная реорганизація немыслима при сохраненіи судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ. Ходъ работъ коммисіи, задачи, которыя поставлены были при учрежденіи ея, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ этого положенія. Объединеніе судебнаго строя—одна изъ основныхъ задачъ коммисіи, и при самомъ учрежденіи ея ясно и опредѣленно было высказано, что эта задача требуетъ реорганизаціи судебно-административныхъ учрежденій 1889 г. Для выполненія ея былъ созданъ I отдѣлъ коммисіи, для участія въ работахъ былъ приглашенъ представитель Мин. Вн. Дѣлъ по земскому отдѣлу, вѣдающему дѣла о земскихъ начальникахъ. Наконецъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Юстиціи прямо выражено, что желательно освободить земскихъ начальниковъ отъ несвойственныхъ имъ судейскихъ функцій. Такимъ образомъ, само правительство совершенно ясно сознавало необходимую связь судебной реорганизаціи съ вопросомъ о судебныхъ функціяхъ земскихъ начальниковъ. Почему I отдѣлъ (въ первоначальномъ видѣ) коммисіи былъ упраздненъ, чѣмъ объяснить поворотъ въ направленіи работъ коммисіи,—для отвѣта на эти вопросы нѣтъ матеріала. Но несомнѣнно, что изъятіе указанныхъ вопросовъ изъ вѣдѣнія коммисіи логически привело къ совершенной невозможности организовать судебное дѣло вообще и единоличный судъ въ особенности на тѣхъ началахъ, какія были предположены самой коммисіей.

Этого логическаго вывода не поколебали представленныя К. П. Змирловымъ соображенія. К. П. Змирловъ доказываетъ, что и для участковыхъ судей дѣлъ будетъ достаточно; но онъ упускаетъ изъ виду, что одинъ изъ участковыхъ судей непремѣнно замѣнитъ городскаго судью; при увеличеніи числа судей и наличности въ уѣздѣ, кромѣ одного занимающаго мѣсто нынѣшняго городскаго еще двухъ, напр., участковыхъ судей, для нихъ чисто судейскихъ дѣлъ не будетъ. И вотъ тутъ-то на нихъ и оказалось необходимымъ возложить слѣдовательскія обязанности, такъ какъ всѣ судейскія обязанности въ уѣздѣ остаются у земскихъ начальниковъ. Можно съ увѣренностью предположить, что о такомъ совмѣщеніи и не было бы рѣчи,

если бы работы коммисіи пошли по первоначальному направленію.

Не опровергъ К. П. Змирловъ и указаній докладчиковъ на неизбѣжность недоразумѣній между земскими начальниками и участковыми судьями. Дѣйствительно, въ настоящее время крестьянинъ знаетъ и имѣетъ передъ собою одного судью—земскаго начальника. Если рядомъ, тутъ же въ участкѣ, будетъ участковый судья, то будутъ не только недоразумѣнія, но неизбѣжныя сравненія о томъ, какой судъ лучше. Результаты такого сравненія едва ли будутъ благопріятны для института земскихъ начальниковъ.

Приводятъ защитники проекта еще то соображеніе, что судъ земскихъ начальниковъ не можетъ служить препятствіемъ къ проведенію судебной реорганизаціи, подобно тому, какъ реформа 1864 г. вполнѣ же сочеталась съ сохраненіемъ спеціальныхъ крестьянскихъ волостныхъ судовъ. Это соображеніе несостоятельно съ точки зрѣнія исторической перспективы. Судебная реформа 1864 г. была введена непосредственно за освобожденіемъ крѣпостныхъ. Народная масса для правительства была совершенно новымъ классомъ, странно было примѣнять къ нему общіе судебные порядки, общіе законы. Отсюда предоставленіе юридическаго быта крестьянъ обычному праву, отсюда сохраненіе волостныхъ судовъ. Съ того времени все это измѣнилось. При реформѣ волостныхъ судовъ въ Прибалтійскихъ губ., въ Ц. Польскомъ, само правительство ясно указало, что жизнь требуетъ уничтоженія спеціальныхъ судебныхъ порядковъ для крестьянъ, что волостной судъ долженъ быть вдвинутъ въ рамки общихъ судебныхъ установленій. Расширеніе же компетенціи волостнаго суда по временнымъ о немъ правиламъ 1889 г. было естественнымъ послѣдствіемъ введенія института земскихъ начальниковъ; послѣднимъ пришлось бы имѣть слишкомъ много чисто судейскихъ дѣлъ, и вотъ для облегченія ихъ рѣшено было въ 1859 г. часть этихъ дѣлъ передать въ вѣдѣніе волостнаго суда. Поэтому, разъ коммисія поставила одной изъ своихъ задачъ освобожденіе земскихъ начальниковъ отъ судейскихъ функцій, то вопросъ о пересмотрѣ правилъ о волостномъ судѣ въ смыслѣ приближенія ихъ къ общей судебной организаціи долженъ быть поставленъ на очередь и, дѣйствительно, и былъ поставленъ первоначально коммисіей.

На всѣ эти соображенія можно отвѣтить однимъ вопросомъ. Что̀ дѣлать, если обстоятельства не допускаютъ провести реформу въ логическихъ ея выводахъ? Отвѣтъ одинъ: нужно отказаться

пока отъ радикальной реорганизаціи, а ограничиться частичными реформами, которыя все же могутъ улучшить наши судебные порядки. Вотъ одинъ примѣръ: какъ на особую заслугу проектовъ, защитники ихъ указываютъ, что много дѣлъ, нынѣ производящихся въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ въ уѣздныхъ съѣздахъ и губернскихъ присутствіяхъ, перейдутъ въ настоящія судебныя учрежденія, окружные суды и палаты. Это несомнѣнный прогрессъ, но онъ прекрасно могъ быть достигнутъ и безъ всѣхъ новшествъ проекта просто закономъ, который для городскихъ судей сдѣлалъ бы апелляціонной инстанціей не съѣздъ, а окружный судъ. Вотъ путь, которымъ и при теперешнихъ условіяхъ могла пойти коммисія.

Заканчивая свое резюме, К. К. Арсеньевъ замѣтилъ, что если доклады и пренія выяснили невозможность правильной организаціи правосудія безъ соотвѣтствующихъ реформъ въ институтѣ земскихъ начальниковъ, то трудъ, затраченный отдѣленіемъ, долженъ быть признанъ вполнѣ производительнымъ и плодотворнымъ.

Засѣданіе уголовнаго отдѣленія, 18-го февраля, подъ предсѣдательствомъ сенатора С. Ф. Платонова, посвящено было сообщенію А. А. Жижиленко О шестомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ, происходившемъ лѣтомъ 1902 г. въ Брюсселѣ. На конгрессъ возлагались большія надежды въ отношеніи разработки важныхъ пенитенціарныхъ вопросовъ. Надеждамъ этимъ, однако, не удалось осуществиться. Конгрессъ можно, по справедливости, считать неудавшимся: число участниковъ его было незначительно, вдвое меньше, чѣмъ на конгрессѣ 1895 г. въ Парижѣ, на которомъ работало свыше 800 лицъ. Крупныхъ представителей науки на конгрессѣ не было, ихъ замѣняли оффиціальные представители государствъ, которые играли первенствующую роль. Баллотировка по нѣкоторымъ вопросамъ происходила неправильно. Отъ Спб. юридическаго общества представителями на конгрессѣ были—А. А. Жижиленко, Д. А. Дриль и М. М. Боровитиновъ, принимавшіе дѣятельное участіе въ трудахъ съѣзда. Наибольшій интересъ представляли слѣдующіе вопросы: 1) объ охранѣ дѣтства, по которому конгрессъ высказался за недопустимость распространенія на малолѣтнихъ общихъ правилъ о рецидивѣ; 2) о такъ называемомъ неопредѣленномъ приговорѣ (безъ указанія продолжительности заключенія), практикуемомъ судами Соединенныхъ Штатовъ Америки; конгрессъ не нашелъ возмож-

нымъ принять этотъ институтъ для Европы, въ виду несовершенства организаціи тюремной администраціи; 3) о мѣрахъ борьбы съ шантажемъ—по этому вопросу конгрессъ указалъ на цѣлесообразность расширить понятіе шантажа, включивъ въ него всѣ дѣянія группы вымогательствъ; 4) объ основахъ организаціи врачебно-санитарнаго надзора въ тюрьмахъ. Признано полезнымъ имѣть при тюрьмахъ врачей-психіатровъ. Врачи должны быть во всемъ, что̀ касается до ухода за заключенными, совершенно независимыми; 5) о вліяніи одиночнаго тюремнаго заключенія на состояніе здоровья арестованныхъ. По этому вопросу возникло крупное недоразумѣніе. Конгрессъ, правда, высказался за цѣлесообразность системы одиночнаго заключенія, но лишь на основаніи баллотировки, произведенной безъ обычно соблюдаемыхъ правилъ. Многіе члены конгресса не принимали въ баллотировкѣ никакого участія; послѣдняя производилась подъ явнымъ вліяніемъ бельгійскихъ тюрьмовѣдовъ. Постановленіе конгресса вызвало подачу многочисленныхъ протестовъ; 6) о вліяніи алкоголизма на развитіе преступности и мн. др. Слѣдующій конгрессъ назначенъ на 1905 г.; мѣстомъ его засѣданій избранъ Буда-Пештъ *(Россія)*.

21-го февраля состоялось засѣданіе гражданскаго отдѣленія юридическаго общества. Избранъ предсѣдательствующимъ І. И. Карницкій, товарищемъ его А. А. Герке, въ члены редакціоннаго комитета М. М. Винаверъ, А. Ф. Поворинскій и А. И. Лыкошинъ. Послѣ выборовъ Н. А. Полетаевъ доложилъ „О завѣщательныхъ отказахъ въ нашихъ дѣйствующихъ и будущихъ законахъ". Положенія доклада сводятся къ тому, что русскому дѣйствующему праву чуждъ институтъ назначенія наслѣдника, и что ст. 1084 т. X, ч. I не дѣлаетъ различія между наслѣдствомъ и отказомъ. Въ будущіе реформированные гражданскіе законы нѣтъ нужды вводить институтъ назначенія наслѣдника и различенія наслѣдства отъ отказа; нѣтъ также основанія различать и минимальные отказы. Послѣ перерыва членъ общества А. А. Башмаковъ вкратцѣ доложилъ „О владѣніи по наслѣдству или сезинѣ". Затѣмъ приступили къ преніямъ по докладу А. А. Башмакова. Содержаніе доклада было помѣщено въ февральской книжкѣ „Журнала Мин. Юст." Докладчикъ высказывается въ пользу сезины—непосредственный переходъ права собственности къ наслѣднику въ моментъ смерти наслѣдодателя, хотя русское дѣйствующее

право къ вопросу о сезинѣ относится противорѣчиво. Въ пользу сезины говорятъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: она пользуется народными симпатіями, какъ способствующая ненарушаемости солидарности наслѣдодателя въ семьяхъ; положеніе кредиторовъ при сезинѣ улучшается; въ этой системѣ весьма подкупаетъ простота и цѣльность наслѣдственнаго построенія, весьма подходящія къ народнымъ обычаямъ на Руси (*Россія*).

Казанское Юридическое Общество.

27 января, въ актовомъ залѣ университета состоялось годичное засѣданіе Казанскаго юридическаго общества. Рѣчь была прочтена проф. Г. Ф. Шершеневичемъ на тему „Утилитарное направленіе въ наукѣ и нравственности". Указавъ на глубокій интересъ, какой имѣютъ для юриста теченія мысли въ этикѣ ораторъ объяснилъ выборъ утилитарнаго направленія для своей рѣчи тою рѣзкою противоположностью, какая обнаруживается между утилитаріанизмомъ и моднымъ ученіемъ Ницше. Ницшеянство построено на благѣ личности, утилитаріанизмъ—на благѣ общества, мораль Ницше—мораль аристократическая, утилитаріанизмъ—мораль демократическая, Ницше совѣтуетъ стоять выше толпы и презирать массу, утилитаріанизмъ убѣждаетъ вмѣшиваться въ толпу и приспособляться къ массѣ, ницшеянецъ пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ, утилитаріанецъ прислушивается къ нему. Въ то время, какъ Ницше заявляетъ, что „равенство въ правѣ ведетъ къ равенству въ безправіи, такъ какъ всякое право есть привилегія", утилитаріанизмъ высшимъ принципомъ законодательной политики провозглашаетъ благо наибольшаго числа лицъ. Увлеченіе модною философіею конца XIX вѣка заставляетъ выдвинуть противоположное ему ученіе начала того же XIX столѣтія. Не отрицая слабыхъ сторонъ утилитаріанизма, ораторъ защищалъ его отъ несправедливаго упрека въ низменности и пошлости, упрека, который вызванъ смѣшеніемъ утилитаріанизма съ эгоистическимъ геденизмомъ и которымъ стараются подѣйствовать на чувство, а не на разумъ, единственно призванный цѣнить вѣрность ученія.

Затѣмъ секретарь общества М. М. Хомяковъ прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества и о состояніи его средствъ за истекшій

1900 годъ. Общество заслушало 9 рефератовъ, кромѣ докладовъ по проекту гражданскаго уложенія, и принимало участіе въ засѣданіяхъ общества врачей по вопросу о мѣрахъ борьбы съ алкоголизмомъ. Число членовъ общества увеличилось. Почетнымъ членомъ избранъ былъ сенаторъ А. Ѳ. Кони.

Въ заключеніе произведены были выборы членовъ правленія, составъ котораго опредѣлился слѣдующимъ образомъ. Предсѣдатель—профессоръ *Г. Ф. Шершеневичъ*, товарищъ предсѣдателя—членъ судебной палаты *В. В. Сергіевскій*, казначей—приватъ-доцентъ *А. И. Елистратовъ*, секретари—приватъ-доцентъ *А. А. Овчинниковъ* и помощникъ присяжнаго повѣреннаго *А. Г. Батъ*. Членами ревизіонной комиссіи избраны: членъ судебной палаты *Н. Н. Галкинъ-Врасской*, присяжный повѣренный *М. Н. Струзеръ* и нотаріусъ *Н. К. Моисеенко* (*Право*).

Въ состоявшемся въ среду, 7 февраля, засѣданіи Общества, по прочтеніи протокола ревизіонной комиссіи, обревизовавшей отчетность за истекшій 1900 годъ, А. А. Овчинниковъ представилъ свой рефератъ на тему „Объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими". Докладчикъ развивалъ въ немъ слѣдующія положенія: 1) Ни высота заработанной платы, ни усилія рабочихъ союзовъ до сихъ поръ не оказывались достаточными для того, чтобы обезпечить содержаніе рабочихъ и ихъ семействъ во всѣхъ случаяхъ увѣчья и смерти, послѣдовавшихъ безъ вины предпринимателя. 2) Закономъ установленная отвѣтственность предпринимателей за такіе случаи (профессіональный рискъ) выдвигается на очередь самымъ ходомъ промышленнаго развитія и, послѣ упорной борьбы съ частно-правовымъ началомъ отвѣтственности исключительно за вину, завоевываетъ себѣ мѣсто въ новѣйшемъ законодательствѣ цѣлаго ряда государствъ. 3) Разложеніе экономическихъ послѣдствій случая на возможно большое число хозяйствъ, т. е. проведеніе страхованія, представляется въ разсматриваемой области весьма цѣлесообразнымъ, хотя обязательное страхованіе, въ формѣ ли австро-германской или итальянской, нельзя считать необходимымъ, пока опытъ не убѣдилъ въ недостаточности защиты интересовъ рабочихъ, даваемой упомянутыми новѣйшими законодательствами, съ одной стороны,—и созданнымъ на почвѣ ихъ добровольнымъ страхованіемъ, съ другой (*Волжскій Вѣстникъ*).

Кіевское Юридическое Общество.

27 января состоялось, подъ предсѣдательствомъ проф. В. Г. Демченко, засѣданіе Кіевскаго юридическаго общества. Въ засѣданіи этомъ членомъ общества П. А. Ананьевымъ былъ сдѣланъ докладъ: „Присяжные засѣдатели особаго состава по проекту новой редакціи учрежд. судебн. устан.“. Присяжные засѣдатели по проекту раздѣляются на двѣ категоріи: общаго и особаго состава. Присяжныхъ засѣдателей особаго состава въ засѣданіе назначается 18, при чемъ для слушанія дѣла необходимо, чтобы избраніе комплекта производилось не менѣе, какъ изъ 9 человѣкъ. Каждая сторона можетъ отводить не болѣе двухъ присяжныхъ. Для разбора каждаго даннаго дѣла избирается 5 комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей и 1 запасный. Присутствіе по каждому дѣлу состоитъ изъ 5 присяжныхъ засѣдателей и 3 коронныхъ судей. Въ перерывахъ присяжные засѣдатели разъединяются съ коронными судьями. Для постановки же приговора всѣ 8 членовъ присутствія совѣщаются совмѣстно; всѣ процессуальные вопросы рѣшаются одними коронными судьями. Въ проектѣ подробно изложены права и обязанности присяжныхъ засѣдателей особаго состава. При постановкѣ приговора они не только рѣшаютъ вмѣстѣ съ коронными судьями вопросъ о виновности подсудимаго, но входятъ въ обсужденіе и послѣдствій признанной вины, т. е. рѣшаютъ какъ вопросы факта, такъ и вопросы правовые. Приговоры такихъ соединенныхъ присутствій мотивируются. Присяжные засѣдатели особаго состава—это будутъ сливки общества. Отъ нихъ требуется образовательный цензъ (не менѣе 6 классовъ гимназіи и реальныхъ училищъ или 2 классовъ семинарій или занятіе извѣстныхъ должностей), извѣстная имущественная обезпеченность и т. д. Вѣдѣнію суда присяжныхъ засѣдателей особаго состава подлежитъ цѣлый рядъ дѣлъ, подробно перечисленныхъ въ проектѣ; въ общемъ, можно сказать, что компетенція ихъ соотвѣтствуетъ компетенціи упраздняемыхъ особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Коммисія, признавая судъ присяжныхъ засѣдателей по уставамъ 1864 года наиболѣе совершенной формой суда, въ то же время указываетъ и на нѣкоторые недостатки этого суда. Недостатки эти сводятся къ тому, что присяжные засѣдатели, призванные рѣшать только вопросы факта, въ дѣйствительности очень

часто выходятъ изъ предѣловъ своей задачи, въ сущности рѣшая и правовые вопросы, ибо они вопросъ о виновности подсудимаго очень часто рѣшаютъ не на основаніи слѣдственнаго матеріала, а на основаніи соображеній о возможныхъ послѣдствіяхъ признанія подсудимаго виновнымъ. Въ видѣ корректива было образовано для цѣлой серіи дѣлъ особое судилище, состоящее изъ 4 коронныхъ судей и 3 сословныхъ представителей. Но опытъ показалъ совершенную неудовлетворительность этого рода судовъ. Теперь ихъ предполагается замѣнить судами присяжныхъ засѣдателей особаго состава. Эти присяжные засѣдатели, по мысли коммисіи, будутъ находиться въ общеніи и подъ вліяніемъ коронныхъ судей, при чемъ это вліяніе будетъ обоюднымъ. Самостоятельность присяжныхъ засѣдателей особаго состава въ достаточной степени обезпечена, благодаря ихъ численному превосходству сравнительно съ коронными судьями. Соображенія относительно этой новой формы суда подробно изложены въ объяснительной запискѣ къ проекту. Докладчикъ не согласенъ однако со взглядами коммисіи. Онъ считаетъ недоказанной необходимость для Россіи суда присяжныхъ особаго состава и его цѣлесообразность. По его мнѣнію, судъ коронный въ чистомъ видѣ, съ широкимъ правомъ апелляціоннаго обжалованія, лучше, чѣмъ судъ какъ бы съ омертвѣлыми членами, рѣшающій дѣло окончательно. Въ частности, докладчикъ указалъ на возможность нравственнаго насилія одной категоріи членовъ этихъ новыхъ судовъ надъ представителями другой категоріи: 3 коронные судьи принуждены будутъ подчиняться мнѣнію 5 присяжныхъ, хотя бы мнѣніе этихъ 5 представителей общества шло въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла и закона; кромѣ того, коронные судьи неправильное съ ихъ точки зрѣнія рѣшеніе обязаны будутъ выливать въ форму мотивированнаго приговора. Докладчикъ высказался противъ такого рода смѣшанныхъ судовъ *(Суд. Газ.)*.

Харьковское Юридическое Общество.

4 февраля, въ актовомъ залѣ университета, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. О. Куплеваскаго, состоялось торжественное засѣданіе Общества по случаю открытія его дѣятельности. Н. О. Куплеваскій произнесъ рѣчь: „О задачахъ юридическихъ обществъ и руководящихъ принципахъ ихъ дѣя-

тельности". И. М. Тютрюмовъ посвятилъ свою рѣчь—„Цѣли юридическихъ обществъ и исторія возникновенія ихъ въ Россіи"—выясненію вопроса объ условіяхъ, при которыхъ возникли наши юридическія общества, каковыхъ на всей обширной территоріи нашего отечества, при всемъ разнообразіи его экономическихъ, этнографическихъ и бытовыхъ условій, насчитывается всего 9 (включая и вновь открывшееся). Н. А. Гредескулъ сказалъ рѣчь на тему: „Творческія задачи въ современномъ гражданскомъ правѣ". Б. П. Куликовъ обратился къ собранію съ рѣчью: „Объ объединеніи въ юридическомъ обществѣ юристовъ всѣхъ призваній". Затѣмъ секретарь совѣта Общества Н. А. Гредескулъ прочиталъ привѣтственныя телеграммы и письма, которыя были получены ко дню торжественнаго засѣданія Харьковскаго Юридическаго Общества, по случаю открытія его активной дѣятельности, отъ юридическихъ и другихъ ученыхъ обществъ. Въ заключеніе предсѣдатель Общества Н. О. Куплеваскій, закрывая засѣданіе и выразивъ благодарность всѣмъ лицамъ и обществамъ, приславшимъ и высказавшимъ въ засѣданіи свои привѣтствія юридическому обществу, сказалъ, что всѣ возлагаемыя въ привѣтствіяхъ надежды на успѣшную дѣятельность Общества налагаютъ на Общество серьезную отвѣтственность за результаты его трудовъ по выполненію поставленныхъ Обществомъ задачъ для его дѣятельности (Изъ газ. *Право*).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ МѢСТНОЙ ЮСТИЦІИ.

(По поводу двухъ докладовъ М. И. Свѣшникова и В. Д. Кузьмина-Караваева въ засѣданіи С.-П.Б. Юридическаго Общества 22 января сего года).

Въ засѣданіи Юридическаго Общества 22 прошлаго января проф. М. И. Свѣшниковъ и проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, въ сущности, стремились доказать два главныхъ положенія:

во-1-хъ, невозможность одновременнаго измѣненія существующей нынѣ судебной организаціи и сохраненія въ силѣ Положенія объ участковыхъ земскихъ начальникахъ отъ 12 іюля 1889 года, и, во-2-хъ, нецѣлесообразность реорганизаціи мѣстной юстиціи.

Первое основное положеніе проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ доказывалъ, главнымъ образомъ, слѣдующими соображеніями:

1) Приспособленіе организаціи окружнаго суда и его отдѣленій къ существующимъ уже учрежденіямъ, путемъ устройства, на ряду съ съѣздомъ земскихъ начальниковъ, особаго апелляціоннаго суда, для мѣстныхъ дѣлъ, не подсудныхъ земскимъ начальникамъ, должно вызвать массу затрудненій личнаго и финансоваго свойства и оказаться нецѣлесообразнымъ.

2) Число дѣлъ, подвѣдомственныхъ участковымъ судьямъ и изъятыхъ изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ, будетъ весьма незначительно, почему не достигается и задача приближенія суда къ народу, такъ какъ самыя близкія къ нему учрежденія будутъ не судебныя, а судебно-административныя, и притомъ вѣдающія дѣла, касающіяся самымъ непосредственнымъ образомъ насущныхъ и ежедневныхъ интересовъ народнаго быта.

3) Не будетъ достигнуто и объединеніе судебнаго строя, а получится двойственность организаціи мѣстнаго суда, которая

можетъ затѣмъ обратиться въ типичную и быть признана господствующею на всей территоріи.

4) Участковые судьи, по мысли проекта, должны, будто бы, составить широкое и прочное основаніе всему судебному зданію и тѣмъ придать ему надлежащую устойчивость; но въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ земскіе начальники, изъ основанія судебнаго зданія будутъ вынуты почти всѣ составныя его части. Посему, за невозможностью объединенія и приближенія юстиціи къ народу, не представляется надобности перестраивать окрѣпшее отъ свыше 30-лѣтняго опыта зданіе, созданное уставами 20 ноября 1864 года.

Остановимся сперва на первомъ соображеніи.

Всякое соображеніе, являясь выводомъ изъ извѣстнаго ряда фактовъ, имѣетъ цѣну и значеніе, когда оно, съ одной стороны, опирается на достовѣрныя, и притомъ не случайно подобранныя, данныя, а съ другой—когда оно, какъ заключеніе, будучи третьею составною частью правильно построеннаго силлогизма, является неизбѣжно вытекающимъ изъ сопоставленія большой и малой посылокъ этого силлогизма.

Если мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія на первое соображеніе, то оказывается, что оно совершенно произвольно. На основаніи какихъ фактовъ живой дѣйствительности сдѣланъ выводъ о томъ, что предполагаемая реорганизація окружнаго суда, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, при существованіи съѣзда земскихъ начальниковъ, должна вызвать массу затрудненій личнаго и финансоваго свойства? Такихъ фактовъ не указано, да и указать ихъ, я полагаю, невозможно, такъ какъ ихъ не существуетъ въ дѣйствительности. Внимательное отношеніе къ существующимъ фактамъ должно привести насъ къ противоположному выводу. Возьмемъ одну изъ внутреннихъ губерній, гдѣ существуютъ нынѣ земскіе начальники, напримѣръ, Орловскую. Въ ней дѣйствуютъ, въ качествѣ единоличныхъ судебныхъ органовъ, 10 уѣздныхъ членовъ суда и 11 городскихъ судей, сверхъ 45 земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ судебные органы Министерства Юстиціи, составляя мѣстный единоличный судъ, подчинены нынѣ въ порядкѣ инстанцій: одни (10 уѣздныхъ членовъ) окружному суду, а другіе (11)—уѣздному съѣзду, т. е. административному учрежденію. Затѣмъ разграниченіе предѣловъ вѣдомства городскихъ судей отъ уѣздныхъ членовъ суда, въ силу 29 ст. закона 12 іюля 1889 года, недостаточно опредѣленно и вызываетъ

на практикѣ постоянныя недоразумѣнія. Предполагаемая реорганизація мѣстной юстиціи не только не вызоветъ, но устранитъ существующія нынѣ затрудненія и путаницу: явятся одни участковые судьи, взамѣнъ уѣздныхъ членовъ суда и городскихъ судей, и устранится надобность тратить время за поисками подлежащаго мѣстнаго суда; будетъ одна апелляціонная, и притомъ чисто судебная, инстанція, благодаря которой болѣе двадцати тысячъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ будутъ изъяты въ округѣ одного Орловскаго окружнаго суда изъ вѣдѣнія административнаго учрежденія; и, наконецъ, отграничивается, вполнѣ опредѣленно, компетенція земскихъ начальниковъ отъ участковыхъ судей [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и особый, спеціальный судъ будетъ выдѣленъ изъ строя общихъ судовъ.

Таковы факты, и, казалось бы, принявъ ихъ во вниманіе, невозможно и говорить о какихъ-то личнаго и финансоваго свойства затрудненіяхъ. О цѣлесообразности же подобнаго порядка вещей мы скажемъ впослѣдствіи.

Столь же безпочвенно и неосновательно второе соображеніе. Прежде чѣмъ утверждать, что число дѣлъ, подвѣдомственныхъ участковымъ судьямъ и изъятыхъ изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ, будетъ весьма незначительно, слѣдовало бы обратиться къ статистическимъ по этому предмету даннымъ.

Какъ извѣстно, во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ введены земскіе начальники, имѣется 372 уѣздныхъ члена суда и 397 городскихъ судей, т. е. 769 единоличныхъ органовъ суда на 2079 земскихъ начальниковъ. Если допустить, что у городскихъ судей возникаетъ ежегодно не болѣе 2000 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, то мы получимъ 794000 дѣлъ. Затѣмъ въ окружныхъ судахъ внутреннихъ губерній возникаетъ ежегодно свыше 140000 гражданскихъ дѣлъ (въ 1897 году возникло 140088, а въ 1898—149093 дѣла) и изъ нихъ, слѣдовательно, свыше 70000 дѣлъ перейдетъ къ участковымъ судьямъ. Далѣе, въ окружныхъ судахъ тѣхъ же губерній возникаетъ свыше 30000 уголовныхъ дѣлъ (въ 1898 году ихъ возникло 30450), подлежащихъ разсмотрѣнію суда безъ уча-

---

[1]) Не имѣетъ никакого значенія указываемое В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ обстоятельство, что участковые судьи должны дѣйствовать бокъ-о-бокъ съ земскими начальниками, такъ какъ первымъ подвѣдомственны дѣла, возникающія въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, а послѣднимъ—тѣ дѣла, которыя возникаютъ въ уѣздахъ, съ ихъ селами и деревнями.

стія присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ не менѣе 15000 должны перейти въ вѣдѣніе участковыхъ судей, въ виду расширенія ихъ компетенціи по проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства. Затѣмъ въ окружныхъ судахъ внутреннихъ губерній ежегодно прекращается свыше 100000 слѣдственныхъ производствъ (въ 1897 г. прекращено 100320 дѣлъ, а въ 1898 г.— 104688). Если допустить, что только $^1/_4$ часть дѣлъ, вслѣдствіе расширенія компетенціи единоличнаго органа суда, окажется подсудною мѣстной юстиціи, то около 25000 такихъ уголовныхъ дѣлъ должно поступить къ участковымъ судьямъ внутреннихъ губерній. Наконецъ, судя по количеству поступающихъ въ окружные суды апелляціонныхъ жалобъ на приговоры и рѣшенія уѣздныхъ членовъ суда, отъ послѣднихъ должны перейти къ участковымъ судьямъ свыше 80000 дѣлъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ только во внутреннихъ губерніяхъ число всѣхъ поступающихъ къ участковымъ судьямъ дѣлъ должно быть около 980000. Цифра, полагаемъ, весьма солидная. Вотъ почему можно утверждать, что и основная задача—приближеніе суда къ населенію—достигается несомнѣнно. Значительное число крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ, расходы по веденію которыхъ нынѣ нерѣдко достигаютъ и даже превышаютъ стоимость предмета спора, найдутъ скорую и не дорого стоящую защиту мѣстнаго суда. Чтобы покончить со вторымъ соображеніемъ, замѣтимъ, что едва ли можно говорить, что земскіе начальники и ихъ съѣзды будутъ вѣдать дѣла, касающіяся самыхъ насущныхъ и ежедневныхъ интересовъ народнаго быта. Если справиться съ закономъ 12 іюля 1889 года (4, 20 и 21 ст.), то мы увидимъ, что подсудность земскихъ начальниковъ та же, что и городскихъ судей, а, слѣдовательно, тѣ и другіе поставлены на стражѣ тѣхъ же потребностей и тѣхъ же интересовъ народнаго быта, при чемъ раіонъ дѣйствія послѣднихъ опредѣляется городами (губернскими, уѣздными и заштатными), посадами и мѣстечками, тогда какъ въ участокъ земскаго начальника входитъ уѣздъ съ его селами и деревнями.

Заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія третье соображеніе о невозможности реорганизаціи мѣстной юстиціи, при сохраненіи положенія о земскихъ начальникахъ.

Конечно, *объединенія судебнаго и судебно-административнаго строя проектъ* коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ *не даетъ*, но его и дать нельзя при настоящемъ положеніи вещей.

А затѣмъ, развѣ позволительно уклоняться отъ объединенія судебнаго *строя общихъ судовъ* только потому, что существуютъ тѣ или другіе спеціальные суды, ограничивающіе предѣлы компетенціи общихъ. Полагаемъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Развѣ составители судебныхъ уставовъ отступили отъ возложенной на нихъ задачи погрести старые, обветшалые судебные порядки и создать скорый и правый судъ, встрѣтивъ на своемъ пути пересмотра волостные и сельскіе суды, вѣдающіе дѣйствительно неотложные интересы крестьянскаго населенія, а по своему устройству и своей организаціи стоящіе далеко ниже суда земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ. Въ 1864 году нашъ судебный строй былъ обновленъ, а особые волостные суды остались неприкосновенными и понынѣ.

Что́ такое судъ земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ? Это своего рода особый судъ уѣзда, состоящаго изъ селъ и деревень. Это, слѣдовательно, въ существѣ своемъ, тотъ же особый, но только всесословный волостной судъ, съ болѣе обширною компетенціею. Противъ такого сопоставленія В. Д. Кузьминъ-Караваевъ приводитъ только то возраженіе, что суду земскихъ начальниковъ, какъ и суду общаго порядка, подсудны тѣ же классы населенія и тѣ же дѣла (см. газету: „Право“, за 1901 г., № 7, стр. 397). Онъ, однако, упускаетъ изъ вида, что судъ земскихъ начальниковъ строго ограниченъ въ территоріальномъ отношеніи уѣздомъ съ селами и деревнями, и что такое же разграниченіе установлено между волостнымъ судомъ, съ одной стороны, и единоличными органами общей юстиціи, съ другой. Какъ извѣстно, согласно 96 и 101 ст. общ. полож. о крестьянахъ (особ. прил. къ IX т., изд. 1876 г.), споры о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ, цѣною до ста рублей, подсудны волостному суду, когда спорное имущество находится въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, въ противномъ же случаѣ такіе споры подвѣдомственны судебнымъ установленіямъ общаго порядка. Точно также волостной судъ вѣдаетъ и маловажные проступки крестьянъ противъ крестьянъ, когда эти проступки совершены въ предѣлахъ волости, совершенные же внѣ предѣловъ послѣдней подлежатъ суду общей юстиціи. Итакъ, тѣ же дѣла и тѣхъ же лицъ (крестьянъ) распредѣляются между спеціальными и общими судами только на основаніи территоріальнаго начала. Очевидно отсюда, что существованіе особаго суда земскихъ начальниковъ не можетъ препятствовать объединенію судебнаго строя общихъ судовъ.

Но, говорятъ намъ, такое объединеніе оставитъ двойственность организаціи мѣстнаго суда, и эта двойственность обратится въ типическую и можетъ явиться господствующею на всей территоріи. А развѣ теперь не существуетъ двойственности или, лучше сказать, множественности въ организаціи мѣстныхъ судовъ: волостнаго суда, суда земскихъ начальниковъ и единоличныхъ органовъ судебной власти общихъ судовъ? Развѣ и теперь не дѣйствуютъ у насъ одновременно нѣсколько типовъ судовъ: духовные, военные, военно-морскіе, городскіе, станичные, сельскіе, волостные, инородческіе и разнаго рода суды общей юстиціи? Никто, однако, не рѣшится утверждать, что существованіе цѣлаго ряда особыхъ, спеціальныхъ судовъ можетъ служить препятствіемъ къ улучшенію судоустройства общей юстиціи.

Наконецъ, нельзя признать основательнымъ и четвертое соображеніе, въ силу котораго стараются доказать несовмѣстимость реорганизаціи мѣстной юстиціи общихъ судовъ, съ сохраненіемъ суда земскихъ начальниковъ. Что реорганизація мѣстной юстиціи и связанныхъ съ нею апелляціонной и кассаціонной инстанцій является основою переустройства всего судебнаго зданія,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Однако прочность и устойчивость новаго судебнаго строя совсѣмъ не пропорціональны числу участковыхъ судей и ихъ отношенію къ числу коллегіальныхъ судебныхъ мѣстъ: и прочность, и устойчивость стоитъ исключительно въ связи и въ зависимости отъ большей или меньшей раціональности предполагаемой реорганизаціи всей вообще юстиціи общихъ судовъ. Вотъ почему не представляется ни малѣйшаго основанія утверждать, что въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ земскіе начальники, изъ основанія новаго судебнаго зданія будутъ вынуты всѣ составныя его части.

Но посмотримъ, такъ ли мало будетъ органовъ мѣстной юстиціи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе 12 іюля 1889 года. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній за 1898 годъ показываетъ намъ, что во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ за небольшими изъятіями дѣйствуютъ земскіе начальники, состоитъ нынѣ 1261 судебныхъ слѣдователей, 692 участковыхъ мировыхъ судей, 397 городскихъ судей и 372 уѣздныхъ членовъ суда, а всего 2723 единоличныхъ органовъ судебной власти. При расширеніи компетенціи участковыхъ судей, уменьшится, приблизительно, на $^1/_4$ часть число всѣхъ слѣдственныхъ производствъ, а, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ, облегчится дѣятельность лицъ, произво-

дящихъ слѣдствія, а вслѣдствіе сего и 372 уѣздныхъ члена могутъ быть безъ всякаго затрудненія освобождены отъ несвойственныхъ имъ обязанностей единоличныхъ органовъ суда. Затѣмъ 2350 органовъ единоличной судебной власти явятся въ лицѣ будущихъ участковыхъ судей, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ проектировано коммисіею, будутъ пріурочены спеціально къ производству предварительныхъ слѣдствій. Между этими 2350 участковыми судьями будутъ подѣлены и дѣла общихъ судебныхъ мѣстъ, которыя должны будутъ перейти къ единоличнымъ органамъ судебной власти, за расширеніемъ ихъ компетенціи. Если даже допустимъ, что изъ числа участковыхъ судей 200 будутъ спеціально заниматься слѣдственною частью, то дѣла коллегіальныхъ судовъ распредѣлятся между 2150 лицами. Такимъ образомъ изъ 70000 гражданскихъ дѣлъ внутреннихъ губерній, подсудныхъ нынѣ окружнымъ судамъ, придется на долю каждаго участковаго судьи около 32 или 33 и изъ 49000 уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ передачѣ участковымъ судьямъ, на каждаго судью придется отъ 22 до 23 дѣлъ. Слѣдовательно, въ результатѣ получится: облегченіе общихъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и кассаціоннаго Сената, отъ непосильной, лежащей на нихъ нынѣ работы; облегченіе единоличныхъ органовъ суда, вслѣдствіе сокращенія раіона ихъ дѣятельности и связаннаго съ этимъ сбереженія времени, затрачиваемаго ими на разъѣзды, для совершенія разнаго рода судебныхъ дѣйствій; объединеніе органовъ единоличной мѣстной судебной власти общихъ судовъ, и, наконецъ, приближеніе суда къ населенію, съ дарованіемъ послѣднему скораго и не дорого стоящаго суда, вслѣдствіе уменьшенія раіона дѣйствій единоличныхъ органовъ судебной власти и увеличенія ихъ компетенціи.

Такимъ образомъ, едва ли нужны дальнѣйшія доказательства неосновательности утвержденія, что въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ земскіе начальники, не представляется надобности перестраивать окрѣпшее отъ свыше 30-лѣтняго опыта зданіе, созданное уставами 20 ноября 1864 года. Чтобы оттѣнить безпочвенность подобнаго утвержденія, укажемъ лишь, что основная реорганизація единоличнаго суда въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскіе начальники, касается, главнымъ образомъ, городскихъ судей, созданныхъ положеніемъ 12 іюля 1889 года, но не Судебными Уставами 20 ноября 1864 года. А если вспомнить, что въ вѣдѣніи этихъ судовъ во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ будетъ въ ближайшемъ будущемъ значительно болѣе милліона дѣлъ, правиль-

ность рѣшенія которыхъ поставлена нынѣ подъ контроль административныхъ, а не судебныхъ высшихъ инстанцій, то станутъ ясными неизбѣжность и неотложность проектируемой реорганизаціи мѣстныхъ судовъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. [1]).

Итакъ, едва ли можно считать обоснованнымъ первое основное положеніе о несовмѣстимости реорганизаціи мѣстной юстиціи съ сохраненіемъ въ силѣ суда земскихъ начальниковъ.

Второе положеніе, развиваемое В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ своемъ докладѣ, заключается въ томъ, что предполагаемая реорганизація мѣстной юстиціи не можетъ быть признана по своему существу цѣлесообразной и достигающею намѣченныхъ цѣлей. Познакомивъ своихъ слушателей съ особымъ мнѣніемъ по этому предмету члена коммисіи В. А. Желеховскаго, докладчикъ развилъ и пополнилъ тѣ части этого особаго мнѣнія, которыми, будто бы, доказывается неудовлетворительность постановки мѣстной юстиціи по проекту коммисіи.

Разберемъ тѣ соображенія, на которыхъ основывается это положеніе.

1) Участковые судьи, говорятъ намъ, составляя первую и низшую ступень судебной іерархіи, должны замѣнить нынѣшнихъ судебныхъ слѣдователей, но въ качественномъ отношеніи стать еще ниже ихъ, такъ какъ существующее число слѣдователей недостаточно для превращенія ихъ въ судей, и придется быть еще менѣе разборчивыми при назначеніи послѣднихъ, пополняя ихъ число изъ чиновъ канцеляріи и кандидатовъ на судебныя должности, мало приспособленныхъ къ исполненію судейскихъ обязанностей.

2) Судебные слѣдователи, по общему, будто бы, убѣжденію, не стоятъ на высотѣ своей задачи и, по недостатку у большинства изъ нихъ опытности, не могутъ справиться съ возложенными

---

[1]) Въ засѣданіи административнаго отдѣленія юридич. общества 14 февраля с. г., предсѣдательствующій отдѣленія К. К. Арсеньевъ призналъ съ своей стороны желательнымъ подчинить городскихъ судей, въ порядкѣ инстанцій, окружному суду и судебной палатѣ, полагая, однако, возможнымъ пока ограничиться только подобною реформою. Къ сожалѣнію, многоуважаемый ораторъ и публицистъ упустилъ изъ вида, что нынѣ общія судобныя мѣста и безъ возложенія на нихъ еще новыхъ обязанностей завалены непосильною массою труда. Только расширеніе компетенціи единоличныхъ органовъ судебной власти даетъ возможность возложить на суды—апелляціонныя, а на палаты кассаціонныя функціи по дѣламъ участковой подсудности.

на нихъ обязанностями. На этихъ то слѣдователей, по проекту коммисіи, предполагается возложить еще и судейскія обязанности съ весьма обширною компетенціею. Очевидно, что если они не въ состояніи были исполнять однѣ слѣдовательскія функціи, то возложеніе на нихъ еще другихъ обязанностей представляется ничѣмъ необъяснимымъ.

3) Наконецъ предоставленіе участковымъ судьямъ обширной компетенціи не только по дѣламъ гражданскимъ, но и уголовнымъ, съ изъятіемъ этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Сената, должно, будто бы, быть признано не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ нынѣ существующихъ порядковъ, такъ какъ, при подобной реорганизаціи мѣстной юстиціи, населеніе по цѣлымъ категоріямъ дѣлъ лишается тѣхъ гарантій правильнаго отправленія правосудія, которыми оно пользовалось до настоящаго времени.

Первое соображеніе есть результатъ игнорированія фактической стороны дѣла и вытекающаго отсюда недоразумѣнія. Чтобы не останавливаться въ области общихъ соображеній, не всегда плодотворныхъ для разрѣшенія спорнаго вопроса, перейдемъ къ обсужденію статистическихъ данныхъ относительно слѣдственной и судебной части въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ. Мы указывали ранѣе, что судебныхъ слѣдователей въ этихъ губерніяхъ 1261, сверхъ 397 городскихъ и 692 мировыхъ судей. Итакъ, мы имѣемъ уже 2350 лицъ, сидящихъ на своихъ мѣстахъ достаточно продолжительное время, чтобы освоиться съ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Спрашивается, можно ли ограничиться этимъ количествомъ судей и слѣдователей для того, чтобы произвести реорганизацію мѣстной юстиціи, въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, не вербуя новыхъ кандидатовъ для занятія должности будущихъ участковыхъ судей?

Кто внимательно проштудировалъ 1041 ст. проекта новой редакціи уст. угол. суд. и особенно остановился, съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукахъ, на 4 пунктѣ этой статьи, тотъ могъ убѣдиться, что значительно болѣе половины уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ нынѣ вѣдѣнію окружнаго суда безъ присяжныхъ засѣдателей, отойдетъ въ вѣдѣніе участковыхъ судей. Справедливость этого вывода подтверждается и статистическими данными объ отношеніи дѣлъ, слушаемыхъ съ присяжными засѣдателями, къ дѣламъ, разрѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ—съ одной стороны, въ тѣхъ окружныхъ судахъ, въ раіонѣ которыхъ находятся мировые судьи съ расширенной компетенціею, а съ другой—въ тѣхъ судахъ, въ предѣ-

лахъ которыхъ компетенція судей не расширена. Такъ, во внутреннихъ губерніяхъ, въ среднемъ выводѣ, число ежегодно возникающихъ дѣлъ, не подлежащихъ суду присяжныхъ, нѣсколько больше числа дѣлъ, разрѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ 1898 году на 30844 дѣла перваго рода приходилось 23112 дѣлъ съ присяжными, въ 1897 г. пропорція такова: 29442: 22022, а въ 1893 г.—23645: 20456. Правда, встрѣчаются отдѣльные окружные суды, гдѣ пропорція нѣсколько измѣняется, и число возникающихъ ежегодно безприсяжныхъ дѣлъ бываетъ менѣе числа дѣлъ съ присяжными, но эта разница всегда бываетъ сравнительно незначительна (никогда не болѣе $^1/_3$). Это явленіе встрѣчается и въ Кавказскихъ судахъ, гдѣ обыкновенная подсудность мировыхъ судей. Такъ, во Владивокавказскомъ судѣ на 360 дѣлъ, по которымъ предъявлено было обвиненіе въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ, и заслушанныхъ въ 1898 г. въ судебныхъ засѣданіяхъ, пришлось остальныхъ дѣлъ 481 (т. е. такихъ, которыя слушаются безъ присяжныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ институтъ присяжныхъ засѣдателей); затѣмъ въ Ставропольскомъ судѣ пропорція въ томъ же 1898 году была такова 344: 262 (менѣе $^1/_3$), а въ Екатеринодарскомъ 1132: 775 (около $^1/_3$). Если въ томъ же Тифлисскомъ округѣ посмотримъ на соотношеніе этихъ дѣлъ въ тѣхъ судахъ, въ раіонѣ которыхъ дѣйствуютъ мировыя учрежденія съ расширенною компетенціею, то получится совсѣмъ иная картина. Такъ, въ Тифлисскомъ судѣ на 112 дѣлъ, не влекущихъ за собою ни лишенія, ни ограниченія правъ и заслушанныхъ въ 1898 году, пришлось дѣлъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ 504, т. е. въ $4^1/_2$ раза болѣе; въ Кутаисскомъ судѣ была уже пропорція 84:544 (почти въ семь разъ болѣе), въ Эриванскомъ—61:600 (т. е. почти въ 10 разъ болѣе), въ Бакинскомъ—49:874 и, наконецъ, въ Елисаветпольскомъ—3:727. Такимъ образомъ, выводъ нашъ объ уменьшеніи числа уголовныхъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ въ окружныхъ судахъ безъ участія присяжныхъ, болѣе чѣмъ на половину наглядно подтверждается цифровыми данными. Такое уменьшеніе дѣлъ, очевидно, повлечетъ за собою и уменьшеніе числа слѣдствій, производящихся нынѣ ежегодно у судебныхъ слѣдователей, приблизительно на $^1/_4$ часть. Это доказывается опять сопоставленіемъ числа всѣхъ, ежегодно оканчиваемыхъ судебными слѣдователями слѣдственныхъ производствъ, съ дѣлами, ежегодно заслушиваемыми окружными судами съ присяжными и безъ присяжныхъ, а также разсматри-

ваемыми въ распорядительномъ засѣданіи суда, на предметъ прекращенія дѣлъ или измѣненія ихъ подсудности. А такъ какъ всѣхъ во внутреннихъ губерніяхъ слѣдствій возникаетъ ежегодно свыше 172000 (въ 1898 г. возникло 179347, а въ 1897 году—172097 дѣлъ), то съ реорганизаціею мѣстной юстиціи число слѣдствій во внутреннихъ губерніяхъ должно уменьшиться на $^1/_4$ часть, т. е. приблизительно на 44000 дѣлъ. Если затѣмъ примемъ во вниманіе, что производство слѣдствія по одному дѣлу требуетъ, въ среднемъ выводѣ, столько времени, сколько необходимо единоличному суду для разрѣшенія свыше 17 судебныхъ дѣлъ (40 мировыхъ судей въ одномъ Петербургѣ разрѣшили въ 1899 году 134840 дѣлъ, тогда какъ 31 слѣдователь всего округа Петербургскаго суда произвели за 1898 годъ 6017 слѣдствій [1]), то передача около 110000 дѣлъ участковымъ судьямъ внутреннихъ губерній изъ окружныхъ судовъ тѣхъ же губерній окажется нисколько не обременительною, такъ какъ съ нихъ будетъ снято бремя производства свыше 40000 слѣдствій. Такимъ образомъ, при реорганизаціи мѣстной юстиціи во внутреннихъ губерніяхъ окажется 2350 участковыхъ судей (1261 слѣдователь, 692 мировыхъ судьи, 397 городскихъ судей), при чемъ слѣдственный раіонъ каждаго изъ нихъ уменьшится почти на половину. Въ засѣданіи 22 января В. Д. Кузьминъ-Караваевъ остроумно доказывалъ, что пространство слѣдственнаго участка само по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Но всѣ эти доказательства представляются для насъ мало убѣдительными, какъ не убѣдительны они, полагаемъ, для всѣхъ тѣхъ, кто производилъ самъ предварительное слѣдствіе, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства, или, по крайней мѣрѣ, наблюдалъ за производствомъ слѣдствій. Какъ извѣстно, нормальныя условія передвиженія судебнаго слѣдователя въ своемъ участкѣ—это на перекладной и по проселочнымъ дорогамъ, проѣздъ по которымъ въ весеннее и осеннее время не только крайне затруднителенъ, но иногда и

---

[1]) Здѣсь на каждаго мироваго судью приходится въ годъ 3371 рѣшенное дѣло, а на судебнаго слѣдователя приходится въ годъ 194. Но въ тѣхъ округахъ, гдѣ не имѣется такихъ крупныхъ городскихъ центровъ, какъ Петербургъ или Москва, слѣдователю едва удается окончить около 160 слѣдствій въ годъ (напр., въ округѣ Черниговскаго суда), а въ округѣ Саратовскаго суда на 1 слѣдователя приходится 114 слѣдствій; всѣми же 1261 судебными слѣдователями внутреннихъ губерній произведено 178569 дѣлъ, т. е. среднимъ числомъ на каждаго слѣдователя приходится 141 оконченное слѣдствіе.

совсѣмъ прекращается. Точно также извѣстно, что преступленіе, подлежащее разслѣдованію чрезъ слѣдователя, совершается нерѣдко одновременно на разныхъ противоположныхъ концахъ слѣдственнаго участка. Безспорно, наконецъ, и то, что преступленія возникаютъ не только въ городахъ и болѣе или менѣе крупныхъ мѣстечкахъ, но и въ самыхъ глухихъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ изъ какихъ-нибудь 5 или 6 крестьянскихъ усадебъ и десятка жителей. При такихъ условіяхъ, пропорціонально величинѣ слѣдственнаго участка тратится безплодно время на переѣздъ изъ одного конца въ другой, и пропорціонально также увеличивается трудъ на изслѣдованіе преступнаго дѣянія, такъ какъ, благодаря медленности передвиженія, заметаются слѣды преступленія, которые на первыхъ порахъ сравнительно легко могли бы быть обнаружены.

Итакъ, первое соображеніе, относительно нецѣлесообразности проектируемой реорганизаціи мѣстной юстиціи, выводимое изъ того, что не имѣется достаточнаго числа надлежаще подготовленныхъ лицъ, для занятія должности участковыхъ судей, представляется очевидно неосновательнымъ.

Еще менѣе заслуживаетъ признанія второе соображеніе.

Прежде всего мы горячо протестуемъ противъ сдѣланной въ немъ оцѣнки всего нашего слѣдственнаго института и входящихъ въ составъ его дѣятелей. Уже 27 лѣтъ исполнилось нашей службы по судебному вѣдомству, при чемъ почти 16 лѣтъ посвящено провинціи въ разныхъ судебныхъ должностяхъ, начиная съ секретаря прокурора суда и кончая членомъ судебной палаты. За это время пришлось намъ перебывать въ разныхъ окружныхъ судахъ и болѣе или менѣе близко ознакомиться съ слѣдственною частью. Я утверждаю категорически, что судебные слѣдователи, за немногими исключеніями (которыя имѣютъ мѣсто и по отношенію къ судьямъ всѣхъ коллегій), стоятъ на высотѣ своихъ обязанностей, и изъ ихъ рядовъ, за время дѣйствія судебныхъ уставовъ, вышло не мало даровитыхъ и судей, и прокуроровъ. Не вполнѣ удовлетворительное состояніе у насъ слѣдственной части не можетъ быть объясняемо неподготовленностью слѣдователей къ исполненію ихъ обязанностей, какъ не могутъ быть объяснены формализмъ и неудовлетворительность многихъ гражданскихъ рѣшеній нашихъ коллегіальныхъ судебныхъ мѣстъ неподготовленностью къ своей дѣятельности судей этихъ коллегій. Причина неудовлетворительности слѣд-

ственной части зависитъ отъ такихъ бытовыхъ условій, которыя измѣнить не въ силахъ и законодательная власть. Плохое состояніе во многихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества путей сообщенія, отсутствіе сколько-нибудь сносныхъ помѣщеній въ уѣздѣ для производства слѣдствій, упорное иногда запирательство свидѣтелей разъяснить извѣстные имъ факты дѣла и вліяніе цѣлаго ряда другихъ тяжелыхъ условій нашей уѣздной, захолустной жизни—вотъ тѣ причины, которыя стоятъ серьезною преградою на пути къ полному устраненію недостатковъ слѣдственной части. Пока не улучшатся у насъ проселочные пути сообщенія и пока не поднимется общій уровень развитія населенія и степень его благосостоянія,—до тѣхъ поръ значительное число нашихъ слѣдствій будетъ безрезультатно и идти на прекращеніе. Тѣмъ не менѣе, законодатель не можетъ, сложа руки, выжидать измѣненія указанныхъ бытовыхъ условій: онъ улучшаетъ, по мѣрѣ возможности, отправленіе правосудія, и такое улучшеніе будетъ намъ дано осуществленіемъ предполагаемой реорганизаціи мѣстной юстиціи.

Итакъ, не намъ, живущимъ въ столицахъ, гдѣ мы пользуемся всѣми благами европейской культуры, смотрѣть свысока на тружениковъ судебнаго дѣла, которые при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, многіе годы подрядъ стойко несутъ свой тяжелый и отвѣтственный слѣдовательскій трудъ [1]). Что причины неудовлетворительности слѣдственной части кроются не въ личныхъ свойствахъ слѣдователей и не въ ихъ неподготовленности,—засвидѣтельствовали единогласно всѣ прокуроры судебныхъ палатъ Имперіи. Формулируя ихъ мнѣнія по сему предмету, А. Ф. Кони высказалъ, что причины несовершенства слѣдствій распадаются на прямыя и косвенныя. Къ 1-й категоріи относятся: 1) отсутствіе правильно поставленнаго розыска и неразграниченіе дознанія и слѣдствія; 2) медленность производства, зависящая какъ отъ подвижности нашего населенія и обширности слѣдственныхъ участковъ, такъ и отъ свойства изслѣдуемыхъ пре-

---

[1]) Въ отчетѣ ревизіи 1895 г. по Казанскому судебному округу, между прочимъ, говорится (Труды Коммисіи, т. III, стр. 25): „Если прибавить къ неприглядной обстановкѣ дѣятельности слѣдователей полнѣйшее отсутствіе общества, отсутствіе лица, съ которымъ можно было бы посовѣтоваться, наконецъ необходимость для многихъ семейныхъ слѣдователей жить на два дома, ради воспитанія дѣтей, то нельзя не удивляться, какъ при такихъ условіяхъ слѣдователи многіе годы бодро несутъ свой тяжелый и отвѣтственный трудъ“.

ступленій, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются особою сложностью. Косвенныя причины заключаются: 1) въ неупорядоченности содѣйствія слѣдователямъ со стороны полиціи; 2) въ обремененіи слѣдователей излишнею письменною работою, порождаемою не столько существомъ дѣла, сколько необходимостью соблюденія ненужныхъ формальностей; 3) въ частомъ возвращеніи дѣлъ слѣдователямъ для дополненія (иногда, добавимъ мы, безъ достаточнаго основанія); 4) въ понужденіи судами слѣдователей къ быстрой, хотя бы притомъ и поверхностной, работѣ, и въ 5) необезпеченности дальнѣйшаго ихъ служебнаго движенія (томъ I, Труды Коммисіи, Совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, стр. 164 и 165). И въ отзывахъ старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ мы находимъ подтвержденіе взгляда прокуроровъ палатъ на недостатки слѣдственной части. Только одинъ старшій предсѣдатель, нынѣ сенаторъ, М. А. Акимовъ замѣтилъ, что неудовлетворительность производства слѣдствія кроется отчасти въ личныхъ свойствахъ слѣдователей, при чемъ изъ дальнѣйшаго изложенія его взгляда по сему предмету (т. I, стр. 139—141) явствуетъ, что и онъ главнѣйшею, если не исключительною, причиною неудовлетворительности слѣдствій считаетъ бытовыя условія русской жизни и безпомощность слѣдователя въ дѣлѣ розыска.

Итакъ, мы въ правѣ считать совершенно неосновательнымъ утвержденіе, что слѣдователи оказались, будто бы, неспособными къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, а, слѣдовательно, и передача имъ судейскихъ функцій не можетъ внушать ни малѣйшихъ опасеній. Но одинъ изъ докладчиковъ въ прошломъ засѣданіи Юридическаго Общества утверждалъ, что объединеніе функцій судьи и слѣдователя не представляется необходимымъ. Едва ли такое утвержденіе можно признать правильнымъ.

Въ двухъ засѣданіяхъ общаго совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ отъ 18 и 22 декабря 1894 года, происходившихъ подъ руководствомъ Министра Юстиціи, за соединеніе слѣдственной и судебной власти въ лицѣ участковаго судьи высказалось значительное большинство членовъ совѣщанія (противный взглядъ высказали лишь: В. В. Давыдовъ, А. М. Кузьминскій, Г. П. Монастырскій, М. Г. Акимовъ, А. Н. Щербачевъ и Е. Ф. де-Росси), при чемъ прекрасную мотивировку этого взгляда мы находимъ въ мнѣніи старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты В. Ф. Дейтриха. Онъ гово-

ритъ, что такое соединеніе въ лицѣ участковаго судьи несомнѣнно приблизитъ судью къ населенію, а слѣдователя къ мѣсту совершенія преступленій, при чемъ для участковаго судьи не встрѣтится затрудненій отправлять тѣ и другія обязанности. Въ настоящее время на уѣздъ среднимъ числомъ приходится отъ 20 до 24 слѣдственныхъ дѣлъ въ мѣсяцъ. Если въ уѣздѣ будетъ не менѣе 5 участковыхъ судей, то на долю каждаго изъ нихъ придется отъ 4 до 5 слѣдствій въ мѣсяцъ. Если же вообще будетъ сокращена подслѣдственность (а она неизбѣжно сокращается уже вслѣдствіе расширенія компетенціи единоличнаго мѣстнаго суда) и если для особо важныхъ дѣлъ будетъ существовать должность слѣдственнаго судьи, то на долю каждаго участковаго судьи придется всего отъ 2 до 3 слѣдственныхъ дѣлъ въ мѣсяцъ. Очевидно, замѣчаетъ В. Ф. Дейтрихъ, что эти дѣла не могутъ служить серьезнымъ препятствіемъ для успѣшнаго исполненія участковымъ судьею его судейскихъ обязанностей (т. I, стр. 40 и 41).

Затѣмъ старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ С. В. Врасскій, А. Н. Поповъ, В. А. Аристовъ, Л. И. Карновичъ и А. А. Чернявскій высказали, что, при уменьшеніи размѣра слѣдственнаго участка, совмѣщеніе въ лицѣ участковаго судьи судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей слѣдуетъ признать желательнымъ. Тотъ же взглядъ высказали и бывшіе прокуроры судебныхъ палатъ, нынѣ сенаторы, свѣтлѣйшій князь Н. А. Ливенъ и В. В. Смиттенъ.

Точно также бывшіе прокуроры палатъ, Е. Ф. Турау нынѣ сенаторъ, и Б. Ю. Витте, нынѣ старшій предсѣдатель, а равно покойный старшій предсѣдатель С.-Петербургской судебной палаты И. И. Влезковъ и прокуроръ Московской судебной палаты Н. П. Посниковъ, признавая цѣлесообразнымъ совмѣщеніе судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей въ лицѣ участковаго судьи, указали, что такое соединеніе существуетъ въ Пруссіи и Австріи и дало уже тамъ прекрасные результаты. При этомъ Н. П. Посниковъ заявилъ, что и въ настоящее время въ округѣ ввѣренной ему палаты судебнымъ слѣдователямъ приходится нерѣдко замѣнять городскихъ судей, и что, по его наблюденіямъ, они охотно принимаютъ на себя исполненіе обязанностей по этой должности и справляются съ этимъ дѣломъ вполнѣ удовлетворительно (т. I, стр. 37—41).

Затѣмъ и подавляющее большинство членовъ коммисіи признало цѣлесообразность совмѣщенія судейскихъ и слѣдователь-

скихъ функцій въ лицѣ участковыхъ судей. Это большинство состоитъ изъ двадцати трехъ судебныхъ дѣятелей, въ рядахъ которыхъ мы находимъ и блестящихъ представителей судебной практики, и выдающихся людей науки.

Нельзя не отмѣтить непослѣдовательности противниковъ совмѣщенія судейскихъ и слѣдовательскихъ функцій. Опытъ въ Архангельской губерніи ихъ не убѣждаетъ, такъ какъ эта губернія малонаселенная, гдѣ существуютъ особыя мѣстныя условія, которыхъ не находятъ во внутреннихъ, густонаселенныхъ губерніяхъ (газета „Право" за 1901 г., № 7, стр. 391). Но почему же оказалось вполнѣ цѣлесообразнымъ возложеніе слѣдовательскихъ обязанностей на участковыхъ судей Германіи и Австріи? Вѣдь тамъ, особенно въ Германіи, плотность населенія еще болѣе, чѣмъ въ любой изъ центральныхъ нашихъ губерній. Въ засѣданіи 14 февраля проф. А. К. Вульфертъ противъ совмѣщенія судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

1) Исключительность дѣятельности и ея спеціализація составляютъ необходимое условіе для плодотворности этой дѣятельности;

2) Совмѣщеніе должностей воспрещается и 246 ст. учр. суд. уст.;

3) По справедливому, будто бы, замѣчанію Фейербаха, совмѣщеніе двухъ судебныхъ функцій допускается лишь въ государствахъ деспотическихъ.

Едва ли можно согласиться съ этими соображеніями:

1) И германскій, и австрійскій, и норвежскій уставы уголовнаго судопроизводства возлагаютъ на участковыхъ судей обязанности производства извѣстныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Затѣмъ во Франціи и Англіи мировые судьи издавна принимаютъ участіе въ разслѣдованіи преступленій, при чемъ въ Англіи они производятъ слѣдствія по всѣмъ дѣламъ, не подвѣдомственнымъ суду единоличнаго суда. На практическія неудобства такого совмѣщенія не имѣется никакихъ указаній, какъ нѣтъ указаній на то, чтобы подобное совмѣщеніе влекло за собою вредныя для дѣла правосудія послѣдствія.

2) Неудачна ссылка и на 246 ст. учр. суд. уст. Статья эта допускаетъ совмѣщеніе должностей, прямо въ законѣ предусмотрѣнныхъ (напр., помощника оберъ-секретаря и архиваріуса или приходорасходчика). Если же въ законѣ указать, что на участковыхъ судей возлагается обязанность производства слѣдствій, то тѣмъ самымъ 246 ст. будетъ соотвѣтственно измѣнена. Вообще,

едва ли основательно ссылаться на законъ дѣйствующій въ подтвержденіе раціональности того, что законопроектъ признается необходимымъ отмѣнить.

3) Неубѣдительна также ссылка и на Фейербаха, если принять во вниманіе устройство римской уголовной юстиціи, гдѣ совмѣщеніе судебныхъ функцій имѣло мѣсто какъ въ императорскій, такъ и республиканскій періоды государства, и не упускать изъ вида, что всѣ указанныя нами выше Европейскія государства допускаютъ совмѣщеніе слѣдовательскихъ и судейскихъ функцій, не смотря на все различіе въ ихъ государственномъ устройствѣ.

Нельзя при этомъ не указать на безпочвенность и оторванность отъ жизни перваго соображенія А. К. Вульферта. Проповѣдуя нераціональность совмѣщенія двухъ дѣятельностей, почтенный профессоръ забываетъ, что не только въ Германіи, Австріи и Франціи, но и у насъ можно указать выдающихся представителей юридической науки, которые вмѣстѣ съ профессорскою дѣятельностью соединяли или соединяютъ и теперь судебныя функціи (судейскія, прокурорскія или адвокатскія).

Говоря о несовмѣстимости въ одномъ лицѣ слѣдовательскихъ и судейскихъ обязанностей, утверждаютъ, что крайне трудно найти лицъ, которыя обладали бы достаточными познаніями какъ по гражданской, такъ и по уголовной части, и что судья долженъ свободно располагать своимъ служебнымъ временемъ, необходимость же разъѣздовъ, связанная съ исполненіемъ обязанностей слѣдователя, неизбѣжно будетъ препятствовать правильному назначенію судебныхъ дѣлъ къ слушанію и успѣшному ихъ разрѣшенію. Съ такимъ утвержденіемъ едва ли можно согласиться. Прежде всего единоличный судъ дѣйствуетъ у насъ почти 35 лѣтъ и въ общемъ не вызываетъ особыхъ нареканій. Слѣдовательно, находились и находятся у насъ лица, могущія творить параллельно какъ уголовный, такъ и гражданскій судъ.

Расширеніе компетенціи участковыхъ судей не потребуетъ большихъ знаній для отправленія правосудія, такъ какъ имъ будутъ переданы подлежащія нынѣ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ гражданскія и уголовныя дѣла, по своей юридической природѣ, сходныя, а нерѣдко и вполнѣ тождественныя съ тѣми, которыя они нынѣ вѣдаютъ.

Не могутъ препятствовать правильному отправленію судейскихъ обязанностей и разъѣзды участковаго судьи. Не нужно забывать, что и въ настоящее время засѣданія мироваго судьи

происходятъ не ежедневно, и что ему приходится отлучаться не только для присутствованія въ засѣданіяхъ съѣзда мировыхъ судей, но и для производства осмотра и другихъ судебныхъ дѣйствій какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Дѣла о подтопѣ луговъ и полей, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а равно о правахъ участія частнаго, какъ извѣстно, почти всегда вызываютъ необходимость болѣе или менѣе частыхъ отлучекъ судьи изъ его камеры. Но эти отлучки не производятъ никакого замѣшательства въ правильномъ отправленіи правосудія. Мы видимъ, что даже въ столицахъ, напр., въ С. Петербургѣ, разбору дѣлъ мировые судьи посвящаютъ только 4 дня въ недѣлю отъ 11 часовъ утра до 2 часовъ дня (за неокончаніемъ разбора дѣлъ засѣданіе продолжается иногда до 5 и 6 ч. дня), а между тѣмъ на каждаго изъ этихъ судей ежегодно приходится въ среднемъ выводѣ 3371 дѣло. Надо имѣть при этомъ въ виду, что при реорганизаціи мѣстной юстиціи на каждаго участковаго судью во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ придется въ годъ около 76 слѣдственныхъ дѣлъ [1]) (всѣхъ слѣдствій возникло въ 1898 году 179347 и ихъ подѣлить на число участковыхъ судей—2351), при чемъ всѣ болѣе серьезныя изъ нихъ могутъ быть распредѣлены между 372 уѣздными членами окружныхъ судовъ; что, вмѣсто 2000 съ лишнимъ судебныхъ дѣлъ, какъ нынѣ имѣется у каждаго изъ городскихъ судей, участковые судьи въ тѣхъ же внутреннихъ губерніяхъ будутъ имѣть приблизительно 420 дѣлъ (990000 дѣлъ: на 2351 участковаго судью); что съ уменьшеніемъ участковыхъ судей почти на половину значительно уменьшится трата времени на переѣздъ, для производства слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій; что, наконецъ, съ сокращеніемъ болѣе чѣмъ на половину дѣлъ въ окружныхъ судахъ, представится полная возможность выѣзда отдѣленій суда на мѣсто, для разсмотрѣнія апелляціонныхъ и частныхъ жалобъ на рѣшенія участковыхъ судей, а тѣмъ самымъ всѣ участковые судьи будутъ освобождены отъ выѣзда въ уѣздные города для составленія присутствія съѣзда мировыхъ судей, на что тратится нынѣ въ провинціи ежемѣсячно не менѣе недѣли времени.

Полагаемъ, что приведенныя нами данныя доказываютъ какъ необходимость, такъ и полную цѣлесообразность совмѣщенія слѣ-

---

[1]) Слѣдовательно, на долю каждаго придется почти вдвое менѣе, чѣмъ нынѣ ихъ приходится на слѣдователя, т. е. немного болѣе 6 въ мѣсяцъ.

довательскихъ и судейскихъ обязанностей въ лицѣ участковаго судьи.

Разберемъ, наконецъ, третье соображеніе, которое развивалъ проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ подтвержденіе нецѣлесообразности предполагаемой реорганизаціи мѣстной юстиціи. Онъ утверждаетъ, что проектируемые судебные порядки, вообще, и расширеніе компетенціи участковыхъ судей, въ частности, съ изъятіемъ подвѣдомственныхъ мѣстному суду дѣлъ изъ вѣдѣнія кассаціоннаго Сената, слѣдуетъ признать не улучшеніемъ, но ухудшеніемъ существующаго судебнаго строя, такъ какъ по цѣлымъ категоріямъ дѣлъ населеніе будетъ лишено тѣхъ гарантій правильнаго отправленія правосудія, которыми оно пользуется донынѣ.

Подобное утвержденіе едва ли можно признать обоснованнымъ. Развивая свою мысль, почтенный докладчикъ прежде всего доказывалъ, что проектируемую реорганизацію мѣстной юстиціи можно признать улучшеніемъ существующаго нынѣ судебнаго строя только тогда, когда доказана необходимость этой организаціи; а между тѣмъ проектъ такихъ доказательствъ не даетъ. Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что измѣненіе существующаго судебнаго строя можетъ быть оправдано лишь дѣйствительною въ томъ необходимостью, и что только при наличности подобной необходимости можно говорить о цѣлесообразности предпринимаемой судебной реорганизаціи, а слѣдовательно и объ улучшеніи существующаго судебнаго строя.

Установивши такое вѣрное положеніе, докладчикъ счелъ однако достаточнымъ, для подкрѣпленія своего взгляда, разобрать лишь отдѣльныя, взятыя безъ взаимной связи и зависимости, отрывочныя положенія изъ тѣхъ мотивовъ коммисіи, которые приведены подъ нѣкоторыми изъ статей проектовъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства. Прежде всего необходимость и цѣлесообразность всякаго закона обсуждается на основаніи его содержанія, но не мотивовъ, которые приводятся въ законопроектѣ и главная цѣль которыхъ изъяснить лишь мысль законодателя, выраженную въ законѣ. Подробная мотивировка содержанія закона необходима для его толкованія, при примѣненіи на практикѣ; но едва ли нужны подробныя объясненія для оправданія тѣхъ поводовъ, или побудительныхъ причинъ, которые вызвали самое установленіе закона. Такія причины лишь отмѣчаются въ общихъ чертахъ, а

для должной ихъ оцѣнки необходимо самостоятельное, и притомъ всестороннее, ихъ изученіе, т. е. знакомство съ тѣми условіями, съ тою жизненною обстановкою, подъ вліяніемъ которыхъ явился законъ. Эти причины (необходимость приблизить судъ къ населенію, создать скорый, простой и недорого стоящій судъ и улучшить существующіе порядки), установленныя въ самомъ началѣ работъ коммисіи, указываются неоднократно проектомъ. Въ своемъ докладѣ „Объ основаніяхъ реорганизаціи мѣстной юстиціи", въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія Юридическаго Общества отъ 17 ноября прошлаго 1900 года, мы подробно остановились на изученіи этихъ причинъ, доказывающихъ неотложность и полную раціональность проектируемой реорганизаціи существующаго нынѣ судебнаго строя. Не повторяя изложеннаго въ нашемъ докладѣ, который появился притомъ въ печати (Жур. Мин. Юст. 1901 г., январь), укажемъ вкратцѣ его конечные выводы.

Обширность округовъ нашихъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, особенно при сравненіи ихъ съ таковыми же округами Франціи и Германіи, наглядно доказываетъ удаленность суда отъ населенія. Невозможность, затѣмъ, приблизить судъ къ населенію по образцу континентальныхъ государствъ западной Европы, посредствомъ увеличенія числа коллегіальныхъ судебныхъ мѣстъ, обусловливается не только необходимостью для того чрезмѣрныхъ финансовыхъ расходовъ, но, главнымъ образомъ, мѣстными, бытовыми особенностями нашего отечества. Далѣе, для громадной массы трудящагося населенія, живущаго своимъ физическимъ трудомъ, необходимъ не только болѣе близкій судъ, но недорого стоящій, болѣе простой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе скорый, каковымъ нашъ окружный судъ не можетъ быть признанъ. Затѣмъ, при настоятельной необходимости приблизить судъ къ населенію, единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ раціональное для того средство—это расширеніе компетенціи единоличнаго органа судебной власти. Далѣе, раціональность расширенія компетенціи единоличнаго судьи признается нынѣ многими представителями науки и доказывается какъ постепенною тенденціею всѣхъ культурныхъ государствъ Европы и Америки къ снабженію его болѣе широкими судейскими полномочіями, такъ и учрежденіемъ многими изъ этихъ государствъ (Англіею, Шотландіею, Соединенными Штатами Сѣверной Америки, Португаліею, Канадою, Мексикою и Масачузетсомъ) первой инстанціи суда для всѣхъ дѣлъ въ видѣ единоличнаго судьи. Наконецъ, неотложность со-

зданія у насъ единоличнаго суда съ расширенною компетенціею вызывается существующимъ нынѣ безвыходнымъ положеніемъ общихъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, изнемогающихъ подъ бременемъ массы давящихъ ихъ дѣлъ, а вслѣдствіе сего не могущихъ давать своевременной защиты и охраны нарушенныхъ правъ.

Казалось бы, наличность такихъ основаній вполнѣ оправдываетъ необходимость предположенной коммисіею реорганизаціи мѣстнаго единоличнаго органа суда и связанныхъ съ нимъ апелляціонной и кассаціонной инстанцій.

Но, намъ говорятъ, что тамъ, гдѣ сталкиваются два принципа, совершенно между собою несовмѣстимыхъ, нужно остановиться на томъ изъ нихъ, который имѣетъ болѣе важное значеніе. Принципъ приближенія суда къ населенію сталкивается здѣсь съ принципомъ огражденія болѣе важныхъ интересовъ населенія, посредствомъ болѣе совершеннаго суда—суда коллегіальнаго. И само собою разумѣется, увѣряютъ насъ, что лишнихъ сто верстъ до суда менѣе чувствительно для заинтересованныхъ лицъ, чѣмъ лишеніе ихъ коллегіальной формы суда.

О столкновеніи принциповъ можно говорить только тогда, когда важность интересовъ населенія будемъ опредѣлять только денежною мѣрою. Конечно, это очень удобное мѣрило, позволяющее намъ, не ломая себѣ голову, провести строгую демаркаціонную линію между важными и неважными интересами населенія и установить, что не важны всѣ тѣ интересы, которые не превышаютъ 500 рублей. Но мы уже указывали, что единственнымъ основаніемъ для распредѣленія дѣлъ между единоличными и коллегіальными судами служитъ большая или меньшая неотложность въ ихъ разрѣшеніи. Всѣ тѣ дѣла, которыя касаются бѣднаго, трудящагося населенія, для котораго не по силамъ нести болѣе или менѣе значительные расходы, связанные съ веденіемъ процесса въ коллегіальномъ судѣ, и для котораго медленность въ разрѣшеніи дѣла нерѣдко равносильна отказу въ правосудіи, всѣ такія дѣла должны быть отнесены въ вѣдѣніе единоличнаго, скораго и недорогаго суда, доступнаго притомъ и для неграмотнаго. Взявши это мѣрило, законодатель, смотря по мѣстнымъ, бытовымъ условіямъ, и раздѣляетъ дѣла по подсудности. Этимъ только и объясняется безконечное разнообразіе въ распредѣленіи дѣлъ между единоличными и коллегіаль-

ными судами въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Вѣдь, если бы стоимость предмета спора служила основаніемъ для передачи дѣла единоличному органу судебной власти, то было бы непонятно, почему болѣе богатая Франція отнесла въ вѣдѣніе такого суда дѣла до 200 франковъ, а сравнительно бѣдная Италія до 1500 фр.; или болѣе богатая Германія сочла возможнымъ передать участковымъ судамъ дѣла по претензіямъ, стоимость коихъ не превышаетъ 300 марокъ, а менѣе богатая Австрія установила предѣлъ въ 500 гульденовъ.

Но если основаніемъ для распредѣленія дѣлъ между единоличными и коллегіальными судами служитъ большая или меньшая неотложность въ ихъ разрѣшеніи, то не можетъ быть и рѣчи о принесеніи въ жертву болѣе важныхъ принциповъ менѣе важнымъ, посредствомъ расширенія компетенціи участковыхъ судей, такъ какъ при разрѣшеніи вопроса о компетенціи никакіе принципы и не сталкивались... А затѣмъ, конечно, для людей со средствами, имѣющихъ порядочный ежегодный доходъ или содержаніе, лишнихъ сто верстъ разстоянія отъ суда не важно; но для тѣхъ, которые кормятъ себя и семью только своимъ личнымъ трудомъ, необходимость проѣзда этихъ лишнихъ ста верстъ можетъ быть связана съ вопросомъ о кускѣ хлѣба и быть равносильною отказу въ правосудіи.

Нельзя при этомъ упускать изъ вида, что подавляющее большинство лицъ, обращающихся къ гражданскому или уголовному суду, для защиты своихъ интересовъ, ограничивается только первою инстанціею суда. Такъ, изъ 144779 гражданскихъ дѣлъ, возникшихъ въ 1898 году въ окружныхъ судахъ внутреннихъ губерній, перешло въ судебныя палаты по апелляціоннымъ и частнымъ жалобамъ только 13451 дѣло, т. е. менѣе 10 процентовъ. Въ тѣхъ же окружныхъ судахъ изъ числа 30444 уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ въ томъ же 1898 году безъ участія присяжныхъ, дошло въ палаты по апелляціоннымъ жалобамъ только 3722, т. е. немного болѣе 10 процентовъ. Еще менѣе поступаетъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей. Такъ, изъ отчета по С.-Петербургскому столичному судебному мировому округу за 1899 годъ мы видимъ, что изъ 82482 разрѣшенныхъ въ этому году гражданскихъ дѣлъ жалобы поступили всего по 3942 дѣламъ, т. е. по $4^1/_2$ процентамъ; а изъ разрѣшенныхъ въ томъ же году 73955 уголовныхъ дѣлъ обжаловано только 3989, т. е. немного болѣе $5^0/_0$. Эти многознаменательные факты лучше всего свидѣтельству-

ютъ, что большинство обращающихся или привлекаемыхъ къ суду лицъ болѣе всего нуждается въ скоромъ судѣ и находитъ защиту и охрану своихъ интересовъ въ первой его инстанціи. Если же для большинства населенія наиболѣе существенна скорость процесса, то, очевидно, эту скорость и нужно предоставить большинству, путемъ устройства доступнаго, недорогаго и лишеннаго формализма суда, съ широкою, по возможности, компетенціею.

Возражая вообще противъ цѣлесообразности расширенія компетенціи единоличныхъ органовъ мѣстной юстиціи, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ говоритъ, однако, о допустимости такого расширенія въ области гражданской подсудности и выставляетъ это во 2-мъ положеніи своего доклада. Но какія же возраженія можно привести противъ расширенія компетенціи въ сферѣ уголовной подсудности? Утверждаютъ, что въ интересахъ гарантіи личности необходимо, чтобы обвиняемое лицо могло быть присуждаемо къ продолжительному тюремному заключенію, или къ денежному взысканію свыше 300 рублей не единоличнымъ, а коллегіальнымъ судомъ. Но почему же не считается нарушеніемъ гарантій личности предоставляемое нынѣ 33 ст. уст. угол. суд. мировому судьѣ право присуждать къ тюремному заключенію на срокъ до одного года и шести мѣсяцевъ и къ денежному взысканію, въ размѣрѣ 300 рублей? Вѣдь, если бы мировой судья вѣдалъ одни маловажные проступки, или то, что̀ называется полицейскими правонарушеніями, тогда могла еще возникнуть рѣчь о цѣлесообразности передачи ему для разрѣшенія такихъ позорящихъ доброе имя и честь дѣлъ, какъ кража, мошенничество, растрата и т. п. Но подобнаго рода преступленія и нынѣ ему подсудны, если только они не осложнены особо увеличивающими вину обстоятельствами, и до сихъ поръ никому не приходило въ голову видѣть въ этомъ что-либо экстраординарное. Если единоличный органъ суда, безъ нарушенія гарантій личности, можетъ присудить къ лишенію свободы на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ, то тѣмъ болѣе нельзя видѣть нарушенія личныхъ правъ въ предоставленіи тому же суду права присуждать къ денежному взысканію въ 1000 рублей, такъ какъ уполномоченному на лишеніе высшихъ благъ (заключеніе въ тюрьмѣ) естественно предоставить лишеніе низшихъ благъ (денежное взысканіе). Если, далѣе, судьи до сихъ поръ были въ правѣ присуждать къ тюремному заключенію на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ, то почему нераціонально предо-

ставить имъ назначать тюремное заключеніе до двухъ лѣтъ по преступленіямъ, болѣе или менѣе сходнымъ съ тѣми, которыя они нынѣ вѣдаютъ и которыя не влекутъ ни лишенія, ни ограниченія правъ, а по своему роду и характеру не требуютъ особыхъ, сложныхъ формъ процесса.

Не нужно забывать, что къ участковому судьѣ предъявляются требованія юридическаго образованія и предварительной судебной подготовки, отъ чего были освобождены судебными уставами мировые судьи, и что вторую инстанцію будетъ составлять не съѣздъ тѣхъ же судей, а отдѣленіе окружнаго суда, могущаго быть составленнымъ только изъ членовъ суда. При такомъ устройствѣ мѣстной юстиціи, расширеніе ея компетенціи по уголовнымъ дѣламъ едва ли можно считать нарушеніемъ гарантій правъ личности.

Нельзя признать правильнымъ и утвержденіе, что проектируемое измѣненіе существующихъ судебныхъ порядковъ лишаетъ населеніе по цѣлымъ категоріямъ дѣлъ тѣхъ гарантій, которыми оно пользовалось донынѣ.

Прежде всего такое утвержденіе расходится рѣзко съ дѣйствительностью, такъ какъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и теперь около милліона дѣлъ, подвѣдомственныхъ городскимъ судьямъ, въ порядкѣ апелляціи и кассаціи, подчинены не судебнымъ, а административнымъ учрежденіямъ—мировому съѣзду и губернскому присутствію. Предполагаемое изъятіе этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія административно-судебныхъ учрежденій и передача ихъ въ вѣдѣніе участковаго судьи (въ качествѣ первой инстанціи), окружнаго суда (въ качествѣ апелляціонной) и судебной палаты (какъ кассаціонной инстанціи) можно только по недоразумѣнію считать лишеніемъ населенія гарантій.

Точно также едва ли основательно считать населеніе лишеннымъ гарантій правильнаго отправленія правосудія, чрезъ передачу дѣлъ участковой подсудности въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ, въ качествѣ кассаціонной инстанціи. Кто пожелаетъ ознакомиться съ положеніемъ кассаціоннаго Сената по даннымъ, изложеннымъ въ нашемъ докладѣ 17 ноября 1900 года, и кто приметъ во вниманіе установленный закономъ 10 іюня 1877 года порядокъ разрѣшенія дѣлъ въ отдѣленіяхъ Гражданскаго и Уголовнаго Департаментовъ этого Сената, тотъ, мы полагаемъ, согласится съ нами, что такая передача дѣлъ въ судебныя палаты должна считаться предоставленіемъ населенію большихъ гарантій, чѣмъ оно

пользуется нынѣ. Если же будетъ обращено вниманіе, что мѣстный единоличный судъ, введенный въ общій строй судебныхъ учрежденій, будетъ подчиненъ высшему коллегіальному суду — суду окружному, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, и что въ качественномъ отношеніи первыя двѣ инстанціи (участковый судья и окружный судъ) поднимаются сравнительно на болѣе значительную высоту, чѣмъ они были поставлены по уставамъ 20 ноября 1864 года, то, казалось бы, не должно возникать и мысли объ ухудшеніи существующихъ судебныхъ порядковъ перенесеніемъ въ данномъ случаѣ кассаціонныхъ функцій Сената на палаты.

Нельзя видѣть ухудшенія судебнаго строя и въ предполагаемомъ уничтоженіи апелляціонной инстанціи по дѣламъ уголовнымъ, разрѣшаемымъ окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Слѣдуетъ строго различать задачу гражданскаго суда, при разрѣшеніи спорнаго правоотношенія, отъ задачи уголовнаго суда, при разрѣшеніи вопроса о винѣ или невинности привлеченнаго къ уголовной отвѣтственности лица. Въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній подъ защиту закона ставятся всѣ тѣ фактическія между людьми отношенія, которыя вызываются дѣйствительными жизненными потребностями и содѣйствуютъ такъ или иначе общественному или частному благу. Вслѣдствіе этого, законодатель, создавая нормы, регулирующія такія отношенія, съ одной стороны, создаетъ подвижныя рамки закона, въ которыя по аналогіи могли бы быть втиснуты вновь возникающія, вслѣдствіе измѣненія жизненныхъ условій, отношенія, а съ другой—устанавливаетъ общее положеніе, что и не предусмотрѣнныя въ законѣ фактическія отношенія, должны быть подведены подъ одну изъ нормъ этого закона, коль скоро эти отношенія не противны общественному порядку. Отсюда задача гражданскаго суда чрезвычайно усложняется подведеніемъ многообразныхъ, безпрерывно видоизмѣняющихся фактическихъ отношеній подъ нормы закона. Такимъ образомъ, и констатированіе спорнаго между сторонами отношенія (безъ упущенія всѣхъ мельчайшихъ деталей, для юридической квалификаціи этого отношенія), и установленіе его юридической природы представляютъ серьезныя трудности для гражданскаго суда. Совершенно въ иномъ видѣ представляется задача уголовнаго суда. Уголовная кара можетъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ, указанныхъ точно въ законѣ. Здѣсь законодатель держится совсѣмъ иныхъ принциповъ: разъ въ уголовномъ законѣ опредѣлены признаки даннаго преступнаго дѣянія, то только при

наличности этихъ именно, а не другихъ, сходныхъ съ ними признаковъ, можно совершенное дѣяніе считать преступнымъ и подлежащимъ уголовной карѣ. Никакая аналогія въ данномъ случаѣ недопустима, и самыя рамки закона настолько неподвижны, что въ нихъ немыслимо вставлять новыя нарождающіяся, вредныя для общественныхъ интересовъ, отношенія, пока законодатель не отнесетъ ихъ въ разрядъ преступленій. Въ виду этого, уголовному суду не предстоитъ особаго труда въ дѣлѣ примѣненія закона или обсужденія юридической природы приписываемаго подсудимому дѣянія; необходимо лишь установить фактическую сторону дѣла, для разрѣшенія того, насколько доказано взведенное на подсудимаго обвиненіе.

Такимъ образомъ, уже по указаннымъ нами причинамъ представляется понятнымъ, почему для правильнаго разрѣшенія уголовнаго дѣла достаточно одной судебной инстанціи, тогда какъ для разрѣшенія гражданскаго дѣла необходимы двѣ инстанціи, разсматривающія дѣло по существу. Но если мы обратимся къ процессуальной обстановкѣ суда, при разрѣшеніи гражданскаго и уголовнаго дѣла, и къ тѣмъ бытовымъ условіямъ, при которыхъ происходитъ самый процессъ, то не останется сомнѣнія въ излишествѣ апелляціонной инстанціи по уголовнымъ дѣламъ, разрѣшаемымъ коллегіальнымъ окружнымъ судомъ.

Только въ уголовномъ процессѣ, при нормальныхъ условіяхъ его производства и движенія, обязательна наличность главныхъ сторонъ въ немъ участвующихъ, т. е. подсудимаго и потерпѣвшаго, которые не могутъ замѣнить себя своими представителями. Изъ ихъ допроса на судѣ, ихъ поведенія, впечатлѣнія, которое получается судомъ отъ искренности или изворотливости ихъ разсказа и даваемыхъ ими на судѣ объясненій, получается нѣчто цѣльное, не всегда уловимое на бумагѣ, но весьма существенное при оцѣнкѣ доказательствъ, предъявляемыхъ въ подтвержденіе вины или невиновности подсудимаго. Затѣмъ только въ уголовномъ процессѣ свидѣтельскія показанія, если не исключительно, то главнымъ образомъ являются доказательствами совершившагося событія. При отсутствіи теоріи формальныхъ доказательствъ, важно для уголовнаго суда не только то, что̀ свидѣтель показалъ и что̀ можетъ быть записано въ протоколъ, но и то, какъ онъ показалъ, т. е. насколько все его поведеніе, искренность его тона и отношеніе его къ заинтересованнымъ лицамъ внушаютъ къ себѣ довѣріе со стороны суда. Отсюда очевидно, что непосредственность

воспріятія судомъ всего представленнаго заинтересованными лицами въ подтвержденіе или опроверженіе приписываемаго подсудимому уголовно-наказуемаго дѣянія составляетъ такое условіе, безъ котораго немыслимо правильное разрѣшеніе дѣла. Между тѣмъ судебныя палаты по подавляющему большинству уголовныхъ дѣлъ, переходящихъ, въ порядкѣ апелляціи, изъ окружныхъ судовъ, не имѣютъ предъ собою ни заинтересованныхъ въ процессѣ лицъ, ни свидѣтелей; при чемъ вся провѣрка правильности рѣшенія суда ограничивается сличеніемъ его съ имѣющимся при дѣлѣ протоколомъ засѣданія суда, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достаточно для правильности сужденія. При отдаленности разстояній палаты отъ окружныхъ судовъ, при невозможности обязать свидѣтелей къ личной явкѣ въ палату за сотни, а иногда и тысячи верстъ, при нераціональности, наконецъ, провѣрки непосредственно воспринятаго, на основаніи бумажнаго производства, едва ли можно спорить противъ желательности отмѣны апелляціи по уголовнымъ дѣламъ на приговоры окружныхъ судовъ. При такомъ же разрѣшеніи вопроса не можетъ быть и рѣчи о стѣсненіи правъ личности, посредствомъ предполагаемой передачи значительнаго числа уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія окружнаго суда участковому судьѣ, такъ какъ по всѣмъ этимъ дѣламъ апелляціонною инстанціею будетъ окружный судъ, отдѣленіе котораго, выѣхавъ на мѣсто въ уѣздъ и не ограничиваясь актами письменнаго производства, можетъ передопросить какъ заинтересованныхъ лицъ, такъ и допрошенныхъ уже судьею свидѣтелей, а затѣмъ постановить приговоръ, на основаніи всего непосредственно воспринятаго.

Наконецъ, расширеніе значенія дознанія по уголовнымъ дѣламъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ реорганизаціи судебнаго строя, т. е. вопросамъ судоустройственнымъ, а касается лишь уголовнаго судопроизводства и можетъ получить надлежащую оцѣнку въ связи со всѣми проектированными правилами, относительно движенія уголовнаго дѣла въ первой стадіи его процесса.

Намъ осталось еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу доклада проф. М. И. Свѣшникова.

Докладчикъ, ставя коммисіи въ упрекъ отступленіе отъ традицій прошлаго, при реорганизаціи нашего судебнаго строя, высказалъ въ началѣ своего доклада, что законодательство XVIII и XIX столѣтій стремилось также къ объединенію суда и его приближенію къ населенію, при чемъ въ основу судебнаго устройства

клало выборное начало. Однако, если мы обратимся къ законодательнымъ памятникамъ XVIII и XIX столѣтій, то увидимъ, что подобное утвержденіе не согласно съ дѣйствительностью. Реформы Петра Великаго 1718—1720 годовъ имѣли въ виду отдѣлить судъ отъ администраціи, и сначала были созданы единоличные суды—ландъ-рихтеры, но потомъ они превращены въ провинціальные земскіе суды, а въ губерніяхъ предполагалось устроить по одному надворному суду. Однако, съ реакціею 1722 года, судъ вновь соединенъ съ администраціею: въ надворныхъ судахъ предсѣдательствовалъ губернаторъ, а въ провинціальныхъ—судъ творилъ воевода съ двумя ассесорами. Затѣмъ, въ извѣстномъ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года Императрица Екатерина II установила цѣлый рядъ судебныхъ мѣстъ, взаимно между собою не связанныхъ, таковы: палаты гражданскаго и уголовнаго суда, уѣздные суды, верхній и нижній земскій судъ особо для дворянъ, верхняя и нижняя расправа для крестьянъ, верхній и нижній надворные суды и, наконецъ, магистраты для городскихъ жителей. Такимъ образомъ, получилась такая картина судоустройства: первыми инстанціями суда, независимыми другъ отъ друга, были уѣздный судъ, нижній земскій судъ, городовой магистратъ, нижній надворный судъ и нижняя расправа. Вторую инстанцію суда составляли: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхній надворный судъ и верхняя расправа. Третьею инстанціею суда были: губернское правленіе и палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Наконецъ, четвертою инстанціею являлся Правительствующій Сенатъ. Если къ этому добавить еще особые совѣстные суды, стоящіе особнякомъ, то мы получимъ должное представленіе какъ о характерѣ объединенія нашего судебнаго строя при Екатеринѣ II, такъ и о значеніи въ то время существовавшаго выборнаго начала судей. Очевидно, такіе судебные порядки, остававшіеся безъ серьезнаго измѣненія до 20 ноября 1864 года, не могли служить основою для Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, какъ не могли быть приняты во вниманіе и Коммисіею по преобразованію судебной части. Поэтому упрекъ коммисіи въ отступленіи отъ традицій прошлаго является нѣсколько запоздалымъ, такъ какъ отъ этихъ традицій отступились, притомъ не безъ основанія, еще Судебные Уставы.

Докладчикъ далѣе развивалъ ту мысль, что никакой розни въ принципѣ устройства общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій составители судебныхъ уставовъ не допустили и въ области

организаціи мѣстной юстиціи они слѣдовали традиціямъ прошлаго. Краткая историческая справка, приведенная нами, указываетъ наглядно, насколько противоположны принципы устройства мировыхъ судебныхъ учрежденій и разныхъ нижнихъ судовъ первой инстанціи, установленныхъ Екатериною II. Затѣмъ основное требованіе для правильной постановки всякаго суда, предъявляемое какъ наукою, такъ и практикою всѣхъ культурныхъ европейскихъ законодательствъ, заключается въ томъ, чтобы судьи и высшихъ, и низшихъ судовъ назначались тою же правительственною властью и, въ порядкѣ инстанціи, подчинялись самостоятельному, высшему суду, а не съѣзду тѣхъ же судей. Не только въ Германіи, Австріи, Италіи, Франціи, Португаліи, но даже въ Англіи, отличающейся оригинальностью всего своего строя, единоличные, мѣстные судьи являются не выборными, а назначаемыми правительственною властью, и подчинены особому высшему суду, а не съѣзду своихъ коллегъ. Такимъ образомъ, рознь въ судоустройствѣ мировыхъ и общихъ установленій по уставамъ 20 ноября 1864 года бросается въ глаза. Точно также безъ достаточнаго основанія предъявлены разныя требованія для занятія должности мироваго судьи, съ одной стороны, и члена общихъ судебныхъ мѣстъ, съ другой. Если для всякаго простаго ремесла, для всякой технической дѣятельности, необходима извѣстная подготовка, то тѣмъ болѣе такая подготовка, въ видѣ спеціальнаго, юридическаго образованія и извѣстной судебной практики, необходима для всякаго судьи; а между тѣмъ по судебнымъ уставамъ для мироваго судьи признается достаточнымъ среднее образованіе и извѣстный имущественный цензъ.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ докладчика, что основаніемъ для распредѣленія дѣлъ между общими и единоличными судами служитъ нарушеніе общихъ или частныхъ интересовъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, затрогивается частный интересъ, а между тѣмъ и эти дѣла подѣлены между тѣми и другими судами. Точно также всѣ почти преступленія, за исключеніемъ возбуждаемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, затрогиваютъ общественный интересъ, а между тѣмъ многія изъ нихъ и нынѣ отнесены въ вѣдомство единоличнаго суда.

Наконецъ, нельзя признать обоснованнымъ утвержденіе проф. М. И. Свѣшникова, что коммисія, при реорганизаціи судебнаго строя, сама безжалостно разрушаетъ всѣ основныя начала, которыя она кладетъ въ фундаментъ своихъ работъ.

Воздвигаемое коммисіею прочное и стройное зданіе можетъ свободно и съ большимъ удобствомъ вмѣстить въ себѣ не только тѣхъ, которые имѣютъ нынѣ доступъ въ судебныя учрежденія общаго порядка, но и всѣхъ тѣхъ, которые, въ силу закона 12 іюля 1889 года, обязаны обращаться въ судъ земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ. Стройность и прочность этого зданія и заключается именно въ томъ, что никакихъ поправокъ, никакихъ видоизмѣненій въ его устройствѣ не потребуется и въ томъ случаѣ, когда особые суды земскихъ начальниковъ, отживши свой, быть можетъ, не долгій вѣкъ, будутъ упразднены.

Затѣмъ коммисія вводитъ, въ предѣлахъ возможности, единство судебнаго строя въ судахъ общаго порядка, а потому оставленіе безъ измѣненія суда земскихъ начальниковъ, какъ суда особаго, суживая лишь область объединенія, не могло вредно отразиться и не отразилось на самомъ дѣлѣ на ходѣ ея законодательныхъ работъ.

Что коммисія создала типъ судьи, сравнительно близкаго къ населенію, не затронувъ закона 12 іюля 1889 года, это мы наглядно доказали статистическими данными, относительно внутреннихъ губерній Россіи, гдѣ дѣйствуетъ Положеніе о земскихъ начальникахъ.

Что единство общаго надзора со стороны кассаціоннаго Сената за всѣми судебными учрежденіями сохранено и по проекту коммисіи — это также не подлежитъ сомнѣнію, если только не смѣшивать верховный надзоръ въ интересахъ закона съ кругомъ вѣдомства кассаціоннаго Сената, по разсмотрѣнію кассаціонныхъ жалобъ, для огражденія собственно интересовъ жалобщиковъ.

К. Змирловъ.

ДѢЛО А. ТАЛЬМЫ ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ 28 ФЕВРАЛЯ 1901 Г.

1901 года, февраля 16 дня въ судебномъ засѣданіи 4 Отдѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената слушалось прошеніе повѣренныхъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Александра Тальмы, присяжныхъ повѣренныхъ Карабчевскаго и Добровольскаго, слѣдующаго содержанія:

Приговоромъ Пензенскаго окружнаго суда отъ 24 сентября 1895 года Александръ Леопольдовичъ Тальма признанъ виновнымъ въ убійствѣ вдовы генералъ-лейтенанта Болдыревой и крестьянки Савиновой и приговоренъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, каковой приговоръ вступилъ въ законную силу.

Пять лѣтъ спустя, приговоромъ того же Пензенскаго окружнаго суда отъ 26 апрѣля 1900 года, вошедшимъ также въ законную силу, мѣщане Иванъ, Александръ и Христина Карповы признаны виновными въ укрывательствѣ убійства тѣхъ же лицъ.

Приговоръ по дѣлу Тальмы, все время отрицавшаго свою вину, основанъ былъ на косвенныхъ и весьма спорныхъ уликахъ. Карповы же, изъ которыхъ Александръ сознался въ самомъ убійствѣ, обвинены въ укрывательствѣ убійства на основаніи данныхъ безусловныхъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ то: найденное у нихъ поличное и сознаніе Ивана и Христины Карповыхъ въ томъ, что вещи получены ими непосредственно послѣ убійства и отъ убійцы—сына, Александра Карпова. Одно формальное сопоставленіе резолютивныхъ частей обоихъ приговоровъ не можетъ, конечно, служить само по себѣ основа-

ніемъ для возобновленія дѣла Тальмы. Признаніе одного лица виновнымъ въ убійствѣ, а затѣмъ другихъ лицъ въ укрывательствѣ того же преступленія не исключаетъ возможности совмѣстной ихъ виновности. Но такое разсужденіе относительно виновности Тальмы и Карповыхъ остается академически вѣрнымъ лишь до изслѣдованія существа обоихъ обвиненій и ихъ взаимно-возможнаго фактическаго соотношенія. Для того, чтобы согласовать оба приговора, т. е. для признанія ихъ не исключающими другъ друга, пришлось бы допустить непремѣнное предположеніе о соучастіи Карповыхъ съ Тальмою, т. е. допустить, что Карповы явились укрывателями убійства, совершеннаго именно Тальмою. Такое предположеніе, не говоря уже о совершенной его произвольности, явно опровергается обстоятельствами дѣла. Карповы были изобличены въ укрывательствѣ убійства, вслѣдствіе нахожденія у нихъ вещей,—похищенныхъ во время убійства. Эти вещи, въ томъ числѣ и футляры отъ драгоцѣнностей, несомнѣнно оказались у нихъ на рукахъ на слѣдующій же день послѣ убійства. Такимъ образомъ прикосновенность ихъ къ самому убійству имѣла мѣсто съ момента его совершенія. Отсюда само собою ясно, что Карповымъ съ самаго начала былъ вѣдомъ дѣйствительный убійца, а стало быть и тогда, когда разсматривалось дѣло Тальмы и когда они давали по этому дѣлу свои свидѣтельскія показанія. Очевидно, что если бы Тальма былъ дѣйствительнымъ убійцей Болдыревой,—ему точно также были бы извѣстны Карповы, какъ его соучастники-укрыватели. При такомъ положеніи вещей Карповы, опасаясь, что ихъ во всякое время можетъ выдать и изобличить самъ Тальма и его виновность, явились бы искренними укрывателями не только похищенныхъ и попавшихъ въ ихъ руки вещей, но и самого убійцы—Тальмы, какъ своего сообщника. Между тѣмъ, положеніе, которое заняли въ первомъ процессѣ Карповы въ качествѣ свидѣтелей, явно говоритъ за то, что они всѣми силами старались навести подозрѣніе именно на Тальму и всѣми же зависѣвшими отъ нихъ средствами способствовали его обвиненію. Такъ, они установили враждебныя отношенія Тальмы къ покойной, утверждали, что тотчасъ по выходѣ изъ своего дома, не видя еще жертвъ, у Тальмы вырвался крикъ—„Боже мой, ихъ зарѣзали!“ и т. п. Обвинитель по этому дѣлу, г. Громницкій, какъ видно изъ стенографическаго отчета, придавалъ большое значеніе этимъ показаніямъ Карповыхъ. Разъ Карповы давали по дѣлу Тальмы обличительныя для него показанія, то они не были его

соучастниками, и нынѣ несомнѣнна неприкосновенность и невиновность Тальмы.

Если бы при первомъ разбирательствѣ было на лицо то, что̀ имѣлось при второмъ процессѣ, а именно несомнѣнность обладанія похищенными вещами и процентными бумагами семьею Карповыхъ въ самую ночь убійства и полученіе таковыхъ отъ Александра Карпова, сознаніе послѣдняго въ убійствѣ, обвиненіе Тальмы не могло бы имѣть мѣста. Хотя Александръ Карповъ и былъ оправданъ въ убійствѣ, тѣмъ не менѣе его сознаніе является также новымъ обстоятельствомъ, которое не можетъ быть анулировано оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ засѣдателей, а, въ особенности, если принять во вниманіе постановку обвиненія на судѣ. По опредѣленію Саратовской судебной палаты, замѣнившему собою обвинительный актъ, къ одному только Александру Карпову было предъявлено обвиненіе въ убійствѣ. Въ этомъ же направленіи велось и все судебное слѣдствіе. Въ заключительныхъ же преніяхъ прокуроръ высказалъ свое убѣжденіе въ виновности въ убійствѣ не только Александра Карпова, но и отца его—Ивана Карпова. Выйти изъ этого противорѣчія, въ которое впала обвинительная власть, присяжные засѣдатели, не насилуя своей совѣсти, могли однимъ только способомъ: уравнять вину отца и сына, признавъ ихъ укрывателями.

При такомъ положеніи вещей, съ несомнѣнною ясностью выступающемъ при внимательномъ изученіи параллельно обоихъ судебныхъ производствъ, становится очевиднымъ, что судебное производство о виновности Карповыхъ открываетъ рядъ совершенно новыхъ обстоятельствъ и данныхъ, не бывшихъ вовсе въ разсмотрѣніи суда при обвиненіи Тальмы.

Вышеуказанныя обстоятельства даютъ законный поводъ для возобновленія дѣла объ Александрѣ Тальмѣ на точномъ основаніи 2 п. 935 ст. уст. угол. суд.

Но, независимо отъ этого, при сопоставленіи обоихъ производствъ наглядно выясняется еще и лживость показаній Карповыхъ, какъ свидѣтелей, изобличавшихъ Тальму, каковое обстоятельство по силѣ 3 п. 935 ст. уст. угол. суд. и само по себѣ служитъ законнымъ поводомъ для возобновленія о немъ дѣла.

Чтобы не быть голословными, приведемъ здѣсь выписки изъ показаній Карповыхъ, данныхъ ими по дѣлу Тальмы, и затѣмъ ихъ же объясненія по второму дѣлу. Въ дѣлѣ Тальмы по поводу происхожденія футляровъ отъ драгоцѣнностей, похищенныхъ при

убійствѣ Болдыревой и найденныхъ у Карповыхъ во время обыска, Иванъ Карповъ и дочь его Евдокія показывали, что будто бы эти вещи получены ими отъ служанки Болдыревой Савиновой и отъ нѣкіихъ, бывшихъ квартирантовъ въ квартирѣ Болдыревой, Кирѣевыхъ. При производствѣ же втораго дѣла Иванъ Карповъ сознался въ полученіи всѣхъ вещей, похищенныхъ при убійствѣ отъ своего сына Александра, а Евдокія Карпова—въ томъ, что въ первомъ дѣлѣ показывала о происхожденіи вещей ложно по подговору своего отца. Хотя на основаніи 722 ст. уст. угол. суд. свидѣтель имѣетъ право не отвѣчать на вопросы, клонящіеся къ изобличенію его въ преступномъ или позорномъ дѣяніи, тѣмъ не менѣе говорить завѣдомую ложь, хотя бы для собственнаго спасенія и сокрытія личной виновности, свидѣтель не можетъ подъ страхомъ отвѣтственности за лжесвидѣтельство.

Отсутствіе приговора, признающаго Ивана и Евдокію Карповыхъ виновными въ лжесвидѣтельствѣ, нисколько не умаляетъ силы и значенія этого факта для возобновленія дѣла Тальмы на основаніи 3 п. 935 ст. въ виду того, что ихъ лжесвидѣтельство получило уже формальное судебное признаніе въ обвиненіи Ивана Карпова въ укрывательствѣ тѣхъ именно вещей, о происхожденіи которыхъ онъ лжесвидѣтельствовалъ ранѣе.

На основаніи изложеннаго и въ силу 2 и 3 п.п. 935 ст. уст. угол. суд. имѣемъ честь просить Правительствующій Сенатъ дѣло Александра Тальмы производствомъ возобновить.

Руководствуясь 936 ст. уст. угол. суд., ходатайствуемъ о пріобщеніи къ нашему прошенію всего слѣдственнаго и судебнаго производствъ по дѣламъ Тальмы и Карповыхъ.

По докладѣ прошенія сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ слово было предоставлено присяжному повѣренному Добровольскому.

„Задержаніе Карповыхъ съ поличнымъ",—началъ онъ,—„сознаніе А. Карпова въ убійствѣ, признаніе съ ихъ стороны полной неприкосновенности къ убійству Тальмы, наконецъ весь слѣдственный матеріалъ, закрѣпленный фактомъ преданія суду А. Карпова въ убійствѣ, всѣ эти факты являются тѣмъ несомнѣннымъ достовѣрнымъ матеріаломъ, который долженъ открыть путь къ пересмотру дѣла Тальмы. Но если бы мы анализировали всѣ эти многочисленные факты и ограничили все поле изслѣдованія однимъ лишь тѣмъ обстоятельствомъ, которое закрѣплено судебнымъ приговоромъ и той фактической стороной дѣла, на которой покоится приговоръ, то, оставаясь на этихъ

строго опредѣленныхъ рамкахъ изслѣдованія, мы и здѣсь получаемъ не только новые факты, долженствующіе привести къ возобновленію дѣла Тальмы, но уже и здѣсь передъ нами предлежатъ доказательства его невиновности.

Основной тезисъ: если Карповы укрыватели, то Тальма невиновенъ, т. е. приговоръ объ укрывательствѣ Карповыхъ исключаетъ виновность Тальмы въ убійствѣ. Хотя эту исключаемость приговоровъ можно разсматривать, какъ новое обстоятельство, тѣмъ не менѣе я полагаю гораздо правильнѣе подводить это основаніе возобновленія дѣла подъ 1 п. 935 ст. уст. угол. суд. Трудно себѣ представить, а нѣкоторые изслѣдователи даже и отвергаютъ безусловную исключаемость приговоровъ безъ анализа фактической подкладки, на которой они основаны. Предположимъ, первоначально признанъ виновнымъ въ убійствѣ А., а затѣмъ подобный же приговоръ состоялся относительно Б. Сами по себѣ приговоры другъ друга не исключаютъ, всегда возможно предположеніе о соучастіи, всегда останется открытымъ вопросъ, почему второй приговоръ долженъ подкосить силу и значеніе перваго, а не первый второго. Поэтому дѣйствительная исключаемость приговора можетъ быть установлена только при анализѣ сопутствующаго ему матеріала. Производя подобную оцѣнку обстоятельствъ дѣла, лежащихъ въ основаніи приговора о виновности Карповыхъ въ укрывательствѣ, мы приходимъ къ безусловному выводу, что, хотя бы Карповы и не были убійцами, а только укрывателями, тѣмъ не менѣе въ этомъ случаѣ Тальма не виновенъ и не прикосновененъ къ убійству.

Карповы укрыватели, Тальма главный виновникъ—внѣшней исключаемости нѣтъ, но фактическій матеріалъ, на которомъ зиждется приговоръ, устанавливающій прикосновенность къ убійству Болдыревой Карповыхъ, исключаетъ таковую по отношенію къ Тальмѣ. Не сегодня, не вчера и не только съ момента изобличенія Карповыхъ въ сбытѣ билетовъ, не только, слѣдовательно, въ 1899, 1898 и 1897 годахъ Карповы оказались прикосновенными къ преступленію. Нѣтъ, восходя шагъ за шагомъ ко дню убійства, мы обнаруживаемъ, что на слѣдующій же день у Карповыхъ были найдены футляры отъ драгоцѣнностей, похищенныхъ у Болдыревой въ моментъ совершенія убійства. Этотъ фактъ стоитъ внѣ сомнѣнія и установленъ нынѣ всѣмъ судебнымъ матеріаломъ по дѣлу Тальмы и по дѣлу Карповыхъ. Такимъ образомъ Карповы являются прикосновенными къ убійству, являются

укрывателями преступника и преступленія съ момента его совершенія. Тальма признанъ виновнымъ въ убійствѣ, слѣдовательно приговоръ о виновности Карповыхъ въ укрывательствѣ не исключаетъ виновности Тальмы только въ томъ случаѣ, если они соучастники. Но это предположеніе немыслимо и опровергается цѣлымъ рядомъ фактовъ. Карповы во время производства дѣла Тальмы, какъ это усматривается изъ цѣлаго ряда ихъ показаній, являлись обличителями Тальмы, а Тальма, въ свою очередь, когда у Карповыхъ были обнаружены футляры, похищенные у Болдыревой, стремился установить ихъ преступное происхожденіе и виновность Карповыхъ. Но это было признано обвиненіемъ попыткой Тальмы направить правосудіе на ложный путь. Такимъ образомъ соучастіе немыслимо и категорически опровергается, остается безусловно установленнымъ фактомъ прикосновенность Карповыхъ къ убійству съ момента его совершенія и полная неприкосновенность Тальмы.

Въ изложенныхъ мною соображеніяхъ объ исключаемости приговоровъ я исходилъ изъ того положенія, что Карповы лишь укрыватели, какъ это установлено судебнымъ приговоромъ, но въ дѣлѣ мы имѣемъ сознаніе А. Карпова въ убійствѣ. Это сознаніе было закрѣплено рядомъ объективныхъ фактовъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія. Тѣмъ не менѣе А. Карповъ признанъ невиновнымъ въ убійствѣ, но это оправданіе нисколько не уничтожаетъ значенія сознанія, въ особенности, если принять во вниманіе тѣ конкретныя обстоятельства, при которыхъ разсматривалось дѣло. Надъ присяжными засѣдателями все время тяготѣло сознаніе возможной судебной ошибки. Отрекаясь и не имѣя права руководствоваться соображеніями о значеніи исхода дѣла Карповыхъ для дѣла Тальмы, они естественно должны были и могли признать только тотъ фактъ, который являлся безусловно установленнымъ не только въ убѣжденіи судьи, а путемъ реальныхъ и матеріальныхъ доказательствъ. Установить съ математическою точностью фактъ убійства чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда всѣ улики сметены въ діаметрально противоположномъ направленіи судебною властью и временемъ, является невозможнымъ. Отъ тлетворнаго вліянія времени могли лишь уцѣлѣть матеріальные слѣды преступленія, которые и могли слѣдовательно лишь безусловно установить фактъ прикосновенности къ убійству. Наконецъ, на судѣ обвинительною властью была допущена такая метаморфоза, которая неизбѣжно должна была привести къ оправданію А. Карпова въ убійствѣ.

Все судебное слѣдствіе было направлено къ тому, чтобы установить единственную виновность въ убійствѣ А. Карпова, между тѣмъ представитель обвиненія, подчиняясь съ одной стороны опредѣленію судебной палаты, устранившей обвиненіе Ивана Карпова въ убійствѣ, тѣмъ не менѣе поддерживалъ, если можно такъ выразиться, платонически обвиненіе въ убійствѣ и въ отношеніи Ивана Карпова. Такимъ образомъ взглядомъ обвинителя подрывается весь слѣдственный матеріалъ.

Послѣднее основаніе, по которому нами возбуждено ходатайство о возобновленіи дѣла, заключается въ обоснованіи приговора по дѣлу Тальмы на лжесвидѣтельскомъ показаніи Евдокіи Карповой. Будучи допрошена по дѣлу Тальмы, въ качествѣ свидѣтельницы, малолѣтняя дочь Карпова, Евдокія, на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи ложно удостовѣрила происхожденіе футляровъ, говоря, что они получены ею отъ нѣкіихъ Кирѣевыхъ и горничной Савиновой въ то время, какъ въ дѣйствительности они, какъ нынѣ установлено, были похищены съ драгоцѣнностями во время убійства. Несомнѣнно, что если бы во время дознанія, предварительнаго и судебнаго слѣдствія по дѣлу Тальмы Евдокія Карпова объяснила истинное происхожденіе футляровъ, то обвиненіе Тальмы не могло состояться. Слѣдовательно, неизбѣжно прійти къ заключенію, что не только приговоръ по дѣлу Тальмы основанъ на ложномъ показаніи Е. Карповой, но и самое обвиненіе его могло состояться вслѣдствіе ея лжесвидѣтельства. Итакъ фактъ лжесвидѣтельства несомнѣненъ. Но разъ однимъ изъ основаній къ возобновленію дѣла является преступленіе, то оно должно быть установлено судебнымъ приговоромъ. Хотя лжесвидѣтельство Карповой было не только преступнымъ, но имѣло своимъ послѣдствіемъ осужденіе невиннаго и слѣдовательно заключало въ себѣ одинъ изъ признаковъ преступленія, предусм. 237 ст. улож. наказ., тѣмъ не менѣе, будучи малолѣтней, Е. Карпова давала свое показаніе безъ присяги, а потому ея преступленіе должно быть подведено подъ 243 ст. улож. наказ., каковое однако преступленіе ко дню его обнаруженія покрылось уголовной давностью, а потому установленіе самаго факта лжесвидѣтельства судебнымъ приговоромъ не можетъ имѣть мѣста, но подобная формальная юридическая невозможность не должна парализовать значенія самаго факта лжесвидѣтельства для возобновленія дѣла по этому основанію. Хотя въ настоящемъ уст. угол. суд. подобный случай и не предусмотрѣнъ, тѣмъ не менѣе жизнь и практика его несомнѣнно вы-

двинули, и въ новомъ проектѣ уст. угол. суд. ст. 1021 буквально предусматриваетъ подобный случай, когда именно преступленіе является фактомъ возобновленія дѣла и когда оно по формальнымъ основаніямъ не можетъ быть зарегистрировано судебнымъ приговоромъ. Тѣмъ не менѣе, говоритъ законъ, возобновленіе дѣла должно имѣть мѣсто, когда препятствіе къ судебному разсмотрѣнію заключалось не въ недостаточности уликъ".

Прис. пов. Карабчевскій. — „Состоявшійся однажды приговоръ, вошедшій въ законную силу, почитается истиною безспорною и непререкаемою. Пусть это только юридическая фикція, несостоятельная съ точки зрѣнія философскаго раціонализма, тѣмъ не менѣе она грозна и ужасна по своимъ послѣдствіямъ, и юристу не сдвинуть ее иначе, какъ особыми усиліями, особыми рычагами. Рычаги эти—ст. 935 уст. угол. суд.: „открытіе доказательствъ невинности осужденнаго". Въ этихъ двухъ словахъ: „доказательства" и „открытіе" содержится весь тайный смыслъ велѣнія закона, и на тщательномъ анализѣ этихъ двухъ понятій приходится остановиться. „Открытіе" предполагаетъ обнаруженіе чего-то новаго, не бывшаго совершенно въ виду при первоначальномъ разслѣдованіи и разбирательствѣ дѣла. „Открыть" можно только то, что̀ уже существуетъ реально, что̀ существовало можетъ быть съ самаго начала, давно, но что̀ было сокрыто, оставалось подъ спудомъ, въ неизвѣстности. Это нѣчто не должно быть только новымъ предположеніемъ, новою догадкою, новою комбинаціею воображенія,— нѣтъ, это новое должно быть реально осязаемо, и законъ это и называетъ „доказательствомъ".

Внутреннюю цѣнность такого доказательства практика Сената (рѣш. 70 г. №№ 161 и 260, 71 г. № 876 и 72 г. № 896) опредѣляетъ такимъ образомъ: „Необходимо, чтобы указываемыя обстоятельства служили дѣйствительнымъ доказательствомъ ошибочности приговора, т. е. или совершенно исключали предположеніе о виновности осужденнаго, или по крайней мѣрѣ заключали въ себѣ такія данныя, на основаніи которыхъ слѣдуетъ съ вѣроятностью предполагать, что при новомъ разсмотрѣніи дѣла обвиняемый будетъ оправданъ".

Но если законъ отъ „вновь открытаго обстоятельства" требуетъ, такимъ образомъ, извѣстной внутренней цѣнности, извѣстнаго удѣльнаго вѣса, то, съ другой стороны, никакихъ ограниченій относительно внѣшняго вида и формы самаго обстоятельства, какъ доказательства, онъ не устанавливаетъ. Оно и понятно. Теорія формальныхъ доказательствъ и предопредѣленныхъ уликъ сдана

въ архивъ. Самъ Тальма осужденъ не на основаніи такихъ уликъ: никто „очевиднымъ свидѣтелемъ“ его злодѣянія не былъ. Не ждите поэтому и отъ насъ никакихъ „очевидныхъ“ свидѣтелей или формальныхъ доказательствъ. Вся сумма, иногда даже съ виду самыхъ ничтожныхъ, обстоятельствъ, входящихъ въ „совокупность обстоятельствъ дѣла“, коими опредѣляется то или иное направленіе внутренняго убѣжденія судьи, доступна для вновь открывшихся обстоятельствъ и доказательствъ. Если ихъ много, если они всею своею массою вытѣсняютъ всю прежнюю „совокупность“,—тѣмъ лучше; какъ бы каждое изъ нихъ само по себѣ незначительно ни было, они произведутъ настоящій переворотъ въ убѣжденіи судьи, ибо ошибочность прежняго приговора станетъ очевидной. Еще одно послѣднее замѣчаніе общаго характера. Опредѣленной формы предварительнаго констатированія такого „вновь открывшагося доказательства“ законъ нашъ не знаетъ. Изъ сопоставленія 934 и 936 ст. уст. угол. суд. можно заключить, что Сенатъ можетъ удовольствоваться простымъ сообщеніемъ должностнаго лица, актомъ дознанія и т. п.

Зная теперь требованія закона вообще, мы можемъ обратиться къ дѣлу Тальмы. Но ранѣе, чѣмъ перейти къ анализу и оцѣнкѣ богатѣйшаго матеріала „вновь открывшихся доказательствъ“ по этому дѣлу, я считаю необходимымъ коснуться наличности двухъ приговоровъ по одному и тому же дѣлу „объ убійствѣ генеральши Болдыревой и ея горничной Савиновой“. Первымъ приговоромъ (25 сентября 1895 г.) признанъ убійцею Александръ Тальма, вторымъ приговоромъ—не признанъ убійцею Александръ Карповъ, а лишь наравнѣ со своими родителями—укрывателемъ. Для юристовъ съ формальнымъ, чтобы не сказать казуистическимъ, складомъ ума этого достаточно, чтобы предрекать полный неуспѣхъ нашему ходатайству о возобновленіи дѣла. Но это доказываетъ только, что даже при чтеніи 935 ст. уст. угол. суд. они не пожелали пойти далѣе ея перваго пункта. Будь налицо два приговора, въ самой резолютивной своей части исключающіе другъ друга, само собою дѣло о Тальмѣ давнымъ-давно было бы пересмотрѣно, и онъ не нуждался бы теперь въ нашихъ услугахъ. Но нигдѣ въ законѣ не сказано обратнаго: чтобы при отсутствіи двухъ такихъ приговоровъ пересмотръ дѣла былъ уже невозможенъ. Наоборотъ, въ той же 935 ст. улож. наказ. слѣдуютъ и 2-й, и 3-й, и 4-й пункты, которые предусматриваютъ случаи возобновленія дѣлъ, независимо отъ того, какіе бы ни состоялись

по нимъ приговоры. Было бы нелогично думать, что послѣдовавшій приговоръ о Карповыхъ, какъ укрывателяхъ, могъ закрыть для Тальмы, какъ предполагаемаго убійцы, доступъ къ возобновленію дѣла, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ теченіе всего процесса Карповыхъ было строго воспрещено касаться вопроса о виновности или невиновности Тальмы, и изъ сужденія присяжныхъ было вовсе изъято какъ обвиненіе, такъ и оправданіе его. Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что присяжные засѣдатели не мотивируютъ своихъ приговоровъ, стало быть намъ неизвѣстно даже то мѣсто, какое они отвели виновности или невинности Тальмы въ своихъ разсужденіяхъ. Совершенно неизвѣстно, кто истинный убійца въ ихъ глазахъ: Тальма, или отецъ Карповъ, или еще кто-либо третій, какой-нибудь пріятель Александра Карпова, вовсе не обнаруженный. Для насъ достаточно одного: приговоръ о Карповыхъ ничѣмъ не коснулся Тальмы (улики, приведшія къ его обвиненію, были изъяты отъ разсмотрѣнія данныхъ присяжныхъ), а укрывательство Карповыхъ ничѣмъ не связано именно съ его убійствомъ. Если это такъ, то мы не только можемъ, мы обязаны на время игнорировать этотъ приговоръ. Онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ баррикадировать намъ путь къ вашему правосудію. Александръ Тальма осужденъ въ 1895 году. Что́ же произошло съ тѣхъ поръ, что̀ намъ даетъ право и поводъ сказать вамъ: „Господа, прислушайтесь. Стряслась большая бѣда, случился большой грѣхъ, онъ у насъ у всѣхъ на совѣсти—понесъ тяжкое наказаніе и осужденъ невинный“!

Чтобы судить о томъ, что̀ является дѣйствительно новымъ и существенно новымъ въ этомъ дѣлѣ, надо отдѣлить его прежде всего отъ стараго и изучить это старое. Передъ вами лежатъ два слѣдственныхъ производства: „Дѣло Тальмы“ (1895 года) и „Дѣло Карповыхъ“ (1899 года). Если бы мы захотѣли сдѣлать невозможный уже для насъ опытъ,—такъ какъ мы знаемъ оба производства,—судить Тальму „по дѣлу Карповыхъ“, было ли бы мыслимо его осужденіе? А между тѣмъ это въ сущности все то же дѣло „объ убійствѣ Болдыревой и Савиновой“. Между двумя этими производствами цѣлая пропасть, черезъ которую нельзя перекинуть ни моста, ни жердочки. Въ 1899 году случайно, въ силу самой естественной комбинаціи житейскаго характера (ссоры двухъ женщинъ, жившихъ въ услуженіи у г-жи Билимъ, Дарьи Мельниковой и Варвары Захаровой), вскрылось обстоятельство (нахожденіе у Карпова подозрительнаго „болдыревскаго“ билета), послужившее основаніемъ

для полицейскаго дознанія, а затѣмъ и слѣдственнаго производства о прикосновенности Карповыхъ къ убійству Болдыревой. Судебный слѣдователь привлекъ Ивана Карпова и Христину Карпову какъ укрывателей, ибо, какъ сказано въ постановленіи судебнаго слѣдователя, почти все имущество, добытое у Болдыревой путемъ убійства, очутилось по совершеніи убійства въ обладаніи Карпова. А между тѣмъ Тальма былъ преданъ суду и осужденъ за то, что съ цѣлью завладѣть деньгами и документами Болдыревой и совершилъ все то, что̀ ему приписывалось. Смѣю полагать, что обнаруженіе лицъ, дѣйствительно „завладѣвшихъ“ тѣмъ, что̀ относилось ранѣе на счетъ Тальмы, есть нѣчто „вновь открывшееся“, заслуживающее нѣкотораго вниманія. Но эти вновь открывшіяся обстоятельства получаютъ свою истинную цѣну лишь при одномъ условіи: если мы вамъ докажемъ, что Тальма не могъ передать этихъ цѣнностей Карповымъ и что тотчасъ вслѣдъ за совершеніемъ убійства цѣнности уже находились у нихъ. Прокурорскій надзоръ, пристально слѣдившій за производствомъ новаго слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Болдыревой, не упустилъ разслѣдовать всѣ пункты, могущіе казаться сомнительными. Въ рядѣ предложеній прокурора судебному слѣдователю (т. II, л. 262) мы находимъ между прочимъ слѣдующія предложенія: а) передопросить Кузнецова и Морозова для установленія времени, когда появились цѣнности у Карповыхъ, б) когда началось улучшеніе матеріальнаго положенія Карповыхъ, в) объ отношеніяхъ семей Карповыхъ и Тальмы. Тщательное изслѣдованіе дало поразительные результаты. Оказалось, что футляры отъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ вещей, похищенныхъ у убитой, уже утромъ послѣ убійства находились въ квартирѣ Карповыхъ, но не обратили на себя вниманія властей лишь благодаря лжесвидѣтельству, въ то время еще свидѣтелей, Ивана, Христины и дочери ихъ Евдокіи о происхожденіи этихъ футляровъ. Было установлено, что купоны отъ похищенныхъ процентныхъ бумагъ сбывались уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Наконецъ, относительно Тальмы и Карповыхъ было установлено рядомъ свидѣтельскихъ показаній (Кузнецова, Тархова, Синицына и Золотова), что никто изъ семьи Тальмы и Карповыхъ не были вхожи другъ къ другу. Никто рѣшительно не замѣчалъ, чтобы Александръ Тальма даже съ кѣмъ-нибудь изъ семьи Карповыхъ когда-либо разговаривалъ. Но еще болѣе вѣское доказательство „отъ противнаго“ въ смыслѣ отрицанія самой возможности какой

либо преступной связи между Тальмою и Карповыми можемъ мы представить простымъ указаніемъ на ту роль, какую въ качествѣ свидѣтелей играли Карповы въ первомъ процессѣ, окончившемся осужденіемъ Тальмы. Достаточно вспомнить, что Иванъ Карповъ изъ всѣхъ свидѣтелей одинъ утверждалъ, что будто бы Тальма, выскочивши изъ дома, когда еще никто не зналъ, что́ случилось во флигелѣ Болдыревой, воскликнулъ: „Ихъ зарѣзали!“ Напрасно на судѣ другіе свидѣтели (Устинкинъ и Савельевъ) отрицали это: присяжные переспросили Карпова, онъ твердо стоялъ на своемъ, а г. прокуроръ на основаніи такого лжесвидѣтельства сдѣлалъ огромный выводъ,—что Тальма несомнѣнный убійца. Карповы же удостовѣрили, что отношенія Тальмы къ матери были худыя, враждебныя. Если Тальма завладѣлъ путемъ убійства всѣми цѣнностями и отдалъ ихъ Карповымъ, то для чего же? Чтобы Карповъ топилъ его? Да и посмѣлъ ли бы тогда Карповъ топить его, зная, что онъ съ нимъ связанъ, что сто́итъ тому сказать слово,— и онъ самъ погибъ! Только зная о совершенной неприкосновенности къ этому дѣлу Тальмы, онъ могъ способствовать его осужденію, такъ какъ имѣлъ всѣ шансы ожидать того, что̀ дѣйствительно и случилось: невинный въ каторгѣ надолго, если не навсегда, заслонитъ собою истиннаго убійцу! Есть еще версія, за которую противники „пересмотра“ пытаются ухватиться: можетъ быть Карповы уже послѣ подкуплены, чтобы вызволить Тальму изъ каторги, приняли на себя вину. Но, во-первыхъ, вины они на себя не принимали, а ихъ дѣйствительно, и притомъ почти случайно, изобличили, а, во-2-хъ, какъ же вы объясните тогда мѣну купоновъ и затруднительный сбытъ билетовъ? За самоотверженную готовность пойти въ каторгу выговариваютъ себѣ обыкновенно чистыя денежки. Наконецъ, гдѣ же до передачи билетовъ Карповымъ билеты находились? Несмотря на самый тщательный обыскъ у Тальмы и его присныхъ, ничего ровно обнаружено не было. Итакъ мы въ правѣ утверждать, что если даже остановиться на томъ, что Карповы только укрыватели, какъ ихъ признали присяжные, но укрыватели искренніе съ перваго дня убійства,— они укрывали не Тальму и не имъ похищенныя цѣнности, стало быть, онъ—не убійца. Далѣе, какая основная улика привела Тальму на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ и въ каторгу? Улика эта заключалась въ незыблемомъ будто бы установленіи того обстоятельства отрицательнаго характера,—что, судя по обстановкѣ убійства, отсутствія взлома дверей и т. п., оно могло быть со-

вершено только лицомъ, имѣвшимъ безпрепятственный доступъ въ квартиру. Стояли на томъ, что только Тальма, какъ близкій человѣкъ, могъ среди ночи такъ постучать, ему открыли дверь, и онъ вошелъ свободно, какъ власть имѣющій. Никого посторонняго среди ночи не впустили бы. Положеніе казалось незыблемымъ. Но вновь открывшіяся доказательства разрушили его. И сознаніе А. Карпова, и тщательное изслѣдованіе единственнаго окна въ переулокъ, на которое ранѣе слѣдствіе не обратило вовсе вниманія, установили полную возможность проникновенія этимъ путемъ въ квартиру Болдыревой. Окно не выше полутора аршина отъ земли и въ немъ была форточка, черезъ которую Александръ Карповъ влѣзъ и вылѣзъ въ видѣ опыта совершенно свободно. Давая свое сознаніе, онъ объяснилъ, что наружная рама была глухая, безъ форточки, почему онъ стамеской открылъ ее, затѣмъ уже отворилъ форточку второй рамы и забрался въ спальню. Опросомъ прежнихъ жильцовъ этой квартиры, дворника и другихъ было установлено, что и въ этомъ отношеніи указанія Карпова совершенно точны. Если бы онъ дѣйствительно не влѣзалъ въ эту фортку, онъ не имѣлъ бы повода столь тщательно изучить устройство и расположеніе окна, совершенно заново передѣланнаго послѣ пожара. Мало того, разсказу Карпова о предварительномъ взломѣ наружной рамы, о томъ, что ему приходилось временно спрятаться на крышѣ сосѣдняго сарайчика, вполнѣ соотвѣтствуютъ необъяснимыя до того свидѣтельскія показанія Вихорева (кучера), Рѣшетниковой (горничной Тальмы) и нѣкоторыхъ обитателей сосѣдняго выходящаго въ проулокъ дома Возницыной—о томъ, что въ то время, когда Болдырева была еще у Тальмы, Савинова, остававшаяся одна въ квартирѣ, испугалась какого-то стука въ окнѣ спальной и выбѣгала завлять объ этомъ. Люди ходили, осматривали проулокъ, но никого не нашли. Около этого же времени, приблизительно, въ домѣ Возницыной (Борисова и др.) слышали шаги бѣжавшаго по проулку человѣка. Затѣмъ всю ночь собака Возницыныхъ, домъ которыхъ только и выходитъ въ глухой проулокъ, выла и безпокоилась. Вся эта картина ярко возстаетъ передъ нами на смѣну прежнему предположенію обвиненія, что убійца проникъ со двора черезъ дверь. Тогда объяснялось, что собаки во дворѣ не лаяли оттого-де, что распоряжался самъ хозяинъ Тальма. Но Карпова, жильца, выросшаго и родившагося въ томъ же домѣ, собаки должны были знать и любить не менѣе Тальмы. Теперь ларчикъ открывается уже совсѣмъ просто: собаки

во дворѣ не рвались и не лаяли потому, что со двора никто и не входилъ. Убійца проникъ черезъ окно съ проулка, и ближайшая собака Возницыныхъ своевременно это чуяла и давала объ этомъ знать. Эта воющая въ проулкѣ собака Возницыныхъ также „вновь открывавшееся доказательство"; о ней ранѣе не упоминалось. Мы смѣло выдвигаемъ ея вой на смѣну прежде подозрительнаго спокойствія собакъ въ самомъ дворѣ дома Тальмы, которое находитъ теперь свое менѣе зловѣщее для А. Тальмы объясненіе. Далѣе, за отсутствіемъ иныхъ уликъ противъ Тальмы весьма настаивали на томъ, что „преступникъ былъ очевидно хорошо знакомъ съ домашней обстановкой, хорошо зналъ всѣ хранилища Болдыревой,—гдѣ она хранила вещи и деньги",—устанавливалась презумпція, что все это могъ знать только А. Тальма. Но вотъ, когда началось слѣдствіе о Карповыхъ и тщательно занялись личностью Александра Карпова, былъ установленъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о его весьма близкомъ знакомствѣ не только съ домашней обстановкой Болдыревой, но и съ тѣми хранилищами, гдѣ хранились деньги и цѣнности, и не только ея самой, но и покойнаго ея мужа. Къ шкатулкамъ, принадлежавшимъ послѣднему, она учила Карпова, въ то время еще мальчика, поддѣлывать ключи и подбирать отмычки. Я долженъ еще остановиться на отношеніяхъ покойной къ Александру Карпову. Года за два до убійства, когда въ кражѣ ея часовъ былъ заподозрѣнъ Карповъ (онъ былъ задержанъ съ поличнымъ, когда желалъ сбыть его) и былъ осужденъ на два мѣсяца въ тюрьму, сама Болдырева весьма жалѣла его и силилась защищать его. По показанію стариковъ Карповыхъ, покойная до самой смерти нерѣдко зазывала Александра къ себѣ (шестнадцатилѣтняго парня, имѣвшаго уже романы съ горничными) и угощала его лакомствами. Это старикамъ почему-то не нравилось. Они считали убитую вообще женщиною дурной и порочной. Самъ Карповъ, не признавая, чтобы онъ отъ покойной получалъ и денежные подарки, не отрицалъ однако, что она нерѣдко звала его къ себѣ и давала лакомства, и что въ душѣ онъ ее ненавидѣлъ. Если въ этомъ дѣлѣ нужна непремѣнно Карамазовщина, то можно было бы строить догадки и въ этомъ направленіи. Тогда взлѣзаніе черезъ форточку прямо въ спальню Болдыревой и, главное, моменты ожиданія ея прихода—по разнорѣчивой версіи показанія обвиняемаго Карпова, то подъ кроватью, то будто бы лишь за комодомъ—могли найти и примѣненіе, и объясненіе.

Разсказъ А. Карпова о самомъ процессѣ убійства и послѣдовательномъ нанесеніи ранъ сперва Болдыревой, а затѣмъ и Савиновой, послѣ того какъ на крикъ первой она постучалась въ спальню,—явился цѣлымъ откровеніемъ, послужившимъ предметомъ самаго тщательнаго изслѣдованія. Ранѣе по дѣлу Тальмы никакихъ фактическихъ указаній по этому предмету не было. Согласно версіи, что преступникъ вошелъ черезъ дверь, которую ему открыла Савинова, предполагалось, что Тальма, покончивъ съ горничной, безпрепятственно вошелъ затѣмъ въ спальню и убилъ Болдыреву. Но вотъ, что выяснилось теперь: розыскали и опросили всѣхъ прислугъ, жившихъ когда-либо у Болдыревой: оказалось, что генеральша всегда запиралась изнутри спальни на крючокъ. На этотъ крючокъ не обратили никакого вниманія при первомъ разслѣдованіи дѣла, а послѣ пожара сдѣлали новую дверь. Между тѣмъ Карповъ объ этомъ крючкѣ упомянулъ при сознаніи. Покончивъ съ Болдыревой, онъ откинулъ крючокъ, чтобы выйти къ Савиновой, которая стучалась въ дверь. Всѣ утверждаютъ теперь, что крючокъ былъ, и имъ замыкала дверь къ себѣ Болдырева. Если такъ, Тальмѣ, чтобы онъ могъ, не производя никакого взлома, убить и ту, и другую, сперва одна, потомъ другая должны были сами открыть дверь. Вѣроятна ли подобная версія, разъ и Болдырева должна была непремѣнно открыть свою дверь? Убитая Савинова могла же ранѣе вскрикнуть, подать тревожную вѣсть. Если Болдырева и Тальма были въ столь враждебныхъ отношеніяхъ, какъ утверждали его обвинители, то и голосъ послѣдняго не могъ побудить покойную безъ всякой опаски въ глухую ночь отомкнуть свою дверь. Но крючокъ открывается весьма просто, если убійца былъ ранѣе въ спальнѣ, ранѣе покончилъ съ Болдыревой и затѣмъ уже вышелъ на встрѣчу Савиновой. Разсказъ Карпова еще и въ другомъ отношеніи открылъ намъ новое по дѣлу доказательство. Это—новое доказательство—врачебная экспертиза. Когда не знали, какъ именно совершилось убійство, описали подробно раны, нашли, что онѣ нанесены кинжаломъ, но отъ дальнѣйшихъ выводовъ воздержались. Но, когда разсказъ Карпова о нанесеніи имъ ранъ провѣрили по описанію направленій и мѣсту ранъ, врачи единогласно пришли къ заключенію, что именно такъ дѣло и было. На трупѣ Болдыревой были раны, идущія сверху внизъ. Одна рана въ область брюшины, проникавшая нѣсколько тканей, была особенно характерна. Она могла быть сдѣлана только, если покойная въ это время сидѣла,

такъ какъ кинжалъ прошелъ какъ бы всѣ складки живота. Такъ Карповъ, не читавшій, конечно, описаній ранъ, и объяснилъ. Савиновой онъ, по его словамъ, нанесъ два удара—такія двѣ раны и имѣются на ея трупѣ. Вообще рѣшительно всѣ указанія Карпова вплоть до описанія формы и размѣровъ кинжала, бывшаго съ нимъ, нашли себѣ самое блестящее и полное подтвержденіе въ медицинской экспертизѣ. Попутно эта новая экспертиза опровергла и улику, ранѣе выдвигавшуюся противъ Тальмы. Въ дѣлѣ Тальмы фигурировали какія-то его старыя брюки съ брызгами какъ бы крови на одной штанинѣ. Эксперты-врачи положительно удостовѣрили, что никакихъ такихъ брызгъ при нанесеніи столь глубокихъ ударовъ кинжаломъ быть не могло. Судя по описанію ранъ, кровоизліяніе было во внутренніе органы, въ наружныхъ краяхъ ранъ крови найдено весьма мало. Итакъ, похищенныя вещи—не у Тальмы, онѣ у другаго съ самаго момента убійства, войти можно было не только черезъ дверь, но можно было влѣзть и въ окно, хранилища покойной зналъ такъ же Карповъ, какъ могъ знать Тальма. Чтó же было еще въ прежнемъ дѣлѣ Тальмы въ качествѣ улики? Ужели—ничего? Ничего, гг. сенаторы, кромѣ всегда присущаго людямъ ослѣпленія своимъ собственнымъ незнаніемъ и упорства въ этомъ незнаніи. Въ качествѣ дополнительныхъ уликъ были гадательные мотивы и нравственное опозореніе всей семьи Тальмы, чтобы выдвинуть моментъ возможной вражды и ненависти Александра Тальмы къ покойной Болдыревой. Но пусть даже вражда и ненависть были возможны. Не въ этомъ вѣдь вопросъ. Вопросъ въ томъ: убійца ли Тальма? Вы видите, гг. сенаторы, какъ все „дѣло Карповыхъ“ въ качествѣ судебнаго производства опровергаетъ другое такое же производство „дѣло Тальмы“. А между тѣмъ оба направлены къ тому, чтобы узнать: кто убилъ Болдыреву и Савинову? Какъ же можно счесть дѣло Тальмы окончательно рѣшеннымъ, когда до сихъ поръ никто оба эти „производства“ совмѣстно не изучалъ и не анализировалъ? Для раскрытія истины какъ разъ это и необходимо. И отъ васъ зависитъ допустить и предписать подобный „пересмотръ“. При настоящемъ положеніи дѣла Тальмы для правосудія иного исхода нѣтъ. Гг. сенаторы, изъ всѣхъ ужасовъ, присущихъ нашей мысли и нашему воображенію, самый большой ужасъ—быть заживо погребеннымъ. Этотъ ужасъ здѣсь налицо. Правосудіе справило тризну въ этомъ дѣлѣ. Тальма похороненъ, но онъ живъ. Онъ стучится въ крышку своего гроба, ее надо открыть“.

Въ заключеніи своемъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій высказалъ, что разсмотрѣніе прошенія осужденнаго Тальмы, сопоставленіе его съ законами и съ основанною на законахъ практикою Правительствующаго Сената привели его къ тому выводу, что прошеніе это, какъ неудовлетворяющее законнымъ условіямъ возобновленія дѣлъ, должно быть оставлено безъ послѣдствій. Весь вопросъ сводится къ тому, есть ли наличность условій, предусмотрѣнныхъ ст. 21—23, 25, 180 и 934—940 уст. угол. суд., для того, чтобы удовлетворить ходатайство Тальмы. Нужно, чтобы существовали, въ силу указанныхъ статей, новыя обстоятельства, несогласныя съ приговоромъ, вступившимъ въ законную силу и имъ непредвидѣнныя. Эти новыя обстоятельства могутъ быть двухъ категорій. Одни отмѣчены признаками преступности, какъ лжесвидѣтельство, подлогъ, подкупъ судей, и для установки ихъ Сенатъ требуетъ сыздавна (рѣш. 69 г. № 408, по дѣлу Комарова) приговора, вступившаго въ свою очередь въ законную силу и удостовѣряющаго ихъ существованіе. Другія новыя обстоятельства не отмѣчены признаками преступности и существованіе ихъ удостовѣряется самимъ Сенатомъ (ст. 936 уст. угол. суд.).

Спрашивается, по какому титулу предъявляется нынѣ ходатайство о возобновленіи дѣла Тальмы? Указывается и на лжесвидѣтельство Александра и Евдокіи Карповыхъ по дѣлу Тальмы, и на новыя другія обстоятельства, обнаружившіяся послѣ постановки обвинительнаго приговора по дѣлу о Тальмѣ. Такъ какъ мы не имѣемъ въ распоряженіи своемъ приговоровъ о ложныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ Александра и Евдокіи Карповыхъ, то возникаетъ вопросъ, можемъ ли мы, въ виду отсутствія ихъ, непосредственно войти нынѣ въ оцѣнку ихъ лжесвидѣтельства. Принимая во вниманіе, что, давая свои свидѣтельскія показанія по дѣлу Тальмы, лица эти не обязывались изобличать себя въ преступленіи укрывательства убійства (ст. 722 уст. угол. суд.), что законъ нашъ не знаетъ преступленія дачи ложныхъ показаній лицами, совершившими преступныя дѣянія, и что преслѣдованіе Евдокіи Карповой по основаніямъ, изложеннымъ въ опредѣленіи судебной палаты, оказалось невозможнымъ, оберъ-прокуроръ полагалъ, что отсутствіе обвинительныхъ приговоровъ объ указанныхъ лицахъ—не препятствіе къ разсмотрѣнію вопроса объ ихъ лжесвидѣтельствѣ Сенатомъ при разрѣшеніи прошенія Тальмы. Къ тому же Сенатъ, въ рѣшеніи 1899 г. № 42 по дѣлу Омельянишева, разъяснилъ уже, что при юридическихъ препятствіяхъ,

встрѣченныхъ къ постановкѣ приговора о новомъ обвиняемомъ, вопросъ о возобновленіи дѣла объ осужденномъ можетъ быть поставленъ на разрѣшеніе Сената.

Итакъ предъ нами рядъ указанныхъ новыхъ обстоятельствъ, къ категоріи которыхъ нужно причислить и указаніе на лжесвидѣтельство Карповыхъ, на основаніи оцѣнки которыхъ приходится разрѣшить нынѣ участь прошенія Тальмы.

На основаніи пункта 2 ст. 935 уст. угол. суд. новыя обстоятельства должны для возобновленія дѣла объ осужденномъ имѣть значеніе „доказательствъ невинности". Отсюда слѣдуетъ, что не всѣ открывшіяся послѣ постановки приговора обстоятельства могутъ служить основаніемъ для возобновленія дѣла. Но какія же новыя обстоятельства могутъ сыграть эту послѣднюю роль? Практика Правительствующаго Сената даетъ на это опредѣленный отвѣтъ. Это должны быть такія обстоятельства, которыя имѣютъ рѣшительное для приговора значеніе, находятся въ несоотвѣтствіи съ нимъ и колеблютъ презумпцію его правдивости и истинности; во-вторыхъ, это должны быть доказательства невиновности, имѣющія достаточную силу достовѣрности для того, чтобы создать предположеніе, что при вторичномъ сужденіи приговореннаго неосновательность и ошибочность перваго приговора будутъ установлены новымъ судомъ. Вотъ тотъ критерій, при помощи котораго мы должны оцѣнить достоинство „новыхъ доказательствъ невиновности", указываемыхъ, какъ основаніе для возобновленія дѣла о Тальмѣ.

Удовлетворяютъ ли означеннымъ требованіямъ тѣ новыя обстоятельства, которыя приводились въ подкрѣпленіе прошенія Тальмы? Этихъ новыхъ обстоятельствъ въ сущности два: во-первыхъ, повинная А. Карпова, выгораживающая Тальму изъ дѣла и, во-вторыхъ, поличное.

Въ отношеніи повинной практикою Правительствующаго Сената съ твердостью установлено (1870 г. № 341 д. Телепенова, 1871 г. № 1775 д. Богданова), что для признанія, что преступленіе совершено не осужденнымъ, а лицомъ, явившимся съ повинною, нуженъ приговоръ о послѣднемъ, и притомъ такой, который находился бы въ противорѣчіи съ ранѣе установленною виновностью осужденнаго. О явившемся съ повинною А. Карповѣ было возбуждено уголовное преслѣдованіе, закончившееся вступившимъ въ законную силу приговоромъ о немъ. А. Карповъ признанъ невиновнымъ присяжными засѣдателями въ противность повинной своей

въ непосредственномъ совершеніи убійства Болдыревой и Савиновой, а также въ покушеніи на поджогъ, и признанъ виновнымъ въ укрывательствѣ убійства.

Если стать на почву этого приговора и руководствоваться разъясненіями Сената, то не подлежитъ сомнѣнію, что невозможно возобновить дѣло о Тальмѣ. Дѣятельность укрывателя начинается, по признанію закона, по окончаніи преступной дѣятельности лица, непосредственно совершившаго преступленіе: закономъ предполагается, что укрыватель не принималъ никакого участія въ совершеніи преступленія. Поэтому виновность Тальмы, какъ убійцы и поджигателя, рѣшительно не противорѣчитъ установленной нынѣ виновности А. Карпова, какъ укрывателя. Защита отрицаетъ значеніе этого послѣдняго приговора объ А. Карповѣ при разрѣшеніи вопроса о возобновленіи дѣла о Тальмѣ и придаетъ этому приговору одно только, какъ говорится въ прошеніи, академическое значеніе. Съ этимъ согласиться невозможно. Не говоря уже о томъ, что по нашимъ основнымъ законамъ судебное рѣшеніе имѣетъ силу закона по дѣлу, по которому оно состоялось, необходимо обратить вниманіе на то, что приговоръ о Карповыхъ не заподозрѣнъ въ своей доброкачественности. Послѣ его постановки не обнаружено никакихъ новыхъ обстоятельствъ, доказывающихъ его непригодность, и никѣмъ не заявляется ходатайствъ о возобновленіи дѣла о Карповыхъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что какъ приговоръ по дѣлу Тальмы, такъ и приговоръ по дѣлу Карповыхъ восходили на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената и кассаціонныя жалобы оставлены были безъ послѣдствій. Иными словами, Правительствующій Сенатъ призналъ, что приговоры эти имѣютъ силу судебнаго рѣшенія. Спрашивается, не впадетъ ли Сенатъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если такое разрѣшеніе вопроса о возобновленіи дѣла о Тальмѣ будетъ, согласно мнѣнію защиты, исходить изъ предположенія, что приговоръ по дѣлу Карповыхъ не имѣетъ авторитетнаго значенія и не служитъ судебнымъ удостовѣреніемъ виновности А. Карпова?

Въ виду отсутствія противорѣчія между приговорами о Тальмѣ и объ А. Карповѣ соотвѣтственно практикѣ Правительствующаго Сената приходится прійти къ заключенію, что повинная А. Карпова, удостовѣряющая, что Тальма не участвовалъ въ совершеніи приписанныхъ ему преступленій, не можетъ служить основаніемъ для возобновленія дѣла о Тальмѣ.

Помимо состоявшагося приговора объ А. Карповѣ, спрашивается, какіе имѣемъ мы въ настоящее время источники для оцѣнки означенной повинной? Новыя дознанія и слѣдственныя дѣйствія не въ состояніи въ настоящее время привести къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ и благопріятнымъ для Тальмы результатамъ. Обвинительный актъ по дѣлу Тальмы вѣрно удостовѣряетъ, что при производствѣ дѣла о послѣднемъ оно переполнилось дознаніями, произведенными съ цѣлью выясненія, не могъ ли кто-либо помимо Тальмы изъ постороннихъ для Болдыревой людей совершить надъ нею и Савиновою преступленіе убійства. Подлинное производство о Тальмѣ опровергаетъ вѣрность дѣлавшихся заявленій о томъ, что слѣдствіе о Тальмѣ производилось односторонне, съ заранѣе предвзятою мыслью о его виновности. Наоборотъ, изъ дѣла видно, что первыя же слѣдственныя дѣйствія по дѣлу о Тальмѣ были направлены къ тому, чтобы изыскать основаніе къ обнаруженію виновности чужихъ, не имѣвшихъ къ Болдыревой доступа лицъ. Всѣ, отъ кого только можно было ожидать полезныхъ указаній въ этомъ отношеніи, кто могъ пролить хоть лучъ свѣта къ выясненію происшедшихъ въ роковую ночь убійствъ, были опрошены. Караульщики, городовые, фонарщикъ, извозчики, дворникъ, прислуга, сосѣди, всѣ опрошены и привели только слѣдственную власть къ убѣжденію, что совершенное не дѣло рукъ посторонняго убійцы. Но это заключеніе неустанно провѣрялось рядомъ дознаній полицейскихъ, жандармскихъ, прокурорскихъ. Независимо отъ этого, распоряженіемъ Министра Юстиціи возложено было на члена консультаціи для ревизіонныхъ порученій разслѣдованіе обстоятельствъ, относящихся до этого дѣла. Можно сказать съ увѣренностью, что всякій слухъ, всякое заявленіе въ видѣ предположеній, дѣлавшихся въ печати или со стороны частныхъ лицъ, вызывали дознанія и слѣдственныя дѣйствія. Изслѣдованы были отношенія къ этому преступленію должниковъ покойной Болдыревой, заявленія арестантки о томъ, что преступленіе совершено маляромъ Кошкинымъ, фактъ обнаруженія на улицѣ Юкинымъ кинжала, указаніе, что швейцаръ Копылевъ получилъ сто рублей за необнаруженіе ему извѣстныхъ свѣдѣній о преступленіи, заявленіе военнаго судьи Пономарева о слышанномъ имъ разговорѣ на улицѣ неизвѣстныхъ лицъ объ убійствѣ Болдыревой и Савиновой, явка съ повинною 12 іюня 1894 года въ Московскую часть психически больнаго Коробова, вслѣдъ за заявленіемъ своимъ отравившагося, попытки несчастной, точно также психически

ненормальной и покончившей на улицѣ самоубійствомъ, Битяевой, остановившейся на мысли, что она можетъ открыть по этому дѣлу истину, передавъ въ руки правосудія, любимаго ею, но отстранившагося отъ нея человѣка, — все это дѣлалось предметомъ всесторонних изслѣдованій въ предположеніи, что найдены новые пути къ обнаруженію истины. Чѣмъ же всѣ эти разслѣдованія, равно какъ предварительныя слѣдствія по дѣлу Тальмы и по дѣлу Карповыхъ, закончились? Тѣмъ, что состоялись обвинительные приговоры окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, коими признаны: Александръ Тальма—виновнымъ въ непосредственномъ совершеніи настоящихъ преступленій, а Карповы (въ томъ числѣ и А. Карповъ) въ укрывательствѣ.

Но если даже въ противность изложеннымъ соображеніямъ стать на точку зрѣнія защиты и признать состоявшійся объ А. Карповѣ приговоръ не имѣющимъ для насъ судебной силы, то и тогда мы не въ состояніи найти въ обстоятельствахъ дѣла достаточнаго основанія для признанія повинной А. Карпова, выгораживающаго Тальму, заслуживающей уваженія. Останавливаясь на ближайшей оцѣнкѣ сознанія А. Карпова въ совершеніи убійствъ и поджога безъ содѣйствія Тальмы, мы находимъ, что сознанію этому предшествовало обнаруженіе въ теченіе 1898 и 1899 гг. въ обращеніи талоновъ отъ бумагъ, похищенныхъ послѣ убійства Болдыревой, а также предшествовала та ссора, которая изъ-за Карпова произошла между его любовницей Захаровой и другой прислугой, Мельниковой. Вызванный въ виду этого въ полицію для дачи объясненій А. Карповъ, какъ видно изъ протокола полицейскаго, а также изъ показаній полицейскаго надзирателя Михайлова и полиціймейстера, не сразу учинилъ свое сознаніе. Онъ началъ со лжи, выразившейся на первыхъ порахъ въ томъ, что билетъ въ 1,000 руб. онъ будто бы получилъ отъ молодаго Тимофѣева, похитившаго его отъ своего отца. Обстоятельство это рѣшительно опровергнуто, при чемъ выяснено, что у Тимофѣева отца такого билета совсѣмъ не было. Ложь сопровождала его показаніе затѣмъ и на допросахъ у судебнаго слѣдователя: 6-го и 31-го августа и 14-го сентября 1899 г. Сопоставленіе этихъ показаній другъ съ другомъ, по отношенію къ отдѣльнымъ моментамъ сознанія А. Карпова, служитъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ. Такъ, въ отношеніи вопроса о мотивахъ, побудившихъ его къ совершенію преступленія, онъ показалъ: три раза, что не хотѣлъ убивать, одинъ разъ, что давно задумалъ убійство, три раза, что убилъ Болдыреву за то,

что она обижала людей, и одинъ разъ, что убилъ ее ради денегъ. Въ отношеніи условій проникновенія его черезъ форточку въ квартиру Болдыревой, каковому обстоятельству защита придаетъ весьма большое значеніе, мы усматриваемъ точно такъ же цѣлый рядъ признаковъ недосказанности и лживости. Прежде, чѣмъ указывать на эти признаки, естественно остановиться на обсужденіи общаго вопроса о томъ, какое вообще значеніе можетъ имѣть для участи прошенія Тальмы условіе проникновенія убійцы въ квартиру Болдыревой чрезъ форточку. Юридическаго значенія способъ проникновенія убійцы не имѣетъ никакого. Тальма признанъ виновнымъ въ томъ, что убилъ „съ цѣлью ограбленія", для чего проникъ въ квартиру Болдыревой, но какъ проникъ, въ вопросахъ, а слѣдовательно и въ отвѣтахъ присяжныхъ мы указаній не усматриваемъ. Тальма проникъ чрезъ входную дверь. Карповъ утверждаетъ, что онъ проникъ изъ переулка, чрезъ форточку. Какой взглядъ сложился по этому предмету въ совѣсти присяжныхъ засѣдателей, мы не знаемъ, а такъ какъ совѣсть эта свободна и принимаетъ только тѣ доводы сторонъ, которые ей представляются убѣдительными, то приходится отсюда заключить, что вопросъ о томъ, какъ смотрѣли на это обстоятельство присяжные засѣдатели, является вопросомъ для насъ неразрѣшимымъ. Да и вопросъ не въ томъ, „какъ" проникъ убійца, а вопросъ въ томъ, „кто" проникъ для убійства въ квартиру Болдыревой, Тальма или А Карповъ?

Посмотримъ прежде всего, можно ли за этой частью сознанія А. Карпова признать значеніе „новаго обстоятельства" въ смыслѣ 935 статьи устава уголовнаго судопроизводства. Предварительное слѣдствіе и протоколъ судебнаго засѣданія по дѣлу Тальмы даютъ намъ основаніе къ заключенію, что способъ проникновенія убійцы къ Болдыревой занималъ и судебнаго слѣдователя, и судъ. Изъ первоначальнаго протокола осмотра мѣстности убійства видно, что судебный слѣдователь и товарищъ прокурора были на своемъ посту уже въ 5 часовъ утра, т. е. чрезъ нѣсколько часовъ послѣ совершенія преступленія, когда вся квартира Болдыревой была еще переполнена дымомъ и кровь сочилась изъ ранъ Савиновой. Естественно, что въ этотъ моментъ все вниманіе судебныхъ дѣятелей было сосредоточено на оцѣнкѣ обстановки внутренности квартиры и что въ отношеніи признаковъ, внѣ квартиры лежащихъ, ограничились занесеніемъ въ протоколъ, что слѣдовъ крови около дома не было замѣчено. Но затѣмъ, не ограничиваясь осмотромъ мѣста совершенія преступленія, судебный слѣдователь 6 апрѣля, зна-

читъ черезъ нѣсколько дней послѣ убійства, производитъ осмотръ переулка и составляетъ о томъ надлежащій протоколъ, а затѣмъ опрашиваетъ жильцовъ дома Возницына, прилегавшаго къ дому Тальмы, а именно: кухарку Борисову, горничную Пантелѣеву, опрашиваетъ сосѣдей со стороны улицы: Чернова, денщика Соболя, дворника Зотова. Этимъ вторымъ протоколомъ удостовѣряется, что обращено было вниманіе на окна дома, выходящаго въ переулокъ; измѣрена была высота ихъ отъ земли и разстояніе ихъ другъ отъ друга. Но по этому предмету мы имѣемъ еще другія цѣнныя указанія, заключающіяся въ протоколѣ судебнаго засѣданія по дѣлу Тальмы, свидѣтельствующія о томъ, что присяжные засѣдатели по этому дѣлу обратили большое вниманіе на проулокъ и на тѣ окна, которыя выходятъ въ него и черезъ одно изъ которыхъ Карповъ, по его указанію, проникъ въ квартиру Болдыревой. Изъ протокола этого усматривается, что защитникъ обратился къ суду съ ходатайствомъ произвести непосредственный осмотръ квартиры Болдыревой и прилегающей мѣстности, на что̀ послѣдовало утвердительное постановленіе суда. На слѣдующій день судебнаго засѣданія защитникъ отказывается отъ этого своего ходатайства, и тогда предсѣдатель спрашиваетъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Тальмы, признаютъ ли они нужнымъ исполнить состоявшееся наканунѣ опредѣленіе суда. Присяжные отвѣтили на это просьбой исполнить опредѣленіе, и протоколъ свидѣтельствуетъ о томъ, что судъ въ полномъ составѣ выѣхалъ на мѣсто и что присяжные ознакомились не только съ квартирой Болдыревой и домомъ Тальмы, но и съ переулкомъ и даже дворомъ дома Возницыной. При такихъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о всесторонности изслѣдованія мѣстности, съ цѣлью выясненія вопроса о способѣ проникновенія убійцы къ Болдыревой, можно ли признать, что заявленіе А. Карпова о томъ, что онъ проникъ въ эту квартиру черезъ переулокъ и форточку, представляется чѣмъ-то совершенно новымъ, неожиданнымъ и въ корнѣ измѣняющимъ тѣ доказательства, на которыхъ основанъ былъ обвинительный приговоръ о Тальмѣ?

Переходя къ дальнѣйшей оцѣнкѣ отдѣльныхъ моментовъ сознанія А. Карпова, сдѣланнаго имъ при дознаніи на трехъ допросахъ, произведенныхъ ему судебныхъ слѣдователемъ, оберъ-прокуроръ остановился на разсмотрѣніи подготовительныхъ дѣйствій, при помощи которыхъ А. Карповъ создавалъ для себя необходимыя условія для совершенія исполненнаго имъ затѣмъ преступ-

ленія. Здѣсь мы точно также встрѣчаемся съ рѣзко бросающимся въ глаза противорѣчіемъ и несообразностями его показаній. Изъ показаній этихъ видно, что онъ указывалъ три мѣста, въ которыхъ, проникнувъ въ квартиру Болдыревой, спрятался въ ожиданіи ея прихода. Онъ прятался за шкафъ, прятался за комодъ и прятался подъ кровать, при чемъ, показывая объ одномъ мѣстѣ, онъ исключалъ указанія на другія мѣста. Затѣмъ онъ говорилъ, что въ избранной имъ засадѣ онъ спалъ, но сказалъ также, что онъ не спалъ, а только дремалъ. И что̀ это за убійца, находящій въ себѣ достаточно силы спать или дремать, въ ожиданіи приближенія страшной минуты осуществленія задуманнаго преступленія! Каждое лицо, рѣшающееся на совершеніе преступленія, преслѣдуетъ двѣ одинаково для него близкія цѣли—цѣль совершить преступленіе и цѣль скрыться отъ уголовнаго преслѣдованія. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, можно ли хотя на минуту повѣрить разсказу А. Карпова о томъ, что онъ, судя по послѣднему варіанту его показаній, прежде, чѣмъ спрятаться подъ кровать, раздѣлся и сложилъ въ кучу свое верхнее платье, забравъ его подъ ту же кровать, для того, чтобы не запачкать его при совершеніи убійства въ крови. Но откуда эта увѣренность, что кровь не польется потоками и подъ кровать? Откуда это пренебрежительное отношеніе къ чувству самосохраненія, эти преграды, поставленныя сознательно самому себѣ, для спасенія своего, на случай необходимаго бѣгства, такъ какъ бѣжать безъ верхняго платья, рискуя обратить на себя особое вниманіе, едва ли было бы возможно?

Затѣмъ и самый способъ совершенія насильственныхъ дѣйствій представляется въ разновременно данныхъ показаніяхъ А. Карпова моментомъ, далеко неудовлетворяющимъ требованіямъ правдоподобности. Въ этомъ отношеніи онъ твердо и неуклонно показываетъ только одно, что сначала онъ убилъ Болдыреву, а затѣмъ уже убилъ Савинову, услыхавъ ея стукъ и крикъ въ дверь. Но здѣсь опять странное противорѣчіе съ обстановкою. Дверь изъ комнаты Савиновой запиралась не съ ея стороны, а со стороны той средней комнаты, которая отдѣляла ея комнату отъ комнаты Болдыревой. Услыхавъ стукъ и крикъ Савиновой, зачѣмъ же не воспользоваться испытаннымъ уже способомъ выхода изъ квартиры и не пролѣзть чрезъ ту же форточку обратно въ переулокъ? Зачѣмъ же рисковать собою и идти безъ всякой нужды на новое преступленіе? Зачѣмъ отворять Савиновой дверь и убивать ее? Точно также и детальный вопросъ, относящійся

до способа совершенія преступленія, далеко неудовлетворителенъ и неодинаково во всѣхъ показаніяхъ очерченъ А. Карповымъ. Такъ, по вопросу о томъ, была ли у него борьба съ жертвами, кричали ли онѣ, онъ даетъ различныя объясненія. При дознаніи, что изъ-за дверей онъ слышалъ крикъ горничной и что у него съ нею была борьба. Относительно Болдыревой 6 августа онъ показываетъ, что она кричала, отмахиваясь руками, а 31 августа онъ говоритъ, что она только вскрикнула. Затѣмъ и относительно количества нанесенныхъ ударовъ его показаніе уклончиво и не согласно съ обстоятельствами дѣла. Такъ, относительно Болдыревой онъ говоритъ, что не помнитъ, куда и сколько разъ онъ ее ударилъ кинжаломъ. Относительно же Савиновой онъ въ началѣ показалъ, что нанесъ ей одинъ ударъ въ грудь спереди, и только потомъ показалъ о двухъ нанесенныхъ ударахъ. Изъ акта же осмотра труповъ видно, что Савиновой нанесено два удара и что кромѣ того на спинѣ ея усматриваются порѣзы, о которыхъ А. Карповъ не даетъ никакихъ объясненій. Затѣмъ, какъ объясняетъ А. Карповъ, вопросъ о томъ, что̀ сдѣлалось съ жертвами послѣ нанесенія имъ ударовъ? И здѣсь крупное противорѣчіе въ одномъ и томъ же показаніи 31 августа. Такъ, относительно Болдыревой онъ съ начала показанія говоритъ, что она упала лицомъ внизъ, а въ концѣ того же показанія, когда ему объявлено было, что отецъ его заключенъ подъ стражу, онъ показалъ, что она упала лицомъ вверхъ. Относительно Савиновой онъ говоритъ, что столкнулся съ нею въ темнотѣ, что подсвѣчника со свѣчею у нея не было, и что онъ, съ своей стороны, имъ при совершеніи убійствъ не пользовался. Между тѣмъ актъ осмотра свидѣтельствуетъ о томъ, что предметы эти были найдены на полу. Была ли Савинова обращена къ нему лицомъ, онъ не помнитъ. Онъ не даетъ также никакихъ объясненій относительно того, почему телефонъ, находившійся въ комнатѣ Савиновой и слѣдовательно въ мѣстности, гдѣ не дѣйствовалъ огонь, оказался испорченнымъ; почему трубы оказались открытыми, и это въ холодную пору у скупой Болдыревой, почему оказался будильникъ брошеннымъ на полу. Онъ не даетъ также объясненія, какимъ образомъ подъ трупомъ Болдыревой оказалось разложенное одѣяло. Но что̀ въ особенности важно въ его объясненіи относительно убійства Савиновой и что̀ идетъ въ разрѣзъ съ положеніемъ трупа, удостовѣреннымъ актомъ осмотра мѣстности, это то, что, по его словамъ, онъ Савинову убилъ, когда отворилась

дверь къ ней, тутъ на мѣстѣ, а между тѣмъ трупъ ея найденъ по срединѣ комнатѣ, головою къ двери, выходящей въ сосѣднюю комнату, а не въ ту, у которой совершено убійство. Въ отношеніи слѣдовавшихъ за убійствомъ дѣйствій, та же неудовлетворительность его показаній. На дознаніи онъ показалъ, что изъ комода онъ выбросилъ вещи для поджога и въ карманъ взялъ только одинъ билетъ въ 1,000 руб. и затѣмъ вышелъ во дворъ. 6 августа онъ показываетъ то же самое, съ нѣкоторыми подробностями, но тутъ же добавляетъ, что правая рука его отъ кинжала была въ крови и онъ вымылъ руки чаемъ, а ключъ отъ ящика нашелъ въ комодѣ. 31 августа онъ измѣняетъ эту часть своего показанія и утверждаетъ, что руки не были у него въ крови, что онъ ихъ не мылъ, что ключъ былъ не въ ящикѣ, а на связкѣ, на столикѣ, у постели Болдыревой. При этомъ въ началѣ своего показанія онъ утверждаетъ, что кромѣ билета въ 1,000 руб. ничего не бралъ. Но когда ему было сообщено, что отецъ его заключенъ подъ стражу, онъ того же 31 августа, продолжая свое показаніе, говоритъ: „я взялъ еще бумаги, бинокль, часы, бумажникъ съ деньгами, который нашелъ подъ подушкой Болдыревой; нашелъ еще на полу купонъ и его взялъ“. 14 сентября—послѣднее его показаніе при производствѣ предварительнаго слѣдствія—онъ говоритъ, что можетъ быть взялъ и болѣе одного билета. Такимъ образомъ и тутъ мы видимъ, во-первыхъ, рѣзкое противорѣчіе въ его показаніяхъ, постепенныя добавленія къ его объясненіямъ. Если при этомъ прибавить еще объясненія его относительно купоновъ, распространявшихся въ 1898 и 1899 годахъ, то получится довольно убѣдительная картина, свидѣтельствующая о несостоятельности его показаній. Таково сознаніе А. Карпова. Такова неудовлетворительность его показаній, обнаруживающаяся путемъ сопоставленія. Правда, 14 сентября на допросѣ у слѣдователя, сознавая противорѣчія, въ которыя онъ впалъ, Карповъ говоритъ, что онъ не помнитъ всѣхъ мелочей и потому путается. Относительно мелочей такого рода объясненія, можетъ быть, и могли бы быть приняты въ уваженіе въ виду тѣхъ пяти лѣтъ, которыя прошли съ момента совершенія преступленія до момента дачи его показанія. Но этимъ во всякомъ случаѣ едва ли можно оправдывать несостоятельность его показаній въ отношеніи важныхъ, существенныхъ, незабываемыхъ по свойству своему обстоятельствъ дѣла.

Какъ же объяснить эти противорѣчія А. Карпова, эти вопросы

существа дѣла, которые нами исчерпаны быть не могутъ? Есть одинъ выводъ, который можно отсюда сдѣлать, а именно, что онъ не все то знаетъ, о чемъ показываетъ.

Указывая на обстоятельства, подрывающія достовѣрность по отношенію показаній А. Карпова, нельзя однако не признать, что многое изъ сказаннаго имъ находитъ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла. Но для того, чтобы выяснить значеніе этого послѣдняго обстоятельства, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что показанія его давались имъ въ 1899 г. и что о совершеніи убійствъ Болдыревой и Савиновой неустанно говорилось во всѣхъ газетахъ. Свѣдѣнія о преступленіи этомъ переходили изъ устъ въ уста, а слѣдовательно обстоятельства, сопровождавшія его, не могли быть неизвѣстны лицамъ, подобнымъ А. Карпову, жившимъ у мѣста совершенія преступленія, въ домѣ Тальмы, и затѣмъ вызывавшимся къ судебному слѣдователю и въ судъ съ другими обитателями дома. Изъ собственныхъ показаній А. Карпова видно, что онъ оставался въ окружномъ судѣ, при разсмотрѣніи этого дѣла, вплоть до судебныхъ преній, а изъ протокола судебнаго засѣданія оказывается, что изъ числа 90 слишкомъ вызывавшихся свидѣтелей онъ былъ спрошенъ въ началѣ судебнаго засѣданія, а именно пятымъ свидѣтелемъ, и оставался въ засѣданіи, по собственному показанію, до начала судебныхъ преній. Странно было бы при этихъ условіяхъ не имѣть достаточно данныхъ для того, чтобы получить явственное представленіе о совершившемся. Сознаніе, учиняемое обвиняемымъ, производитъ обыкновенно большое вліяніе на судейскую совѣсть, если даетъ основаніе къ заключенію, что желаніе обнаруженія истины руководитъ сознающимся. Когда такое сознаніе предшествуетъ обнаруженію уликъ и доказательствъ по дѣлу и является руководящею нитью для судебнаго изслѣдованія, то впечатлѣніе такого сознанія громадно. По дѣлу же А. Карпова мы видимъ обратное. Не сознаніе его предшествовало обнаруженію уликъ и доказательствъ, а оно слѣдовало за ними и за установкою обосновавшагося на нихъ обвинительнаго о Тальмѣ приговора.

Таково свойство того сознанія А. Карпова, которое онъ учинилъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Но это сознаніе онъ поддерживалъ и на судебномъ слѣдствіи, и хотя протоколъ судебнаго засѣданія и не передаетъ намъ сущности этого его сознанія, но тѣмъ не менѣе вмѣщаетъ въ себѣ весьма цѣнныя указанія для обрисовки достоинства его. Изъ предшествовавшаго изложе-

нія видно, что память А. Карпова, выразившаяся въ его показаніяхъ, дала ему возможность дать наиболѣе обстоятельныя показанія при послѣднемъ допросѣ на предварительномъ слѣдствіи. Въ прежнихъ своихъ показаніяхъ онъ особенно много путался и сбивался. Оказывается, что затѣмъ, на судѣ, происходитъ регрессъ въ отношеніи его памяти. Изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что на предложеніе предсѣдателя разсказать въ началѣ судебнаго слѣдствія, въ виду учиненнаго имъ сознанія, подробности совершеннаго имъ преступленія, А. Карповъ отвѣтилъ, что онъ ихъ не помнитъ, и что всѣ объясненія его совершенно вѣрно изложены въ опредѣленіи судебной палаты о преданіи его суду. Можно ли, при такихъ условіяхъ, сказать, что, учиняя свою повинную и выгораживая Тальму, А. Карповъ руководствовался исключительно угрызеніями своей совѣсти и внутреннею потребностью облегчить ее этимъ путемъ, принося свою чистосердечную повинную суду, рѣшавшему его участь? При указанныхъ признакахъ по отношенію къ повинной А. Карпова можно только удивляться той прозорливости, которую обнаружили присяжные засѣдатели по дѣлу о немъ, отвергнувъ вопросъ о виновности его въ непосредственномъ совершеніи преступленія и признавъ его виновнымъ только въ укрывательствѣ. Для того, чтобы выяснить значеніе этого вердикта, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что отъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Карпова были скрыты тѣ показанія Карпова, которыя даны были имъ на предварительномъ слѣдствіи. Нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства, охраняя интересы подсудимаго на судѣ, не дозволяетъ чтенія этихъ показаній, предоставляя подсудимому защищаться, не стѣсняясь прежними своими объясненіями, и несмотря на это, не зная этихъ прежнихъ его показаній, несмотря на то, что по всей вѣроятности на судебномъ слѣдствіи А. Карповъ давалъ болѣе послѣдовательныя и менѣе противорѣчивыя показанія, чѣмъ раньше, присяжные признали, что не онъ убійца Болдыревой и Савиновой. Протоколъ судебнаго засѣданія по этому предмету устанавливаетъ для насъ весьма интересный фактъ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что дополнительный вопросъ по признакамъ укрывательства былъ поставленъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей по ихъ требованію и, притомъ,—что̀ весьма характерно, — до ихъ совѣщанія. Присяжные по дѣлу Карпова очевидно поняли, что А. Карповъ принесъ имъ не заурядную повинную.

Прежде чѣмъ покончить съ оцѣнкою сознанія А. Карпова,

необходимо еще остановиться на попыткѣ провѣрки его показаній при помощи произведенной по дѣлу экспертизы. Экспертъ-врачъ, вскрывавшій трупы жертвъ преступленія, между прочимъ установилъ въ отношеніи ранъ Савиновой, что удары нанесены были ей не спереди, стоя къ ней лицомъ къ лицу, какъ утверждаетъ А. Карповъ, а сзади, если же они наносились спереди, то лѣвою рукою убійцы (по крайней мѣрѣ одна рана), при чемъ убійца долженъ былъ перекинуть руку черезъ плечо жертвы. Что̀ существуетъ общаго между такимъ заключеніемъ и объясненіями А. Карпова относительно учиненныхъ имъ насильственныхъ дѣйствій надъ Савиновою? Въ видахъ дальнѣйшей провѣрки, а именно съ цѣлью установить соотношеніе показаній А. Карпова къ положенію труповъ, показанія его, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими протоколами и осмотрами, переданы были экспертамъ-врачамъ профессору Ивановскому и профессору Косоротову. Никакихъ категорическихъ заключеній, свидѣтельствующихъ о непреложности и несомнѣнности показаній А. Карпова, о совершеніи имъ этого преступленія, эксперты эти не высказали. Такъ, эксперты удостовѣряютъ, что нельзя сказать съ опредѣленностью, въ какомъ положеніи Болдыревой нанесены были раны, кромѣ одной, но свойство ихъ „не противорѣчитъ", говорятъ эксперты, той части показанія обвиняемаго А. Карпова, въ которой онъ сообщаетъ относительно ихъ нанесенія. Точно также о степени физическаго развитія А. Карпова, какъ условія причиненія имъ насильственныхъ дѣйствій, эксперты нашли, что нѣтъ основанія считать „невозможнымъ" совершеніе имъ этого двойнаго преступленія. Въ результатѣ они полагаютъ, что показанія обвиняемаго А. Карпова соотвѣтствуютъ тому, что найдено было при первоначальномъ осмотрѣ и при судебно-медицинскомъ вскрытіи труповъ обѣихъ жертвъ. Но, указывая на это соотношеніе, эксперты эти вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаютъ и то разнорѣчіе, которое имѣется по нѣкоторымъ частямъ его показаній. Такъ, во-первыхъ, обвиняемый Карповъ объяснилъ, что онъ нанесъ Болдыревой, пока она лежала въ постели, только одинъ ударъ, кажется ему, въ спину, между тѣмъ, говорятъ эксперты, болѣе вѣроятнымъ представляется нанесеніе въ этомъ положеніи Болдыревой двухъ ранъ. Далѣе, А. Карповъ говорилъ, что нанесъ Савиновой сначала одну, а затѣмъ показалъ, что нанесъ ей двѣ раны, между тѣмъ на спинѣ послѣдней имѣется еще и нѣсколько мелкихъ пораненій. Итакъ установлено разнорѣчіе и несходство показаній А. Карпо-

ва съ объективными данными, характеризующими убійство. Такимъ образомъ эксперты признаютъ только „возможность“ допущенія совершенія этого преступленія А. Карповымъ, но эксперты эти не говорятъ и не могли бы говорить о „несомнѣнности“ совершенія этого убійства А. Карповымъ, а только при несомнѣнности совершенія этого преступленія Карповымъ могла бы идти рѣчь о возобновленіи дѣла о Тальмѣ. Независимо отъ этого оберъ-прокуроръ сомнѣвается вообще въ томъ, чтобы возобновленіе дѣла могло быть допущено на основаніи экспертизы. Законъ требуетъ для возобновленія дѣла „новыхъ обстоятельствъ“, а не новыхъ мнѣній свѣдущихъ людей въ отношеніи ранѣе обнаруженныхъ обстоятельствъ.

Но не на одномъ только предположеніи истинности повинной А. Карпова основывается ходатайство о возобновленіи дѣла о Тальмѣ. Защита ссылается также на то, что улики доказательства по дѣлу Тальмы слабы и несостоятельны. Отсюда предложеніе ея войти въ провѣрку ихъ достоинства.

Эта послѣдняя цѣль стремленій защиты вызвала рѣшительное возраженіе со стороны оберъ-прокурора. Онъ полагаетъ, что Правительствующій Сенатъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи надлежащихъ средствъ для производства такой переоцѣнки уликъ и доказательствъ по дѣлу Тальмы. Мы не знаемъ прежде всего дѣйствительныхъ основаній, послужившихъ къ обвиненію присяжными засѣдателями Тальмы. Внутреннее убѣжденіе ихъ зависитъ отъ неуловимыхъ часто для посторонняго наблюдателя указаній ихъ совѣсти. Къ тому же вердикта своего они не мотивируютъ; въ протоколъ судебнаго засѣданія сущность выясняющихся на судѣ доказательствъ не заносится, и поэтому результаты судебнаго слѣдствія, которыми руководятся присяжные, намъ неизвѣстны. Защита оперируетъ не надъ надлежащимъ объектомъ, предполагая, что въ основаніи вердикта присяжныхъ легли въ неизмѣненномъ видѣ улики и доказательства, обнаруженныя на предварительномъ слѣдствіи.

Между тѣмъ оба эти слѣдствія—предварительное и судебное—развиваются по различнымъ принципіальнымъ основаніямъ, и законъ охраняетъ судебное слѣдствіе отъ вторженія въ него слѣдствія предварительнаго, разрѣшая чтеніе актовъ предварительнаго слѣдствія только въ указанныхъ закономъ случаяхъ. Переоцѣнивать всѣ улики и доказательства по дѣлу Тальмы Сенатъ не можетъ также потому, что предъ нимъ не происходитъ ни

судебнаго слѣдствія, ни преній сторонъ. Мы не знаемъ, что̀ могъ бы возразить защитѣ прокуроръ-обвинитель, оберъ-прокуратура же Сената не можетъ по закону исполнять этихъ функцій при разрѣшеніи вопроса о возобновленіи дѣлъ.

Оберъ-прокуроръ перешелъ затѣмъ къ выясненію второго новаго обстоятельства, приводимаго какъ основаніе для возобновленія дѣла о Тальмѣ, а именно вопросу о поличной. Въ ряду уголовныхъ доказательствъ, несомнѣнно и въ связи съ другими обстоятельствами, поличное часто служитъ вѣскимъ основаніемъ къ заключенію о виновности. Но въ настоящемъ случаѣ указывается на поличное не какъ на доказательство „виновности", а какъ на доказательство „невиновности" осужденнаго Тальмы. Для того, чтобы поличное могло имѣть такое значеніе, необходимо, чтобы оно послужило основаніемъ къ обвиненію другаго лица, виновность котораго исключила бы виновность осужденнаго Тальмы. Поэтому и здѣсь, какъ и по отношенію къ вопросу о сознаніи А. Карпова, необходима наличность уголовнаго приговора, какъ условія къ возобновленію дѣла о Тальмѣ. Но этого приговора мы не имѣемъ. Присяжные засѣдатели по дѣлу Карповыхъ увидали въ поличномъ одно изъ основаній къ обвиненію ихъ въ укрывательствѣ, и чрезъ это связь поличнаго съ невиновностью Тальмы порвана и не можетъ служить для возобновленія дѣла о немъ.

Но если въ отношеніи этого доказательства мы станемъ на ту неправильную точку зрѣнія, на которой стоитъ защита, и признаемъ себя компетентными къ оцѣнкѣ его, помимо состоявшагося приговора о Карповыхъ, то мы и по существу должны будемъ прійти къ отрицательнымъ выводамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ обнаружилось поличное? Прежде всего въ двухъ футлярахъ, принадлежавшихъ Болдыревой и обнаруженныхъ по обыску у Карповыхъ. Но эти футляры отнюдь не имѣютъ значенія новыхъ обстоятельствъ; они были обнаружены у Карповыхъ по обыску, произведенному въ самомъ началѣ производства дѣла о Тальмѣ; они пріобщены были по тому производству судебнымъ слѣдователемъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ еще даже до привлеченія А. Карпова въ качествѣ обвиняемаго. Разъ это такъ, то о нихъ, какъ о новыхъ доказательствахъ невиновности Тальмы, не можетъ быть въ настоящее время и рѣчи. Далѣе, найдены были у Карповыхъ билеты, похищенные у Болдыревой послѣ убійства, а также обнаружено существованіе купоновъ отъ тѣхъ билетовъ, циркулировавшихъ

въ теченіе 1898 и 99 гг. Но и въ отношеніи этого поличнаго необходимо принять во вниманіе, что присяжные по дѣлу Карповыхъ признали въ немъ только основаніе для установки виновности Карповыхъ въ укрывательствѣ, а не въ убійствѣ, и что связь между этимъ поличнымъ и преступными дѣйствіями Тальмы приговоромъ не установлена. Изъ вопросовъ о виновности, разрѣшенныхъ присяжными относительно Тальмы, видно, что присяжные признали его виновнымъ въ убійствѣ „съ цѣлью" грабежа и въ покушеніи на поджогъ. Но затѣмъ, была ли эта „цѣль" реализирована, похитилъ ли осужденный Тальма то, что̀ похитить хотѣлъ, вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей не установлено, а поэтому оно и не имѣетъ значенія съ точки зрѣнія законнаго состава того преступленія, за которое Тальма осужденъ, и имѣетъ цѣну только фактическую, въ качествѣ доказательства. Правда, если А. Карповъ не похитилъ деньги и вещи у Болдыревой, то спрашивается: кто же могъ это сдѣлать, и отъ кого Карповъ получилъ это? Отвѣтъ можетъ быть только двоякій: или Тальма, или кто-либо другой, не обнаруженный предварительнымъ слѣдствіемъ, передалъ эти предметы А. Карпову. Если, совершивъ убійство и покушеніе на поджогъ, Тальма похитилъ ихъ, то этотъ за предѣломъ вердикта присяжныхъ стоящій фактъ служитъ лишь новою уликою къ обвиненію Тальмы. Если же это похищеніе совершилъ кто-либо другой, не Тальма, то это показываетъ, что есть необнаруженный по дѣлу соучастникъ. Иными словами говоря, существуетъ пробѣлъ, не пополняемый тѣми двумя приговорами о Тальмѣ и о Карповыхъ, которыми мы обладаемъ. Но существованіе такого пробѣла никоимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ для возобновленія дѣла о Тальмѣ. Виды участія бываютъ различны. Законъ знаетъ лицъ, вложившихся въ преступленіе и дѣйствующихъ безъ предварительнаго соглашенія и по предварительному соглашенію, знаетъ главныхъ виновныхъ и участниковъ, зачинщиковъ, сообщниковъ, пособниковъ и т. д. Былъ ли въ данномъ дѣлѣ у Тальмы соучастникъ, и если былъ, то въ чемъ выразилось его участіе, мы не знаемъ, и установленная уже о Тальмѣ виновность не зависитъ отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Такіе пробѣлы въ уголовной практикѣ встрѣчаются на каждомъ шагу и неизбѣжны. Обвинительная власть можетъ предавать суду только тѣхъ участниковъ, виновность которыхъ устанавливается достаточными фактическими данными. Поэтому обычнымъ представляется въ судебной практикѣ явленіе сужденія второстепенныхъ винов-

никовъ, при необнаруженіи главныхъ виновниковъ, и осужденіе главныхъ виновниковъ въ совершеніи преступленія при необнаруженіи второстепенныхъ и т. п. Мы здѣсь уже входимъ въ область предположеній, а они не могутъ служить основаніемъ для возобновленія дѣла о Тальмѣ. Два факта стоятъ по настоящему дѣлу твердо и несомнѣнно, а именно, что при соблюденіи всѣхъ процессуальныхъ условій состоялись: во-первыхъ, вступившій въ законную силу приговоръ, коимъ Тальма признанъ виновнымъ въ убійствѣ Болдыревой и Сазиновой и въ покушеніи на поджогъ, и, во-вторыхъ, приговоръ о Карповыхъ, признанныхъ виновными въ укрывательствѣ. Правительствующій Сенатъ, соотвѣтственно точному смыслу 935 ст. уст. угол. суд., выяснилъ, что только вновь состоявшійся приговоръ о виновности другаго лица, исключающій виновность осужденнаго, можетъ служить основаніемъ для возобновленія дѣла. Такого приговора по настоящему дѣлу мы не имѣемъ.

Въ ряду доводовъ, приводившихся въ пользу осужденнаго Тальмы, есть указаніе на то, что онъ много пострадалъ. Высказывая свое личное сужденіе, оберъ-прокуроръ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, доводъ не лишенъ серьезнаго значенія. Окружный судъ, опредѣляя Тальмѣ мѣру наказанія, не предвидѣлъ всего того, что онъ вынесъ вслѣдствіе не разъ возникавшей надежды на возможность возобновленія дѣла о немъ, и этотъ переходъ отъ надежды на освобожденіе къ тяжелой для него дѣйствительности можетъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для того, чтобы въ путяхъ Монаршаго милосердія искать облегченія своей участи, но обстоятельство это не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о возобновленіи дѣла о немъ.

По изложеннымъ соображеніямъ оберъ-прокуроръ полагалъ прошеніе повѣренныхъ Тальмы оставить безъ послѣдствій.

Правительствующій Сенатъ, находя объясненія повѣренныхъ Александра Тальмы лишенными значенія въ виду рѣшеній Правительствующаго Сената 1869 г. № 408 и 1870 г. № 405, опредѣлилъ: оставить прошеніе ихъ, за силою ст. 935 уст. угол. суд., безъ послѣдствій.

Высочайшее повелѣніе 28 февраля 1901 г.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи, въ 28 день февраля 1901 года Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: 1) освободить ссыльно-каторжнаго

изъ уроженцевъ Варшавской губерніи Александра Леопольдова Тальма отъ дальнѣйшаго отбытія опредѣленныхъ ему приговоромъ Пензенскаго окружнаго суда 24 сентября 1895 года каторжныхъ работъ и предоставить ему свободное избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ городовъ, а также Пензенской губерніи, съ отдачею его на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ его, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишеннымъ по ст. 43 улож. наказ. всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, однако безъ возстановленія правъ по имуществу, и 2) замѣнить назначенное мѣщанкѣ Христинѣ Никаноровой Карповой по закону наказаніе заключеніемъ въ тюрьмѣ на одинъ годъ, безъ ограниченія правъ, согласно приговору Пензенскаго окружнаго суда 21—26 апрѣля 1900 года.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ УГОЛОВНЫМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1900 ГОДУ.

(*Окончаніе*). [1])

Составилъ **М. П. Шрамченко.**

I. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства.

Ст. 549. Октября 10. По дѣлу *Бѣлозерова.*

Если приговоръ судебной палаты отмѣненъ Правительствующимъ Сенатомъ по неправильному примѣненію къ подсудимому закона о наказаніи и при приведеніи этого рѣшенія Сената въ исполненіе оказалось, что подсудимый, по освидѣтельствованію его окружнымъ судомъ установленнымъ 355 ст. уст. угол. суд. порядкомъ, страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей какъ во время освидѣтельствованія, такъ и во время совершенія преступленія, то судебная палата не въ правѣ пріостанавливать постановленіе приговора о такомъ подсудимомъ впредь до его выздоровленія, а обязана поступить согласно 549 ст. уст. угол. суд., потому что признаніемъ подсудимаго душевно-больнымъ установлено окружнымъ судомъ такое вновь открывшееся обстоятельство, которое не было въ виду какъ при преданіи подсудимаго суду, такъ и при первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла палатой.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст., 1900 г., Ноябрь, стр. 167.

Ст. 595. Сентября 19. По дѣлу *Половикова* и *Михѣева*.

Присутствіе суда, состоящее изъ члена окружнаго суда, городскаго судьи и почетнаго мироваго судьи, не можетъ почитаться согласнымъ съ требованіемъ 595 ст. уст. угол. суд., такъ какъ 146 ст. учр. суд. уст. допускаетъ составъ присутствія окружнаго суда не менѣе, какъ изъ двухъ членовъ окружнаго суда при одномъ почетномъ мировомъ судьѣ; городской же судья членомъ окружнаго суда считаться не можетъ, хотя на основаніи 18 ст. Высочайше утвержденныхъ правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, и можетъ быть приглашаемъ для пополненія присутствія окружнаго суда, въ случаѣ недостатка членовъ онаго. Это положеніе въ точности подтверждается ст. 11 тѣхъ же правилъ, въ которой перечислены тѣ немногіе, исключительные случаи, въ которыхъ городскіе судьи сравниваются съ членами окружныхъ судовъ и, слѣдовательно, во всѣхъ остальныхъ, какъ и вообще, таковыми не считаются.

Ст. 977. Октября 24. *По общему вопросу.*

Такъ какъ лѣсной матеріалъ, вырубленный въ нарушеніе 57^2 и 57^3 ст. уст. наказ., имѣетъ значеніе вещественнаго доказательства, то расходы по охраненію такого матеріала какъ въ томъ случаѣ, когда онъ вывезенъ изъ лѣсной дачи, такъ и въ томъ, когда не вывезенъ, но, за отказомъ привлеченнаго къ отвѣтственности за изъясненныя нарушенія лѣсовладѣльца принять на себя храненіе упомянутаго лѣса, оставленъ подъ присмотромъ наемнаго сторожа, относятся къ судебнымъ издержкамъ, и денежныя средства на покрытіе означенныхъ расходовъ, согласно рѣш. Общ. Собр. 1-го и Касс. Д-товъ 1885 г. № 5, должны быть отпускаемы по требованію полицейскихъ управленій изъ суммъ, ассигнуемыхъ въ распоряженіе судебныхъ мѣстъ на удовлетвореніе потребностей, перечисленныхъ въ 977 ст. уст. угол. суд., съ тѣмъ, чтобы такіе расходы возмѣщались лицами, приговоренными къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, а въ случаѣ ихъ несостоятельности принимались на счетъ казны.

Ст. 1188. Мая 16. По дѣлу *Грунке.*

Высказанное Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣш. 1871 г. № 1616, 1889 г. № 9 и др. положеніе, что ст. 1188 уст. угол. суд. не при-

мѣняется къ нарушеніямъ уставовъ благоустройства, должно въ равной мѣрѣ относиться къ дѣламъ о нарушеніи правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности, и къ отступленію отъ помянутаго положенія по симъ дѣламъ не представляется уважительныхъ основаній. Практическія же затрудненія при соблюденіи общихъ правилъ производства, возможныя вслѣдствіе многосложныхъ обязанностей фабричныхъ инспекторовъ, вполнѣ устранимы закономъ, по силѣ коего (ст. 1216[2] уст. угол. суд.) исполненіе обязанностей по преслѣдованію на судѣ виновныхъ въ нарушеніи упомянутыхъ правилъ можетъ быть возложено на чиновъ полиціи.

II. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Ст. 16. Ноября 28. По дѣлу *Колпакова*.

При совокупности проступковъ обвиняемаго противъ устава о питейномъ сборѣ, влекущихъ за собою денежныя взысканія и конфискацію, а также уплату акциза и цѣны патента, съ другими преступленіями и проступками противъ постановленій какъ того же устава, такъ и другихъ законовъ, вышеозначенныя имущественныя взысканія не покрываются, по правиламъ о совокупности преступленій, другими болѣе строгими наказаніями, слѣдующими виновному, а налагаются за каждое изъ допущенныхъ имъ нарушеній особо, будутъ ли тѣ нарушенія предметомъ одновременнаго разсмотрѣнія на судѣ, или разновременнаго, и притомъ, въ различныхъ, указанныхъ въ ст. 1131—1138 уст. угол. суд., порядкахъ.

Продажа въ теченіе нѣкотораго времени казеннаго вина въ опечатанной и распечатанной посудѣ и распивочно, съ цѣлью извлеченія себѣ незаконною торговлею прибыли отъ такой продажи, составляетъ не совокупность проступковъ въ смыслѣ 16 ст. уст. наказ., а лишь рядъ дѣйствій, составляющихъ одинъ проступокъ, предусмотрѣнный 3 ст. прилож. къ ст. 937 уст. объ акц. сборѣ.

Ст. 29. Января 18. По дѣлу *Головко*.

Высочайше утвержденное 4 іюня 1894 г. положеніе Комитета Министровъ и основанное на ономъ распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 3 сентября 1894 г. за № 24, твердо уста-

новляя существенныя черты вѣроученія секты штундистовъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что лицамъ, исповѣдующимъ эту ересь, общественныя молитвенныя собранія должны считаться безусловно воспрещенными, при чемъ нарушеніе сего запрещенія, при установленіи необходимыхъ признаковъ общественнаго характера богомоленія, должно влечь за собою для виновныхъ отвѣтственность по 29 ст. уст. наказ.

При привлеченіи тѣхъ или другихъ сектантовъ къ отвѣтственности за нарушеніе существующаго относительно штундистовъ воспрещенія сходиться для общественныхъ богомоленій на судѣ прежде всего лежитъ обязанность выяснить и установить, принадлежатъ ли обвиняемые, по существу основныхъ положеній исповѣдываемой ими ереси или расколоученія, именно къ штундизму и соотвѣтствуютъ ли сіи основныя положенія указаніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 3 сентября 1894 г. № 24, въ силу коихъ штундизмъ выражается въ отрицаніи всѣхъ таинствъ и обрядовъ, въ непризнаваніи никакихъ властей и отрицаніи присяги и военной службы, направляется на подрывъ основныхъ началъ православной вѣры и государственнаго строя. Вслѣдствіе подробнаго выясненія означеннымъ циркуляромъ сущности ученія секты штундъ, различныя наименованія, которыя придаютъ себѣ послѣдователи этой секты, не имѣютъ значенія для установленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принадлежности ихъ именно къ штундизму, точно такъ же, какъ названіе себя штундистами со стороны послѣдователей ученій, не заключающихъ въ себѣ несомнѣнныхъ и коренныхъ признаковъ штундизма, само по себѣ не даетъ основанія къ привлеченію ихъ къ отвѣтственности за дѣянія, воспрещенныя исключительно штундистамъ.

Ст. 29. Октября 10. По дѣлу *Тарасюка* и др. и по дѣлу *Семенюка*.

Такъ какъ согласно 827 ст. постановленій учредительнаго комитета Царства Польскаго отъ 15 октября 1866 г. городскія церкви не принадлежатъ къ числу церквей, кои охраняются ночною стражею, установленною въ ст. 827 въ качествѣ сельской послуги, то и требованіе мѣстной власти о явкѣ на ночной караулъ при такихъ церквахъ не представляется законнымъ.

Для правильнаго примѣненія ст. 29 уст. наказ. за отказъ исполнять ночной караулъ при православной церкви, согласно требованію ст. 827 постановленій учредительнаго комитета Царства

Польскаго 15 октября 1866 г., судъ обязанъ установить, что обвиняемый не только православный по смыслу Высочайше утвержденныхъ 2 іюля 1898 г. правилъ для руководства при разсмотрѣніи и рѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ Холмско-Варшавской епархіи, но и принадлежитъ къ прихожанамъ той церкви, къ отбыванію повинности по охраненію коей онъ не явился.

Ст. 38. Января 25. По дѣлу *Азбелева*.

Если приговоромъ суда установлено, что виновнымъ совершено одно изъ нарушеній, предусмотрѣнныхъ 38 ст., то ни отсутствіе шума, ни отсутствіе толпы, ни наконецъ отсутствіе жалобы со стороны оскорбленнаго не можетъ устранить примѣненіе къ виновному означенной статьи.

Ст. 41. Сентября 19. По дѣлу *Паукула*.

Хотя по ст. 12 полож. о тракт. пром. 8 іюля 1893 г. (Свод. зак. т. XII, ч. 11, изд. 1893 г.) въ заведеніяхъ трактирнаго промысла незапрещенныя закономъ игры, музыка и другія тому подобныя развлеченія допускаются лишь съ надлежащаго разрѣшенія, но это разрѣшеніе необходимо исключительно для тѣхъ трактировъ, которые открылись по введеніи въ дѣйствіе положенія о тракт. промыслѣ, т. е. послѣ 1 января 1894 г., но такого разрѣшенія не требуется для трактирныхъ заведеній, открытыхъ ранѣе сего времени и въ которыхъ уже существовали разрѣшенныя закономъ развлеченія, при томъ однакоже условіи, если эти трактиры послѣ 1 января 1894 г. не переданы другимъ лицамъ, въ противномъ же случаѣ переданный другому лицу трактиръ долженъ быть признанъ вновь открытымъ, и содержатель такого трактира обязанъ испросить надлежащее разрѣшеніе на допущеніе въ его трактирѣ допускаемыхъ закономъ развлеченій и до полученія такого разрѣшенія не въ правѣ безнаказанно допускать ихъ въ своемъ трактирѣ.

Ст. 57². Октября 24. По дѣлу *Крейбихъ*.

Съ распространеніемъ положенія о сбереженіи лѣсовъ на губерніи Царства Польскаго лица, виновныя въ рубкѣ растущаго

лѣса не согласно съ Высочайше утвержденными 31 декабря 1875 г. правилами о порядкѣ пользованія лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами въ губерніяхъ Царства Польскаго, или въ мѣстахъ, либо количествѣ, не разрѣшенныхъ планами лѣснаго хозяйства, а также вопреки воспрещенію крестьянскихъ учрежденій или соединенныхъ присутствій ихъ и лѣсоохранительныхъ комитетовъ, подвергаются отвѣтственности по 57^2 ст. уст. наказ.

Ст. 57^2—57^6. Октября 24. *По общему вопросу.*

Отвѣтственности за нарушеніе положенія о сбереженіи лѣсовъ подлежитъ не каждый изъ непосредственныхъ участниковъ нарушенія, а лишь виновный въ томъ лѣсовладѣлецъ или представитель его правъ по распоряженію лѣсомъ.

За нарушеніе положенія о сбереженіи лѣсовъ въ общественномъ лѣсу безъ разрѣшенія общества однимъ или нѣсколькими крестьянами того же общества подлежатъ отвѣтственности эти послѣднія лица, прочіе же крестьяне однообщественники, какъ постороннія лица, отвѣтственности не подлежатъ.

Ст. 142, 148 и 151. Октября 24. По дѣлу *Примака* и *Сбитюка.*

Если въ дѣяніи, сверхъ признаковъ, объемлемыхъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ, содержатся особые характеристическіе признаки, предусмотрѣнные закономъ болѣе мягкимъ (напр., кромѣ насильственныхъ дѣйствій противъ личности, имѣется признакъ самовольной пастьбы скота въ нарушеніе имущественныхъ правъ владѣльца земли), то дѣяніе это или подводится подъ исключительное дѣйствіе болѣе тяжкаго уголовнаго закона, или должно вести къ совмѣстному примѣненію, съ соблюденіемъ правилъ совокупности, обоихъ законовъ, болѣе мягкаго и болѣе тяжкаго.

Ст. 148. Октября 24. По дѣлу *Дмитріева.*

Такъ какъ въ силу ст. 7, 10 и 11 Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 г. положенія о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ (Собр. узак. 1869 г. № 47, ст. 363) отведенныя станицамъ земли принадлежатъ не членамъ станичнаго общества, а всему станичному обществу какъ юридическому лицу, то за

выдѣленіемъ отдѣльнымъ членамъ общества земли подъ пастьбу скота, эта пастьба можетъ производиться только на отведенной землѣ; пользованіе же общественной землей для выпаса скота внѣ предѣловъ, назначенныхъ станичнымъ обществомъ, будетъ самовольнымъ, наказуемымъ по 148 ст. уст. наказ.

Ст. 165. Мая 16. По дѣлу *Пономарева* и *Кокорева*.

Денежное взысканіе, опредѣленное за безбилетный сплавъ законно пріобрѣтеннаго лѣса, обращается въ земскій по каждой губерніи капиталъ на устройство мѣстъ заключенія.

Ст. 176¹. $\frac{\text{Марта 21}}{\text{Октября 10}}$. По дѣлу *Ильина*.

Ст. 176¹ предусматриваетъ умышленное умолчаніе должника лишь о такомъ имуществѣ, которое во время дачи имъ показанія состоитъ за нимъ, но не о такомъ, которое по документамъ числится за другими лицами, хотя бы даже такое имущество было переукрѣплено должникомъ для сокрытія его отъ долговъ; при этомъ, такъ какъ умолчаніе должника о числящемся за нимъ имуществѣ должно быть намѣреннымъ, то нельзя признать соотвѣтственнымъ закону неоднократное преслѣдованіе должника за умолчаніе объ одномъ и томъ же имуществѣ предъ однимъ и тѣмъ же кредиторомъ.

III. Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 1160. Сентября 19. По дѣлу *Соловьева*.

Хотя Правительствующимъ Сенатомъ и было разъяснено (рѣш. 1875 г. № 595, 1877 г. № 96 и др.), что при злоупотребленіи вексельнымъ бланкомъ посредствомъ вписанія въ него суммы, превышающей слѣдовавшую по договору, но соотвѣтствующей цѣнѣ листа, нельзя допустить уголовнаго преслѣдованія, такъ какъ нельзя давать судебной защиты противъ такого злоупотребленія, которое можетъ совершиться только вслѣдствіе нарушенія самимъ потерпѣвшимъ лицомъ запрещенія, изложеннаго въ 542 ст. уст. о векс. (нынѣ примѣч. къ 2 ст.), но положеніе это должно быть примѣняемо лишь тогда, когда вексельный бланкъ выдается вмѣсто

вексельнаго обязательства, а не въ тѣхъ случаяхъ, когда такой бланкъ получается не взамѣнъ векселя, а напр. для храненія его, вписанія текста и проч. Въ послѣднихъ случаяхъ сдѣлка, въ исполненіе или обезпеченіе которой долженъ быть выданъ вексель, не существуетъ, и, слѣдовательно, не совершается закономъ воспрещенной передачи бланка, а потому и уголовное преслѣдованіе за злоупотребленіе такимъ вексельнымъ бланкомъ (вписаніемъ въ бланкъ суммы бо́льшей противъ слѣдовавшей по договору, или въ пополненіи текста, по прекращенію правооснованій, въ силу которыхъ вексельный бланкъ былъ выданъ, помимо согласія и вѣдома, а слѣдовательно безъ участія бланкодателя) вполнѣ допустимо.

Ст. 1360. Апрѣля 18. По дѣлу *Симсона*.

Самовольное именованіе себя мастеромъ ремесла въ городахъ Остзейскихъ губерній и содержаніе ремесленныхъ учениковъ лицами, не имѣющими званія мастера, можетъ подлежать наказанію по 1360 ст., но безъ конфискаціи произведеній ремесла и инструментовъ, такъ какъ такая конфискація вполнѣ соотвѣтственна при примѣненіи ея къ лицамъ, не имѣющимъ права заниматься ремесломъ, въ Остзейскихъ же губерніяхъ, согласно точному смыслу 1 примѣч. къ ст. 285 уст. о пром., право заниматься ремеслами принадлежитъ всѣмъ желающимъ.

Ст. 1655. Сентября 19. По дѣлу *Реброва*.

Рѣшеніе Правительствующаго Сената 1893 г. № 12, коимъ было разъяснено, что имущество, поступающее подъ надзоръ или распоряженіе лицъ, нанимаемыхъ для отправленія всякаго рода работъ (3 п. 2201 ст. X т. ч. 1), не выходитъ изъ обладанія хозяина, хотя бы и не находилось въ его помѣщеніи, и тайное обращеніе такого имущества въ свою пользу, или продажа онаго, составляетъ кражу, вполнѣ примѣнимо и къ лицамъ, взявшимъ на себя исполненіе по договору подряда такихъ работъ, которыя могли бы быть исполнены по договору личнаго найма, такъ какъ все различіе между обоими договорами состоитъ лишь въ томъ, что при подрядѣ работы составляютъ предпріятіе, исполняемое на иждивеніи подрядчика (1737 ст. X т. ч. 1); практическое же различіе обоихъ договоровъ состоитъ въ томъ, что для подряда

обязательна письменная форма (1742 ст. X т. ч. 1), тогда какъ наемъ рабочихъ можетъ быть заключенъ и словесно (2226 ст. X т. ч. 1), слѣдовательно, по послѣднему могутъ быть допущены свидѣтельскія показанія (ст. 409 уст. гражд. суд.), не допускаемыя въ доказательство существованія подряда и его условій (ст. 410 того же устава).

IV. Уставъ таможенный.

Ст. 1543. Ноября 28. По дѣлу *Гутмана.*

Употребленное въ ст. 1543 уст. тамож. выраженіе „въ губерніяхъ западныхъ" представляетъ редакціонную неточность и не можетъ быть толкуемо буквально, а должно быть понимаемо въ смыслѣ губерній, прилегающихъ къ западной границѣ, къ каковымъ относится и Курляндская губ. Это положеніе вытекаетъ изъ того, что ст. 1543 уст. тамож. основана, между прочимъ, на 2 п. закона 27 октября 1858 г. и замѣнила (по прод. 1895 г.) ст. 19 уст. о пасп. 1890 г., въ которой прямо говорилось о евреяхъ, проживающихъ въ 50-ти верстномъ разстояніи отъ западной границы.

Ст. 1564. Ноября 28. По дѣлу *Гутмана.*

Виновный въ самовольномъ возвращеніи въ 50-ти верстную пограничную черту, откуда онъ былъ высланъ за нарушеніе таможеннаго устава, подлежитъ отвѣтственности не по 63 ст. уст. наказ., а по 1564 уст. тамож., такъ какъ ст. 958 улож. наказ., изд. 1857 г. (ст. 804, изд. 1866 и 1885 г.) по которой, согласно 4 п. закона 27 октября 1858 г. (П. С. З. 1858 г. № 33659), опредѣлялось наказаніе виновнымъ въ означенномъ дѣяніи, не вошла въ перечень статей, замѣненныхъ 63 ст. уст. наказ. (Высоч. утвержденное 27 декабря 1865 г. мнѣніе Государств. Совѣта о согласованіи уложенія съ уставомъ о наказаніяхъ), а вошла въ 1564 ст. уст. тамож. изд. 1892 г.

V. Уставъ о промышленности.

Ст. 285, примѣч. 1. Апрѣля 18. По дѣлу *Симсона.*

Изъ содержанія 1 примѣч. къ ст. 285 и источниковъ, на коихъ оно основано, съ несомнѣнностью вытекаетъ, что въ Прибалтій-

скихъ губ., а равно въ г. Нарвѣ, право заниматься ремеслами предоставляется не только имѣющимъ званіе мастера, но и другимъ лицамъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о прямыхъ налогахъ, и съ ограниченіями, въ этомъ уставѣ указанными (ст. 235 съ примѣчаніями уст. о прям. нал., изд. 1893 г.). Однако же такой ремесленникъ, не записавшись въ цехъ, не можетъ именовать себя мастеромъ ремесла, если онъ не имѣетъ требуемыхъ закономъ (ст. 387 уст. о пром.) на сіе званіе аттестата ремесленнаго или техническаго учебнаго заведенія, или свидѣтельства отъ ремесленной управы, а равно не имѣетъ права имѣть ремесленныхъ учениковъ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Французскій законъ 1 декабря 1900 г. о разрѣшеніи женщинамъ, имѣющимъ дипломы лиценціата правъ, заниматься адвокатурою.

Вопросъ о допущеніи женщинъ къ адвокатскимъ занятіямъ выдвинутъ былъ во Франціи три года тому назадъ, когда только что получившая степень доктора правъ парижскаго университета m-lle Jeanne Chauvin обратилась въ Cour d'appel съ небывалымъ ходатайствомъ—разрѣшить ей принести обычную, установленную для адвокатовъ, присягу. Парижская апелляціонная палата, 30 ноября 1897 года, вынесла рѣшеніе, съ нетерпѣніемъ ожидавшееся не одной французской женщиной: оно находило, что, при современномъ состояніи законодательства, женщина, получившая дипломъ лиценціата правъ, не можетъ быть допущена къ адвокатской присягѣ. При этомъ палата ссылалась: 1) на законъ 22 вентоза XII года объ организаціи адвокатуры на старыхъ началахъ, по которому совѣтъ сословія адвокатовъ является учрежденіемъ традиціоннымъ, строго охраняющимъ обычаи и ордонансы старины (а по древнему праву адвокатская профессія никогда не отправлялась лицами женскаго пола,—въ Римѣ даже была формально запрещена), и 2) на дѣйствующее законодательство, предусматривающее въ извѣстныхъ случаяхъ исполненіе адвокатами обязанностей судей.

Рѣшеніе это вызвало живую полемику на столбцахъ общей и спеціальной прессы и цѣлую бурю среди многочисленныхъ сторонниковъ женской эмансипаціи. Сущность всѣхъ нападокъ и

возраженій сводилась къ доказательству, что каковы бы ни были мотивы отказа cour d'appel, дѣйствующіе законы очевидно содержатъ явный пробѣлъ въ данномъ случаѣ, не давая ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній къ разрѣшенію поставленнаго вопроса, а въ такомъ случаѣ долженъ имѣть мѣсто основной юридическій принципъ: lex, ubi voluit, dixit; expressa nocent, non expressa non nocent, тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно вяжется съ другимъ кореннымъ началомъ, усвоеннымъ современнымъ французскимъ правомъ—свободой профессій. Отказъ палаты не сопровождался обращеніемъ къ кассаціонной инстанціи, такъ какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ депутаты Леонъ-Буржуа, Левеллье, Поль Дешанель и Пуанкарэ внесли въ палату предложеніе объ изданіи новаго закона, категорически разрѣшающаго женщинамъ съ дипломомъ licencié en droit приносить адвокатскую присягу и заниматься этой профессіей.

Авторы предложенія рельефно подчеркивали всю аномалію, которую вызываетъ современное положеніе. Судъ—государственное учрежденіе—подрываетъ въ рукахъ женщины значеніе диплома, полученнаго ею изъ университета—такого же государственнаго учрежденія. Женщины, говорятъ авторы предложенія, должны получить возможность честнымъ путемъ, согласно со своимъ образованіемъ и познаніями, зарабатывать себѣ хлѣбъ. Какъ мужчинамъ, на томъ основаніи, что это скорѣе „женское занятіе", не запрещаютъ шить платья, отмѣривать ленты и кружева, такъ и относительно женщинъ современный законодатель не можетъ помириться съ умолчаніемъ закона, которое разъясняется не въ пользу женщинъ изъ тѣхъ соображеній, что когда-то, въ былыя времена, адвокатская профессія была только „мужскимъ занятіемъ". Ссылка на помянутый законъ 22 вентоза XII года не говоритъ ничего, такъ какъ современное устройство адвокатуры регулируется Наполеоновскимъ декретомъ 1810 года, а въ этомъ послѣднемъ о недопущеніи женщинъ къ адвокатскимъ занятіямъ не говорится ни слова. Что же касается случаевъ исполненія адвокатами обязанностей судей, то обыкновенно въ настоящее время адвокаты несутъ ихъ сравнительно рѣдко. Да къ адвокату и не предъявляютъ тѣхъ же требованій, какъ къ судьѣ: судьей нельзя быть моложе 25 лѣтъ, а адвокатомъ можно стать 22-хъ и даже моложе 21 года. Спрашивается, почему же все-таки допускаются къ адвокатурѣ молодые юристы въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, несмотря на то, что они неспособны въ теченіе этихъ 5 лѣтъ, по закону, замѣнять недостающихъ судей? Значитъ, представляется же воз-

можнымъ допустить къ занятію адвокатурой лицъ, не имѣющихъ права исполнять обязанности чиновъ магистратуры.

Предложеніе г.г. Буржуа, Дешанеля и Пуанкарэ было передано въ коммисію судебныхъ реформъ, но оно было внесено еще въ мартѣ 1898 года, наканунѣ обновленія палаты новыми выборами, а въ новомъ парламентѣ, особенно съ паденіемъ министерства Бриссона, проекту грозило если не забвеніе, то навѣрное долголѣтнее пребываніе въ портфелѣ коммисіи. Противъ этого выступилъ депутатъ Ренэ Вивіани. Онъ счелъ необходимымъ въ одномъ изъ осеннихъ засѣданій палаты (1898 г.) напомнить ей о проектѣ, имѣющемъ цѣлью существенно расширить сферу дѣятельности французской женщины, и отъ своего имени и нѣсколькихъ своихъ единомышленниковъ внесъ его на ея разсмотрѣніе. Въ сжатой и энергичной рѣчи, не разъ прерываемой апплодисментами и одобреніями, Вивіани выяснилъ мотивы проекта и предложилъ признать неотложность его обсужденія. Послѣдняя была принята, и вслѣдъ затѣмъ образована особая коммисія для разработки проекта закона о допущеніи женщинъ къ адвокатурѣ. Коммисія эта, выслушавъ мнѣніе членовъ и нѣкоторыхъ изъ приглашенныхъ (между прочимъ и министра юстиціи, поддержавшаго проектъ), назначила докладчикомъ Р. Вивіани.

Въ засѣданіи палаты 2 декабря 1898 г. былъ прочитанъ любопытный докладъ коммисіи. Излагая ходъ неожиданно возникшаго вопроса о женской адвокатурѣ, онъ останавливался, между прочимъ, на роли общественной иниціативы въ данномъ случаѣ. „Никогда не слѣдуетъ пренебрегать этимъ неустаннымъ помощникомъ, этимъ обычнымъ піонеромъ реформъ, съ такой медлительностью у насъ осуществляемыхъ“—говорилось, между прочимъ, въ докладѣ—„тѣмъ болѣе въ данномъ вопросѣ, который можно только сузить, разсматривая съ одной юридической точки зрѣнія, независимо отъ важнаго и сложнаго женскаго вопроса тѣмъ болѣе, что противники реформы стоятъ именно на этой почвѣ. Они указываютъ на состояніе нашихъ нравовъ и выражаютъ боязнь за ихъ разстройство отъ одного только предложенія текста закона яснаго и понятнаго вмѣсто туманнаго. „А общественные нравы!“—восклицаютъ они. Нѣтъ ни одного предложенія, которое бы не взывало къ нимъ, ни одного человѣка, который бы отказался отъ права говорить отъ ихъ имени. Мы не впадемъ въ эту ошибку. Призовемъ на помощь лишь одни факты... Такъ или иначе, не поднялась ли женщина на много и много ступеней въ теченіе по-

слѣдняго полустолѣтія въ этомъ общемъ стремленіи, которое влечетъ всѣхъ къ интеллектуальному совершенствованію? Не ее ли мы видимъ студенткой, и усердной студенткой, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, вплоть до самыхъ высшихъ. Не она ли проникла на наши факультеты, преодолѣвая, безъ всякихъ послабленій въ ея пользу, предъявляемыя требованія до конкурсовъ на соисканіе кафедры включительно? Артистки, литераторы, ученыя, врачи—эта плеяда женщинъ растетъ съ каждымъ днемъ, и не думая падать нравственно, но возвышаясь умственно, сознавая, что образованіе—лучшее ихъ украшеніе. Чтобы передать подрастающему поколѣнію полученныя ими знанія, онѣ проникли въ педагогическую среду. Кто же жалуется на это, кромѣ людей черезчуръ раздражительныхъ и, слава Богу, попадающихся все рѣже? Выдавая женщинѣ дипломъ лиценціата правъ, не уничтожатъ ли его значеніе, если запретятъ заниматься такой свободной профессіей, какъ адвокатура? Тогда къ чему же ученіе женской молодежи?—Другіе выражаютъ опасеніе, что утратится или, по меньшей мѣрѣ, подвергнется большой опасности женская стыдливость. Мы часто слышали это мнѣніе и не могли понять его. Того же опасались еще давно, когда шелъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты, наравнѣ со студентами. Доказательства самыя наглядныя, которыя приходится принять въ разсчетъ, обнаружили всю дѣтскость этого соображенія. Женщина встрѣтила со стороны профессоровъ и студентовъ пріемъ, любезность котораго не поколебала къ ней почтенія. То же случится и съ корректной средой адвокатовъ, которые—изъ широты взглядовъ, если не изъ простаго гостепріимства, сумѣютъ принять въ свои ряды новыхъ коллегъ... Да и нельзя видѣть, чѣмъ адвокатская профессія можетъ представить какую-либо опасность для женщины. Ея добродѣтель можетъ быть одинаково спасена какъ въ строгихъ рамкахъ адвокатской среды, такъ и на различныхъ поприщахъ комедіи свѣтской жизни. Наконецъ, наиболѣе ходячее мнѣніе выражается слѣдующимъ образомъ: „Женщина—адвокатъ. А что́ станетъ съ семьей? Кто ею будетъ заниматься? Во что́ обратится домашнее хозяйство? Зачѣмъ, подъ предлогомъ этой маніи равноправности, лишать женщину ея назначенія—украшать и вѣдать домашній очагъ?“... Но почему подобныя сомнѣнія должны имѣть мѣсто по отношенію къ женской адвокатурѣ? Они могутъ быть направлены и противъ женщинъ врачей, женщинъ-коммерсантокъ или артистокъ. Непонятно, почему занятіе урегулирован-

ной и почтенной профессіей, доставляющей своимъ многочисленнымъ адептамъ глубокое удовлетвореніе, можетъ не совмѣщаться съ идеей семьи и необходимыми обязанностями, которыя она налагаетъ"...

Изложенный докладъ коммисіи предполагалось подвергнуть обсужденію въ палатѣ еще въ февралѣ или мартѣ 1899 года, но вслѣдствіе различныхъ причинъ—смерти президента республики, паденія министерства и т. п.—обсужденіе его все откладывалось. Наконецъ, въ засѣданіи 30 іюня 1899 года палата нашла возможнымъ обсудить предложенный коммисіей законопроектъ и выслушать докладчика и его оппонентовъ. Наиболѣе энергичнымъ изъ послѣднихъ явился г. Массабюо, взглянувшій на дѣло какъ разъ съ той точки зрѣнія, которую предвидѣлъ Ренэ Вивіани. Онъ указалъ на связь домогательствъ m-lle Chauvin съ ея пропагандой [1]) въ пользу женской равноправности вообще, въ гражданскомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Первое уже достигнуто, послѣднее достигается, но политическія домогательства терпѣли и терпятъ до сихъ поръ неудачу во Франціи. Въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ своихъ Массабюо, цитируя Бебеля, указывалъ на связь предложенія коммисіи съ попытками разрушить современный общественный строй и его основы—семью и личную собственность, запугивалъ палату послѣдствіями, если она приметъ „ложный", „дурной" принципъ, который лежитъ въ основаніи проекта. Доводы оратора не встрѣтили однако сочувствія: его часто прерывали замѣчаніями à part, колкими насмѣшками открытымъ смѣхомъ.

Г. Ренэ Вивіани, въ своихъ отвѣтныхъ замѣчаніяхъ коснулся, между прочимъ, высказанныхъ взглядовъ на бракъ и свободный союзъ. Онъ—сторонникъ послѣдняго, но не въ его теперешнемъ видѣ, гдѣ женщина предоставлена безъ защиты капризу мужчины, въ союзѣ съ которымъ она занимаетъ мѣсто непрочное, приниженное: непрочное—въ пору молодости и скоропреходящей красоты, приниженное, когда войдетъ въ года и когда ей приходится встрѣчать съ его стороны пассивное отношеніе, или еще того хуже—милость. „Мы мечтаемъ о другомъ будущемъ, о другой роли для женщинъ. Мы хотимъ создать имъ экономическую равноправность, такое равенство, безъ котораго

---

[1]) Jeanne Chauvin. Étude historique sur les professions accessibles aux femmes. Paris. 1892.

остальныя ея права—смѣшная химера: дать ей возможность этимъ путемъ стать госпожей самой себѣ, свободно развивать свою личность, свободно устраивать свою жизнь въ согласіи съ двойнымъ завѣтомъ—своего сердца и своей воли. Но до тѣхъ поръ, до того дня, когда эта идея будетъ осуществлена, до того дня, когда, по словамъ великаго Бомарше, на женщину не будутъ смотрѣть какъ на „mineure pour ses biens et majeure pour ses fautes", когда не будетъ противорѣчій между настоящими стремленіями и нашимъ далекимъ идеаломъ, мы будемъ не только поддерживать, но усиливать крѣпость брака, такъ какъ въ немъ остается твердая гарантія для женщины отъ произвола мужчины, такъ какъ для жены и дѣтей—это живая крѣпость, за которой должна найти себѣ защиту мать"...

Въ результатѣ преній единственная статья проекта была поставлена на баллотировку. Текстъ ея гласитъ:

„Со времени изданія настоящаго закона, женщины, съ дипломомъ лиценціата правъ, имѣютъ быть допущены къ принесенію присяги, установленной 31 статьей закона 22 вентоза XII года для лицъ, желающихъ быть адвокатами и заниматься адвокатской практикой, подъ условіемъ стажа, соблюденія дисциплины и постановленій, предусмотрѣнныхъ дѣйствующими по сему предмету законами.

„Статьи 30 закона вентоза XII года и 35, § 3, декрета 14 декабря 1810 г., равно статьи 84, 118 и 468 уст. гражд. суд. не могутъ распространяться на женщинъ, кои пожелаютъ воспользоваться настоящимъ закономъ".

Большинствомъ 312 голосовъ противъ 160 палата депутатовъ вотировала этотъ проектъ, и онъ вступилъ въ послѣднюю стадію—на разсмотрѣніе сената. Здѣсь, въ свою очередь, для его обсужденія образована была коммисія, подъ предсѣдательствомъ Эдуарда Милло. Коммисія, кромѣ одного ея члена (M. Delobeau), высказалась въ пользу предложеннаго закона, и проектъ не подвергся никакимъ даже редакціоннымъ измѣненіямъ.

Отстаивая выработанный въ палатѣ законопроектъ, коммисія разбила свои доводы на двѣ части: въ одной сгруппированы данныя въ пользу разрѣшенія женщинамъ заниматься адвокатурой, въ другой—мотивировано освобожденіе женщины-адвоката отъ обязанности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣщать судью. Мотивы этой послѣдней части, очень краткіе, указывали на дѣйствующее законодательство, безусловно воспрещающее женщинамъ быть судьями, и на неиз-

бѣжную связь этой стороны вопроса съ расширеніемъ политическихъ правъ женщины, что̀ далеко вышло бы за предѣлы задачи коммисіи, рѣшившей держаться лишь на почвѣ защиты принципа профессіональной свободы, твердо усвоеннаго современнымъ французскимъ законодательствомъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, сенатская коммисія безусловно высказалась въ пользу допущенія женщинъ къ адвокатскимъ занятіямъ. Повторяя и цитируя доводы, развитые въ мотивахъ палаты, она видитъ неустранимую, вполнѣ логическую послѣдовательность въ изданіи новаго закона, разъ государство съ давнихъ лѣтъ само открывало доступъ женщинъ и въ высшія учебныя заведенія, и ко многимъ видамъ профессіональнаго труда. Допущеніе женщинъ къ адвокатурѣ является такимъ образомъ только дальнѣйшей стадіей въ развитіи принципа профессіональной правоспособности. Всѣ возраженія противъ закона крайне шатки: прежде всего адвокатовъ-женщинъ не можетъ быть много; по мнѣнію коммисіи, онѣ даже „будутъ представлять всегда исключеніе", какъ женщины-врачи. Имъ не помѣшаетъ ихъ новое занятіе быть хорошими женами и матерями. Что же касается правъ мужа, то и они ничуть не поколеблются: de facto мужъ всегда будетъ имѣть средства повліять на занятіе женою адвокатской профессіей,— хотя бы простой перемѣной мѣста жительства, такъ какъ дѣйствующія постановленія адвокатскаго сословія требуютъ, чтобы адвокатъ жилъ тамъ, гдѣ онъ записанъ. Притомъ же совѣты адвокатовъ могутъ установить однимъ изъ условій пріема въ свою среду для замужнихъ женщинъ согласіе ихъ мужей. Вообще сенатская коммисія напоминаетъ, что еще долго французской замужней женщинѣ придется считаться съ положеніемъ каноническаго права „vir est caput mulieris", и съ этой стороны бояться нечего. Коммисія не можетъ относиться серьезно къ опасеніямъ за судей, съ точки зрѣнія вліянія на нихъ адвоката-женщины. Вѣдь въ такомъ случаѣ слѣдуетъ запретить женщинѣ выступать и въ качествѣ истицы, такъ какъ она можетъ защищать свое собственное дѣло внѣ судебныхъ засѣданій гораздо болѣе страстно,—и потому для судей болѣе „опасно",—чѣмъ выступая передъ судомъ въ публичномъ засѣданіи. Такимъ образомъ, сенатская коммисія не нашла никакихъ уважительныхъ причинъ къ отказу женщинѣ заниматься профессіей, которую она съ честью можетъ выполнять подъ бдительнымъ окомъ адвокатскихъ „совѣтовъ". „Адвокатура безспорно является одной изъ прекраснѣй-

„шихъ и наиболѣе желанныхъ профессій, но это вовсе не коро-„левство, для котораго необходимо возстановить салическій за-„конъ“,—говоритъ докладъ въ заключеніи.

Вышеприведенный текстъ законопроекта былъ предложенъ поэтому на обсужденіе сената, какъ мы уже сказали, безъ всякихъ измѣненій. Оно состоялось въ засѣданіи 13 ноября минувшаго года. Сторонниками и противниками проекта былъ высказанъ рядъ соображеній pro и contra, представляющихъ значительный интересъ. Наиболѣе рѣшительнымъ противникомъ допущенія женщинъ къ адвокатскимъ занятіямъ выступилъ сенаторъ Гуржю.

„Мы поистинѣ рыцарскій народъ, всегда готовый пламенѣть отъ всякой новой благородной мысли„—началъ онъ—„лишь бы она отвѣчала природному нашему великодушію, хотя бы и была въ то же время самой непрактичной, можетъ быть даже самой химерической. А если новая возникшая у насъ идея—справедливо или нѣтъ—касается интересовъ малыхъ, слабыхъ, обездоленныхъ или тѣхъ, кого мы считаемъ за такихъ, то нашъ пылъ уже не знаетъ предѣловъ, мы въ восхищеніи носимся съ ней, не требуя отъ нея ничего кромѣ обаянія, которое она на насъ производитъ, и не пытаясь узнать, какую реальную выгоду могутъ извлечь изъ нея тѣ, кому мы намѣреваемся помочь. Боюсь, что предложенный нашему обсужденію законопроектъ принадлежитъ къ числу тѣхъ обольстительныхъ измышленій, гдѣ сердце перевѣшиваетъ разсудокъ, боюсь, какъ бы онъ не принесъ женщинѣ—если, къ несчастью, онъ сдѣлается закономъ,—гораздо менѣе положительныхъ выгодъ, чѣмъ горькихъ разочарованій.

„Однако я занялъ эту каѳедру не съ тѣмъ, чтобы просить сенатъ въ настоящемъ его засѣданіи отклонить проектъ, но просто, чтобы вызвать съ его стороны предварительное разслѣдованіе вопроса, къ которому коммисія, къ моему удивленію, въ своемъ энтузіазмѣ, не нашла нужнымъ прибѣгнуть; я говорю о желательности получить отзывы апелляціонныхъ палатъ и главнѣйшихъ адвокатскихъ корпорацій Франціи, которыя болѣе чѣмъ кто-либо компетентны, и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, высказать намъ: первыя—соображенія, основанныя на полномъ безпристрастіи, вторыя—сужденія, опирающіяся на долгій и высоко-авторитетный опытъ“.

Ораторъ заявилъ, что онъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ соображенія нравственнаго порядка, которыя находятся въ зависимости отъ физической структуры женщины, отъ ея интеллектуальныхъ или

нравственныхъ особенностей. Онъ не видитъ въ этомъ необходимости потому, что сенатская коммисія, съ докладчикомъ во главѣ, сама дала критику защищаемому проекту. „Слѣдуетъ ли опасаться",—говоритъ она—„что на другой день по обнародованіи закона наши юридическіе факультеты переполнятся отъ большаго числа женщинъ, которыя погонятся за дипломомъ, чтобы получить доступъ къ адвокатурѣ? *Къ счастью*, нѣтъ. Дѣйствительно—продолжаетъ сама коммисія—являлось бы *нежелательнымъ*, съ соціальной точки зрѣнія, чтобы женщины въ большомъ числѣ занялись адвокатурой. Мѣсто женщины, по ея природѣ, въ семьѣ, и законодатель долженъ стремиться удержать ее тамъ". Итакъ, ядовито замѣчаетъ ораторъ, мы будемъ вотировать законъ, а когда этотъ законъ будетъ дѣйствовать, разсчитывайте на женское благоразуміе: онѣ не будутъ имъ пользоваться. Нельзя же, однако, господа, создавать законы въ надеждѣ, что они не будутъ служить тѣмъ, для кого они создаются".

Г. Гуржю затѣмъ останавливается на практической безполезности закона. „Одно изъ соображеній, которое, повидимому, наиболѣе привлекаетъ ему сторонниковъ, таково: положимъ, женщина счастливая, довольная, вдругъ теряетъ мужа. Она остается вдовой, безъ средствъ, съ тяжелыми обязанностями, можетъ быть съ нѣсколькими дѣтьми. Она чувствуетъ склонность къ юриспруденціи. У нея есть ораторскія способности. Какъ можно запретить ей доступъ къ профессіи, которая можетъ явиться кускомъ хлѣба и для нея, и для ея дѣтей? „Если ей не дадутъ доступа въ адвокатуру, она умретъ съ голоду, и ея дѣти умрутъ съ голоду". Но, возражаетъ Гуржю, если ей открыть доступъ къ адвокатурѣ, она и ея дѣти также умрутъ съ голоду. „Вы, конечно, согласитесь,,—объяснилъ ораторъ—„что въ barreau вступаютъ не такъ, какъ въ Тюльери или въ какой-нибудь музей; для этого нужно выполнить предварительныя условія, условія дорого стоящія, требующія продолжительнаго срока для выполненія. Нужно, слѣдовательно, допустить что предполагаемая вдова, будучи еще дѣвушкой, предвидѣла, что она можетъ потерять мужа, останется безъ средствъ, будетъ имѣть много дѣтей и что ей придется прибѣгнуть къ адвокатурѣ, чтобы существовать самой и дѣтямъ. Ей нужно было въ дѣтствѣ, заранѣе, заниматься какъ и мужчина, чтобы получить дипломъ баккалавра; затѣмъ она должна была, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, изучать право, что̀ требуетъ крупныхъ затратъ. Затѣмъ, при необходимыхъ для занятія адвокатурой дипломахъ, въ случаѣ потери, спустя

нѣсколько лѣтъ мужа,—я говорю нѣсколько, потому что мы предположили, что у нея нѣсколько дѣтей,—она обратится къ корпораціи адвокатовъ съ просьбой предоставить ей возможность зарабатывать кусокъ хлѣба, который вы хотите дать ей непремѣнно отъ адвокатуры.

„Но даже и тогда, при стеченіи столь сложныхъ и рѣдкихъ условій, еще ничего не сдѣлано для вдовы, добивающейся вполнѣ законно обезпечить жизнь свою и дѣтей. Ей предстоитъ покорно дожидаться кліентовъ, повторять курсы, уже давно забытые, выдержать все, что̀ приходится переносить мужчинамъ, и мучительно ждать, а иногда, увы, быть можетъ и часто, терпѣть неудачи. Къ чему же сводятся тѣ симпатичныя намѣренія, которыя болѣе всего превозносились сторонниками вашего новаго закона? Они сводятся къ предположенію, что воображаемая вдова, разъ она заранѣе не вооружена всѣми аттрибутами для занятія адвокатурою, останется совершенно въ томъ же самомъ положеніи, какъ и теперь, при современномъ режимѣ барро, да и вдобавокъ немногимъ будетъ лучше ея положеніе, если она, слѣдуя невѣроятному дару предвидѣнія, по всѣмъ правиламъ, съ юности, выполнитъ требуемыя условія. Адвокатскихъ занятій, доступъ къ которымъ вы хотите ей открыть, на самомъ дѣлѣ вы не обезпечите ей вовсе.

„Но, попавъ такъ или иначе, въ адвокатскую среду, что̀ будетъ дѣлать тамъ женщина? Что̀ найдетъ она тамъ? Какой успѣхъ, какая кліентура ожидаютъ ее? Адвокатская профессія требуетъ исполненія цѣлаго ряда разнообразныхъ, сложныхъ условій, необходимыхъ для успѣха адвоката-мужчины, а тѣмъ болѣе для адвоката-женщины. Далеко недостаточно, напр., имѣть краснорѣчіе, быть хорошимъ ораторомъ, чтобы имѣть успѣхъ въ профессіи, гдѣ, наоборотъ, слишкомъ много краснорѣчія можетъ представлять иногда опасность; недостаточно также быть знатокомъ права, такъ какъ одно знаніе права, если его не умѣютъ примѣнять на практикѣ, не создастъ успѣха адвокату. Недостаточно также быть честнымъ, въ самомъ широкомъ значеніи слова, такъ какъ честность одна, сама по себѣ, настолько общее явленіе, что при суровой дисциплинѣ совѣта адвокатовъ, также является только однимъ изъ элементовъ профессіональной жизни. Не могутъ сдѣлать все, наконецъ, и многочисленныя связи въ мірѣ avoués и въ мірѣ дѣловомъ; того, кто не имѣетъ другихъ способностей какъ только заводить полезныхъ друзей, скоро вывели бы на

свѣжую воду. Необходимо, чтобы все это имѣло мѣсто въ различныхъ дозахъ, если вы позволите такъ выразиться, и чтобы адвокатъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, которыя такъ трудно поддаются математическому опредѣленію, но совокупность которыхъ даетъ только возможность разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ.

„Самое обезпеченіе себѣ подходящихъ дѣлъ требуетъ мужской энергіи, способной выдержать скрытую борьбу, чтобы проложить себѣ дорогу и обезпечить медленное завоеваніе кліентуры. Женщинѣ трудно идти въ уровень съ мужчиной въ этомъ отношеніи. Сами мужчины не всегда выдерживаютъ борьбу. Стòитъ прослѣдить, сколько остается чѐрезъ двадцать и менѣе лѣтъ отъ ежегодно вступающихъ въ адвокатуру. Значитъ, ни присяга, ни добрая воля, ни связи, ни само краснорѣчіе, можетъ быть, не ведутъ всѣхъ къ многочисленнымъ дѣламъ и богатству. Очень немногочисленны въ адвокатурѣ тѣ, кто наживаютъ состоянія. А чтò станется съ женщиной среди всего этого? Ее просто на просто затрутъ, а вѣдь она явится еще съ большими иллюзіями, чѣмъ мужчина, и испытаетъ большія разочарованія, такъ какъ она болѣе нервна, чѣмъ онъ, и обладаетъ меньшей разсудительностью. Эту женщину, которой вы хотите открыть доступъ въ адвокатуру, вы обрекаете, почти навѣрное, на голодную смерть. Но если бы, паче чаянія, какой-нибудь женщинѣ, по счастливой случайности, удалось выбиться изъ этой борьбы, то тогда ей грозитъ вмѣстѣ съ многочисленными дѣлами и изобиліемъ защитъ—усталость до истощенія. Не видимъ ли мы адвокатовъ, выходящихъ изъ залы засѣданій, послѣ двух-трехчасовой защиты, изнеможенными отъ физическаго и умственнаго напряженія всего своего существа и духовнаго, и тѣлеснаго, часто съ задатками болѣзни, легочной или отъ приливовъ крови къ головѣ. Имъ въ этомъ случаѣ, чтобы скрыть разстегнутый костюмъ, помогаетъ просторная адвокатская тога, которую трудно прилично приспособить для женщины.

„Да, женщинъ, которыя взвалятъ на свои плечи такую работу какую вы хотите имъ предоставить, убьетъ усталость, какъ другихъ уморитъ голодъ“.

Далѣе, г. Гуржю указываетъ, что въ Англіи, Испаніи, Италіи, Бельгіи, Германіи, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ развита широкая адвокатская дѣятельность, женщина не допускается къ этой профессіи. А въ Швейцаріи и Америкѣ дѣятельность женщины ничтожна (въ Швейцаріи, напр., всего 2 женщины адвоката). Ораторъ въ заключеніе своей рѣчи обратился съ воззваніемъ къ

женщинамъ: „Вы, которыя съ сотворенія міра управляете мужчинами по вашей фантазіи пріемами, болѣе вѣрными и болѣе плѣнительными, чѣмъ тарабарщина нашихъ кодексовъ и одѣяніе Пателена, вы, которыя распространяете на нихъ всю мощь вашего сердца, не допускайте скомпрометировать несравненныя орудія вашей власти, не допускайте, чтобы ихъ довели до униженія какимъ-то пестрымъ смѣшеніемъ съ процессуальными словопреніями, съ нарушеніями и отводами, съ наложеніями запрещеній, съ договорами о закладѣ и выкупѣ—со всѣми этими хитростями, которыя и въ нашихъ устахъ далеко не граціозны, а въ вашихъ были бы просто ужасны“.

Возражая на нападки сенатора Гуржю, докладчикъ коммисіи, г. Тиллей, указалъ, что отправной точкой его доклада является дальнѣйшее развитіе принципа свободы профессій, принципа, которому неуклонно слѣдовало законодательство прошлаго столѣтія также и относительно женщины. Онъ вынужденъ поставить вопросъ ребромъ: или лишить женщину права получать дипломъ лиценціата правъ,—мѣра, которая являлась бы шагомъ назадъ,—или безусловно дать ей право пользоваться прерогативами, связанными съ этимъ дипломомъ. Возражая, далѣе, своему оппоненту, докладчикъ указывалъ на Соединенные Штаты, Мексику, Чили, Норвегію, Швецію, нѣсколько швейцарскихъ кантоновъ и другія страны, гдѣ женщины могутъ быть адвокатами. Подчеркнувъ отсутствіе въ предложенномъ законѣ претензіи на исполненіе женщинами обязанностей судьи, т. е. на расширеніе ея публичныхъ правъ, докладчикъ привелъ слова проф. Молешотта, произнесенныя имъ въ Италіанскомъ сенатѣ при обсужденіи въ Италіи аналогическаго закона: „Я не стою за то“,—сказалъ онъ—„чтобы женщина, бѣгая на службу, забросила свои прямыя обязанности матери и воспитательницы. Я хочу только, чтобы ей, когда она прошла трудный курсъ наукъ и получила такой же дипломъ, какъ и мужчина, не говорили: „Стой! Ты не можешь пользоваться плодами твоей работы, эти плоды принадлежатъ мужчинѣ; ты—дочь Евы, твои заслуги никогда не будутъ признаны; учись, чему хочешь, но не претендуй на пользованіе своими познаніями. Если добиваешься карьеры, иди въ доктора, телеграфистки, въ артистки, но не помышляй о храмѣ Ѳемиды, такъ какъ, хотя Ѳемида и женщина, ты—только сирена, недостойная проникнуть въ храмъ богини“. „Господа“,—воскликнулъ докладчикъ—„я убѣжденъ, что вы не оставите женщину за воротами этого храма. Французская адво-

катура только возвысится отъ пріема въ свою среду нѣсколькихъ избранныхъ женщинъ, которыя дѣлаютъ честь своему полу; онѣ могутъ создать себѣ положеніе въ зависимости отъ своего таланта и достичь славы знаменитостей нашей адвокатуры".

Затѣмъ слово было предоставлено министру юстиціи г. Монису.

„Я, конечно, удивилъ бы сенатъ",—сказалъ министръ—„если бы заявилъ, что этотъ законъ, предложенный по частной иниціативѣ, составляетъ необходимую составную часть программы кабинета; но я былъ бы неискрененъ и несправедливъ, если бы не призналъ откровенно, что правительство, по ознакомленіи съ нимъ, безусловно симпатизируетъ проекту„.

Коснувшись возраженій, которыя вызвалъ проектъ, министръ остановился на сомнѣніи, будто даруемое женщинѣ право будетъ для нея опасно. „Если искренно хотятъ—сказалъ онъ—даровать извѣстную свободу, слѣдуетъ въ высшей степени осторожно высказываться объ ея употребленіи и говорить, что пользованіе ею будетъ предосудительно. Произвольно гадать о послѣдствіяхъ значило бы вмѣшиваться въ эту свободу и даже стѣснять ее. Нельзя допускать иллюзій въ этомъ направленіи". Напомнивъ, далѣе, мысль сенатора Гуржю, что женщина въ дѣлахъ сердца, разъ дѣло идетъ о состраданіи, стоитъ выше мужчины и, слѣдовательно, можетъ играть роль посредницы въ такихъ дѣлахъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ мужчина, министръ юстиціи сказалъ: „Что касается меня, я не понимаю дѣла правосудія безъ участія сердца; не можетъ постичь его тотъ, кто будетъ глухъ къ милосердію. Когда раздается нѣжный голосъ, способный обратиться отъ имени несчастныхъ виновныхъ матерей съ послѣднимъ призывомъ къ ихъ судьямъ, то не нужно заставлять молчать этотъ голосъ, потому только, что онъ нѣженъ и убѣдителенъ... Женщины могутъ оказать помощь правосудію и путемъ милосердія сдѣлать его болѣе гуманнымъ, слѣдовательно, улучшить его. Поэтому тѣмъ изъ нихъ, кто обладаетъ необходимыми познаніями и способностями, признанными публично, нужно дать возможность внести свой свѣтъ въ дѣло правосудія. Наконецъ, въ дѣлѣ защиты передъ судомъ слѣдуетъ стремиться къ свободѣ, и я не вижу никакого основанія закрывать двери суда передъ интеллигентной и сердечной женщиной; она будетъ говорить въ защиту несчастныхъ передъ судьями, полная благородства".

Когда сенатъ приступилъ къ голосованію проекта, то оказалось, что изъ 206 голосовъ за проектъ подано 172, противъ—34.

1-го декабря минувшаго года законъ былъ подписанъ президентомъ республики, а черезъ нѣсколько часовъ, по его опубликованіи [1]) m-me Petit (русская по происхожденію, дочь кіевскаго сахарозаводчика Г. Г. Болоховскаго), въ профессіональномъ костюмѣ, уже приносила присягу передъ 1-й палатой Парижскаго суда, какъ первая адвокатъ-женщина во Франціи. Черезъ нѣсколько дней такую же присягу принесла и докторъ правъ Парижскаго университета m-lle Jeanne Chauvin, которой принадлежитъ иниціатива возбужденія вопроса о женской адвокатурѣ. Ей довелось уже и дебютировать въ Парижскомъ судѣ по дѣлу о желѣзнодорожныхъ служащихъ, обвиняемыхъ въ катастрофѣ въ Шуази Лероуа. Г-жа Шовенъ защищала стрѣлочника и, несмотря на естественную робость и смущеніе, говорила настолько убѣдительно, что выиграла свой первый процессъ.

Н. Ш.

Адвокаты и стряпчіе во французскихъ коммерческихъ судахъ.

Роль адвоката исчерпывается защитой сторонъ на судѣ и подачей имъ юридическихъ совѣтовъ въ кабинетѣ своемъ. Все, что выходитъ за эти предѣлы, всякое хожденіе по дѣламъ входитъ уже въ обязанности повѣренныхъ по дѣламъ или вообще лицъ, которыя въ правѣ принимать довѣренности. Адвокату же безусловно и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ воспрещено принимать отъ кого бы то ни было довѣренность на веденіе дѣлъ.

Такъ гласитъ основное правило адвокатской этики (Cresson. Profession d'avocat, t. I, p. 283, 284), воздвигающее между публикой и адвокатами посредничество avoué. Противъ этого правила, освященнаго вѣковыми традиціями, въ послѣднее время сталъ все рѣзче и рѣзче пробиваться протестъ среди молодой парижской адвокатуры, которая и выработала уже соотвѣтствующіе законопроекты объ устраненіи посредничества стряпчихъ и о дозволеніи адвокатамъ выступать представителями сторонъ во всѣхъ судахъ. На ряду съ этой, такъ сказать, открытой борьбой противъ укоренившихся традицій—молодежь, которая, благодаря зависимости отъ avoués, поставлена въ очень тяжелое матеріальное положеніе, стремится расширить свои права обходнымъ путемъ.

---

[1]) Journal officiel du 4 décembre 1900, № 329.

Типичнымъ проявленіемъ такого стремленія можетъ служить законопроектъ, внесенный нѣкіимъ Лагассомъ въ палату депутатовъ, относительно коммерческихъ судовъ. Дѣло въ томъ, что согласно ст. 414 и 421 Code de proc. civ.,—производство въ коммерческихъ судахъ совершается безъ участія стряпчихъ; стороны обязаны явиться въ судъ лично или черезъ посредство лица, снабженнаго спеціальной довѣренностью. Въ дополненіе къ этому ст. 627 code de comm. поясняетъ, что участіе стряпчихъ въ коммерческихъ судахъ запрещается. Цѣль этихъ правилъ, по словамъ Лагасса, заключается въ томъ, чтобы облегчить тяжущимся доступъ къ коммерческимъ судамъ, и послѣдніе дѣйствительно всячески стараются облегчить задачи тяжущихся, являющихся лично поддерживать свои интересы. Но, говоритъ Лагассъ, всѣ эти облегченія, по странной аномаліи, тотчасъ же исчезаютъ, лишь только стороны пожелаютъ поручить веденіе ихъ дѣла лицамъ, которыя, казалось бы, наиболѣе пригодны для этой цѣли,—т. е. адвокатамъ, записаннымъ въ различныхъ французскихъ барро. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ адвокату запрещено принимать довѣренности, то онъ можетъ явиться предъ коммерческимъ судомъ не иначе, какъ въ сопровожденіи тяжущагося или его спеціально уполномоченнаго. Если дѣло серьезное и важное, то это условіе не вызываетъ серьезныхъ неудобствъ, такъ какъ оно въ состояніи вынести издержки двойнаго представительства. Напротивъ,—для мелкихъ дѣлъ, составляющихъ огромное большинство и преимущественно интересующихъ законодателя при демократическомъ режимѣ, правило 421 ст. весьма невыгодно: съ одной стороны, тяжущіеся, большею частью торговцы, лишены возможности являться въ засѣданіе суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ пригласить адвоката не иначе, какъ пригласивъ, сверхъ того, еще и особаго уполномоченнаго, что̀, конечно, непомѣрно увеличиваетъ издержки и противодѣйствуетъ желанію законодателя достигнуть упрощенія процедуры. Чтобы устранить эти недостатки, Лагассъ предлагаетъ, повидимому, весьма несущественное нововведеніе;—а именно отмѣну требованія личной явки сторонъ. Явка эта совершенно излишня: по словамъ Лагасса, обыкновенно участіе стороны ограничивается только тѣмъ, что она отвѣчаетъ на перекличку и затѣмъ всецѣло уступаетъ слово адвокату. „Ничто не мѣшаетъ, повидимому, замѣнить личную явку предъявленіемъ суду письменнаго прошенія и требовать личной явки лишь въ томъ случаѣ, когда судъ признаетъ это въ томъ или другомъ случаѣ необхо-

димымъ". Въ дальнѣйшемъ изложеніи Лагассъ стремится доказать, что это незначительное измѣненіе 421 ст. нисколько не противорѣчитъ духу закона, тѣмъ болѣе, что законъ уже разрѣшилъ адвокатамъ выступать представителями сторонъ въ совѣтахъ префектуры, а также въ судахъ по экспропріаціи имуществъ. Кромѣ того, многіе коммерческіе суды позволяютъ адвокатамъ выступать отъ имени сторонъ безъ довѣренности. Такимъ образомъ, это quasi незначительное измѣненіе въ сущности впервые дастъ адвокатамъ возможность являться на судѣ правозаступниками сторонъ и такимъ образомъ пробьетъ первую брешь въ вѣковомъ зданіи французскаго барро. Нисколько не возражая и не касаясь вообще значенія этой реформы, мы желали отмѣтить лишь любопытный образчикъ фарисейства французской адвокатуры, стремящейся обходными путями уйти отъ борьбы съ укоренившимися традиціями.

І. Г.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

XXIII.

22 января скончалась въ своей постоянной резиденціи, въ Осборнѣ, Викторія, Королева Великобританіи и Императрица Индіи.

Сейчасъ же послѣ смерти Ея Величества Королемъ Англіи и Императоромъ Индіи сталъ старшій сынъ ея Альбертъ-Эдуардъ, носившій прежде титулъ принца Уэльскаго.

Кончина любимой всѣми Королевы повергла все населеніе Британской имперіи въ глубочайшую скорбь, которую я не въ силахъ передать словами. Каждый, начиная отъ знатнаго вельможи и кончая простымъ крестьяниномъ, относится къ смерти Ея Величества, какъ къ потерѣ близкаго и дорогаго человѣка. Вѣсть о ея кончинѣ поразила весь народъ какъ громъ, и пройдетъ еще не одинъ мѣсяцъ, пока мы не оправимся отъ этого удара.

Но среди постигшаго насъ горя мы не остались безъ утѣшенія. Насъ ободряетъ твердая увѣренность въ томъ, что нашъ Король является человѣкомъ зрѣлой мысли, обладающимъ громадною опытностью и величайшимъ тактомъ и всецѣло сознающимъ тяжесть лежащей на немъ отвѣтственности. Благодаря тому, что покойная Королева проводила послѣдніе годы своего царствованія въ уединеніи, многія дѣла, составляющія функцію королевской власти, перешли еще при жизни ея къ ея старшему сыну, и такимъ образомъ Король нашъ вступаетъ на престолъ, имѣя прекрасную подготовку для своего сана. Въ лицѣ супруги Короля, Ея Величества Александры, мы находимъ особу, пріобрѣвшую

горячую любовь всего населенія королевства, и можно сказать безъ преувеличенія, что Ихъ Величествамъ искренне преданъ каждый подданный ихъ, проживающій въ Великобританіи.

24 января Его Величество былъ торжественно провозглашенъ въ Лондонѣ Эдуардомъ VII, Королемъ Англіи, Императоромъ Индіи. Король отдалъ предпочтеніе имени „Эдуардъ" предъ другимъ своимъ именемъ „Альбертъ" изъ желанія, чтобы это послѣднее имя, принадлежавшее его отцу, напоминало исключительно о покойномъ. Такое рѣшеніе Его Величества было встрѣчено всѣми подданными съ почтительнымъ одобреніемъ.

Значительное количество недоразумѣній возникаетъ по поводу титула „принцъ Уэльскій", при чемъ нѣкоторыя англійскія газеты въ своихъ статьяхъ по этому вопросу пришли къ совершенно ошибочнымъ выводамъ. Хотя въ дѣйствительности титулъ этотъ постоянно присвоивается наслѣднику престола, тѣмъ не менѣе онъ не является наслѣдственнымъ, и въ настоящее время, когда Король сталъ во главѣ всего государства, лица, носящаго такой титулъ, на самомъ дѣлѣ не оказывается. Впрочемъ, почти достовѣрно извѣстно, что въ самомъ непродолжительномъ времени титулъ принца Уэльскаго будетъ пожалованъ Королемъ его сыну принцу Георгу, наслѣднику престола. Принцъ же Георгъ, носившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ титулъ герцога Іоркскаго, въ настоящее время унаслѣдовалъ титулъ герцога Корнваллійскаго и именуется оффиціально „герцогъ Корнваллійскій и Іоркскій".

Перемѣны, которыя произойдутъ отъ перехода королевской власти въ руки нынѣ царствующаго Короля Эдуарда VII, настолько значительны, что въ настоящее время не представляется возможности перечислить хотя бы малой части ихъ.

Много разнорѣчивыхъ и неправильныхъ толковъ возникло въ періодической печати по вопросу о томъ, въ какомъ положеніи, съ формальной точки зрѣнія, оказываются послѣ смерти королевы лица, которыя были пожалованы званіемъ Queen's Counsel (почетный юрисконсультъ). Былъ высказанъ, между прочимъ, тотъ взглядъ, что лица эти должны потерять свое званіе „совѣтника Королевы" въ моментъ смерти Ея Величества и возвратиться по прежнему въ число обыкновенныхъ членовъ адвокатскаго сословія—барристеровъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. По закону 6 Anne chapt. 41, члены тайнаго совѣта (privy councillors), а также лица, стоящія во главѣ управленія арміей, морскими силами и гражданскимъ вѣдомствомъ, продолжаютъ сохранять свои должности въ теченіе

шести мѣсяцевъ со дня смерти короля (или королевы), при жизни котораго они были на эти должности назначены. Относительно же лицъ, занимающихъ таковыя же должности въ колоніяхъ, указанный срокъ удлиняется до 18 мѣсяцевъ со дня смерти короля. Само собою разумѣется, что правила эти установлены на тотъ случай, когда какія-либо должностныя лица не будутъ уволены отъ должности спеціальнымъ повелѣніемъ раньше этого срока. Впрочемъ, безъ сомнѣнія, особое королевское распоряженіе предоставитъ званіе King's Counsel всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя носили званіе Queen's Counsel при покойной Королевѣ. Согласно закону 1830 года (II George IV и I William IV, chapt. 43), чины военнаго, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ, при утвержденіи ихъ въ должностяхъ новымъ королемъ, освобождаются отъ уплаты той суммы, которая обыкновенно взимается съ нихъ за дипломъ при назначеніи на должность. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, по закону 1 George III, chapt. 23, смерть короля ни въ чемъ не измѣняетъ служебнаго положенія лицъ, занимающихъ судейскія должности.

Послѣ обнародованія извѣстія о смерти Королевы Викторіи возникло много разнообразныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній о положеніи нынѣшняго парламента. Въ общемъ, всѣ были убѣждены въ томъ, что должно послѣдовать распущеніе парламента. По закону 6 Anne, chapt. 7, немедленно послѣ смерти короля должно быть созвано экстренное собраніе парламента, если, конечно, кончина короля не произошла во время обыкновенной парламентской сессіи. Тотъ же законъ предписываетъ, чтобы старый парламентъ продолжалъ функціонировать въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ смерти короля, но не болѣе. Однако въ 1867 году по этому предмету былъ изданъ новый законъ (30 и 31 Victoria, chapt. 102), устанавливающій, что послѣ смерти короля старый парламентъ продолжаетъ функціонировать въ продолженіе того времени, какое оставалось бы ему, еслибъ король не умеръ, конечно, въ томъ только случаѣ, если онъ не будетъ распущенъ раньше этого срока по спеціальному повелѣнію новаго короля. Законъ этотъ избавляетъ государство отъ излишнихъ расходовъ и волненій, сопряженныхъ обыкновенно съ производствомъ общихъ выборовъ въ парламентъ.

Вмѣстѣ съ кончиною государя теряетъ свою силу законъ о „Civil List", опредѣляющій размѣры той суммы, которая отпускается королю изъ средствъ государственнаго казначейства. Поэтому

одною изъ первыхъ заботъ парламента будетъ назначеніе изъ средствъ казны опредѣленной суммы на нужды короля. Покойная Королева Викторія получала ежегодно изъ казны 350.000 фунт. стерл. Такъ какъ новый король, по всей вѣроятности, будетъ вести болѣе открытый образъ жизни и проявлять свое участіе въ общественной жизни въ бо̀льшей степени, чѣмъ это дѣлала покойная королева, то слѣдуетъ ожидать, что парламентъ ассигнуетъ въ его распоряженіе значительно бо̀льшую сумму, чѣмъ получала Королева Викторія. Слѣдуетъ замѣтить, что сумму, ассигнуемую парламентомъ изъ казны, король получаетъ совершенно независимо отъ тѣхъ доходовъ, которые онъ можетъ имѣть какъ частное лицо.

Для читателей настоящаго журнала, быть можетъ, нѣкоторый интересъ представятъ свѣдѣнія о положеніи, занимаемомъ, согласно англійской конституціи, супругою Его Величества, Королевой Александрой. Она считается подданною своего супруга, но всякій заговоръ, составленный противъ ея жизни, причисляется къ высшему разряду государственныхъ преступленій—государственной измѣнѣ (high treason) и карается смертною казнью даже въ томъ случаѣ, когда онъ не былъ осуществленъ. При ней состоятъ особый управляющій дѣлами Ея Величества (Attorney-General) и уполномоченный для защиты интересовъ ея на судѣ (Sollicitor-General), которые выступаютъ въ судебныхъ инстанціяхъ въ качествѣ ея повѣренныхъ въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ затрогиваются ея интересы. На ея расходы парламентомъ ассигнуется особая сумма. Въ ея распоряженіи имѣется особый придворный штатъ, отдѣльный отъ придворнаго штата короля. По парламентскому акту, изданному въ 1540 году, супругѣ короля разрѣшено принимать въ даръ отъ своего супруга всякое имущество, а также искать и отвѣчать на судѣ отъ собственнаго своего имени, но съ упоминаніемъ въ такихъ случаяхъ словъ „Королева Англіи“ послѣ ея имени. Ея право распоряжаться своимъ имуществомъ было впослѣдствіи подтверждено закономъ 39 и 40 George III chapt. 88.

Въ настоящее время уже распубликовано, что король будетъ лично присутствовать при торжественной церемоніи открытія парламента 14 февраля. Фактъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія. Королева Викторія лично выполняла церемонію открытія парламента въ послѣдній разъ въ 1886 году.

Удѣливъ столько времени разсмотрѣнію нѣкоторыхъ постано-

вленій англійской конституціи, обращаюсь къ продолженію моего обычнаго отчета о законодательной дѣятельности и судебной практикѣ въ Англіи съ того момента, на которомъ я остановился въ предыдущемъ моемъ письмѣ.

Члены новаго парламента, избранные въ сентябрѣ прошлаго года, собрались для открытія ихъ первой сессіи 6 декабря. Занятія, предстоявшія парламенту въ теченіе этой сессіи, были указаны въ тронной рѣчи королевы. Содержаніе этой рѣчи было слѣдующее:

„Мои лорды и джентльмены! Въ настоящее время выяснилась необходимость приступить къ обезпеченію новыхъ средствъ на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ дѣйствіями моихъ войскъ въ Южной Африкѣ и въ Китаѣ.

„Я пригласила васъ собраться для чрезвычайной сессіи съ тѣмъ, чтобы вы выразили согласіе на принятіе всѣхъ необходимыхъ для этой цѣли мѣропріятій. Разсмотрѣніе всѣхъ другихъ дѣлъ, требующихъ вашего участія, я откладываю до очередной весенней сессіи“.

7 декабря м-ръ Бальфуръ предложилъ палатѣ общинъ, чтобы въ продолженіе этой сессіи разсматривались лишь дѣла, внесенныя въ парламентъ правительствомъ. Предложеніе это было принято большинствомъ 215 голосовъ противъ 100.

13 декабря военный министръ м-ръ Бродрикъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что до означеннаго времени общее число иностранцевъ, высланныхъ изъ Южной Африки въ продолженіе текущей войны, достигаетъ 4386 человѣкъ. Для разсмотрѣнія ихъ претензій о вознагражденіи за причиненные имъ убытки, будетъ назначена особая коммисія.

14 декабря, отвѣчая на запросы, сдѣланные въ палатѣ общинъ, м-ръ Бродрикъ заявилъ, что онъ лично, въ качествѣ военнаго министра, является отвѣтственнымъ передъ парламентомъ за боевую дѣятельность арміи, и что главнокомандующій, считаясь главнымъ помощникомъ военнаго министра, имѣетъ высшій надзоръ за всѣми отраслями военнаго управленія, а также даетъ свои заключенія по вопросамъ о веденіи военныхъ дѣйствій.

15 декабря чрезвычайная сессія парламента была закрыта, при чемъ открытіе слѣдующей, очередной, сессіи назначено на 14 февраля. Въ продолженіе закрывшейся сессіи были приняты парламентомъ лишь два или три предложенія объ обезпеченіи

денежныхъ средствъ на покрытіе расходовъ по веденію военныхъ дѣйствій въ Южной Африкѣ и въ Китаѣ.

23 января текущаго года состоялось экстренное собраніе парламента, согласно постановленію закона 6 Anne, chapt. 7. Это засѣданіе состояло лишь въ томъ, что многіе члены парламента приняли присягу на подданство новому королю.

Въ этотъ же день во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ по случаю смерти Королевы Викторіи не было засѣданій для разбора дѣлъ. Обычный ходъ занятій въ судебныхъ мѣстахъ возобновился лишь 24 января.

3 декабря минувшаго года въ отдѣленіи высшаго суда, гдѣ производятся дѣла бракоразводныя, о морской торговлѣ и объ утвержденіи къ исполненію духовныхъ завѣщаній, было разсмотрѣно предсѣдателемъ этого отдѣленія, сэромъ Фрэнсисомъ Женомъ, интересное дѣло объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти Перси-Жозефа Гискока.

Настоящее дѣло возникло по поводу завѣщанія, составленнаго находившимся на дѣйствительной военной службѣ солдатомъ Гискокомъ, умершимъ въ Южной Африкѣ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи. Покойный числился въ составѣ добровольческихъ войскъ. 3 февраля 1900 г. онъ изъявилъ желаніе поступить въ число добровольцевъ для отправленія дѣйствительной службы въ Южной Африкѣ и при медицинскомъ осмотрѣ военнымъ врачемъ былъ признанъ по состоянію здоровья годнымъ для военной службы. Вслѣдствіе этого онъ былъ зачисленъ военными властями и 19 февраля поступилъ во временныя военныя казармы, гдѣ оставался до 10 марта, когда онъ былъ отправленъ въ Южную Африку. Приказъ о зачисленіи его въ дѣйствительную службу состоялся 2 марта, а 8 марта Гискокъ, которому въ то время еще не было 21 года, составилъ завѣщаніе. Согласно постановленіямъ закона о завѣщаніяхъ, всякое завѣщательное распоряженіе лица неженатаго, не достигшаго 21 года отъ роду, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ признается недѣйствительнымъ; но для лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, сдѣлано особое исключеніе, въ силу котораго составленныя ими завѣщанія признаются дѣйствительными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель въ моментъ составленія завѣщанія не имѣлъ еще полныхъ 21 года. Въ настоящемъ дѣлѣ возникъ вопросъ о томъ, находился ли завѣщатель 8 марта, т. е. въ день составленія завѣщанія, на дѣйствительной военной службѣ. Судья

разрѣшилъ дѣло, признавъ завѣщаніе имѣющимъ силу и установивъ то принципіальное положеніе, что солдатъ долженъ считаться состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ, если въ данное время происходятъ военныя дѣйствія, и если онъ, получивъ приказъ объ отправленіи, находится въ данный моментъ въ томъ мѣстѣ, которое назначено начальствомъ для его пребыванія. Разрѣшеніе изложеннаго дѣла въ такомъ смыслѣ представляется весьма важнымъ.

Въ отдѣленіи королевской скамьи высшаго суда состоялось 20 декабря рѣшеніе судей Виллса и Кеннеди по дѣлу Кокертона. Въ этомъ дѣлѣ возникъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли право лондонскій совѣтъ по школьному дѣлу (London School Board) устраивать научныя и художественныя школы или иныя подобнаго рода образовательныя учрежденія на средства, образующіяся отъ внесенія налоговъ плательщиками. Недоразумѣнія возникли, главнымъ образомъ, въ виду неопредѣленности выраженій, встрѣчающихся въ законахъ о народномъ образованіи. Такъ, напримѣръ, въ законахъ этихъ часто употребляется выраженіе „первоначальное образованіе", но нигдѣ не объяснено, что̀ именно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ понятіемъ. Точно также законы эти, часто употребляя слово „дѣти", нигдѣ не объясняютъ точно, къ какому именно возрасту это слово относится. Разсмотрѣвъ цѣлый рядъ доводовъ, говорящихъ въ пользу того и другаго разрѣшенія указаннаго вопроса, судьи пришли къ тому заключенію, что расходованіе въ упомянутыхъ случаяхъ денегъ изъ казны является неправильнымъ. Такое рѣшеніе нельзя не признать вполнѣ справедливымъ. Каждому ребенку въ Великобританіи должна быть предоставлена возможность на казенный счетъ научиться чтенію, письму и ариѳметикѣ, но на бо̀льшую степень образованія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на своего рода роскошь, за которую должны платить родители ребенка, или же которая можетъ быть доставляема на счетъ особыхъ денежныхъ средствъ, собираемыхъ для этой цѣли исключительно изъ добровольныхъ пожертвованій.

16 ноября было постановлено въ аппеляціонномъ судѣ судьями сэромъ А. Смитомъ и лордами Коллинсомъ и Стерлингомъ интересное рѣшеніе по одному вопросу, возникшему по поводу закона 1897 года о вознагражденіи рабочихъ (The Workmen's Compensation Act 1897), въ дѣлѣ Роперъ съ фирмою „Гринвудъ съ сыновьями". Законъ 1897 года о вознагражденіи рабочихъ, между прочимъ постановляетъ, что если въ какомъ-либо промышленномъ заведе-

ніи, на которое распространяется дѣйствіе этого закона, рабочій получитъ тѣлесное поврежденіе отъ несчастнаго случая, происшедшаго во время работы и благодаря ей, то владѣлецъ даннаго промышленнаго предпріятія обязанъ вознаградить рабочаго за причиненный ему вредъ. Истицею по разсматриваемому дѣлу была женщина, занимавшаяся выдѣлкою ящиковъ въ мастерской. Однажды, приготовивъ ящики въ количествѣ нѣсколько большемъ, чѣмъ обыкновенно, и приподнявъ ихъ, она почувствовала себя нехорошо и упала въ обморокъ. Какъ значилось, въ представленномъ ею медицинскомъ свидѣтельствѣ, у нея оказалось поврежденіе внутреннихъ органовъ, происшедшее отъ того, что она надорвалась. Истица ходатайствовала о присужденіи въ ея пользу вознагражденія, согласно закону 1897 года. Судъ призналъ, что поврежденіе здоровья истицы произошло отъ неправильнаго образа дѣйствія ея самой, приложившей къ своей работѣ чрезмѣрныя усилія, совершенно отъ нея не требовавшіяся, и что поврежденіе это не можетъ быть признано, такимъ образомъ, послѣдствіемъ „несчастнаго случая", по смыслу закона 1897 года о вознагражденіи рабочихъ. Относясь съ полнымъ почтеніемъ къ авторитету членовъ апелляціоннаго суда, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что такое толкованіе упомянутаго закона является черезчуръ узкимъ.

Главный совѣтъ адвокатовъ разъяснилъ недавно, что является нежелательнымъ фактъ доставленія адвокатами-барристерами своихъ портретовъ съ собственноручными подписями или автографами для напечатанія въ юридическихъ изданіяхъ. Такое разъясненіе вызывается, по всей вѣроятности, тѣмъ соображеніемъ, что подобная разсылка портретовъ является своего рода рекламою, а между тѣмъ всякое рекламированіе себя и своей дѣятельности признается въ Англіи для барристера въ высшей степени несоотвѣтствующимъ достоинству этого званія. Сословіе барристеровъ считается въ Англіи самымъ аристократическимъ, и оно весьма дорожитъ своимъ достоинствомъ. Интересно замѣтить, что самъ король Эдуардъ VII въ теченіе многихъ лѣтъ принадлежалъ къ сословію барристеровъ, хотя, само собою разумѣется, никогда не занимался практикою.

Въ виду указаній нѣкоторой части неюридической англійской прессы на неудовлетворительность постановки въ Англіи юридическаго образованія, не лишне отмѣтить, что во время происходившихъ недавно испытаній кандидатовъ для принятія ихъ въ

сословіе адвокатовъ лишь 48 человѣкъ были признаны достаточно подготовленными изъ общаго числа 83 кандидатовъ, подвергавшихся экзаменамъ. Принимая же во вниманіе, что никто не пойдетъ экзаменоваться, не считая себя имѣющимъ нѣкоторые шансы на успѣхъ, слѣдуетъ признать, что такой результатъ экзаменовъ свидѣтельствуетъ о строгости требованій, существующихъ при испытаніяхъ на званіе адвоката.

Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ установлены еще двѣ смягчительныя мѣры для преступниковъ, отбывающихъ наказанія, по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, въ англійскихъ тюрьмахъ. Заключеннымъ разрѣшается на будущее время вѣшать на стѣнахъ своихъ камеръ портреты ихъ родственниковъ. Мѣру эту слѣдуетъ признать, безъ всякаго сомнѣнія, шагомъ, сдѣланнымъ въ вѣрномъ направленіи. Немного найдется средствъ, которыя могли бы такъ успѣшно вліять на смягченіе нрава преступника, какъ постоянное нахожденіе предъ его глазами портретовъ его матери, жены или сестры. До сихъ поръ въ камеру заключеннаго допускались лишь предметы первѣйшей необходимости, какъ напримѣръ, простая кровать, скамейка, полка, библія, экземпляръ правилъ, регулирующихъ тюремные порядки. Было бы весьма полезно, еслибъ правительство приняло какія-либо мѣры къ облегченію заключеннымъ возможности читать книги. Равнымъ образомъ, слѣдовало бы почаще предоставлять имъ случаи бесѣдовать съ тюремнымъ священникомъ или съ какими-либо другими лицами, могущими имѣть на нихъ хорошее вліяніе. Тѣмъ преступникамъ, которые во все время отбыванія наказанія отличаются безупречнымъ поведеніемъ, можно бы было предоставить еще другую льготу, а именно разрѣшать имъ чтеніе какой-либо газеты, не принадлежащей къ крайнему направленію. Но еще бо́льшее значеніе имѣло бы разрѣшеніе заключеннымъ получать отъ ихъ близкихъ родственниковъ корреспонденцію гораздо чаще, чѣмъ это дозволяется въ настоящее время. По существующимъ нынѣ правиламъ, заключенный имѣетъ право посылать письма своимъ роднымъ и получать таковыя отъ нихъ лишь около четырехъ разъ въ годъ. Но если вся корреспонденція заключенныхъ подвергается предварительно просмотру тюремной цензуры, то, казалось бы, можно разрѣшить заключенному чаще обмѣниваться письмами со своими родными. Письмо отъ матери, жены, сестры, невѣсты можетъ иногда сильно повліять на исправленіе преступника.

Вторая льгота, предоставленная заключеннымъ по распоряженію

министра внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, что при водвореніи выпускаемаго на свободу арестанта, по отбытіи имъ срока наказанія, на мѣсто прежняго его жительства, его будетъ сопровождать конвойный, одѣтый въ штатское платье. Такое распоряженіе заслуживаетъ полнаго одобренія.

Въ виду значительнаго количества дѣлъ, возникающихъ въ судахъ по поводу патентовъ на изобрѣтенія, интересно упомянуть, что въ теченіе 1900 г. въ канцелярію по выдачѣ патентовъ на изобрѣтенія поступило 23.700 ходатайствъ о выдачѣ такихъ патентовъ.

Недавно опубликованы интересныя статистическія данныя о дѣятельности судовъ графства за 1899 г. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ продолженіе этого года общее число заявленныхъ исковъ достигло колоссальной цифры въ 1.117.596, при чемъ изъ этого числа лишь 13.262 иска были предъявлены на сумму свыше 20 фунт. стерл. Въ дѣйствительности разрѣшено было дѣлъ: 732.094 безъ участія присяжныхъ засѣдателей и лишь 1018 съ участіемъ таковыхъ. Въ теченіе этого года было сдѣлано 121.608 постановленій о заключеніи подъ стражу неисправныхъ должниковъ, но на самомъ дѣлѣ подверглись заключенію по такимъ постановленіямъ лишь 7864 лица. Въ остальныхъ случаяхъ должники, по большей части, уплачивали слѣдуемыя съ нихъ суммы въ самую послѣднюю минуту.

Въ послѣднее время въ Англіи, какъ будто, начинаетъ замѣчаться нѣкоторое нерасположеніе къ суду присяжныхъ. Въ отдѣленіи королевской скамьи высшаго суда въ продолженіе текущей сессіи поступило 295 дѣлъ для разрѣшенія ихъ судьей совмѣстно съ присяжными засѣдателями, между тѣмъ какъ для разрѣшенія судьей единолично поступило 190 дѣлъ. Такія цифры нѣкоторымъ образомъ указываютъ на увеличеніе числа тяжущихся, предпочитающихъ въ гражданскихъ дѣлахъ ввѣрять свои интересы авторитету опытнаго и образованнаго юриста-судьи, чѣмъ ненадежному и измѣнчивому взгляду присяжныхъ засѣдателей.

Согласно постановленіямъ законовъ 1879 г. о порядкѣ сокращеннаго судопроизводства и 1887 г. объ оставленіи на свободѣ преступниковъ, осужденныхъ въ первый разъ, для испытанія ихъ дальнѣйшаго поведенія, судьямъ предоставлено право въ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣлахъ не подвергать осужденныхъ немедленному наказанію, если только данное лицо судится въ первый разъ. Въ теченіе 1899 г. число такихъ осужденныхъ, оставленныхъ

безъ наказанія на основаніи вышеупомянутыхъ законовъ, было 51.879.

Я надѣюсь въ слѣдующемъ моемъ письмѣ въ этотъ журналъ, кромѣ отчета объ открытіи новой парламентской сессіи, сдѣлать краткій обзоръ тѣхъ законодательныхъ измѣненій, которыя произошли въ теченіе 63-лѣтняго царствованія нашей незабвенной Королевы Викторіи.

Сесиль Мидъ Алленъ.

Эксетеръ, 2-го февраля 1901 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Проф. Л. Е. Владиміровъ. Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ. Москва. 1901. VII+291.

Ближайшей цѣлью книги проф. Владимірова является, по словамъ ея автора, отмежеваніе области медицинской экспертизы и болѣе отчетливое выясненіе главнѣйшихъ ея задачъ. Проф. Владиміровъ обѣщаетъ, при этомъ, читателю, что онъ найдетъ въ его книгѣ „положенія, до сихъ поръ еще не высказанныя въ литературѣ уголовнаго права“ (I, пред.). Въ результатѣ внимательныхъ розысковъ въ томъ направленіи, насколько дѣйствительно удалось почтенному профессору прибавить нѣчто новое къ тому, что̀ было до него высказано по вопросамъ, которые онъ избралъ темой своей книги, намъ приходится, однако, съ разочарованіемъ констатировать, что особенныхъ достоинствъ оригинальности за книгой проф. Владимірова признать не приходится. Указанія на необходимость увеличенія случаевъ допущенія медицинской экспертизы и на необходимость введенія въ уголовное законодательство понятія уменьшенной вмѣняемости—двѣ главныя идеи, которыя пропагандируетъ проф. Владиміровъ, не могутъ считаться принципами, впервые высказываемыми въ литературѣ уголовнаго права. Это признаетъ, впрочемъ, и самъ авторъ по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ детально развивать свои взгляды. Самое изложеніе матеріала, относящагося къ предмету изслѣдованія, носитъ у проф. Владимірова какой-то сводный, если можно такъ выразиться, характеръ и доходитъ до того, что добрую треть своей книги автору приходится печатать въ кавычкахъ. Проф. Владиміровъ иногда даже какъ бы злоупотребляетъ

правомъ всякаго автора дѣлать выписки. На нѣсколькихъ страницахъ (21—24) онъ перепечатываетъ, напр., всѣмъ образованнымъ русскимъ несомнѣнно хорошо извѣстную характеристику Ноздрева, которую даетъ Гоголь; нѣсколько ниже останавливается на выпискахъ изъ Гончаровской характеристики Обломова (25—26), выписываетъ цѣликомъ (32—42) характеристику Іоанна Грознаго, даваемую проф. П. И. Ковалевскимъ, выписываетъ опять таки цѣликомъ (50—72) довольно длинную рѣчь Андреевскаго, произнесенную этимъ послѣднимъ въ защиту Иванова, обвинявшагося въ убійствѣ своей невѣсты. Послѣ сокращеннаго изложенія перипетій веденнаго проф. Владиміровымъ дѣла Сергѣева (75—100) авторъ переходитъ опять къ выпискамъ изъ статьи проф. П. И. Ковалевскаго, напечатанной въ „Новомъ Времени" (100—102), къ выпискѣ цѣликомъ рѣчи В. Д. Спасовича въ защиту Авдѣевой по дѣлу объ обвиненіи ея въ участіи въ убійствѣ фонъ Зона (104—116), только затѣмъ, повидимому, чтобы черезъ нѣсколько страницъ комментаріевъ на выписки перейти опять таки къ длинной выпискѣ изъ характеристики Іоанна Грознаго, сдѣланной К. Аксаковымъ (126—129). Покончивъ съ этими выписками, проф. Владиміровъ переходитъ къ извлеченіямъ изъ книги Данквардта на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ страницъ (149—181). Добрая треть книги проф. Владимірова посвящена такимъ образомъ выпискамъ. Но возникаетъ вопросъ, каковъ тотъ ходъ идей автора, который связываетъ эти отдѣльныя, повидимому ничего общаго между собой не имѣющія, извлеченія изъ сочиненій самыхъ разнообразныхъ писателей. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ, съ одной стороны, самая группировка выписокъ, которыя дѣлаетъ проф. Владиміровъ, а съ другой—тѣ разсужденія и большей частью комментированія выписокъ, которыми авторъ сопровождаетъ свои извлеченія. Вся книга проф. Владимірова написана при этомъ въ частяхъ, принадлежащихъ автору, небрежно вычурнымъ языкомъ, въ которомъ попадаются выраженія: „утрясенною мѣрою получаютъ преступники воздаяніе за совершенное" (стр. II), „отношеніе такое же, какъ между звукомъ и физикальною его причиной" (с. 135) и т. д. Но оставимъ въ сторонѣ эту внѣшнюю характеристику труда проф. Владимірова, которая, конечно, сама по себѣ, слишкомъ еще недостаточна для оцѣнки дѣйствительнаго значенія какой бы то ни было ученой работы, и перейдемъ къ внутреннему содержанію книги нашего автора.

Первыя три главы труда проф. Владимірова посвящены вопросу

о томъ, какъ поставлено въ наши дни психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ. Авторъ разсматриваетъ эту проблемму, главнымъ образомъ, со стороны тѣхъ фазисовъ развитія, которые она оставила за собой въ прошломъ и которые являются поучительными въ томъ смыслѣ, что обнаруживаютъ недочеты постановки психологическаго изслѣдованія и указываютъ нагляднымъ образомъ, какъ не должна быть организована эта сфера уголовной юстиціи.

Проф. Владиміровъ констатируетъ въ этой своей, такъ сказать, критической части своего труда, что психологическая оцѣнка аффектовъ, характера, темперамента, степени умственной и нравственной неразвитости подсудимаго и другихъ лицъ, играющихъ роль въ уголовномъ дѣлѣ, производится въ наши дни лицами, къ этому виду дѣятельности неподготовленными, главнымъ образомъ судебными ораторами, и потому оцѣнка эта не можетъ дать основы, сколько-нибудь устойчивой для точныхъ выводовъ. Съ другой стороны, авторъ полагаетъ, что современное психологическое изслѣдованіе въ судѣ уголовномъ, которое является низведеннымъ на степень, какъ выражается проф. Владиміровъ, житейско-психологическаго анализа, выступаетъ въ формѣ, совершенно лишенной тѣхъ судопроизводственныхъ обезпеченій, „которыми обставляется въ процессѣ добываніе заключеній, основанныхъ на спеціальныхъ знаніяхъ, и къ психологическимъ разсужденіямъ на судѣ допускаются всѣ лица, имѣющія право быть выслушанными по данному дѣлу“. Уже въ эти предварительныя замѣчанія проф. Владимірова вкрадываются нѣкоторыя неточности, на которыя мы укажемъ здѣсь же. Съ точки зрѣнія почтеннаго профессора, судьи „психологическихъ изслѣдованій не производятъ—они оцѣниваютъ лишь матеріалы и факты, которые имъ представляютъ“ (стр. 1). Процессъ оцѣнки проф. Владиміровъ отдѣляетъ такимъ образомъ отъ изслѣдованія и считаетъ функціи вывода изъ матеріала невходящими въ область самаго изслѣдованія. Но развѣ могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга тѣ функціи, которыя только въ ихъ совокупности даютъ право говорить объ изслѣдованіи. Съ точки зрѣнія проф. Владимірова, это вполнѣ возможно, а изъ такой возможности вытекаетъ то, мало, какъ намъ кажется, обоснованное положеніе, что право психологическаго изслѣдованія имѣютъ всѣ говорящіе на судѣ, кромѣ судей. Мало того. Авторъ нашъ отождествляетъ производство психологическаго изслѣдованія съ разсужденіями на судѣ и игнорируетъ, такимъ образомъ, что

implicite можно располагать правомъ психологическаго изслѣдованія и реализовать это право въ формѣ какого-нибудь заключенія, въ формѣ оцѣнки матеріала, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ судьямъ. Но вернемся къ ходу мыслей почтеннаго профессора.

Въ современномъ судѣ право психологическаго изслѣдованія, отождествляемаго съ правомъ психологическихъ разсужденій на судѣ, имѣютъ, какъ выражается проф. Владиміровъ, судебные ораторы. Въ этомъ изслѣдованіи отсутствуютъ, однако, думаетъ авторъ, въ большинствѣ случаевъ, всѣ тѣ условія, которыя могутъ придать ему основательность и заставляютъ ожидать отъ него пользу, а самый этотъ способъ психологическаго изслѣдованія есть видъ способа художественнаго. Особенностью этого послѣдняго способа является то, что „на основаніи отдѣльныхъ, въ разное время и въ разныхъ условіяхъ наблюденныхъ и установленныхъ, однородныхъ чертъ, физическихъ и психическихъ, возсоздается единое лицо, какъ отдѣльное и въ дѣйствительности несуществующее, единый характеръ, единое психологическое цѣлое“ (стр. 10) и въ результатѣ примѣненія этого способа получается не существующее въ дѣйствительности, но только отвлеченное, хотя и типичное, лицо. При этихъ условіяхъ, какъ правильно полагаетъ проф. Владиміровъ, не можетъ быть рѣчи о научной точности въ обрисовкѣ чертъ характера и на результатѣ изслѣдованія ярко отражается субъективность лица, создающаго такой типичный образъ. Но мало того. Задачей искусства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть точное психологическое изслѣдованіе. Высказывая эту правильную, въ общемъ, мысль, проф. Владиміровъ спѣшитъ, вслѣдъ за нѣмецкимъ психологомъ Штерномъ, сдѣлать тотъ выводъ, что пользоваться поэтическими произведеніями для научныхъ заключеній все равно, что стараться надоить молока изъ нарисованныхъ коровъ. Сравненіе это является, однако, кажется намъ, уже слишкомъ смѣлымъ для автора разбираемой нами книги уже потому, что двумя строками ниже проф. Владиміровъ признаетъ, что въ поэтическихъ произведеніяхъ „попадаются по временамъ глубокія мысли, могущія служить отправными точками для научныхъ изслѣдованій“ (ст. 15). По мнѣнію проф. Владимірова, въ историческомъ развитіи способовъ раскрытія душевной жизни преступника пріемъ художественно-психологическій составляетъ первую и самую несовершенную ступень, которая съ теченіемъ времени должна быть оставлена.

Второй ступенью, въ смыслѣ болѣе совершеннаго состоянія

вопроса о способахъ психологическаго изслѣдованія въ уголовномъ судѣ, является оставленіе того пріема, при помощи котораго психическіе признаки изслѣдуемаго лица схватываются безъ системы и какъ бы набрасываются на полотно, и переходъ къ такому методу изслѣдованія, который проф. Владиміровъ называетъ философско-психологическимъ. Съ точки зрѣнія автора, этотъ пріемъ изслѣдованія вноситъ въ дѣло и порядокъ, и систему, но имѣетъ и большіе недостатки. Онъ орудуетъ такими отвлеченными величинами, какъ душевныя силы, душевныя особенности, характеръ, страсти и проч. Этотъ видъ психологическаго изслѣдованія особенно ярко выступалъ у криминалистовъ стараго письменнаго и слѣдственнаго процесса, и однимъ изъ видныхъ представителей этого метода является извѣстный Фейербахъ. Но отыскиваніе какихъ-нибудь отвлеченныхъ положеній, подъ которыя изслѣдователь считаетъ нужнымъ подводить того или другаго преступника, хотя и является, съ точки зрѣнія проф. Владиміровa, пріемомъ несовершеннымъ, имѣетъ, однако, то преимущество, что характеризуется наклонностью постепенно переходить въ научный способъ психологическаго изслѣдованія. Философско-психологическій методъ изслѣдованія приводитъ къ выясненію психологическихъ особенностей лица, думаетъ проф. Владиміровъ, въ противоположность методу художественно-психологическому, при помощи перечисленія, присущихъ изслѣдуемому объекту, чертъ. „То, чего художникъ достигаетъ двумя-тремя штрихами, философско-психологическое изслѣдованіе не достигаетъ цѣлою описью". „Это—потому, поясняетъ проф. Владиміровъ, что художникъ нѣсколькими линіями вызываетъ въ вашей памяти видѣнные когда то образы; напротивъ, философско-психологическій анализъ не вызываетъ никакихъ образовъ, а обращаетъ ваше вниманіе на отвлеченныя способности, на ихъ большее или меньшее развитіе". (стр. 182) Указаніе на эти элементы различія пріемовъ художественнаго и философскаго изслѣдованія у проф. Владиміровa кажется намъ невыдерживающимъ критики, по крайней мѣрѣ, въ связи съ тѣми чертами, которыми онъ характеризуетъ каждый изъ этихъ методовъ. Въ началѣ своей книги проф. Владиміровъ считаетъ одной изъ главныхъ особенностей художественнаго метода то, что въ немъ „отъ анализа единичныхъ и разсѣянныхъ, въ разныхъ характерахъ, чертъ переходятъ къ синтезу, складывающему не отдѣльное въ дѣйствительности существующее, а отвлеченное, скомпанованное, сочиненное, но типичное лицо"

(стр. 10). Но если это такъ, то мы съ извѣстнымъ правомъ можемъ утверждать, что и въ области метода художественнаго, въ его приложеніи къ психологическому изслѣдованію въ уголовномъ судѣ, предполагается, по признанію проф. Владимірова, существованіе извѣстнаго фиктивнаго понятія или типа, подъ который подводится въ конкретномъ случаѣ то или другое лицо и получается въ конечномъ результатѣ нѣкоторый синтезъ на почвѣ, подготовленной анализомъ чертъ лица, спискомъ его особенностей, выбираемыхъ и наносимыхъ на полотно съ такимъ разсчетомъ, чтобы ярко выступили черты того типа, который умственно себѣ представляетъ лицо, дѣлающее художественную характеристику. Но если это, повторяемъ, такъ, то въ чемъ же собственно отличіе метода философско-психологическаго отъ художественно-психологическаго? Если то, что въ первомъ изъ нихъ орудуютъ, по выраженію проф. Владимірова, „отвлеченными величинами, какъ-то „душевныя силы", „душевныя особенности"... и тому подобными отвлеченными цѣлыми (стр. 123) и философско-психологическій способъ „весь и ушелъ на исканіе душевныхъ особенностей отдѣльнаго человѣка" (стр. 124), то не слѣдуетъ, кажется намъ, забывать слѣдующаго: въ методѣ философско-психологическомъ, равно какъ и въ художественномъ способѣ психологическаго изслѣдованія, имѣетъ мѣсто перечисленіе тѣхъ особенностей, которыя оправдываютъ въ глазахъ изслѣдующаго подведеніе изслѣдуемаго подъ ту или другую категорію или типъ, и притомъ перечисленіе такое, которое не исчерпываетъ изображаемаго предмета и требуетъ дополненія со стороны тѣхъ образовъ, которые уже существуютъ въ памяти слушателей. Новой особенностью философско-психологическаго изслѣдованія проф. Владиміровъ считаетъ то, что методъ этотъ касается и нравственныхъ чертъ личности,— отмѣчаетъ ея тщеславіе, добродушіе и проч.

Неизмѣримо выше двухъ уже разсмотрѣнныхъ нами пріемовъ психологическаго изслѣдованія ставитъ проф. Владиміровъ изслѣдованіе медико-психологическое. Только это послѣднее, думаетъ онъ, складывающееся на почвѣ точныхъ наблюденій и измѣреній, способно выяснить степень опасности даннаго преступника для общества. Въ методѣ медико-психологическомъ, по мнѣнію проф. Владимірова, субъективное впечатлѣніе если и вліяетъ на выводъ, то только такое, которое является тщательно провѣреннымъ подобными же впечатлѣніями другихъ, наблюдавшихъ то же явленіе при тожественныхъ условіяхъ". Вообще, съ точки зрѣнія, автора сущность

медико-психологическаго изслѣдованія сводится къ изслѣдованію личности съ физической и психической стороны по тѣмъ методамъ, которые примѣняются въ наукахъ естественныхъ. Проф. Владиміровъ полагаетъ при этомъ, что точные пріемы изученія психологическихъ отправленій, извѣстные подъ именемъ „пробъ психическихъ процессовъ", могутъ повести къ богатымъ послѣдствіями результатамъ.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ вопросу объ изслѣдованіи содержанія психической жизни преступника и составленномъ, главнымъ образомъ, по извѣстной книгѣ Депина, проф. Владиміровъ останавливается на изслѣдованіи тѣхъ сторонъ психическаго строя преступника, которыя даютъ возможность говорить о степени его опасности для общества. Вслѣдъ за Депиномъ, авторъ указываетъ на значеніе для медико-психологической характеристики лица того обстоятельства, доступно ли данное лицо чувству жалости [1]) и какъ велика его способность обдумывать. Проф. Владиміровъ останавливается, при этомъ, нѣсколько подробнѣе на изслѣдованіи воли изучаемаго лица. Авторъ какъ бы противополагаетъ изслѣдованіе воли изученію особенностей аффективной и интеллектуальной стороны психологической жизни лица, говоря о волѣ, какъ о самостоятельномъ, хотя и сложномъ, психическомъ феноменѣ. Прежде чѣмъ перейти, однако, къ описанію способа изслѣдованія воли, что̀ проф. Владиміровъ дѣлаетъ только въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, онъ даетъ опредѣленіе воли весьма, на нашъ взглядъ, несовершенное.

„Воля есть"—замѣчаетъ проф. Владиміровъ—„способность человѣка, исключивъ изъ своего душевнаго процесса всѣ противоположныя чувства и мысли, поглотиться всецѣло однимъ какимъ-либо желаніемъ, убѣжденіемъ, сосредоточивъ на немъ все свое вниманіе съ такою силою, чтобы то убѣжденіе непосредственно перешло во внѣшнее свое проявленіе, т. е. въ дѣйствіе въ широкомъ смыслѣ этого слова" (стр. 214). Въ этомъ опредѣленіи, прежде всего, бросается въ глаза суженіе понятія воли, доведенное до такихъ предѣловъ, что изъ нея должны быть исклю-

---

[1]) Говоря объ изслѣдованіи чувства жалости въ преступникѣ путемъ медико-психологическаго изслѣдованія, проф. Владиміровъ забываетъ, повидимому, что онъ вноситъ въ этотъ методъ тотъ-же недостатокъ, который констатировалъ въ области пріема изслѣдованія философско-психологическаго.

чены всѣ тѣ дѣйствія, которымъ, надѣемся, и самъ почтенный авторъ не откажетъ въ характерѣ волевыхъ. Представимъ себѣ, что какой-нибудь видный общественный дѣятель собирается произнести въ собраніи рѣчь и отдаетъ передъ уходомъ изъ дому приказаніе своему слугѣ позаботиться объ извозчикѣ для того, чтобы скорѣе добраться до мѣста собранія, гдѣ онъ предполагаетъ произнести рѣчь. Если мы прибавимъ еще къ этому, что нашъ общественный дѣятель совершенно поглощенъ своей рѣчью и возлагаетъ на нее большія надежды, то, съ точки зрѣнія опредѣленія проф. Владимірова, выйдетъ, что общественный дѣятель въ нашемъ примѣрѣ желаетъ произнести рѣчь, но не хочетъ отправиться для произнесенія ея на мѣсто собранія на извозчикѣ. Это вытекаетъ изъ того, что при отдачѣ распоряженія о наймѣ извозчика нашъ общественный дѣятель не успѣлъ несомнѣнно исключить изъ своего душевнаго процесса всѣ противоположныя чувства и мысли и, думая о своей рѣчи, будучи ею поглощенъ и отдавая ей все свое вниманіе, лишенъ былъ возможности сосредоточить все свое вниманіе на распоряженіи о наймѣ извозчика. Давая такую конструкцію воли, проф. Владиміровъ забываетъ, что отсутствіе этой послѣдней ему часто придется констатировать и въ умышленныхъ дѣяніяхъ, въ особенности послѣ тѣхъ дополнительныхъ ограниченій, которыми почтенный авторъ обставляетъ въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи волю, требуя для ея наличности тѣхъ условій, чтобы посредствомъ работы мысли „привести въ свое сознаніе всѣ элементы внутренней борьбы, въ насъ происходящей, обсудить ихъ, въ качествѣ безстрастнаго наблюдателя, вполнѣ основательно, холодно, и такимъ способомъ поставить себя въ наиболѣе благопріятныя условія для здраваго рѣшенія“ (ст. 214). Здѣсь можетъ быть, вдобавокъ, замѣчено, что въ извѣстной степени проф. Владиміровъ оставляетъ въ своей конструкціи воли область психологіи и вступаетъ въ сферу нравственной философіи, говоря не просто уже о волѣ и ея предположеніяхъ, но о волѣ практически разумной.

Свои соображенія о необходимости изслѣдованія преступника въ стадіи уголовнаго суда путемъ медико-психологической экспертизы проф. Владиміровъ старается вывести изъ тѣхъ цѣлей, которыя должны преслѣдоваться при помощи наказанія.

Государство, полагаетъ проф. Владиміровъ, должно по отношенію къ преступникамъ имѣть въ виду „огражденіе общественной безопасности“ и „исправленіе преступниковъ“: Это исправле-

ніе совершается двумя способами: „внушеніемъ, какъ выражается проф. Владиміровъ, посредствомъ торжественнаго акта правосудія, что каждый человѣкъ отвѣтственъ за свои дѣянія, что зло, совершенное человѣкомъ, по логикѣ вещей въ мірѣ, непремѣнно отмщается ему же послѣдствіями зла“ и „пріученіемъ человѣка къ такому способу жизни, привитіе ему такихъ привычекъ и нравственныхъ идей, при которыхъ обезпечена была бы людямъ безвредная для нихъ жизнь его въ обществѣ“ (стр. 245). Не вступая въ область критики такого спорнаго вопроса, какъ проблемма о цѣляхъ наказанія, мы скажемъ только, что схема проф. Владимірова является не выдерживающей критики уже по соображеніямъ чисто логическаго свойства. Проф. Владиміровъ разграничиваетъ двѣ различныя цѣли наказанія: „огражденіе общественной безопасности“ и „исправленіе преступниковъ“. Очевидно онъ считаетъ эти цѣли принципіально различными; иначе, къ чему было бы ихъ и разграничивать, Но формулировка проф. Владимірова наталкиваетъ на слѣдующій вопросъ: не ведетъ ли развѣ исправленіе преступника къ общественной безопасности и не является ли развѣ оно самымъ дѣйствительнымъ средствомъ огражденія этой послѣдней. Очевидно или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что говоря объ „огражденіи общественной безопасности“, проф. Владиміровъ полагаетъ, что наказаніемъ должны достигаться цѣли общаго предупрежденія, т. е. предупрежденія при помощи наказанія преступника преступленій со стороны лицъ, не совершившихъ еще преступленій, но могущихъ ихъ совершить. Но тогда, конечно, нужно было бы проф. Владимірову точнѣе формулировать свой взглядъ.

Но задача опеки государства, думаетъ проф. Владиміровъ, сводится помимо наказанія, между прочимъ, къ обезпеченію общества отъ людей, страдавшихъ душевными болѣзнями, вовлекшими ихъ въ преступленіе и „могущими возвратиться“, отъ преступниковъ, далѣе, признанныхъ невмѣняемыми, благодаря патологическому аффекту или состоянію психической недостаточности, а равно для обезпеченія общества отъ привычныхъ преступниковъ. Но для лучшаго достиженія всѣхъ этихъ цѣлей и необходимаго соображенія съ характеромъ практикуемыхъ въ отношеніи ихъ мѣръ, необходимо, полагаетъ проф. Владиміровъ, подвергать преступниковъ разностороннему медико-психологическому изслѣдованію.

Проф. Владиміровъ высказывается при этомъ за обязательное

медико-психологическое изслѣдованіе преступниковъ и за признаніе въ сомнительныхъ случаяхъ уменьшенной вмѣняемости. Въ виду соображеній финансоваго свойства проф. Владиміровъ, однако, считаетъ возможнымъ отступить отъ строгаго проведенія своего принципа въ смыслѣ признанія обязательности медико-психологическаго изслѣдованія только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное дѣяніе влечетъ наказаніе не ниже тюремнаго заключенія.

Послѣ критики постановленій нашего устава уголовнаго судопроизводства по вопросу о возбужденіи судебно-психіатрическаго изслѣдованія и признанія, что порядокъ этого возбужденія не поставленъ на твердую почву, авторъ переходитъ къ заключительной главѣ своего труда, посвящаемой имъ вопросу о значеніи медико-психологическаго заключенія для суда и присяжныхъ.

Медико-психологическому изслѣдованію, думаетъ проф. Владиміровъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый не признанъ душевно-больнымъ, долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, обладалъ ли обвиняемый той степенью психической сопротивляемости, какая нужна была для того, чтобы воздержаться отъ совершенія дѣянія, составляющаго предметъ обвиненія (стр. 278). Но, выставляя такое требованіе, проф. Владиміровъ не можетъ, кажется намъ, не разсчитывать на то, что на этотъ вопросъ всегда послѣдуетъ отвѣтъ отрицательный, такъ какъ о томъ, что обвиняемый въ данномъ конкретномъ случаѣ не обладалъ „тою степенью психической сопротивляемости, какая нужна была для того, чтобы воздержаться отъ совершенія дѣянія“, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самый фактъ учиненія преступленія. Но разъ отвѣтъ будетъ всегда отрицательнымъ, то къ чему и ставить вопросъ въ той формѣ, какъ его предлагаетъ почтенный авторъ.

Относительно лицъ, въ примѣненіи къ которымъ констатировано состояніе уменьшенной вмѣняемости, должно быть примѣнено, по мнѣнію автора, не только количественно болѣе смягченное наказаніе, но и мѣра воздѣйствія, качественно совершенно особая, ближе подходящая къ леченію и гарантирующая огражденіе общественной безопасности.

Проф. Владиміровъ полагаетъ, что роль медико-психологическаго заключенія въ судѣ коронномъ не можетъ быть велика, но она будетъ, при условіи существованія современныхъ процессуальныхъ особенностей, весьма значительной въ судѣ присяжныхъ. При обоснованіи этого мнѣнія почтенный авторъ исходитъ изъ того, что судъ присяжныхъ можетъ не вмѣнить дѣянія подсуди-

мому просто потому, что тотъ героизмъ, который предполагается уголовнымъ закономъ, явленіе далеко необычное въ жизни и что присяжные, не будучи обязаны мотивировать своего вердикта, могутъ не вмѣнить дѣянія по причинамъ, которыхъ они не обязаны высказывать.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ мыслей проф. Владимірова по вопросу о психологическомъ изслѣдованіи въ уголовномъ судѣ. Нельзя, кажется, отрицать значенія этой книги нашего автора, какъ опыта доказательства необходимости психологическаго изслѣдованія преступника въ видахъ примѣненія къ нему цѣлесообразнаго наказанія. Собственно говоря, книга, разбираемая нами, даже и не опытъ доказательства, необходимости изученія психологіи преступника, для цѣлей успѣшной борьбы съ преступностью, но только опытъ настойчиваго и совершенно справедливаго утвержденія, что такая связь дѣйствительно существуетъ. Этимъ, кажется намъ, только и ограничивается значеніе книги проф. Владимірова. Сваливая все на судебную экспертизу, проф. Владиміровъ считаетъ себя освобожденнымъ отъ обязанности указать на то, какъ могутъ вліять зарегистрированныя психологическія черты преступника на тѣ мѣры, которыя цѣлесообразно къ нему примѣнить. Проф. Владиміровъ не указываетъ ни психологическихъ типовъ характера, ни типовъ наказаній, которыя могли бы этимъ характерамъ соотвѣтствовать, не даетъ, словомъ, ничего такого, что̀ можно потребовать отъ доктрины, претендующей на названіе научной. Но вмѣстѣ съ отсутствіемъ въ книгѣ нашего автора отвѣтовъ на вопросы, которые онъ ставитъ, нельзя и признать, чтобы проф. Владиміровъ сдѣлалъ какой-нибудь вкладъ въ литературу уголовнаго права и высказалъ дѣйствительно нѣчто такое, что̀, по его выраженію, являлось бы „положеніями, до сихъ поръ еще не высказанными въ литературѣ уголовнаго права“. Нельзя было бы отказать книгѣ проф. Владимірова въ нѣкоторомъ научномъ значеніи, если бы она воплощала въ себѣ хотя солидный научный аппаратъ въ формѣ изложенія того, что̀ было уже высказано въ литературѣ уголовнаго права по вопросу, о которомъ онъ трактуетъ, но и этотъ элементъ отсутствуетъ въ книгѣ проф. Владимірова, къ сожалѣнію, почти совершенно.

Г. Фельдштейнъ.

П. Казанскій. Введеніе въ курсъ международнаго права. Одесса. 1901. XIII+386.

Имя г. Казанскаго, профессора международнаго права Новороссійскаго университета, сравнительно давно уже извѣстно въ русской юридической литературѣ по обширнымъ и обстоятельнымъ изслѣдованіямъ о договорныхъ рѣкахъ (1895 г.) и всеобщихъ административныхъ союзахъ (1897 г.). Выпущенная имъ нынѣ книга составляетъ начало широко задуманнаго труда, подобнаго—по собственному признанію автора—трудамъ Прадье-Фодере, Кальво и Гольцендорфа. Въ добрый часъ, можемъ мы только сказать. Въ русской литературѣ имѣются только два законченныхъ курса международнаго права (Мартенса и Даневскаго),—носящихъ, однако, скорѣе характеръ учебниковъ, чѣмъ системъ, охватывающихъ нашу науку во всемъ ея объемѣ; поэтому появленіе обширнаго руководства, въ которомъ обработкѣ подверглись бы не только основныя начала международнаго права, но и детали, представлялось бы весьма желательнымъ. Съ этой точки зрѣнія, начинаніе г. Казанскаго заслуживаетъ полной симпатіи и должно быть привѣтствуемо всѣми русскими юристами, интересующимися вопросами междугосударственной жизни. Но при одномъ, однако, непремѣнномъ условіи, а именно, чтобы авторъ не принялъ за образецъ ни Кальво, ни Прадье-Фодере, ни даже Гольцендорфа...

На самомъ дѣлѣ, шеститомный курсъ Кальво не обладаетъ рѣшительно никакими научными достоинствами; это обширный арсеналъ фактовъ, отдѣльныхъ мнѣній писателей—сплошь да рядомъ невѣрно понятыхъ—и статей законовъ, часто ошибочно переданныхъ. Имъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью и всего менѣе стараться ему подражать. Точно также и гигантскій по объему трактатъ Прадье-Фодере представляетъ изъ себя сборникъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ, часто безъ надлежащей связи и нерѣдко безъ научнаго освѣщенія. Что же касается Handbuch des Völkerrechts Гольцендорфа, то принятая въ немъ система распредѣленія матеріала не выдерживаетъ никакой критики, а входящія въ его составъ монографіи далеко не всѣ одинаковаго достоинства.

При такихъ условіяхъ, остается только пожелать, чтобы г. Казанскій какъ можно дальше держался отъ этихъ образцовъ. Къ сожалѣнію, однако, ближайшее ознакомленіе съ его книгой при-

водитъ къ убѣжденію, что онъ поддался вліянію именно этихъ трудовъ...

Первое, на что невольно обращаешь вниманіе, когда открываешь книгу г. Казанскаго,—это полное отсутствіе примѣчаній и цитатъ. По этому поводу авторъ въ предисловіи даетъ слѣдующее объясненіе: цѣлью его работы не было подвергнуть разбору воззрѣнія отдѣльныхъ авторовъ; ему хотѣлось только „провѣрить главнѣйшія общія положенія, которыя высказываются въ современной наукѣ международнаго права, согласовать ихъ между собой, объяснить, дополнить, исправить и изложить въ системѣ". „Поэтому"—продолжаетъ онъ—„въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы беремъ одинъ—два примѣра интересующаго насъ ученія и указываемъ сокращенно, кому принадлежатъ они. Изданія, откуда взяты тѣ или другія ученія, въ текстѣ введенія мы не отмѣчаемъ. Это—все общеизвѣстныя руководства и общія работы по международному праву. Цитировать страницы, особо интересныя для насъ, намъ казалось также излишнимъ, такъ какъ это, обыкновенно, нѣсколько первыхъ страницъ общеизвѣстнаго изданія и найти ихъ не представляетъ для желающихъ никакого труда".

Подобный пріемъ, позволимъ мы себѣ замѣтить, годится, въ крайнемъ случаѣ, только для совершенно элементарныхъ учебниковъ. Въ компендіяхъ, дѣйствительно, обыкновенно опускаются контроверзы и ссылки на литературу предмета. Но авторы ихъ, преслѣдуя исключительно педагогическія цѣли, не задаются цѣлями научными. Совершенно другой критерій долженъ, само собою разумѣется, быть примѣненъ къ работѣ г. Казанскаго. Уже одинъ объемъ книги, составляющей „введеніе" въ курсъ международнаго права и посвященной чисто-теоретическимъ вопросамъ, исключаетъ всякую возможность видѣть въ ней элементарный учебникъ. При такихъ условіяхъ, ссылки на различныхъ хотя бы и „общеизвѣстныхъ" авторовъ, безъ точнаго указанія названія сочиненія и страницы его, едва ли умѣстны. Подобное сокращеніе работы для автора ложится тяжелымъ бременемъ на читателя, обязаннаго по каждой интересующей его ссылкѣ обращаться къ приложеннымъ къ книгѣ спискамъ изслѣдованій по международному праву, а затѣмъ, по отысканіи соотвѣтствующаго сочиненія, безконечно рыться въ немъ въ поискахъ за нужнымъ параграфомъ или страницей [1]). Благо еще были бы эти списки хорошо

---

[1]) Затрудненія увеличиваются еще и отъ того, что г. Казанскій ороогра-

составлены. Но этого, въ данномъ случаѣ, никакъ нельзя сказать.

Прежде всего, въ нихъ мы не находимъ весьма многихъ изъ упоминаемыхъ въ текстѣ авторовъ. Такъ, напр. на стр. 34 г. Казанскій цитируетъ нѣкоего „малоизвѣстнаго темнокожаго автора г. Фирмена"—этой фамиліи въ указателѣ не имѣется. Точно также не найти здѣсь и Юрашека, (упоминаемаго на стр. 39), Зелигмана (145), Лорана (147), Гельшнера (245) и мн. др. Едва ли при такихъ условіяхъ любознательному читателю окажется легко провѣрить ссылку и найти соотвѣтствующее мѣсто въ заинтересовавшемъ его сочиненіи.

Далѣе, сами указатели составлены весьма небрежно и, нерѣдко, упоминая о книгахъ, не имѣющихъ ровно никакого научнаго значенія, они обходятъ молчаніемъ капитальныя сочиненія. Такъ, въ спискѣ „изслѣдованій общихъ вопросовъ науки международнаго права" нѣтъ указаній на Трипеля (Völkerrecht und Landesrecht, 1899), на Кауфмана (Die Rechtskraft des intern. Rechts 1899); изъ монографій Ф. Ф. Мартенса приведена только брошюра „Россія и Англія въ Средней Азіи"; не упомянута столь важная для конструкціи международнаго права „Система субъективныхъ правъ" Еллинека и т. п. Рядомъ съ этимъ, мы находимъ занесенными въ списокъ заглавіе такихъ монографій и журнальныхъ статей, которыя либо давно утратили значеніе, либо никогда никакой цѣнности не имѣли. Таковы, напр., изслѣдованія Андроссова, Chevalier, Conde y Luque, Fraisinger, v. Hagens, Nettelbladt, Morello, de Trèves и мн. др.

Переходимъ къ разсмотрѣнію книги г. Казанскаго съ точки зрѣнія содержанія. Первая изъ двѣнадцати главъ, на которыя она распадается, составляетъ какъ бы введеніе во введеніе къ курсу международнаго права. Авторъ останавливается на понятіяхъ націонализма и интернаціонализма и ихъ взаимномъ отношеніи, при чемъ приходитъ къ выводу, что „природа интернаціонализма и націонализма одна и та же, что одинъ невозможенъ безъ другаго, что одинъ дополняетъ другой, что противорѣчія между ними нѣтъ, что интернаціонализмъ есть только дальнѣйшее развитіе націонализма" (стр. 35). Пусть будетъ такъ. Вопросъ относится къ области политической философіи и съ международнымъ правомъ,

---

фируетъ фамиліи иностранныхъ авторовъ по русски. Какъ догадаться, напр., что Лезёръ означаетъ Lesueur?

строго говоря, имѣетъ мало общаго. Поэтому для юриста представляетъ гораздо бо́льшій интересъ вторая глава, посвященная опредѣленію и основному дѣленію международнаго права.

Здѣсь авторъ устанавливаетъ свою отправную точку зрѣнія на существо излагаемой имъ дисциплины. Всякое опредѣленіе, замѣчаетъ г. Казанскій, fit per genus proximum et differentiam specificam. Genus понятія международнаго права—право положительное. Этимъ оно отличается отъ нравственности и международной вѣжливости или comitas gentium. Послѣдняя же, по мнѣнію г. Казанскаго, есть „международные нравы и привычки, бо́льшею частью—международныя приличія“ (стр. 58). „Comitas не относится къ праву *только* потому, что правила ея не представляютъ собою ничего установившагося, прочнаго, или же имѣютъ совершенно ничтожное жизненное значеніе. Правила comitatis юридически необязательны, но хорошо (?) ихъ соблюдать“.

Мы рѣшительно протестуемъ противъ подобной постановки вопроса. Во-первыхъ, нельзя ставить условіемъ отнесенія нормы въ ту или другую категорію ея жизненное значеніе; многія статьи нашего Свода законовъ имѣютъ чрезвычайно ничтожное „жизненное“ значеніе, но тѣмъ не менѣе онѣ несомнѣнно являются правомъ положительнымъ. Да и какъ провести демаркаціонную линію между тѣмъ, что̀ имѣетъ значеніе, и тѣмъ, что̀ его не имѣетъ? Отличительнымъ признакомъ юридической нормы является порожденіе ею на одной сторонѣ притязанія, а на другой обязанности—независимо отъ цѣнности съ соціально-политической точки зрѣнія этого притязанія и этой обязанности. Поэтому и выдѣленіе „нравовъ и привычекъ“ въ *самостоятельный* комплексъ нормъ представляется грубой логической ошибкой. То, что̀ въ общежитіи носитъ это названіе, представляетъ изъ себя, въ сущности, крайне пеструю амальгаму, въ составъ которой входятъ и нравственныя начала, и юридическія нормы, и правила цѣлесообразности. Такъ, напр., у насъ „принято“ обозначать на чекѣ сумму прописью—это настоящая юридическая норма, дающая банку, въ случаѣ ея несоблюденія, право отказаться отъ уплаты по чеку. „Принято“ не отзываться скверно о лицахъ, оказавшихъ намъ благодѣяніе: это велѣніе нравственности. „Прянято“, наконецъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ не носить шубы: это правило цѣлесообразности. Всѣ же эти правила, вмѣстѣ взятыя, составляютъ то, что̀ въ разговорномъ языкѣ, называется „нравами“.

Точно также и въ составъ comitas gentium входятъ весьма

разнородные элементы. Въ значительной части—это вполнѣ опредѣленныя юридическія нормы, создающія притязанія и соотвѣтствующія имъ обязанности. Сюда относятся, напр., весьма многія правила, касающіяся морскаго церемоніала. Несоблюденіе ихъ, неотданіе, напр., установленнаго салюта, есть безусловно laesio juris, могущее повлечь за собою репрессивныя мѣры [1]). То же самое слѣдуетъ сказать и о весьма многихъ правилахъ дипломатическаго этикета и т. п.

Такимъ образомъ, comitas не можетъ и не должна быть противополагаема праву; она отчасти входитъ въ составъ juris gentium, отчасти состоитъ изъ нравственныхъ или иныхъ велѣній.

Видовой признакъ международнаго права заключается, по мнѣнію г. Казанскаго, въ свойствахъ его субъектовъ. Субъектами же этой дисциплины онъ признаетъ государства, частныхъ лицъ и международныя общества.

Теорія, видящая въ частныхъ лицахъ непосредственныхъ субъектовъ международнаго права, какъ извѣстно, не отличается новизною.

Прежде эта точка зрѣнія пользовалась большимъ кредитомъ, а года два тому назадъ Кауфманомъ [2]) сдѣлана была попытка на мой взглядъ весьма неудачная, снова оживить эту конструкцію. Послѣдовательное проведеніе ея, дѣйствительно, представляетъ большія трудности. Прежде всего замѣтимъ что если существенный признакъ международнаго права заключается въ свойствѣ его субъектовъ, то включеніе отдѣльныхъ лицъ въ число таковыхъ совершенно лишаетъ этотъ признакъ всякаго значенія. Чѣмъ тогда международное право отличается отъ внутренняго? Въ томъ и въ другомъ случаѣ велѣнія правовой нормы обращены къ частнымъ лицамъ какъ таковымъ: какъ отличить тѣ нормы, которыя относятся къ одной отрасли права, отъ тѣхъ, которыя входятъ въ составъ другой? На стр. 62 своей книги г. Казанскій пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вотъ, буквально, что́ мы здѣсь читаемъ: „международныя отношенія, это—отношенія государствъ между

---

[1]) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года англійское коммерческое судно North Star, встрѣтившись въ р. Везерѣ съ императорской яхтой Kurfürst Friedrich Wilhelm не отдало обычнаго салюта. Капитанъ былъ немедленно уволенъ владѣльцами судна. Можно ли сказать, что капитанъ былъ наказанъ за простую „невѣжливость“. См. Revue générale de droit intern. public. 1900, p. 428.

[1]) Die Rechtskraft des intern. Rechts, 1899. См. мою рецензію въ „Вѣстникѣ Права“, 1900, № 1, стр. 279 и слѣд.

собою и къ международнымъ обществамъ, а равно отношенія этихъ послѣднихъ между собой и внутреннія отношенія ихъ, отношенія подданныхъ разныхъ государствъ между собою и къ иностраннымъ государствамъ и, наконецъ, основное гражданское положеніе человѣка вообще. Наоборотъ, отношенія внутреннія, внутренне-государственныя или народныя, это—отношенія властей одного и того же государства между собой, согражданъ между собою, отношеніе властей къ подданнымъ и, въ *извѣстныхъ случаяхъ*, отношенія властей и подданныхъ къ иностранцамъ и даже иностранцевъ между собою... Такимъ образомъ, положеніе иностранцевъ опредѣляется частью международнымъ правомъ, частью внутренне-государственнымъ".

Выходитъ, что международное право есть международное право, а внутреннее право—право внутреннее. Въ этомъ едва ли кто сомнѣвается.

Подъ той частью международнаго права, въ которой субъектами являются частныя лица, г. Казанскій, повидимому, подразумѣваетъ частное международное право. „Вопреки господствующему мнѣнію"—говоритъ онъ—„международное гражданское право не ограничивается разрѣшеніемъ столкновеній между законодательствами разныхъ странъ, но содержитъ и свои самостоятельныя постановленія... Международное частное право это—начала, опредѣляющія гражданскія права человѣка въ международной области... Оно опредѣляетъ во имя общаго блага дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, направленную на достиженіе ихъ личныхъ цѣлей". Пониманіе частнаго международнаго права въ качествѣ системы нормъ, охраняющихъ интересы частныхъ лицъ и имѣющихъ этихъ послѣднихъ своими субъектами, весьма распространено. Въ англійской литературѣ, напр., оно составляетъ обычное явленіе. Но всѣ писатели, придерживающіеся этого направленія, считаютъ частное международное право составною частью *права внутренняго*, а не международнаго. Между тѣмъ, г. Казанскій вводитъ частное право въ составъ международнаго, дѣля это послѣднее на два отдѣла: международное публичное и международное частное право—и, во избѣжаніе недоразумѣній, спеціально оговаривается, что международное право *не* есть, какъ утверждаетъ большинство авторовъ, право только публичное. Оно есть „публичный и гражданскій порядокъ особой сферы жизни международной".

При такомъ пониманіи вещей, на нашъ взглядъ, исчезаетъ

всякая возможность провести какую бы то ни было грань между гражданскимъ и государственнымъ правомъ, съ одной стороны, и международнымъ, съ другой. Ссылка на особую сферу жизни—международную—ничего не уясняетъ, такъ какъ весь вопросъ въ томъ и заключается, чтобы опредѣлить, какими нормами регулируется эта сфера жизни.

Еще бо̀льшія сомнѣнія возбуждаетъ проводимое г. Казанскимъ воззрѣніе, будто субъектами международнаго права являются также и „международныя общества". Сюда относятся „главнымъ образомъ" вселенскія христіанскія церкви. Главнымъ образомъ. Стало быть, есть и другія общества, которыя способны играть роль самостоятельныхъ субъектовъ международнаго права? Какія это общества? Вѣдь не акціонерныя же компаніи и т. п. юридическія лица авторъ имѣетъ въ виду—смѣшеніе понятій было бы слишкомъ очевидное, и мы не въ правѣ предположить, чтобы онъ впалъ въ столь грубую ошибку. Но при такихъ условіяхъ мы должны откровенно признаться, что совершенно не понимаемъ, для чего г. Казанскому понадобилось создать такое странное понятіе, какъ „международное общественное право". Будемъ надѣяться, что послѣдующіе томы разбираемаго труда прольютъ свѣтъ на этотъ вопросъ и покажутъ, насколько примѣнимы къ конструкціи отдѣльныхъ институтовъ нашей науки отправныя точки зрѣнія автора. Пока объ этомъ судить трудно, такъ какъ вся разсмотрѣнная нами глава состоитъ почти исключительно изъ утвержденій тѣхъ или иныхъ положеній и отрицаній чужихъ мнѣній; до аргументаціи же дѣло рѣдко доходитъ.

Въ третьей главѣ авторъ затрогиваетъ вопросъ о названіи международнаго права, а затѣмъ—въ главахъ IV, V и VI подробно останавливается на ученіи объ источникахъ этой дисциплины. Вкратцѣ, воззрѣнія его сводятся къ слѣдующему. Подъ источникомъ права въ прямомъ, собственномъ смыслѣ слова слѣдуетъ понимать „ту причину, которая творитъ право, ту силу, которая непосредственно обусловливаетъ появленіе этихъ началъ" (стр. 88). Такимъ внутреннимъ источникомъ международнаго права, по мнѣнію г. Казанскаго, является соглашеніе и правоубѣжденіе народовъ. Послѣднее, однако, проявляется въ различныхъ формахъ, составляющихъ „матеріалы международнаго права", формальные его источники. Сюда относится обычай и договоръ. На воззрѣніяхъ автора о международныхъ обычаяхъ мы останавливаться не станемъ—въ общемъ они представляются намъ правильными—

и скажемъ только нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое онъ придаетъ договорамъ. „Подъ международными договорами„—говоритъ г. Казанскій—„понимаются, въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, публичноправовые международные договоры, т. е. заключаемые между государствами (а иногда и международными обществами) относительно международныхъ интересовъ“ (стр. 136). Поэтому, подъ понятіе международнаго договора не подходятъ договоры между подданными разныхъ государствъ, а также соглашенія между государствами и подданными другихъ государствъ. Съ этимъ мы, лично, болѣе чѣмъ согласны, — но какъ согласить подобныя воззрѣнія съ отправной точкой зрѣнія автора на субъекты международнаго права и, въ частности, со слѣдующимъ положеніемъ, выставляемымъ г. Казанскимъ на стр. 52: отношеніе между государствомъ и подданными другаго государства, носящія несомнѣнно публичный характеръ (?), никѣмъ (?) нынѣ изъ международнаго права не исключаются? Какъ, далѣе, объяснить себѣ слѣдующую фразу (стр. 137): „тѣ договоры, которые заключаются между государствами относительно какихъ-либо частно-правовыхъ вопросовъ, ихъ взаимныхъ отношеній, являются договорами международнаго гражданскаго права и международнаго права не содержатъ“? Вѣдь, какъ мы только что видѣли, авторъ подводитъ частное международное право подъ понятіе международнаго права largo sensu: такъ чѣмъ же эти договоры отличаются отъ публично-правовыхъ? Почему они не могутъ быть источникомъ права? Мы рѣшительно отказываемся разобраться въ этомъ морѣ противорѣчій.

Источниками *познанія* международнаго права или его „памятниками“ служатъ разные сборники обычаевъ, договоровъ и т. п., а также и научныя сочиненія. Противъ этого мы ничего возразить не имѣемъ.

Въ главѣ седьмой—„положительный и юридическій характеръ международнаго права“—авторъ возвращается къ обще-философскимъ вопросамъ и вступаетъ въ борьбу съ „отрицателями“ этой дисциплины. Съ самаго начала онъ, сознавая впрочемъ, что сказать что-нибудь новое по этому вопросу трудно, обѣщаетъ не ограничиться опроверженіемъ отдѣльныхъ возраженій противъ международнаго права, а постараться „поставить вопросъ шире и разсмотрѣть болѣе глубоко, чѣмъ это дѣлается обыкновенно“ (стр. 160). Приступая къ разрѣшенію той высокой задачи, которую онъ себѣ поставилъ, г. Казанскій прежде всего установляетъ

грань между нравственностью и правомъ вообще. Нравственными правилами, по его мнѣнію, называются „тѣ правила общественныхъ отношеній, которымъ мы слѣдуемъ *свободно*, по внутреннему убѣжденію въ ихъ правотѣ, въ ихъ истинности, въ ихъ необходимости“ (стр. 164). „Право же создаетъ тотъ, на чьей сторонѣ *сила*. Подъ общимъ благомъ понимается соглашеніе интересовъ сильныхъ лицъ. *Право служитъ сильному*. Право охраняется силой“ (стр. 170).

Такова разница между нравственностью и правомъ. Первая зиждется на свободѣ, вторая на силѣ. Казалось бы выводъ отсюда ясенъ: гдѣ нѣтъ силы,—нѣтъ и права, право покоится на принужденіи; [1]) а такъ какъ въ сферѣ междугосударственной жизни принужденію нѣтъ мѣста, то нѣтъ и международнаго права....

Г. Казанскій къ этому выводу, однако, не приходитъ, а путемъ различныхъ прокрустовыхъ операцій надъ логическими понятіями стремится доказать, что международное право—реальное явленіе.

Хотя право и служитъ сильному, однако, въ виду того, что большинство сильнѣе меньшинства, въ концѣ концовъ право вызывается потребностями всего общества, создается и охраняется имъ. Обязательность же права основывается на власти общественнаго цѣлаго надъ его отдѣльными членами. „Для того, чтобы заставить подчиниться ему, общество пользуется всѣмъ тѣмъ духовнымъ, экономическимъ и, наконецъ, физическимъ давленіемъ, которое оно имѣетъ на отдѣльное лицо“ (стр. 171). Благодаря этому, „самый неукротимый духъ смирится“. Такимъ образомъ, авторъ—убѣжденный сторонникъ теоріи принужденія въ самомъ широкомъ смыслѣ. И этотъ признакъ принужденія онъ усматриваетъ даже въ международномъ правѣ, „на охранѣ котораго стоятъ государства, взаимно принуждающія другъ друга и другихъ дѣятелей международной жизни къ соблюденію его“ (стр. 173). Но обязательность права, по воззрѣніямъ г. Казанскаго, основывается на власти общественнаго цѣлаго надъ его отдѣльными членами: неужели ему удалось отыскать въ области международныхъ отношеній, такое „общественное цѣлое“, которое повелѣвало бы отдѣльнымъ государствамъ?

---

[1]) Это, впрочемъ, и говоритъ expressis verbis г. Казанскій (послѣднія двѣ строчки 10 парагр., стр. 171).

Своею теоріею нашъ авторъ весьма доволенъ. Онъ полагаетъ, что она „имѣетъ все за себя“, что она „проста, полна, послѣдовательна“ (стр. 172). Къ нашему крайнему сожалѣнію, мы и въ данномъ отношеніи никакъ не можемъ присоединиться къ взгляду г. Казанскаго и считаемъ его ученіе о положительномъ характерѣ международнаго права слишкомъ мало продуманнымъ и совершенно необосновеннымъ. Поэтому и вся полемика, которая ведется имъ противъ отрицателей нашей науки, представляется намъ недостигающей цѣли. Съ точки зрѣнія одесскаго ученаго, многое изъ того, что̀ имъ отвергается, должно было быть имъ принято и поддерживаемо. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о воззрѣніяхъ Іеринга, которыя, однако, подробно опровергаются авторомъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на прочихъ главахъ, входящихъ въ составъ разбираемой книги. Касаются онѣ общаго и мѣстнаго международнаго права [1]), науки международнаго права, вспомогательныхъ и родственныхъ наукъ, системы и исторіи науки международнаго права и представляютъ, сравнительно, меньшій интересъ, чѣмъ первыя главы, затрогивающія принципіальные вопросы. Въ общемъ эти главы отличаются излишней расплывчатостью и растянутостью. О вспомогательныхъ наукахъ авторъ говоритъ на 30 страницахъ. Еще болѣе обширна глава, посвященная исторіи науки международнаго права (слишкомъ 75 страницъ). Здѣсь авторъ входитъ въ совершенно безполезныя подробности, приводитъ обширныя выписки изъ трудовъ Пуффендорфа, Зёча и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма блѣдными штрихами характеризуетъ роль и значеніе отдѣльныхъ школъ юристовъ. Между тѣмъ, въ исторіи науки, важны не отдѣльныя имена, а направленія и теченія въ области научнаго мышленія.

Въ заключеніе нашей рецензіи мы должны указать на то, что весь трудъ г. Казанскаго носитъ характеръ работы спѣшной и недостаточно продуманной. Полемика его съ отдѣльными писателями отличается случайностью, и получается впечатлѣніе, будто авторъ не выбираетъ своихъ противниковъ, а какъ бы наудачу опровергаетъ первыя попавшіяся ему подъ руку воззрѣнія. Нерѣдко онъ подробнѣйшимъ образомъ разбираетъ и горячо оспа-

---

[1]) Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду вопросъ о пространствѣ дѣйствія международнаго права.

риваетъ мнѣнія такихъ писателей, которые, говоря словами поэта, n'ont mérité ni cet excès d'honneur, ni cette indignité. О такомъ направленіи книги г. Казанскаго нельзя не пожалѣть—тѣмъ болѣе, что у автора имѣется уже большой научный багажъ и спѣшить ему, поэтому, незачѣмъ. Будемъ надѣяться, что послѣдующіе томы его труда окажутся свободными отъ указанныхъ недостатковъ. Въ противномъ случаѣ ихъ едва ли ожидаетъ успѣхъ.

Л. Шалландъ.

П. Казанскій. Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Одесса. 1901 г.

Авторъ—рѣшительный врагъ лекціонной системы университетскаго преподаванія. Возраженія, приводимыя имъ противъ этой системы, не новы: пассивность аудиторіи, невозможность усвоенія „по слуху", чрезмѣрное напряженіе вниманія въ ущербъ самостоятельности мышленія, легкомысленныя увлеченія красивой фразой и т. п. Аргументація автора значительно, впрочемъ, подрывается тѣмъ—болѣе, чѣмъ страннымъ—представленіемъ, какое составилось у него о лекціонной системѣ. „Профессоръ, по его мнѣнію, иногда прямо читаетъ, строчку за строчкой, лежащую передъ нимъ тетрадь или книгу, а иногда разсказываетъ *наизусть* то, что̀ написано или напечатано въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ подобной же тетрадкѣ или книгѣ" (стр. 15). Tertium non datur. „Плохіе чтецы составляютъ большую половину профессоровъ: при этомъ, именно, многіе истинно ученые люди плохіе ораторы. Хорошіе же ораторы нерѣдко пустые и плохіе ученые" (стр. 19). „Юридическія науки вовсе не допускаютъ „краснорѣчиваго" изложенія всѣхъ своихъ отдѣловъ и вопросовъ.... Увлекательно могутъ быть излагаемы, въ общемъ, только нѣкоторые вопросы даже самой интересной и доступной науки,—общія начала ея, вопросы, особенно близкіе чтецу или слушающимъ. Все остальное *должно быть* даже у самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, читающихъ самыя интересныя науки (?!), излагаемо *совершенно неинтересно*" (19). „Лекціи насаждаютъ любовь къ громкому слову, къ красивой фразѣ, къ поверхностному отношенію къ вопросамъ серьезнымъ и труднымъ" (20). „Лекціи—мертвое слово" (25).

Если все это такъ, то, конечно, лекціонная система—абсурдъ. Такъ ли это однако? Не ошибается ли авторъ, обобщая немногіе

извѣстные ему случаи неудачнаго примѣненія лекціонной системы? Въ видѣ аргумента, доказывающаго непригодность этой системы, авторъ приводитъ слова Шопенгауера: „Die Sprache eines Buches lehrt mehr als die viva vox eines Schafes...“ (стр. 34). Пусть такъ, но... что же изъ этого? Какое отношеніе имѣютъ эти слова къ университетскому преподаванію, хотя бы, напр., къ тѣмъ „учителямъ по Московскому университету“, которымъ почтенный авторъ посвящаетъ свою книгу? И притомъ не слѣдуетъ забывать, что иногда „ein Schaf“ не только читаетъ лекціи, но и пишетъ книги: мертвый языкъ, такой книги столь же мало поучителенъ, какъ живое слово ея автора.

Несмотря на всѣ недостатки лекціонной системы, мы полагаемъ, что она должна остаться краеугольнымъ камнемъ, основой университетскаго преподаванія, initium et finis universitatis.

Прежде всего замѣна лекціонной системы какою бы то ни было другой невозможна. Проф. Казанскій предлагаетъ два пріема, могущихъ будто бы замѣнить лекціонную систему: во-1-хъ, собесѣдованія профессора со студентами, и, во-2-хъ, практическія занятія.

Собесѣдованія должны вестись слѣдующимъ образомъ.

Профессоръ размѣчаетъ учебникъ на извѣстное число частей, и затѣмъ задаетъ студентамъ урокъ: къ извѣстному сроку должна быть изучена извѣстная часть учебника. При этомъ онъ указываетъ, въ какомъ порядкѣ надо читать, на что̀ обращать вниманіе, какія замѣтки читать по книгѣ и что̀ списывать въ тетрадь и т. п.; онъ провѣряетъ конспекты, хронологическія, предметныя и др. таблицы и вообще вникаетъ, по возможности, въ мелкія, какъ будто бы, препятствія, мѣшающія успѣху занятій (стр. 44). По прошествіи опредѣленнаго времени, начинаются собесѣдованія по пройденной части учебника. Отъ времени до времени профессоръ произноситъ рѣчь. Студенты предлагаютъ вопросы: профессоръ отвѣчаетъ тутъ же въ аудиторіи, или беретъ съ собою на домъ вопросный листъ и отвѣчаетъ въ слѣдующій разъ. „Послѣднее, конечно, всего удобнѣе“. Общій уровень бесѣдъ не долженъ высоко подниматься надъ учебникомъ, цѣлью ихъ должно быть только твердое усвоеніе учащимися обязательнаго начальнаго курса. Къ участію въ бесѣдахъ желательно привлекать, конечно, всѣхъ присутствующихъ. Въ преподаваніе—входитъ повтореніе усвоенныхъ свѣдѣній и даже многократное прохожденіе предметовъ, согласно правилу repetitio est mater studiorum (стр. 45—49).

Изъ приведенной характеристики „бесѣдъ“ видно, что проф. Казанскій низводитъ университетское преподаваніе до уровня преподаванія въ средней школѣ. Профессоръ г. Казанскаго—тотъ же учитель. Не касаясь пока вопроса о цѣлесообразности предлагаемой реформы, нельзя не отмѣтить несомнѣнную ея неосуществимость. Всякій учитель хорошо знаетъ, какъ трудно вести занятія съ классомъ въ 40 учениковъ; что́ же сказать о школьныхъ занятіяхъ съ „классомъ“ въ сто или нѣсколько сотъ студентовъ?

„Бесѣды“ проф. Казанскаго, въ сущности, тѣ же практическія занятія. Принципіальной разницы, между тѣми и другими нѣтъ [1]). Между тѣмъ самъ проф. Казанскій признаетъ невозможность прохожденія *всѣми* студентами практическихъ занятій по *всѣмъ* предметамъ. Студентъ, говоритъ онъ, долженъ принять участіе въ практическихъ занятіяхъ, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ предметамъ факультета, въ области которыхъ онъ предполагаетъ спеціализироваться (стр. 50). Что́ же останется, въ такомъ случаѣ, отъ общаго факультетскаго образованія? Если въ настоящее время, посѣщая лекціи, студентъ въ состояніи все-таки составить себѣ хоть общее представленіе объ юридической наукѣ, то при осуществленіи плана проф. Казанскаго спеціалистъ государственникъ никакого хотя бы и самаго смутнаго представленія о гражданскомъ или уголовномъ правѣ имѣть не будетъ. Къ сожалѣнію, уже въ настоящее время факультеты упразднили университетъ; по плану проф. Казанскаго кафедры упраздняютъ факультетъ.

Если такимъ образомъ замѣна лекціонной системы системой практическихъ занятій фактически невозможна, то, съ другой стороны, такая замѣна въ высокой степени нежелательна.

Съ постановкой „бесѣдъ“ по плану проф. Казанскаго мы знакомы; еще своеобразнѣе предлагаемая имъ постановка практическихъ занятій.

Практическія занятія должны вестись приватъ-доцентами, судьями, адвокатами и пр. подъ руководствомъ профессора, указаніямъ котораго они должны во всемъ слѣдовать. Практическія

---

[1]) Проф. Казанскій, между прочимъ, указываетъ, что и на практическихъ занятіяхъ теоретическое изученіе должно ограничиться общимъ знакомствомъ съ наукой; и на практическихъ занятіяхъ, какъ на бесѣдахъ, полезно повтореніе тѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, которыя касаются вещей, требующихъ для своего усвоенія одной памяти (стр. 52).

занятія состоятъ, прежде всего, въ чтеніи студентами памятниковъ права и капитальныхъ научныхъ изслѣдованій съ толкованіями профессора и самихъ учащихся. Затѣмъ главнымъ видомъ научныхъ занятій учащихся остается исполненіе ими различныхъ письменныхъ работъ; пренія по докладамъ должны служить полезной школой краснорѣчія (sic), пройти которую необходимо слушателямъ факультета. Далѣе, полезно и необходимо познакомить слушателей съ техническими дѣйствіями ихъ будущей общественной и государственной дѣятельности и службы. Для этой цѣли студенты занимаются рѣшеніемъ разнаго рода уголовныхъ, гражданскихъ и административныхъ дѣлъ. При рѣшеніи этихъ дѣлъ, несомнѣнно, допустима нѣкоторая театральность, распредѣленіе ролей лицъ, участвующихъ въ процессѣ, между разными учащимися, выполненіе всѣхъ формальныхъ условій настоящаго оффиціальнаго дѣйствія, составленіе судебныхъ, канцелярскихъ, нотаріальныхъ и иныхъ актовъ и проч. Одна изъ аудиторій должна быть приспособлена къ службѣ въ видѣ залы засѣданій суда; разбирательства дѣлъ должны происходить въ ней съ подобающей обстановкой. Слѣдующимъ видомъ практическихъ занятій должны быть работы учащихся внѣ стѣнъ университета. Цѣлью ихъ можетъ быть, прежде всего, осмотръ различныхъ государственныхъ, общественныхъ, промышленныхъ, научныхъ, художественныхъ, религіозныхъ и др. учрежденій, законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ мѣстъ и т. д. Наконецъ, желательно открытіе при юридическихъ факультетахъ особыхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, какъ, напр., спеціальныхъ библіотекъ, бюро для подачи юридическихъ совѣтовъ, кабинетовъ для освидѣтельствованія въ судебно-медицинскомъ и др. отношеніяхъ, музеевъ уголовнаго, экономическаго и пр., архивовъ уголовныхъ и гражданскихъ и др. дѣлъ, собраній моделей разныхъ государственныхъ и общественныхъ мѣстъ и сооруженій, образцовъ употребляющихся въ нихъ предметовъ, бумагъ и т. п. до *формъ отдѣльныхъ вѣдомствъ включительно и т. под.* . . . . (стр. 58—66).

Фантастическій планъ проф. Казанскаго дополняется слѣдующими, не менѣе фантастическими, штрихами. Учебно-вспомогательныя приспособленія и установленія образуютъ при каждой кафедрѣ спеціальный институтъ. Ежедневное пребываніе въ этомъ институтѣ въ теченіе извѣстнаго числа часовъ для студентовъ обязательно. Обязанность состоитъ въ томъ, что только постоянные посѣтители института могутъ быть допущены къ экзаменамъ

на правахъ студентовъ, а не постороннихъ испытуемыхъ; для послѣднихъ испытанія должны быть конечно гораздо сложнѣе (?), подробнѣе (?), требовательнѣе (?). Юридическій факультетъ дѣлится на отдѣльные предметы, а не на курсы или семестры. Въ каждый данный періодъ времени изучается только одинъ какой-нибудь предметъ. Учащіеся поступаютъ въ университетъ въ любое время и приступаютъ, прежде всего, къ изученію энциклопедіи права; для того, чтобы это было возможно, каждый преподаватель сверхъ своего предмета, обязательно читаетъ (!?) и энциклопедію права. Для прохожденія каждаго предмета отводится опредѣленное время,—отъ 2-хъ недѣль (minimum) до полутора мѣсяца (maximum). Такимъ образомъ, въ теченіе года черезъ руки каждаго преподавателя проходитъ отъ 8 до 20 группъ студентовъ въ 20, не болѣе, человѣкъ. Экзаменъ по каждому предмету происходитъ тотчасъ по его завершеніи. Часть времени, освободившагося у преподавателей отъ чтенія лекцій, удѣляется экзаменамъ, которые по разнымъ предметамъ тянутся весь годъ (стр. 71—80).

Мы изложили собственными словами проф. Казанскаго планъ предлагаемой имъ университетской реформы. Каковы были бы послѣдствія,—къ счастью,—невозможнаго,—осуществленія этой реформы?

Прежде всего, страшное пониженіе научнаго уровня университетскаго преподаванія. Въ основѣ всѣхъ, вообще, проектовъ замѣны лекціонной системы системой *практическихъ* занятій лежитъ представленіе объ университетѣ, какъ о спеціальной школѣ, подготовляющей „практикующихъ дѣятелей". Это представленіе пагубно и ложно. Проф. Казанскій думаетъ, что наука права—прикладная наука (стр. 57). Намъ кажется, что категорія „прикладной науки" къ обществовѣдѣнію вообще непримѣнима. Каждой прикладной наукѣ соотвѣтствуетъ чистая наука, изучающая опредѣленную группу явленій an und für sich. Какая чистая наука соотвѣтствуетъ прикладной наукѣ права?

Проф. Казанскій полагаетъ, что университетъ призванъ готовить государству „просвѣщенныхъ, умѣлыхъ и воспитанныхъ слугъ" (см. введеніе), что онъ долженъ между прочимъ знакомить студентовъ съ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ и даже съ обмундированіемъ всевозможныхъ вѣдомствъ. Намъ кажется, что дѣло университета, прежде всего и главнымъ образомъ, культивировать науку.

Проф. Казанскій обрекаетъ профессоровъ на двадцатикратное

прохожденіе въ теченіе года одного и того же предмета и на непрерывное производство всевозможныхъ испытаній. Врядъ-ли, однако, именно въ этомъ заключается назначеніе и смыслъ профессорской дѣятельности.

Кто не знаетъ, съ какимъ самодовольнымъ и тупоумнымъ пренебреженіемъ нерѣдко и теперь относятся нѣкоторые „практики" къ отвлеченнымъ построеніямъ научной доктрины? Въ настоящее время они выносятъ все-таки изъ университета нѣкоторый—хотя и весьма скромный—запасъ теоретическихъ свѣдѣній и, главное, теоретическихъ настроеній. Страшно подумать, что́ стало бы съ обществомъ и университетомъ, если бы, измѣняя своему призванію, университеты перестроили свои аудиторіи въ залы суда, въ канцеляріи присутственныхъ мѣстъ, въ кабинеты для судебно-медицинскихъ освидѣтельствованій (?!), въ собранія образцовъ обмундированія различныхъ вѣдомствъ.

У насъ принято жаловаться на неподготовленность оканчивающихъ юристовъ къ практической дѣятельности. Пусть эта неподготовленность—зло; во всякомъ случаѣ, это зло вполнѣ устранимое. Достаточно отдѣлить, по примѣру Германіи, университетскій экзаменъ, дающій ученую степень, отъ государственнаго, дающаго право государственной службы, обусловить допущеніе къ государственному экзамену не только окончаніемъ университета, но равнымъ образомъ прохожденіемъ опредѣленнаго стажа практической службы,—и вопросъ о подготовкѣ государственныхъ дѣятелей будетъ наилучшимъ образомъ разрѣшенъ.

Какъ бы то ни было, университетъ долженъ остаться университетомъ. Опытъ Германіи доказываетъ, что лекціонной системой достигается высокій научный уровень университетскаго преподаванія; то же самое—a contrario—доказываетъ опытъ Англіи и, въ особенности, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Мы не отрицаемъ существенныхъ недостатковъ, присущихъ лекціонной системѣ, полезнымъ коррективомъ къ этимъ недостаткамъ могли бы послужить практическія занятія, надлежащимъ образомъ организованныя, приведенныя въ тѣсную связь съ читаемыми на лекціяхъ курсами. Но полезныя, какъ коррективъ, какъ вспомогательный педагогическій пріемъ, практическія занятія,—какъ единственный или даже господствующій методъ университетскаго преподаванія,—упразднили бы университетскую науку.

В. Гессенъ.

Анисимовъ. Новый уставъ о гербовомъ сборѣ съ законодательными мотивами, разъясненіями Сената, очеркомъ существенныхъ отличій отъ прежняго устава, инструкціями Министра Финансовъ и подробнымъ предметнымъ указателемъ. Ц. 1 р., стр. XXXVIII+195 Спб. 1901 г.

Предстоящее вскорѣ введеніе новаго гербоваго устава составляетъ весьма крупное явленіе въ нашей дѣловой юридической жизни и сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе всѣхъ лицъ, принимающихъ то или иное участіе въ этой жизни и потому озабоченныхъ надлежащимъ усвоеніемъ правилъ новаго закона. На встрѣчу этой потребности появилась масса неоффиціальныхъ изданій, содержащихъ либо (и чаще всего) простую перепечатку правилъ гербоваго устава, либо, сверхъ того, еще и нѣкоторыхъ дополненій, въ видѣ законодательныхъ мотивовъ, разъясненій Сената, относящихся, конечно, къ правиламъ отмѣняемаго устава, но сохраняющихъ свое значеніе и теперь, и т. п. Къ числу втораго рода изданій принадлежитъ, какъ это видно уже изъ выписаннаго нами заголовка, и изданіе г. Анисимова, при чемъ среди вышедшихъ до сихъ поръ ему несомнѣнно должно быть отведено первое мѣсто, главнымъ образомъ въ виду весьма умѣло составленнаго алфавитнаго предметнаго указателя, почти свободнаго отъ всякихъ пропусковъ. Законодательные мотивы, приводимые подъ статьями, представляютъ весьма существенный интересъ съ точки зрѣнія критики закона, но для уясненія смысла постановленія серьезнаго значенія большей частью не имѣютъ, а часто не имѣютъ къ этому никакого отношенія. Такъ, напр., статьѣ первой предшествуетъ выписка изъ представленія Министерства Финансовъ, въ коей сообщается, что „изъ шести статей, содержащихся въ первой главѣ устава 1893 г., лишь три статьи и одно примѣчаніе дѣйствительно содержатъ постановленія общія, а остальныя—имѣютъ спеціальное значеніе и что, напротивъ, въ спеціальныхъ главахъ имѣются постановленія общія, которыя оттуда и извлечены и помѣщены въ надлежащее мѣсто“. Очевидно, что всѣ эти соображенія ни малѣйшей помощи для правильнаго истолкованія закона оказать не могутъ. Изъ рѣшеній Правительствующаго Сената приводятся лишь тѣ, которыя напечатаны въ сборникахъ, либо въ Собраніи узаконеній.

Настоящее изданіе имѣетъ еще то преимущество предъ вышедшими до сихъ поръ, что въ немъ впервые помѣщены инструк-

ціи Министра Финансовъ о порядкѣ оплаты гербовымъ сборомъ актовъ и документовъ, съ росписаніемъ разборовъ гербовой бумаги, и о казенной продажѣ гербовой бумаги и марокъ.

Г.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Анисимовъ.—Новый уставъ о гербовомъ сборѣ. (Высочайше утвержденный 10 іюня 1900 г.). Съ законодательными мотивами, разъясненіями Сената, очеркомъ существенныхъ отличій отъ прежняго устава, инструкціями Министра Финансовъ и подробнымъ предметнымъ указателемъ. Изд. девятое. Спб. 1901 (Стр. XXXVIII+195). Ц. 1 р.

Архивъ Симбирскаго окружнаго суда. Выпускъ первый. Гражданскія дѣла Буинскаго уѣзднаго суда. Изд. Симбирской Губернской ученой Архивной Коммисіи, подъ редакціею ея дѣйствительнаго члена, Товарища Предсѣдателя Симбирскаго окр. суда П. Мартынова. Симбирскъ. 1901. (Стр. 223+XVII). 2 экз.

Барабановъ, М.—Формулы обвинительныхъ пунктовъ по наиболѣе распространеннымъ родамъ преступленій, караемыхъ по уложенію о наказаніяхъ. Спб. 1901 (Стр. 217). Ц. 2 руб.

Быстровъ, Н. Н.—Систематическій указатель вопросовъ разрѣшенныхъ опредѣленіемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ и съ участіемъ 1 и 2 Департаментовъ Правительствующаго Сената съ 1866 по 1 января 1900 г. Спб. 1901 г. (Стр. XX+1—805+1—124) Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Бѣлинскій, Владим.—Органы наблюденія и контроля акціонерныхъ компаній Спб. 1901 (Стр. 63).

Gesetz für die Evangelisch-Lutherische Kirche in Russland, mit Erläuterungen nach Entscheidungen des Dirigirenden Senats, Erlassen des Ministers des Innern und Befehlen des General-Consistoriums. Uebersetzt und herausgegeben von R. von Treumann. Reval. 1901 (S. XXXII+1—308).

Двадцатипятилѣтняя дѣятельность С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, преобразованнаго въ 1898 году въ Императорское Общество Судоходства 1874—1900 г.г. Спб. 1900 (Стр. VII+191+42).

Календарь „Синяго Креста“ на 1901 г. Спб. (Стр. 522+160). Приложеніе (стр. 1—114).

Малченко, В. С.—Свидѣтельская повинность и лжесвидѣтельство (Стр. 150—172). Отт. изъ жур. „Русская Мысль“, № 1, 1901 г.

Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1900 годъ. Юрьевъ. 1901. (Стр. 16).

Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1898 годъ. Изд. Главнаго Тюремнаго Управленія. Спб. 1900 (Стр. 5+196).

Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1899—1900 г.г. Спб. 1900. Т. I (Стр. VI+733). Т. II (Стр. VIII+882).

Отчетъ по Костромскому ремесленному исправительному пріюту за 1900 годъ. Кострома. 1901 (Стр. 88).

Отчетъ по Юридическому Обществу при Императорскомъ Спб. Университетѣ за 1900 годъ. Спб. 1901 (Стр. 42+9).

Pappafava, Vladimir. Ueber die räumliche Umgrenzung des notariellen Wirkungskreises und zwar auf dem festen Lande, dem Wasser und im Luftraum. Das Notariat und internationales Recht betreffende Fragen (Uebersetzung von Prof. M. Leesberg). Innsbruck. 1901. (S. 114).

Составъ Юридическаго Общества при Императорскомъ Спб. Университетѣ къ 28 января 1901 года (Стр. 26).

Статистика Россійской Имперіи. Изд. Центр. Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Вып. L. Движеніе населенія въ Европейской Россіи за 1897 годъ. Спб. 1900 (Стр. XVI+211). Вып. LI. Урожай 1900 года. II. Яровые хлѣба, картофель, ленъ и конопля. Спб. 1901 (Стр. 19+XXXVII+439), съ прилож. 8 картограммъ.

Трудовая помощь въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Александы Ѳеодоровны оказанная въ 1899 году Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 1900. (Стр. XXXV+395). Ц. 2 руб.

Труды юридическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1900 годъ. Казань. 1901 (Стр. II+170+83).

Чагинъ, С. А.—Законъ объ отмѣнѣ ссылки и замѣнѣ ея другими наказаніями. Съ примѣчаніями и подробнымъ перечнемъ статей уложенія,

въ которыхъ наказанія измѣнены новымъ закономъ. Спб. 1901 (Стр. 30). Ц. 30 к.

Чагинъ. С. А. Правила объ устройствѣ судебной части, о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ и участковыхъ начальникахъ и Временныя правила о волостномъ судѣ. Изд. третье, исправленное и дополненное. Спб. 1900 (Стр. 442+II). Ц. 2 руб.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА.

Протоколъ засѣданія комитета группы 24 февраля 1901 г. [1]).

Присутствовали: предсѣдатель группы И. Я. Фойницкій, члены комитета Д. А. Дриль и С. К. Гогель.

I. Предсѣдатель группы сообщилъ о письмѣ, посланномъ имъ предсѣдателю вновь открывшагося юридическаго общества при Харьковскомъ университетѣ, профессору Н. О. Куплеваскому, и доложилъ содержаніе отвѣтнаго письма послѣдняго. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

II. Предсѣдатель группы сообщилъ о полученіи дополнительныхъ докладовъ по вопросу о патронатѣ отъ А. В. Витте и М. А. Эльяшева. Постановили: докладъ А. В. Витте напечатать въ приложеніи къ настоящему протоколу и разослать членамъ группы вмѣстѣ съ программою Московскаго съѣзда; что же касается доклада М. А. Эльяшева, то, такъ какъ, въ виду обширности и поздней присылки его, напечатаніе его представляется уже невозможнымъ, передать его С. К. Гогелю для принятія въ соображеніе при изготовленіи общаго доклада Московскому съѣзду.

III. Предсѣдатель группы сообщилъ о сношеніяхъ его съ разными членами группы, результатомъ которыхъ было: В. Д. Набоковъ изъявилъ готовность произнести на Московскомъ съѣздѣ рѣчь о жизни и дѣятельности Н. В. Рукавишникова; П. И. Ко-

---

[1]) Въ протоколѣ засѣданія комитета группы 24 января—2 февраля 1901 г. (Жур. Мин. Юст. февраль 1901, стр. 302 и 303) ошибочно названъ И. В. Рукавишниковъ вмѣсто К. В. Рукавишниковъ.

валевскій далъ согласіе произнести на томъ же съѣздѣ рѣчь о психическомъ изслѣдованіи на судѣ уголовномъ, а А. А. Левенстимъ—объ отмѣнѣ ссылки по закону $^{10}/_{12}$ іюня 1900 г.; М. В. Духовской предполагаетъ сказать на съѣздѣ нѣсколько словъ о Ровинскомъ, а И. Т. Тарасовъ—о Гаазѣ; Н. С. Таганцевъ выразилъ согласіе предсѣдательствовать въ Московскомъ съѣздѣ по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Комитетъ, отнесясь съ искреннею благодарностью къ уважаемымъ сочленамъ, изъявившимъ готовность содѣйствовать трудами своими успѣху Московскаго съѣзда, постановилъ: заявленія ихъ имѣть въ виду при окончательномъ формулированіи программы означеннаго съѣзда.

IV. Обратившись затѣмъ къ вопросу о секретаріатѣ съѣзда, комитетъ, имѣя въ виду сохранить для Московскаго съѣзда систему записей рѣчей ораторовъ, которая установилась на предыдущихъ съѣздахъ, постановилъ: предложить Московской организаціонной коммисіи озаботиться пріисканіемъ лицъ, которыя вошли бы въ составъ секретаріата съѣзда подъ общимъ руководствомъ С. К. Гогеля.

V. Доложено письмо М. В. Духовского о томъ, что для записей пріѣзжихъ членовъ съѣзда и ихъ адресовъ въ канцеляріи Московскаго университета будетъ находиться особая книга. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

VI. Слѣдующія лица предложены въ члены русской группы:

	Предлагаютъ:
1) *Рымовичъ*, Сигизмундъ Феликсовичъ, присяжный повѣренный Спб. округа (Екатерининскій каналъ, № 82—2).	И. М. Тютрюмовъ и И. Я. Фойницкій.
2) *Волковицкій*, Александръ Викторовичъ, юрисконсультъ Министерства Юстиціи (Саперный, 23) 3) *Хрулевъ*, Степанъ Степановичъ, товарищъ прокурора Спб. судебной палаты (Лиговская, 27).	Д. А. Дриль и И. Я. Фойницкій.
4) *Малченко*, Василій Степановичъ, членъ Пермскаго окружнаго суда.	В. В. Пржевальскій, А. А. Мясново, С. И. Матвѣевъ.

Постановили: означенныхъ лицъ признать членами группы и представить центральному комитету.

Предсѣдатель группы: *И. Фойницкій.*
Члены комитета: *Д. Дриль.*

С. Гогель.

Приложеніе.

Замѣтка по вопросу объ организаціи патроната въ Россіи.

Члена группы А. В. Витте.

Въ дополненіе къ обширному докладу о патронатѣ С. К. Гогеля, столь же обстоятельной статьѣ о томъ же члена группы Г. С. Фельдштейна (Вѣстникъ Права 1900 г., № 4—5) и тремъ проектамъ нормальныхъ уставовъ обществъ патроната, составленнымъ ими же и В. В. Микляшевскимъ, я позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ подробностей организаціи патроната въ Россіи.

Какъ В. В. Микляшевскій, такъ и С. К. Гогель признаютъ необходимымъ „для ускоренія возникновенія и развитія патроната въ Россіи образовать безотлагательно главное общество патроната, на которое возложить заботу объ учрежденіи многочисленныхъ мѣстныхъ обществъ". Мнѣ кажется, однако, что эта цѣль—ускореніе учрежденія мѣстныхъ обществъ патроната—будетъ легче достигнута, если вмѣсто главнаго и цѣлой серіи мѣстныхъ обществъ будетъ учреждено одно лишь Всероссійское общество патроната съ правомъ открывать самостоятельныя отдѣленія общества въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Всѣмъ, кому приходилось хлопотать объ утвержденіи уставовъ обществъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, извѣстно, съ какими затрудненіями, а, главное, проволочками соединено проведеніе проектовъ такихъ уставовъ по всѣмъ безчисленнымъ инстанціямъ. Но то же самое будетъ и съ уставами обществъ патроната, которые до утвержденія должны пройти слѣдующій длинный путь: сначала проектъ устава поступитъ въ главное тюремное управленіе, затѣмъ по разсмотрѣніи тамъ и исправленіи перейдетъ въ хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, который въ свою очередь передастъ его на заключеніе департамента полиціи; послѣдній имѣетъ обыкновеніе запрашивать мѣстныхъ губернскихъ властей о томъ, нѣтъ ли среди учредителей лицъ неблагонадежныхъ, и только по полученіи благопріятнаго отвѣта даетъ свое заключеніе, которое вмѣстѣ съ заключеніемъ хозяйственнаго департамента докладывается Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; отзывъ послѣдняго сообщается Министерству Юстиціи, по главному тюремному управленію, и наконецъ по докладу сего

управленія уставъ утверждается Министромъ Юстиціи. Весь этотъ сложный порядокъ утвержденія уставовъ, продолжающійся, даже при отсутствіи разногласій между разными учрежденіями двухъ вѣдомствъ, отъ шести до восьми мѣсяцевъ, не можетъ не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на первыхъ шагахъ общества: пока проектъ устава ходилъ по мытарствамъ, у учредителей, обыкновенно, первый пылъ уже остылъ, а затѣмъ, когда по утвержденіи устава можно наконецъ созвать собраніе учредителей, въ средѣ послѣднихъ всегда не досчитаешься нѣсколькихъ лицъ, которыя тѣмъ временемъ перемѣнили мѣсто жительства, умерли и т. п., почему сформированіе перваго состава правленія общества, отъ котораго въ значительной степени зависитъ дать то или другое направленіе, тотъ или другой тонъ всей послѣдующей дѣятельности общества, бываетъ всегда сопряжено съ большими или меньшими затрудненіями.

Созданіе же одного Всероссійскаго общества патроната съ филіальными отдѣленіями въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи устранитъ, конечно, это неудобство, упрощая и ускоряя организацію патроната на мѣстахъ. Въ то же время это не составляетъ вовсе небывалаго еще у насъ нововведенія: согласно утвержденному 24 ноября 1878 г. и измѣненному 12 іюня 1886 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ уставу „Общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія“, „обществу предоставляется право, по мѣрѣ развитія своей дѣятельности, открывать отдѣленія въ другихъ (кромѣ С.-Петербурга) мѣстностяхъ Имперіи“ (§ 7), при чемъ „отдѣленія общества учреждаются, когда не менѣе 10 лицъ выразятъ желаніе поступить въ члены отдѣленія и сообщатъ объ этомъ комитету общества“ (§ 25); „*отдѣленія общества открываются съ утвержденія комитета общества по сношеніи его предсѣдателя съ губернскимъ начальствомъ о неимѣніи къ тому препятствій*“ (§ 26), „отдѣленія обществъ представляютъ въ комитетъ общества свои ежегодные отчеты и свѣдѣнія о своей дѣятельности“ (§ 27); „*отдѣленіямъ общества предоставляется полная самостоятельность въ управленіи своими дѣлами* на основаніи устава общества, со слѣдующими видоизмѣненіями его: а) учредителямъ сихъ отдѣленій предоставляется право опредѣленія размѣра обязательныхъ денежныхъ взносовъ членовъ отдѣленія, б) въ отдѣленіяхъ обществъ, для управленія дѣлами, избирается комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя, его товарища и шести членовъ, изъ коихъ одинъ исполняетъ обязан-

ности секретаря, а другой казначея; в) для дѣйствительности засѣданія комитета требуется присутствіе не менѣе двухъ членовъ, кромѣ предсѣдателя или товарища его, и г) отдѣленіямъ общества присвоивается особая печать" (§ 28) и, наконецъ, „отдѣленія общества по вопросамъ объ измѣненіи устава общества или дополненіи его обращаются къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ не иначе, какъ черезъ комитетъ общества" (§ 29). Вотъ и всѣ постановленія устава, опредѣляющія отношенія общества къ его филіальнымъ отдѣленіямъ. Если присоединить къ нимъ еще постановленіе о періодическихъ съѣздахъ представителей отдѣленій общества и другія предположенія В. В. Микляшевскаго (§ 2 пункты а, г—к уст. главн. общ.) и С. К. Гогеля (§ I—III, VIII п. д. уст. главн. общ.), имѣющія цѣлью объединить и развить дѣятельность у насъ патроната, то получится та организація патроната, которая, на мой взглядъ, наиболѣе удобна для Россіи.

Характеризуя патронатъ, какъ „скромное, маленькое дѣло, нуждающееся, главнымъ образомъ, не въ денежныхъ средствахъ, а въ дѣятельномъ соучастіи къ нему лицъ", могущихъ на это „удѣлить часть своего свободнаго времени", С. К. Гогель считаетъ однако необходимымъ, чтобы на дѣло патроната казна отпускала ежегодно „субсидію, хотя бы въ 40—50 тысячъ рублей, изъ громадныхъ (?) средствъ тюремнаго вѣдомства, получившаго нынѣ при отмѣнѣ ссылки 6 милліоновъ на улучшеніе тюремъ и имѣющаго и безъ того 14 милліонный бюджетъ". Несоотвѣтствіе отпускаемыхъ по бюджету на тюремную часть средствъ съ дѣйствительно громадными, неудовлетворенными или плохо удовлетворяемыми потребностями этой запущенной, требующей коренныхъ реформъ, части заставляетъ меня нѣсколько усомниться въ томъ, чтобы легко было найти у казны средства на субсидированіе патроната. Такъ какъ Министерство Финансовъ, по всему вѣроятію, откажетъ въ выдачѣ субсидіи изъ общихъ доходовъ казны, то придется обратиться къ „спеціальнымъ средствамъ тюремнаго вѣдомства".

По примѣру Пруссіи, гдѣ на нужды патроната употребляется исключительно, такъ называемый, Zinsenfond (% съ арестантскаго заработка), мнѣ кажется, что и у насъ тюремное вѣдомство могло бы уступить патронату, въ видѣ субсидіи, прежде всего проценты съ „спеціальнаго фонда на развитіе и устройство тюремныхъ работъ", образуемаго путемъ отчисленія извѣстной доли изъ арестантскаго заработка и достигшаго къ 1 іюлю 1900 года суммы

343.000 руб., что дастъ около 10.000 руб. въ годъ. А затѣмъ въ доходъ патроната могъ бы быть обращенъ заработокъ арестантовъ какъ бѣжавшихъ, такъ и умершихъ (если, конечно, согласно 369 ст. уст. сод. стр., онъ не былъ востребованъ наслѣдниками) и, наконецъ, сюда могли бы поступать и налагаемые въ дисциплинарномъ порядкѣ на арестантовъ вычеты изъ ихъ заработка, обращаемые нынѣ въ сборный тюремный капиталъ (ст. 366 уст. сод. стр.).

Въ распоряженіе учрежденій патроната, но не въ собственность ихъ, слѣдовало бы также передавать въ моментъ освобожденія изъ заключенія арестантовъ значительную часть ихъ заработка, если послѣдній превышаетъ извѣстную норму. Въ этомъ отношеніи прекрасныя правила установлены въ Пруссіи, гдѣ по соглашенію Министровъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ издана 13 іюня 1895 года инструкція, сущность [1]) которой сводится къ слѣдующему:

1) заработокъ выдается арестанту при освобожденіи на руки: а) если заработокъ едва покрываетъ расходъ на проѣздъ въ избранное имъ мѣстожительство и на содержаніе его въ теченіе нѣсколькихъ дней, и, притомъ, нѣтъ основаній предполагать, что онъ злоупотребитъ деньгами, или б) если освобождаемый не нуждается въ патронатѣ (§ 8 инстр.);

2) въ противномъ же случаѣ, начальникъ мѣста заключенія вступаетъ съ учрежденіемъ патроната за 6 недѣль до освобожденія въ сношенія, сообщая ему размѣръ заработка, а въ день освобожденія передаетъ заработокъ учрежденію патроната, которое обязано употребить эти деньги на переѣздъ освобожденнаго изъ заключенія въ избранное мѣстожительство, на покупку ему платья и рабочихъ инструментовъ, на наемъ квартиры, содержаніе и т. п., а равно и на содержаніе, въ случаѣ надобности, семьи освобожденнаго, при чемъ рекомендуется не выдавать всей суммы освобожденному сразу и вообще избѣгать выдачи крупныхъ суммъ, если нѣтъ увѣренности въ цѣлесообразномъ ихъ расходованіи (§ 6, 7 инстр.);

3) если освобождаемый заявитъ начальнику мѣста заключенія, что онъ отказывается отъ попеченій учрежденій патроната, то, за вычетомъ изъ заработка расходовъ на переѣздъ и содержаніе въ

---

[1]) Не привожу этой инструкціи дословно потому, что въ ней заключается много постановленій, не примѣнимыхъ къ Россіи.

пути, остатокъ заработка дѣлится пополамъ, и одна половина удерживается у освобожденнаго въ видѣ штрафа, а другая половина пересылается въ полицію той мѣстности, куда онъ выбываетъ, для выдачи ему, какъ указано выше, по частямъ, мелкими суммами (§ 9 инстр.);

4) если освобожденный изъ заключенія не желаетъ подчиняться распоряженіямъ учрежденій патроната по завѣдыванію заработанными имъ въ заключеніи деньгами или уклоняется отъ попеченія сихъ учрежденій или же совершитъ какое-либо преступное дѣяніе, учрежденіе патроната передаетъ неизрасходованный остатокъ заработанныхъ имъ денегъ мѣстной полиціи для выдачи освобожденному порядкомъ, указаннымъ выше (§ 10 инстр.);

5) если же освобожденный изъ заключенія отказывается подчиниться распоряженіямъ полиціи по завѣдыванію заработанными имъ въ заключеніи деньгами, то имѣющійся на рукахъ полиціи остатокъ этихъ денегъ, если не можетъ быть обращенъ на нужды семьи освобожденнаго, конфискуется у послѣдняго (§ 10 инстр.).

Какъ ни кажутся жестокими, на первый взглядъ, эти постановленія, но, съ одной стороны, мѣра эта предупреждаетъ неразсчетливую трату заработка, въ первые же дни по освобожденіи, на кутежи и т. п., а, съ другой стороны, къ содѣйствію учрежденій патроната при такомъ порядкѣ прибѣгаютъ лишь тѣ арестанты, которые, отказавшись отъ свободнаго распоряженія своимъ заработкомъ, тѣмъ самымъ признали свою слабость передъ соблазнами и, рѣшившись порвать съ прошлымъ, сознали необходимость довѣриться попечительнымъ заботамъ органовъ патроната. Вотъ, почему желательно было бы распространить этотъ порядокъ и на тѣ мѣстности Россіи, гдѣ будетъ организованъ правильно функціонирующій патронатъ.

Перечисленными выше мѣрами могло бы, казалось, ограничиться содѣйствіе правительства дѣлу патроната, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, пока патронатъ не докажетъ у насъ на дѣлѣ свою жизнеспособность и общеполезность.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но, тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально-историческаго и научно-этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководствуясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство Вашей уважаемой газеты ко всѣмъ сочувствующимъ разработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще не напечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана безплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи всѣхъ корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для безплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій Пчеловодъ **Г. А. Кузьминъ.**

НОВЫЯ КНИГИ,

ПОСТУПИВШІЯ ВЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Н. К. МАРТЫНОВА

(С.-Петербургъ. Невскій 50).

А. К. Законы и иски въ римскомъ правѣ. Алф. списокъ римск. законовъ и исковъ съ объясненіемъ ихъ, примѣнительно къ программѣ унив. курса исторіи и догмы римск. права. 901. 40 к.

Анисимовъ А. (Нотаріусъ). Новый уставъ о герб. сборѣ, утв. 10 іюня 1900 г., съ законод. мотивами, разъясн., дополнит. инструкціями и алф. указателемъ. 1901 г. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

— Алфавитный указатель совершеннолѣтнимъ лицамъ, огранич. въ правоспособности, со включеніемъ свѣдѣній о прекр. неправоспособности. Сост. по 1 января 1901 г. 4 р., въ перепл. 4 р. 60 к.

Демкинъ П. Краткій повт. курсъ гражд. права. ч. общая. 1 р., ч. особенная: в. I., право вещное, въ II, право обязательственное, в. III право семейное и наслѣдственное. 901., по 50 к.

Джаншіевъ Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. 901. 2 р. 50 к.

Дополненіе къ сборнику рѣш. Общ. Собр. Сената (рѣш. 1896 по 1900), составленному подъ ред. А. К. Гаугера, съ указателями предметнымъ, постатейн. и пофамильн. 901. 1 р.

Карповъ Ф. Объ открытіи и содержаніи промышл. заведеній. 901, 3 р. 50 к.

Ковалевскій П Призрѣніе эпилептиковъ въ Европѣ и Америкѣ. 901. 50 к.

— Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе. 901. 1 р.

Чагинъ С. Законъ объ отмѣнѣ ссылки и замѣнѣ ея другими наказаніями, съ примѣчаніями и перечнемъ статей уложенія, измѣнен. новымъ закономъ. 901. 30 к.

Поступила въ продажу напечатанная въ Сенатской Типографіи книга

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ 1 и 2 ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА СЪ 1866 Г. ПО 1 ЯНВАРЯ 1900 Г.

составилъ Оберъ-Секретарь Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената **Н. Н. Быстровъ.**

Цѣна книги 4 руб., съ пересылкою 4 руб. 50 коп. Книгопродавцамъ—обычная уступка. Складъ и продажа книги въ конторѣ Сенатской Типографіи.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

И. П. АНИСИМОВА

ПЕРЕВЕДЕНЪ: С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, по верхней галлереѣ, № 14, на Невскомъ проспектѣ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПРОДАЖА КНИГЪ ЗАКОНОВЪ, УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВСѢХЪ ВООБЩЕ ИЗДАНІЙ ПО РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ГАЛУННАЯ И ЗОЛОТОШВЕЙНАЯ ФАБРИКА Х. БУРВИЛА

въ Вильнѣ, Нѣмецкая ул., д. Янова.

Галунная фабрика выпускаетъ сей Прейсъ-Курантъ, въ виду того что многія Судебныя учрежденія неоднократно требовали образцы и Прейсъ-Курантъ. Фабрика рѣшила выпустить таковой, дабы завязать дѣло непосредственно съ судебными чинами на такихъ же условіяхъ, какъ съ крупнѣйшими торговцами, а именно: заказы исполнять возможно скорѣе и аккуратно, цѣны взимать оптовыя, учрежденіямъ допускать разсрочку.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Шапка форменная 4-го класса съ галуномъ I-го сорта наклад. арматур.	11 р.
— — безъ галуна съ накладною арматурою	8 р. 50 к.
Фуражка изъ сукна I-го сорта съ ліонскимъ бархатомъ накл. арм. и кокарда.	3 р. 10 к.
Погоны продольные 4-го и 5 го кл. 94 пр. I-го сорта.	2 р. 20 к.
— — изъ аллюминія I-го сорта галунные.	1 р. 25 к.
Погоны продольные 6-го класса 94 пр. I-го сорта .	1 р. 80 к.
— — — — изъ аллюминія.	1 р. 10 к.
Погоны поперечные со звѣздочками (всѣ чины) 94 пр. I-го сорта	2 р. 10 к.
— — — изъ аллюминія	1 р. 10 к.
Погоны плетеные бальные продольные . . .	3 р. 50 к.
— — — поперечные . .	2 р. 50 к.
Петлицы съ накладными арм. и пугов. I-го сорта.	75 к.
Арматуры накладныя петличныя за пару . .	50 к.
— — фуражныя, штука . . .	30 к.
Пуговицы накладныя I-го сорта большія за дюж. .	1 р. 25 к.
— штампованныя	48 к.
Шпага съ наклад. орломъ I-го сорта съ простым. кл.	2 р. 50 к.
— — со стальнымъ кл. отъ	4 р. 50 к.
Темлякъ I-го сорта	1 р. „
— — обыкновенн.	55 к.
Перчатки замшевыя за пару 1-го сорта . .	1 р. 30 к.
— филдекосовыя	40 к.
Галунъ на рукава I-го сорта зигзагомъ за арш. .	75 к.
— — гладкій за арш. . .	45 к.
Бархатъ шелк. настоящій ліонскій на воротникъ .	1 р. 50 к.

Также имѣется шитье къ мундирамъ, ленты орденскія, готовыя колодки, разные ордена и академическіе знаки. Мелкіе заказы высылаются въ тотъ же день. На фуражки и шитье прилагать мѣрки.

Новые нагрудные **ЗНАКИ** Высоч. утвержден. 14 декабря 1900 г. для окончившихъ

ДЕМИДОВСКІЙ юрид. лицей; С.-Петербургскій и Нѣжинскій историко-филолог. инстит.; Лазаревскій инстит. восточн. языковъ и Восточный инст. (Владивостокъ)—высылаются налож. платеж. *Полный иллюстр.* прейсъ-курантъ университетскимъ, академич., инстит., должности. знакамъ, орденамъ, медалямъ, жетонамъ высылается *безплатно*. Адресъ—для заказч. *изъ провинціи*: С.-ПБургъ, Юргенсъ, сел. Императ. фарфор. завода 27; для покупки *лично* въ С.-Петерб.: Знаменская ул., д. № 1, магазинъ Новокшенова, близъ Невскаго.

РУССКІЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей **А. А. Ивановскаго** (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. В. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. Н. Горощенко, І. Е. Ленкеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Кольманъ (Базель), Ф. Я. Копъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. Ц. Силиничъ, Л. Д. Спицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, проф. Г. Швальбе, (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** р. **50** к.

Принимается подписка на 1901 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ:

Пятигорскъ (*сѣрныя*), Ессентуки (*щелочныя*), Желѣзноводскъ (*желѣзистыя*), Кисловодскъ (*углекислыя*) какъ для употребленія внутрь, такъ и для ваннъ. Кромѣ того на всѣхъ группахъ гидропатическія заведенія, минеральныя грязи, кумысъ, кефиръ, леченіе массажемъ, углекислымъ газомъ Нарзана. Горныя климатическія станціи въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ. Успѣшно вылечиваются: ревматизмъ, сифилисъ и его послѣдствія, заболѣванія нервной системы, катарры желудка, кишекъ, почекъ, мочеполовыхъ путей, ожиреніе, малокровіе, женскія болѣзни и пр. Есть казенная консультація врачей, а вольнопрактикующихъ пріѣзжаетъ болѣе 200 человѣкъ. Ежедневно по два раза въ пяти мѣстахъ музыка; опера; драматическій театръ и другія развлеченія. Въ 1900 году пріѣзжало больныхъ и туристовъ до 27,000 человѣкъ. Большой экспортъ водъ (въ 1900 г. продано на 150 тысячъ руб.). Сезонъ въ Пятигорскѣ 1-го мая—15-е сентября, въ Ессентукахъ 15-го мая—1-го сентября, Желѣзноводскѣ 20-го мая—1 сентября, Кисловодскѣ 1-го іюня—1-го октября.

Иллюстрированный путеводитель высылается за пять семикопѣечныхъ марокъ изъ канцеляріи Директора (г. Пятигорскъ). *Безплатное леченіе малосостоятельнымъ больнымъ предоставляется въ началѣ и концѣ сезона.*

Директоръ водъ *Вл. Хвощинскій.*

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

будетъ выходить въ 1901 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, политическимъ экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденціи внутреннія, заграничныя и изъ славянскихъ земель. 4) Политическое обозрѣніе. 5) Повѣсти и разсказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ). 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества. 10) Мѣстная хроника: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія. 11) Областная хроника: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края. 12) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к, на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р., заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова“ Большая Владимірская, домъ № 43.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(38-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	Заграницу съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ — „	„ 1 „ 1 „ 20 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ выходятъ ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Для подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается **разсрочка** при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины. **Для иногороднихъ:** а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб.; в) при подпискѣ 3 руб., къ 1 марта 3 р., къ 1 іюня 3 р., къ 1 сентября 2 р. **Для городскихъ:** при подпискѣ 3 р., къ 1 марта 3 р., къ 1 іюня 2 р., къ 1 октября 2 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Гг. служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, чрезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительныхъ Обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату **помѣсячно**, не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

О желаніи вносить деньги въ разсрочку должно быть непремѣнно заявлено въ письмѣ, при которомъ отправленъ первый взносъ; при слѣдующихъ взносахъ денегъ надлежитъ прилагать печатный адресъ, снятый съ бандероли, подъ которой получается газета, городскимъ же подписчикамъ предъявлять № подписной квитанціи.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ **Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ (отъ 3-хъ руб. въ мѣсяцъ) на

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“.

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

подъ редакціей

К. К. Арсеньева и заслуженнаго проф. **Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.**

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова . . . . . отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. **А. И. Воейкова** . . . . . „ географіи.
Проф. **Н. И. Карѣева** . . . . . „ исторіи.
Академика **А. О. Ковалевскаго** } . „ біологическихъ наукъ.
Проф. **В. Т. Шевякова** . . . }
Проф. **Д. И. Менделѣева** . . . . „ химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. **А. В. Совѣтова** . . . . . „ сельско-хозяйственный.
Проф. **Н. Ѳ. Соловьева** . . . . . „ музыки.
И. Сомова . . . . . „ изящныхъ искусствъ.
Академика **И. И. Янжула** . . . . „ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами черезъ каждые **два** мѣсяца.

Цѣна за каждый полутомъ въ переплетѣ **3** р., безъ переплета **2** р. **70** к. (безъ пересылки).

Въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Казани каждый полутомъ доставляется **на квартиру** по указанной цѣнѣ (3 руб. или 2 руб. 70 к.). Во всѣ остальныя мѣста Россіи книги высылаются по почтѣ, при чемъ за пересылку взимается **40** коп. съ полутома. **Условія подписки:** 1) Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе полутомы. 2) Для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, подписка въ разсрочку производится черезъ **гг. казначеевъ** или **начальниковъ** учрежденій, за отвѣтственностью которыхъ высылаются книги, при чемъ: а) Разсрочка платежа производится **помѣсячно** или **въ иные промежутки времени** по желанію подписчика, съ разсчетомъ не менѣе 36 руб. въ годъ, или по 3 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго подписчика. б) Разсчетъ съ конторою редакціи производится въ сроки, устанавливаемые по соглашенію съ гг. казначеями или начальниками учрежденій; въ концѣ каждаго года контора высылаетъ подробный счетъ. в) Подписное требованіе должно быть **оффиціальное** за надлежащею подписью. 3) Лица, не состоящія на государственной службѣ, для полученія разсрочки платежа благоволятъ обратиться за условіями въ контору Редакціи (С.-Петербургъ, Прачешный пер., 6).

Издатели { *Ф. А. Брокгаузъ* (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

II г. изд. II г. изд.

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ

по сравнительной дешевизнѣ и изящности изданія,

Календарь „СИНЯГО КРЕСТА“

—на 1901 годъ—

состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны

ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О БѢДНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ДѢТЯХЪ.

АДРЕСНАЯ и СПРАВОЧНАЯ КНИГА РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

съ картами, планами, портретами и рисунками.

Цѣна въ переплетѣ и съ пересылкой—2 рубля.

Продается въ Редакціи Календаря „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. 41.

Никакихъ агентовъ по сбору объявленій въ Календарь и по продажѣ его—Редакція не имѣетъ. Объявленія принимаются исключительно г. Завѣдующимъ изданіемъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ЧИНОВЪ

Государственнаго Контроля и всѣхъ Министерствъ.

ПОСТАВЩИКЪ Николаевской академіи генеральнаго штаба, офицерской кавалерійской и офицерской стрѣлковой школы.

Высылаю принадлежности формы всѣхъ вѣдомствъ.

Шитье для мундировъ серебра 94% на ліонскомъ бархатѣ собств. золотошвейной.

IV кл.—53 р., V—43 р., VI—30 р., VII—25 р., VIII—17 р. 50 к., IX—16 р., X—8 р.

Золоченіе мундирнаго шитья:

IV кл.—15 р., V—12 р., остальн. кл.—10 р.

	Плетеные			*Галунные*	
	Обыкн.	Высш. сор.	Сер. 94%	Алюмин.	Сер. 94%
ПОГОНЫ поперечные .	2 р. 25	2 р. 75	14 р. —	1 р. 50	2 р. 35
« **долевые** . .	2 р. 50	3 р. 25	14 р. —	1 р. 50	2 р. 50

Шпага съ желѣзнымъ клинкомъ . . . 2 р. 50 к.
„ со стальнымъ клинкомъ гладк. 5 р., гравиров. 7 р. 50 „
Кокарда обыкновенная 6 к., фарфоровая 25, сер. 84% — 45 „
Пуговицы мундирныя: об. 55 к., в. с.—85, Накладной верхъ 1 р. 20 „
Петлички съ арматурою металлическою . . — 85 „
„ „ „ вышитою сер. 94% . . 1 р. 50 „
Перчатки замшевыя 1.20 и в. с. 1.50 . . 2 р. 50 „
Фуражка со знакомъ в. с. . . . . 3 р. 50 „

ОРДЕНА:	**Св. Владиміра**	1 ст. казеннаго обр.	30 р., частн. работы . .	50 р.
		2 „ „	20 „ „	30 „
		3 „ „	15 „ „	25 „
		4 „ „	10 „ „	18 „
		за 25 лѣтъ	10 „	18 „
	Анны .	1	30 „	50 „
		2	20 „	30 „
		3	9 „	18 „
	Станислава	1	30 „	50 „
		2	20 „	30 „
		3	10 „	22 „

Всевозможные фрачные знаки и медали.

При заказѣ покорнѣйше прошу писать точнѣе чинъ и вѣдомство и при требованіи на сумму болѣе 10 р.—прилагать 1/3 ст. заказа.

Требованія адресовать: СПб. Казанская 9/18. Н. К. Амосову.

Сенатская Типографія.

00083779
ЮФ СПбГУ